



ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА
«ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ НА 1997–2000 ГОДЫ»

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПУТИ К ЦИВИЛИЗАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА
«ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ НА 1997–2000 ГОДЫ»

Альтернативные пути к цивилизации

Москва • «Логос» • 2000

УДК 930.85+008

ББК 71.1

A58

*Российский государственный гуманитарный университет
Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН
Уссурийский государственный пединститут
Центр цивилизационных и региональных исследований РАН*

Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / Под
A58 ред. Н.Н.Крадина, А.В.Коротаева, Д.М.Бондаренко, В.А.Лын-
ши. – М.: Логос, 2000. – 368 с.: ил.

ISBN 5-88439-136-6

В монографии, подготовленной международным авторским коллективом в составе видных ученых из восьми стран, на конкретных примерах ранних обществ Евразии, Тропической Африки, доколумбовой Америки и Океании рассмотрены альтернативные исторические пути к цивилизации. Использование последних данных социальной антропологии, этнографии, археологии, сравнительных конкретно-исторических исследований позволило авторам критически переосмыслить устоявшиеся воззрения на историческое развитие как относительно единообразный процесс и заложить основы кардинально новой – нелинейной общей теории социокультурной эволюции.

Для историков, антропологов, этнографов, этологов, археологов, философов, социологов, культурологов, представителей других наук об обществе. Может использоваться в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений по широкому кругу социально-гуманитарных специальностей.

ББК 71.1

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы»

ISBN 5-88439-136-6

© Центр «Интеграция», 2000

СОДЕРЖАНИЕ

I ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

- 1 *Х. Дж. М. Классен* (Лейден, Нидерланды). ПРОБЛЕМЫ, ПАРАДОКСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА 6
- 2 *А. В. Кортаев* (Москва, Россия), *Н. Н. Крадин* (Владивосток, Россия), *В. А. Лыниша* (Уссурийск, Россия). АЛЬТЕРНАТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ (ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ) 24
- 3 *Р. Карнейро* (Нью-Йорк, США). ПРОЦЕСС ИЛИ СТАДИИ: ЛОЖНАЯ ДИХОТОМИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВА 84

II МНОГОЛИНЕЙНЫЕ ТЕОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

- 4 *Л. С. Васильев* (Москва, Россия). ВОСТОК И ЗАПАД В ИСТОРИИ (ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ПРОБЛЕМАТИКИ) 96
- 5 *Ю. В. Павленко* (Киев, Украина). ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПУТИ 115

III ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА И ЦИВИЛИЗАЦИИ

- 6 *Э. Саутхолл* (Токан Сент-Апре, Франция). О ВОЗНИКНОВЕНИИ ГОСУДАРСТВ 130
- 7 *Ч. Спенсер* (Нью-Йорк, США). ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВИЧНОГО ГОСУДАРСТВА 137
- 8 *Р. Шэдел* (Остин, США), *Д. Робинсон* (Остин, США). СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКЕ 155
- 9 *С. Ковалевски* (Афины, США). ЦИКЛИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКОЙ ДОИСТОРИИ 171
- 10 *Д. Д. Беляев* (Москва, Россия). РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО У МАЙЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА: ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ 186

IV ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ГОСУДАРСТВУ

- | | | |
|-----------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| 11 | <i>Д. М. Бондаренко</i> (Москва, Россия). «ГОМОЛОГИЧЕСКИЕ РЯДЫ» СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ ГОСУДАРСТВУ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ) | 198 |
| 12 | <i>А. А. Казанков</i> (Москва, Россия). ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИЙ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ В ПОЛУПУСТЫННЫХ ЗОНАХ: ЭГАЛИТАРИЗМ КАК ЭВОЛЮЦИОННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА | 207 |
| 13 | <i>П. Уасон</i> (Льюистон, США), <i>М. Балдиа</i> (Даллас, США). РЕЛИГИЯ, КОММУНИКАЦИЯ И ГЕНЕЗИС СЛОЖНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЕВРОПЕ | 219 |
| 14 | <i>М. Берент</i> (Иерусалим, Израиль). БЕЗГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОЛИС: РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО | 235 |
| 15 | <i>Ю. Е. Березкин</i> (Санкт-Петербург, Россия). ЕЩЕ РАЗ О ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ И ВЕРТИКАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ В СТРУКТУРЕ СРЕДНЕМАСШТАБНЫХ ОБЩЕСТВ | 259 |
| 16 | <i>А. В. Кортаев</i> (Москва, Россия). ПЛЕМЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОЖНЫХ НЕПЕРВОБЫТНЫХ ОБЩЕСТВ (В ОСНОВНОМ ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ЙЕМЕНА) | 265 |
| 17 | <i>Д. Н. Лелюхин</i> (Москва, Россия). ГОСУДАРСТВО И АДМИНИСТРАЦИЯ В «АРТХАШАСТРЕ» КАУТИЛЬИ | 292 |
| 18 | <i>С. А. Французов</i> (Санкт-Петербург, Россия). ОБЩЕСТВО РАЙБУНА | 302 |

V КОЧЕВНИКИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

- | | | |
|-----------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| 19 | <i>Н. Н. Крадин</i> (Владивосток, Россия). КОЧЕВНИКИ, МИР-ИМПЕРИИ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ | 314 |
| 20 | <i>А. В. Марей</i> (Москва, Россия). ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕЧЕНЕГОВ | 337 |
| 21 | <i>Т. Д. Скрынникова</i> (Улан-Удэ, Россия). МОНГОЛЬСКОЕ КОЧЕВОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРИОДА ИМПЕРИИ | 344 |
| 22 | <i>В. В. Трепавлов</i> (Москва, Россия). БИЙ МАНГЫТОВ, КОРОНОВАННЫЙ СНИЕГ: ВОЖДЕСТВА В ИСТОРИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ НОМАДОВ ЗАПАДНОЙ ЕВРАЗИИ | 356 |



ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

- 1** *Проблемы, парадоксы
и перспективы эволюционизма*
- 2** *Альтернативы социальной эволюции (вводные
замечания)*
- 3** *Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследо-
вании истории возникновения государства*



ПРОБЛЕМЫ, ПАРАДОКСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

Х. Дж. М. Классен

Введение

С некоторых пор в исследованиях эволюционистов на передний план стали выходить новые вопросы, и, кажется, назрела потребность в переформулировании некоторых традиционных подходов. В ограниченной по объему главе нет возможности обсудить все насущны вопросы и проблемы и даже дать обзор всех новых взглядов. Я ограничусь проблемой эволюции политической организации – областью, изучением которой занимаюсь в течение некоторого времени. Сами разнообразные формы политической организации являются подсистемами более всеобъемлющих целостных образований – культур. Невозможно отделять политические структуры от их культурного контекста. Воздействие других элементов данной культуры сказывается на политической структуре, а она оказывает обратное влияние. В настоящей главе это будет показано в тех ее фрагментах, где мы от специфических черт политической организации будем переходить к культуре, составляющей которой она является, и обратно.

Сначала же будут кратко изложены новые взгляды на эволюционизм, а затем рассмотрена проблема противостояния одно- и многолинейного эволюционизма, и, наконец, внимание будет уделено вопросу о том, каким образом в разных районах мира и на различных путях эволюции могли развиваться сходные политические структуры.

Переформулированные основные понятия

Еще недавно было принято определять эволюцию в категориях нарастания степени сложности и однолинейного развития (например: Carneiro 1973; 1995). И доводы в пользу такого подхода, конечно, имеются. Человеческих существ теперь гораздо больше, чем было когда-либо прежде; возможности производства превзошли всякое воображе-

ние; технология достигла Луны и распространяется далее, а способность объединять все больше и больше людей в сложных социальных системах демонстрируется на примере существования государств и многонациональных образований. Социолог девятнадцатого столетия Спенсер в основу своей концепции эволюции положил принцип изменения от простого к сложному (Spencer 1971), а Карл Маркс (Marx 1964) в работе «*Формы, предшествующие капиталистическому производству*» расставил общества в порядке возрастания сложности их способов производства. Спустя несколько десятилетий Лесли Уайт (White 1949) «переформулировал» второй закон термодинамики с тем, чтобы объяснить, почему человеческая культура – единственный феномен во вселенной, который характеризуется нарастанием сложности. А в 1970-х годах Роберт Карнейро стал выразителем позиции тех, кто по-прежнему считал, что эволюция характеризуется изменением от простого к сложному и однолинейностью (Carneiro 1973).

Тем не менее имеются основания думать, что процесс изменения от простого к сложному не является сущностью культурной эволюции. Можно привести много примеров такого развития, которое не ведет к усложнению: стагнация, упадок и коллапс столь же характерны для развития человеческой культуры, как рост и расцвет (ср.: Yoffee 1979, 1993). Более того, как при таком подходе объяснить циклическое развитие и те случаи, когда на разных стадиях эволюции вновь появляются сходные политические структуры? И, наконец, как быть с теми обществами, которые никогда не достигали «более высокого» уровня культуры, но все еще претерпевали значительные изменения, например охотники и собиратели (см.: Lee and Devore 1968) или ранние земледельцы Западной Африки, описанные Мюллером (Muller 1985)?

Таким образом, представляется разумным не рассматривать «усложнение» в качестве основного принципа культурной эволюции. Вместо него желательно поискать другой принцип. Может, это будет понятие **структурного изменения**. Тогда можно дать определение эволюции как «процесса структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы» (Voget 1975: 862). Такой подход мы использовали в различных публикациях (Claessen, Van de Velde and Smith 1985; Claessen and Van de Velde 1987; Claessen and Oosten 1996). Тогда эволюционизм превращается в научную теорию, ориентирующую на поиск закономерностей в структурных изменениях подобного рода. Структурное изменение выражает тот факт, что в одной или нескольких сферах культурной системы происходят изменения, которые ска-

зываются на всех (или большинстве) других сторон этой системы. Система как целое будет изменяться вследствие данных изменений. Нет необходимости в том, чтобы вся она трансформировалась сразу; процесс может растянуться на какое-то время.

Что касается вопроса о том, в каких случаях подобные структурные изменения возникают, то я думаю, что здесь следует различать две стороны вопроса: как именно такие изменения происходят и почему. Рассмотрим вкратце обе стороны вопроса.

В «*Раннем государстве*» (Claessen and Skalnik 1978: 624ff) была предпринята попытка вскрыть общие факторы эволюции данного феномена. В то время как было выявлено несколько факторов, играющих роль в этом процессе, оказалось, что сам процесс напоминает падение снежного кома: по мере скатывания с горы он увеличивается в размерах. Было обнаружено, что существует взаимное усиление воздействия феноменов на все изучавшиеся эволюционные процессы. Здесь надо подчеркнуть, что взаимное усиление, возможно, и в самом деле действует в двух направлениях: где оно действует позитивно, организация имеет тенденцию к росту размеров и сложности; где его воздействие негативно, развитие, кажется, останавливается, причем политическая структура приходит в упадок или даже в состояние коллапса. У социальной эволюции нет предписанного направления развития. Анализ, предпринятый в «*Раннем государстве*» (Claessen and Skalnik 1978: 625ff), показал, что имеется шесть факторов, особенно тесно связанных с появлением и последующим развитием раннего государства: рост населения, война, завоевание, идеология, производство избыточного продукта и влияние уже существующих государств. Однако эти факторы встречались в различных сочетаниях и варьировались по степени интенсивности. Идеология и производство избыточного продукта рассматривались как необходимые условия: без их позитивного влияния развитие более сложных форм политической организации не представлялось возможным.

Эти выводы были заново рассмотрены и оценены в работе «*Изучение государства*» (Claessen and Skalnik 1981, ch.25). В этом томе было приведено больше примеров и представлено несколько обобщающих глав. В свете новой информации возникла необходимость в переформулировке некоторых прежних обобщений. Значение идеологического фактора возросло (1981: 479, 484), в то время как война и завоевание были низведены до вторичных ролей как следствия экономической, демографической и идеологической конкуренции. Более того, на передний план вышли некоторые новые переменные; среди них ирригация, роль торговли и эндогамия. Отсюда стало ясно, что фактор избыточного продукта – как он формулировался прежде – трактовался слишком узко (1981: 484). Поэтому было предложено пере-

формулировать этот фактор, как “господство и контроль над экономикой” вместо производства избыточного продукта. Таким образом, переменные более низкого ранга, в частности торговля и ирригация, были подведены под более содержательную рубрику.

Как отмечалось выше, все упомянутые факторы играли определенную роль в каждом анализированном случае. Однако выделить какой-нибудь из них в качестве перводвигателя невозможно, поскольку последовательность факторов варьировала в каждом случае, причем сила действия факторов тоже всякий раз оказывалась совершенно различной. В монографии «*Развитие и упадок*» (Claessen, Van de Velde and Smith 1985) мы пытались построить общую модель эволюции социально-политических феноменов на основе прежних выводов и новых результатов изысканий в этом издании. Эту модель мы обозначили как “модель комплексного взаимодействия”. Оказалось, что в этом процессе фактор “роста населения” работает весьма неудовлетворительно (ср.: Hayden 1981). Важна не только численность населения, но также количество населения по отношению к средствам производства и его пространственное распределение, которые тоже играли роль в эволюции социально-политической организации. Поэтому мы ввели понятие “социальный формат” (*social format*), которое охватывает численность населения, допустимое демографическое давление на занимаемую им территорию и пространственное распределение населения.

Поскольку ни одна политическая система не развивается в вакууме, каждую отдельную систему следует “размещать” в пространстве и времени. Анализ начинается с воссоздания этого пространства (природной среды) и времени (исторического контекста) (ср.: Kottak 1980; Renfrew and Cherry 1986).

Поскольку из первоначальных шести факторов, принятых во внимание в «*Раннем государстве*», война и завоевание были отброшены, а влияние уже существующих государств слишком специфично, чтобы включать его в общую модель, мы сохранили только три фактора – идеологию, экономику и социальный формат, которые в тесном взаимодействии направляют процесс социально-политической эволюции. Так как возникающие социально-политические структуры обладают собственным импульсом движения и интенсивно взаимодействуют с тремя другими факторами, их можно включить в модель в качестве четвертого фактора (Claessen, Van de Velde and Smith 1985: 255).

Здесь уместно сказать несколько предостерегающих слов. Хотя упомянутые факторы можно различать аналитически, их невозможно отделить друг от друга в реальности; в изучавшихся культурах такие различия обычно не проводятся. И когда мы говорим об экономических или идеологических факторах, мы не намерены в каждом изучаемом

случае всецело вникать в экономику или идеологию; они привлекаются к анализу только в той степени, в какой важны для социально-политической организации. Тем не менее это может дать толчок для более всеобъемлющего анализа в данных областях с тем, чтобы углубить понимание реальности этих факторов [см., например, (Claessen and Van de Velde 1991) об экономике, (Claessen and Oosten 1996) об идеологии]. Мы полагаем, что при помощи “модели комплексного взаимодействия” нами найден ответ на вопрос о том, как эволюционируют культуры.

Остается решить, в какой степени можно ответить на вопрос: почему культуры изменяются? Что вынудило людей отказаться от “исконного общества изобилия” (Sahlins 1968; 1972) и перейти к земледелию, городской жизни или государству? Глупо ставить вопрос подобным образом: такого пути развития никто свободно не выбирал и никто не предвидел того набора феноменов, которые сегодня определяют нашу жизнь. Поэтому заданный Саутхоллом (Southall 1991: 78) вопрос о том, “как люди позволили заманить себя в ловушку и дали возможность расти государству у них и над ними до тех пор, пока у них уже не осталось выбора и сил, чтобы отвергнуть его”, сформулирован не очень удачно. Такого выбора никогда не было: социально-политические феномены возникали как непредвиденные следствия предшествующего выбора и ранее принятых решений, большинство из которых были неизбежными ответами на большие или меньшие изменения в образе жизни людей [о подобном выборе см.: (Van Parijs 1981)].

Эволюционные изменения в основном происходили непреднамеренно, без какого-либо планирования (Hallpike 1986; Claessen and Skalnik 1978: 624). Едва ли это удовлетворительный ответ на вопрос, почему такие вещи случались; к счастью, об этом можно сказать подробнее. За отправную точку рассуждений можно принять утверждение Малиновского о том, что у человеческих существ есть насущные потребности, такие, как нужда в пище, укрытии или сексе. Чтобы удовлетворить эти потребности, люди должны действовать, и когда они действуют, то сталкиваются либо с препятствиями окружающей среды, либо с ответными действиями других людей. Таким образом, чтобы обрести пищу, партнера, жилье, воду, одежду – удовлетворить свои потребности, – они должны бороться с природой и устанавливать отношения с другими человеческими существами. Действие всегда вызывает противодействие; если пищевые ресурсы истощились, то необходимо найти новые способы их добычи (ср.: Hayden 1981); человеческие реакции могут существенно варьировать, но какова бы ни была природа этих реакций (страх, агрессия, защита, кооперация, установление брачных связей или что-нибудь еще), человек всегда реагирует, когда с ним вступают в контакт.

В течение долгого времени человеческие коллективы были маленькими и расщеплялись, когда численность группы достигала критической точки по отношению к наличным ресурсам, или когда больше не оставалось возможности сдерживать мирным путем социальное напряжение. Контакты с другими группами, тем не менее, всегда поддерживались. Вечная нужда в усилиях для удовлетворения человеческих потребностей, вытекающие отсюда действия, на которые следуют ответные реакции, составляют, как я думаю, первичную динамическую силу социальной эволюции. Человек должен действовать, и это вынуждает других на ответные действия; избежать этого невозможно.

Традиционная дилемма: однолинейность или многолинейность?

Уже с самого начала эволюционизм столкнулся с противоречивыми данными – данными, которым не находилось места в стройной эволюционной схеме, где, как тогда считалось, каждое общество и каждый обычай должны занять свое место. Тайлор (Tylor 1871) пытался преодолеть эти аномалии за счет оперирования широкими категориями, Морган (Morgan 1877) старался учесть все данные в своих бесконечно расширяющихся классификациях и типологиях, а Энгельс (Engels 1884) добавил к схемам Моргана экономические соображения. Эти предложения, однако, убеждали не всех. Поэтому в 1930-х годах Джулиан Х. Стюард пришел к мысли о том, что эволюция шла по различным направлениям: эволюция была **многолинейной** (Steward 1955). Свою позицию он противопоставлял взглядам своего современника Лесли Уайта, который решительно защищал идею **однолинейной** эволюции. В работе *«Эволюция и культура»* (Sahlins, Service 1960) Маршалл Салинс и Элман Сервис, ученики и Уайта, и Стюарда, попытались объединить взгляды своих учителей. С этой целью они стали различать “общую” и “специфическую” эволюции. «Общая эволюция» рассматривалась ими как эволюция человеческой культуры в целом, она характеризовалась нарастанием сложности и однолинейностью, причем культура скачкообразно изменялась от одной формы общества к другой. Чтобы учесть огромное многообразие вариантов исторического развития, они ввели понятие «специфической эволюции», которое предназначалось для объяснения качественной реорганизации в конкретных обществах при помощи общих категорий. Действуя таким образом, они редуцировали идею многолинейности до разновидности побочных линий развития.

В важной статье Роберт Карнейро (Carneiro 1973) пришел к выводу, что фундаментального противоречия между однолинейной и многолинейной эволюцией не существует: один и тот же специфический институт, который находят в ряде обществ, вполне мог иметь различное происхождение. Или, другими словами, если принять за отправную точку более или менее сопоставимые уровни социально-политического развития и следовать различными путями, то по истечении некоторого времени можно достичь более высоких и более или менее сходных уровней развития. Таким образом, принцип однолинейности может быть сохранен, в то время как реальность многолинейности не отрицается (Carneiro 1973: 102–103).

Этот взгляд нашел некоторое подтверждение в нашем исследовании происхождения государства. В монографии *«Раннее государство»* (Claessen and Skalnik 1978: ch. 25–27) Петер Скальник и я представили многочисленные данные о том, что в нашей выборке всем ранним государствам предшествовала политическая организация типа вожества и что, следуя различными путями, они достигли уровня раннего государства. Кажется, это подтверждает верность модели Карнейро. В той же самой вышеупомянутой статье Карнейро также утверждал, что, вопреки своим принципам многолинейности, Стюард на самом деле придерживался однолинейности. Такой взгляд он обосновывал ссылками на статью Стюарда (Steward 1949/1955) об эволюции государства, в которой во всех пяти приводимых примерах траектория движения к государству оказывалась более или менее идентичной (1973: 95–96). Казалось, что факт однолинейной эволюции решительно подтвержден.

Однако в проведенном Карнейро анализе есть серьезный изъян. Начнем с выборки, использовавшейся в коллективной монографии *«Раннее государство»* (Claessen and Skalnik 1978): она включала двадцать одно общество, каждое из которых достигло уровня государства, – и мы это знали до того, как предприняли наш анализ. Фактически, мы выбрали примеры преднамеренно с заранее заданной целью! То же самое относится к примерам Стюарда, в которых он прослеживал развитие государства в пяти регионах. Поскольку все примеры представляли собой только те случаи, когда был достигнут уровень государства, их эволюционный анализ не мог дать иного результата, чем вывод об однолинейности развития, хотя в какие-то моменты могли встречаться и проявления его многолинейности. Как только это осознаешь, аргумент Карнейро в пользу того, что эволюция в конечном счете была однолинейной, теряет свою убедительность.

Тот же самый недостаток присутствует в хорошо известных типологиях Сервиса (“локальная группа – племя – вождество – государство”) (Service 1971) и Фрида (“эгалитарное общество – ранжированное общество – стратифицированное общество – государство”) (Fried 1967). В обоих случаях авторы строят генеалогию государства и мало беспокоятся из-за того, что их цепочки основаны на принципах однолинейности и роста сложности. Оба начинают свой анализ с низкого уровня развития и прослеживают эволюцию общества до уровня государства. Нельзя сказать, что их типологии неверны или что их схемы бессодержательны, но следует подчеркнуть, что ряд вариантов развития не мог не выпасть из их поля зрения. Как следствие такого подхода, общества, которые не достигли государственного уровня развития, были квалифицированы как «отсталые» или «застойные». Но есть ли в такой квалификации смысл? Однолинейный подход к эволюции представляется весьма уязвимым, но каковы альтернативы?

Множественность направлений эволюции

Когда европейцы начали открывать мир, они столкнулись с огромным многообразием обществ, каждое из которых демонстрировало невероятное многообразие обычаев и ценностей. Эти общества возникли как следствие реализации многочисленных региональных вариантов развития. Лишь с огромным трудом наши предшественники XIX столетия смогли систематизировать сведения об этом сбивающем с толку многообразии человеческих культур. Чтобы достичь подобного результата, им пришлось позаимствовать идеи биологической эволюции (Ingold 1986). При попытках выстроить общества вдоль линий развития на эволюционных схемах XIX столетия возникал вопрос, в какой степени данные о современных «примитивных» людях допустимо использовать для интерпретации жизни доисторических людей. В свое время Тейлор (Tylor 1871) утверждал, что это, конечно, делать можно, поскольку культуры современных охотников и собирателей на самом деле гораздо древнее, чем наша собственная, возникшая совсем недавно. По прошествии времени Элман Сервис (Service 1971: 7) использовал тот же самый аргумент, утверждая, что аранда (одна из групп австралийских аборигенов) являются “палеолитическими по типу, хотя палеолитическая эра уже закончилась там, где на смену пришли более высокие стадии”. Отметим, что А. И. Першиц утверждает (Pershits 1977: 47), что современные общества, “отставшие в своем развитии, не эквиваленты, а лишь аналоги древних первобытных обществ”. Короче говоря, в XIX столетии было обнаружено огромное количество обществ,

которые не достигли государственного уровня развития и соответственно должны причисляться к совершенно иным ступеням эволюции. Более того, не было ни малейшего признака деградации или стагнации этих обществ; они были абсолютно жизнеспособны и явно шли по *иным путям* развития.

Интересно, что ни Сервис, ни Салинз, ни Фрид, ни Карнейро не сделали этого очевидного вывода из имеющихся в наличии данных. Это еще более удивительно, поскольку сам Сервис выступал в защиту глубокого возраста культуры охотников и собирателей, что также отмечалось участниками специальных конференций, посвященных этим народам (см., например: Lee and Devore 1968). Те же самые соображения высказывались в отношении всех остальных “примитивных современников” (Murdock 1933). Они были современниками и были полны жизни, но в эволюционных схемах они классифицировались как представители недоразвитых, отсталых или даже деградировавших типов общества.

Мне кажется, что возможен другой подход к этим культурам. Если мы принимаем точку зрения, согласно которой охотники и собиратели представляют очень древний тип культуры, и мы знаем, что они существуют вплоть до сегодняшнего дня (см. например: Murdock 1968; Persoon 1994; Jochim 1996; но см.: Guenther 1996), то нельзя не принять идею о том, что в эволюции существует более одной линии развития, и только одна, ведущая к государству [уместно напомнить, что Карнейро (Carneiro 1973: 103) дает схему развития, похожую на модель эволюции, которую я здесь предлагаю]. По крайней мере, эта модель теоретически приемлема, раз уж идея о том, что эволюция неизбежно означает развитие от простого к сложному, отброшена, а идея однолинейности обнаружила свою уязвимость. Тот факт, например, что в Меланезии развивались своеобразные типы социально-политических систем с бигменами, старейшинами, в редких случаях с вождями (Oliver 1955; Douglas 1979; Van Bakel, Hagesteijn and Van de Velde 1986; Baker 1983; Goldelier 1982), наводит на мысль о существовании эволюционной линии, отличающейся от той, которая в Европе вела к развитию капиталистических обществ. То же самое относится к гипотезе Коротаева об особом пути развития у горских народов (Korotayev 1995 [= Коротаев 1995]) и моделям социально-политического развития кочевников по Крадину (Kradin 1995a [= Крадин 1995a]; также см.: Khazanov 1984).

Предлагаемая здесь модель *противоположна* упомянутым в начале работы схемам, поскольку за точку отсчета берутся истоки человеческого общества, а не высшие уровни развития (как обычно делалось). Дать представление об этих истоках позволяет культура неан-

дертальцев. Из этих истоков (Graves 1991) развивалось все многообразие человечества. Первые маленькие группы людей современного вида под давлением недостатка пищи или конфликтов рассеялись по всей земле; в то время не было организации для разрешения конфликтов, и когда конфликт возникал, некоторая часть членов группы уходила прочь (см., например: Stauder 1971; Service 1966; Persoon 1994). Постепенно они достигали таких мест, где сезонные различия вынуждали их создавать запасы на суровое время года: возникала необходимость менять диету, тип жилища и одежды (Testart 1982). Наиболее развитые группы контролировали лучшие районы, а более слабые были загнаны в периферийные районы. Последняя идея уже высказывалась Уайтом: группы, овладевшие большей энергией, стремятся вытеснить более слабые группы (White 1949; также см.: Kaplan 1960; Sahllins 1961; Adams 1975). С течением времени внутренняя динамика вела к возникновению *различных линий развития*, часто связанных с особенностями регионов, в которых развитие культуры и, следовательно, социально-политической организации шло *различными путями*. Этот взгляд более или менее подробно уже был изложен К.Р.Холлпайком в его «Принципах социальной эволюции» (Hallpike 1986), где он при помощи нескольких стержневых принципов описывает китайский (1986: 294–328) и индоевропейский (1986: 329–368) пути развития. Он подчеркивал большие способности стержневых принципов к адаптации, в качестве примера ссылаясь на Полинезию, где лишь несколько стержневых принципов определяли особую эволюцию полинезийских обществ в течение многих столетий (1986: 293). Подобного взгляда придерживаются и некоторые другие исследователи Полинезии (Kirch and Green 1987).

В настоящее время нет возможности проследить весь потенциал этой гипотезы. И количество вероятных эволюционных потоков ныне указать тоже невозможно. Тем не менее то, что эволюция человеческой культуры – а в нашем случае особенно социально-политической организации – шла различными путями, представляется очевидным, так же как представляется очевидным, что не везде был достигнут один и тот же уровень развития. То, что сегодня многие народы, принадлежащие к разным путям эволюции, оказываются под влиянием доминирующего индустриально-капиталистического пути развития, данной модели ущерба не наносит. Это как раз является примером «закона культурного доминирования» (о котором уже шла речь выше). Одна из проблем, связанных с предложенной здесь моделью, заключается в том, как объяснить наличие *похожих* типов социально-политической организации в *разных* эволюционных потоках и в разные эпохи?

Похожие типы организации в разных потоках эволюции

Прежде чем пытаться дать ответ на этот вопрос, следует уяснить, в какой мере мы можем говорить о «сходном» или «идентичном» (см. об этом дискуссии: Wason 1995 [= Уосон 1995]). Прежде всего, мы не намерены сравнивать целые культуры. Такие сопоставления практически невозможны. Для столь сложного комплекса феноменов определенная степень редукции неизбежна всегда. Следовательно, сопоставляются лишь некоторые характеристики культуры, такие, которые можно различить и более или менее отделить от целого. Одной из них является социально-политическая структура общества, но можно также выделить средства жизнеобеспечения, обмен, религиозные системы или системы родства в качестве предмета межкультурных сравнений. Чтобы такое сопоставление стало возможным, данные для сопоставлений необходимо подготовить и оформить определенным образом. Это значит, что специфические функции и виды деятельности следует подвести под более широкие категории. Например, при сопоставлении политических организаций в Полинезии все правители типа таитянских *арири рахи*, тонганских *туи тонга* и гавайских *алии нуи* были подведены под категорию сакральных правителей, представляющих старшую линию в кровно-родственной группе – *рэמידже*. При таком сопоставлении можно выявлять сходства, а также различия между правителями (Claessen and Oosten 1996). При осуществлении подобной процедуры специфические черты утрачиваются, а возможности сопоставления усиливаются (ср.: Wason 1995 [= Уосон 1995]). Эти процедуры разработаны в «*Раннем государстве*» (Claessen and Skalnik 1978: 533–537). В принципе сведение этнографических данных к более общим типам представляется неизбежным при проведении сравнительного анализа и построении моделей социополитических структур.

Сравнительный подход в данном случае нацелен на классификацию или сопоставление культур в целом. В мою задачу это не входит, поскольку означало бы применение принципа *pars pro toto* – когда полагают, что по отдельным сторонам можно судить обо всей культуре. Так, Николай Крадин после замечания о том, что мы в одной схеме объединили такие столь различные общества, как древний Китай, Египет, Гавай, Норвегия, средневековая Франция, Таити, Скифия и т.д., спрашивает: «Неужели все перечисленные общества ничем не отличаются друг от друга?» (Kradin 1995b: 8 [= Крадин 1995b: 9]). Конечно же, ответ на этот вопрос таков: да, они сильно отличаются, и мы это знаем очень хорошо. Поэтому мы сравнивали только поли-

тические системы этих обществ, причем на довольно высоком уровне абстрагирования, и обнаружили, что, несмотря на огромные различия их специфических культур, они демонстрируют поразительную степень сходства.

Сходные социально-политические структуры могут встречаться в совершенно разных обществах. Например, вождества встречаются в самых различных регионах (ср.: Carneiro 1981), даже если между рассматриваемыми обществами отсутствуют видимые исторические связи. Тот факт, что вождеский тип социально-политической организации встречается в Меланезии XIX столетия (Douglas 1979), у индейцев Карибского бассейна ко времени их открытия Колумбом (Fried 1979), в Западной Африке наших дней (Muller 1985, 1996), в доисторической Западной Европе (Roymans 1990) и еще во множестве случаев, описанных Ёрлом в работе *«Вождества: власть, экономика и идеология»* (Earle 1991), иллюстрирует парадоксальную ситуацию: после того, как идея однолинейной социальной эволюции была отброшена, нам приходится иметь дело с тем фактом, что сходные социально-политические структуры, такие как государство или вождество, неожиданно появляются в самых разных регионах мира и в различных эволюционных потоках.

Мне кажется, что решение этого парадокса следует формулировать в широких категориях, с тем чтобы оно было применимо ко всем случаям, когда сходные социополитические структуры появляются в различных эволюционных потоках. Первая попытка решения этой проблемы около шестидесяти лет назад была предпринята Джулианом Х. Стюардом (Steward 1936/1955), который пытался объяснить появление патрилокальной группы в ряде не связанных друг с другом обществ. Прежде чем давать объяснение, он установил, что никаких взаимных контактов не было и что в каждом случае экологическая ситуация сильно различалась. Таким образом, появление сходных структур надо было объяснять, исходя из культуры данных групп. Он выделил четыре фактора, которые при комплексном взаимодействии давали патрилокальную группу (Steward 1955: 135): очень низкая плотность населения; немигрирующая дичь как главная пища; транспортировка, ограниченная носильщиками; наконец, соблюдение экзогамии в группе. Если эти факторы встречаются вместе, то каждый раз будет развиваться патрилокальная группа [см. комментарии к данному тезису: (Service 1971: 61; Steward 1968: 332–333)]. Важность этого наблюдения, по моему мнению, заключается в том, что выясняется следующее: сходные культурные формы могут развиваться в разных районах мира при наличии специфических условий.

Ранние государства, независимо от их последующего деления на начальные, типичные и переходные (см.: Korotayev 1995: 61, note 3 [= Коротаев 1995: 78, примеч. 3]), находятся в различных эволюционных потоках и в разных исторических периодах. Этот феномен привлек внимание Джонатана Хааса (Haas 1995: 18 [= Хаас 1995: 22]), который отмечает, что *историческое развитие* государств *шло разными путями*, но в то же самое время они

«обладают такими важными общими чертами, как зарождающаяся бюрократия, правящая элита, государственная религия, постоянная армия и централизованная экономика. Эти общие черты, выражающие суть государственной организации, возникают в культурах, дающих ответ на действие таких сходных сил, как демографическое давление, сокращение ресурсов и усложнение общества».

В нашей недавней работе «*Идеология и появление ранних государств*» (Claessen and Oosten 1996) мы выделяем несколько региональных типов ранних государств: полинезийский, западно-африканский, индоевропейский и центрально-американский (1996: 365–372). Мы подчеркиваем, что *сходные политические структуры* возникли в *различном культурном окружении независимо*:

«Различные общества, вероятно, столкнулись с одинаковыми проблемами: как поддержать закон и порядок, как сохранить территориальную целостность страны, как сохранить правительственный аппарат и т.д. Для решения этих проблем надо было создавать организационные структуры, а насущная необходимость вынуждает правительство быстро находить эффективные решения взамен непрактичных и функционально неудачных. Они часто перенимались у более преуспевших соседей» (1996: 366; ср. Haas 1995: 17 [= Хаас 1995: 21]).

Представленный аргумент является аргументом функциональным: существует мало институтов, которые позволяют управлять страной действительно эффективно; остальные не переживут суровых испытаний действительности – подлинно дарвинистское объяснение (и, по нашему незнанию, очень похожее на ход рассуждений Хааса). Чтобы государство возникло, необходимо наличие нескольких условий: должно быть достаточное количество людей для образования сложного стратифицированного общества; особая территория должна находиться под контролем; необходима система производства, обеспечивающая запас продовольствия на содержание специалистов и привилегированных категорий лиц, и должна существовать идеология, которая поддерживает и оправдывает иерархическую управленческую организацию (Claessen and Oosten 1996: 5). Движущей силой эволюции

раннего государства здесь также являются действующие и противодействующие человеческие существа (среди которых одни оказывают большее влияние на развитие, чем другие). Там, где эти условия отсутствуют, возникновение государственной организации становится весьма сомнительным, хотя в некоторых случаях его возникновению может способствовать пример уже существующих государств в данном регионе.

Итак, в целом имеется несколько факторов, которые объясняют появление более или менее похожих организационных структур в различных эволюционных потоках:

- суровые испытания на эффективность – существует мало функционально пригодных институтов;
- четыре условия, которые существенно ограничивают возможность появления государства;
- возникновение сходных проблем в разных эволюционных потоках;
- пример преуспевающих соседей [некоторые подробности обсуждения этой проблемы см.: (Renfrew and Cherry 1986; ср.: Ambrosino 1995 [= Амброзино 1995])].

В этой статье неуместно обсуждать все детали подхода, опирающегося на понятие «эволюционный поток». Представляется вероятным, что на основе довольно сходных культур охотников и собирателей возникло несколько различных путей эволюции, а с течением времени появлялись новые эволюционные ответвления, тогда как другие потоки поглощались более сильным эволюционным течением. Определение и разграничение отдельных потоков представляет проблему; в высшей степени вероятно, что эти разграничения всегда будут страдать некоторым субъективизмом. Выше я мимоходом упоминал Полинезию и Западную Африку в качестве регионов, пути эволюции которых, по всей видимости, существенно различаются. Не исключено, что выделенные регионы являются слишком узкими. Не следует ли Полинезию включить в более широкий «тихоокеанский эволюционный поток» (Kirch and Green 1987), а Западную Африку – в более широкий «эволюционный поток Африки к югу от Сахары» (Claessen and Skalnik 1981: ch. 4)? И всегда ли поток эволюции следует представлять географически? Например, возможно существование особых кочевого и горского путей развития. Я полагаю, что раз уж идея различных путей эволюции принята, приемлемые решения этой проблемы будут найдены.

Резюме

Нет больше смысла конструировать всеобъемлющие уровни социокультурного развития, поскольку установлено, что при определенных условиях вырабатываются сходные типы институтов в различных эволюционных потоках. Установлено, что социальная эволюция многолинейна: можно наметить различные пути эволюции. Некоторые из указанных путей демонстрируют лишь ограниченное развитие; это, например, относится к охотникам и собирателям, представляющим последних участников первого эволюционного потока, а также к некоторым эволюционным потокам в Меланезии и Африке, для которых еще характерен племенной уровень организации. Обнаруженные здесь «более высокие уровни развития» были «импортированы» из индустриального мира. В большинстве эволюционных потоков высокие цивилизации возникли независимо, например: страна фараонов, господствующий индустриально-капиталистический комплекс, имперский Китай. Эволюция не однолинейна, а многонаправленна. Попытка объяснить столь существенные различия в развитии в данной главе не предпринималась. Тем не менее было установлено, что эволюционные изменения в общем представляют результат комплексного взаимодействия экономических, идеологических, демографических и социополитических факторов. Кроме того, было отмечено: все подобные изменения возникают в результате действий людей, что является причиной противодействия других людей. Такие категории, как «общая», или «универсальная», эволюция, кажется, уже не имеют большого объяснительного значения.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброзино Дж. Н. 1995. Внешние контакты между обществами и возникновение государства // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша. Владивосток: Дальнаука: 69 – 76.
- Коротяев А. В. 1995. Горы и демократия: к постановке проблемы // *Там же*: 77 – 93.
- Крадин Н. Н. 1995а. Трансформация политической системы от вождества к государству: монгольский пример. 1180(?)–1206 // *Там же*: 188 – 198.
- Крадин Н. Н. 1995б. Введение. От однолинейного взгляда на происхождение государства к многолинейному // *Там же*: 7 – 18.
- Уосон П. В. Социальные типы и границы типологического мышления в археологии // *Там же*: 23–35.
- Хаас Дж. Пути к государственности // *Там же*: 19–22.
- Adams R. N. 1975. *Energy and structure: A theory of social power*. Austin: University of Texas Press.

- Ambrosino J.N. 1995. Inter-societal contact and the rise of the state: A brief note from work in progress. *Alternative pathways to early state* / Ed. by N.N.Kradin and V.A.Lynsha. Vladivostok: Dal'nauka: 54–59.
- Bakel M. Van, Hagesteijn R. and Velde P. van de 1986 (eds.). *Private politics: A multi-disciplinary approach to Big-Men systems*. Leiden: Brill.
- Baker V.J. 1983. Elders in the shadow of Big-Men *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. Vol. 139:1–17.
- Carneiro R.L. 1973. The four faces of evolution. *Handbook of social and cultural anthropology* / Ed. by J.J.Honigman. Chicago: University of Chicago Press: 89–110.
- Carneiro R.L. 1981. The chiefdom: Precursor of the state. *Transition to statehood in the New World* / Ed. by G.D.Jones and R.R.Kautz. London: 37–79.
- Carneiro R.L. 1996. Cultural evolution. *Encyclopedia of cultural anthropology* / Ed. by D.Levinson and M.Ember. N. Y.: Holt: 271–277.
- Claessen H.J.M., Skalnik P. 1978 (eds.). *The early state*. The Hague: Mouton.
- Claessen H.J.M., Skalnik P. 1981 (eds.). *The study of the state*. The Hague: Mouton.
- Claessen H.J.M., Velde P. van de, Smith M.E. 1985 (eds.). *Development and decline; The evolution of sociopolitical organization*. South Hadley, MA: Bergin and Garvey.
- Claessen H.J.M., Velde P. van de 1987 (eds.). *Early state dynamics*. Leiden: Brill.
- Claessen H.J.M., Velde P. van de 1991 (eds.). *Early state economics*. New Brunswick etc.: Transaction.
- Claessen H.J.M., Oosten J.G. 1996 (eds.). *Ideology and the formation of early states*. Leiden: Brill.
- Douglas B. 1979. Rank, power and authority: A reassessment of traditional leadership in South Pacific societies // *Journal of Pacific History*. Vol. 14: 2–27.
- Earle T. 1991 (ed.). *Chiefdoms: Power, economy, and ideology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Engels F. 1884. *Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats*. Zürich (used here the Dutch edition of 1909, Rotterdam: Wakker).
- Fried M.H. 1967. *The evolution of political society; An essay in political anthropology*. New York: Random House.
- Fried M.H. 1979. Economic theory and First Contact. *New directions in political economy; An approach from anthropology* / Ed. by M.B.Luons and F.Rothstein. Westport, Conn.: 3–18.
- Godelier M. 1982. *La production des Grands Hommes; Pouvoir et domination masculine chez les Baruya de Nouvelle Guinée*. Paris: Fayard.
- Graves P. 1991. New models and metaphors for the Neanderthal debate. *Current Anthropology*. Vol. 32: 513–542.
- Guenther M. 1996. Hunter-gatherer revisionism // *Encyclopedia of cultural anthropology* / Ed. by D.Levinson and M.Ember. N.Y.: Holt.
- Haas J. 1995. The roads to statehood. *Alternative pathways to early state* / Ed. By N.N.Kradin and V.A.Lynsha. Vladivostok: Dal'nauka: 16–19.
- Hallpike C.R. 1986. *The principles of social evolution*. Oxford: Clarendon Press.
- Hayden B. 1981. Research and development in the Stone-Age: Technological transitions among hunter-gatherers. *Current Anthropology*. Vol. 22:519–548.
- Ingold T. 1986. *Evolution and social life*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jochim M. 1996. Hunting and gathering societies. *Encyclopedia of cultural anthropology* / Ed. by D.Levinson and M.Ember. N.Y.: Holt: 624–629.
- Kaplan D. 1960. The Law of Cultural Dominance. *Evolution and culture* / Ed. By M.D.Sahlins and E.R.Service. Ann Arbor: University of Michigan Press: 69–92.
- Khazanov A.M. 1984. *Nomads and the outside world*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Kirch P.V., Green R.C. 1987. History, phylogeny, and evolution in Polinesia. *Current Anthropology*. Vol. 28: 431–456.
- Korotayev A.V. 1995. Mountains and democracy: An introduction. *Alternative pathways to early state* / Ed. by N.N.Kradin and V.A.Lynsha. Vladivostok: Dal'nauka: 60–74.
- Kottak C.Ph. 1980. *The past in the present: History, ecology and cultural variation in Highland Madagascar*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Kradin N.N. 1995a. The transformation of political systems from chiefdom to state: the Mongolian example. 1180(?)–1206. *Alternative pathways to early state*. / Ed. by N.N.Kradin and V.A.Lynsha. Vladivostok: Dal'nauka: 136–143.
- Kradin N.N. 1995b. Introduction: From unilinear view to the state origin to multilinear. *Alternative pathways to early state*. / Ed. by N.N.Kradin and V.A.Lynsha. Vladivostok: Dal'nauka: 7–15.
- Lee R.B., I.DeVore. 1968 (eds.). *Man the hunter*. N. Y.: Aldine.
- Marx K. 1964. *Pre-capitalist economic formations*. London: Lawrence and Wishart.
- Morgan L.H. 1877. *Ancient society, or researches in the lines of human progress from Savagery through Barbarism to Civilization*. (used here: the Eleanor B.Leacock edition of 1963). Cleveland: World Publishing Company.
- Muller J.-C. 1985. Political systems as transformations. *Development and decline* / Ed. by H.J.M. Claessen, P.van de Velde and M.E.Smith. South Hadley, MA: Bergin & Garvey: 62–81.
- Muller J.-C. 1996. Ideology and dynamics in Dii chiefdoms. A study of territorial movement and population fluctuation. *Ideology and the formation of early states* / Ed. by H.J.M.Claessen and J.G.Oosten.. Leiden: Brill: 99–115.
- Murdock G.P. 1933. *Our primitive contemporaries*. N. Y.: Columbia University Press.
- Murdock G.P. 1968. The current status of the worlds hunting and gathering peoples. *Man the hunter* / Ed. by R.B.Lee and I.De Vore. N. Y.: Aldine: 13–22.
- Oliver D.L. 1955. *A Solomon Island society*. Boston: Beacon.
- Parijs Ph. Van. 1981. *Evolutionary explanation in the social sciences: An emerging paradigm*. Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield.
- Pershits A.I. 1977. Ethnographic reconstruction of the history of primitive society: Goals and possibilities. *Ethnography and related sciences* / Ed. by E.Veselkin. M.: Progress: 39–54.
- Persoon G.A. 1994. *Vluchten of veranderen; processen van verandering en ontwikkeling bij tribale groepen in Indonesia*. Leiden: Ph.D., thesis.
- Renfrew C., Cherry J.F. 1986 (eds.). *Peer polity interaction and socio-political change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Roymans N. 1990. *Tribal societies in northern Gaul; An anthropological perspective*. Cingula Series № 12. Amsterdam: A.E. van Giffen Institute for Archaeology.
- Sahlins M.D. 1961. The segmentary lineage: An organization of predatory expansion. *American Anthropologist*. Vol. 63: 332–345.
- Sahlins M.D. 1968. Notes on the Original Affluent Society. *Man the hunter* / Ed. by R.B.Lee and I.DeVore. N. Y.: Aldine: 85–89.
- Sahlins M.D. 1972. *Stone Age economics*. Chicago: Aldine.
- Sahlins M.D., Service E.R. 1960 (eds.). *Evolution and culture*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Service E.R. 1966. *The hunters*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.
- Service E.R. 1971. *Primitive social organization*. 2nd. ed. N. Y.: Random House.
- Southall A. 1991. The segmentary state: From the imaginary to the material means of production. *Early state economics* / Ed. by H.J.M.Claessen and P. van de Velde. New Brunswick etc.: Transaction: 75–96.
- Spencer H. 1971. *Structure, function and evolution*. Edited and with an Introduction by S.Andreski. N. Y.: Charles Scribner's Sons.

- Stauder J.** 1971. *The Majangir; Ecology and society of a southwest Ethiopian people*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Steward J.H.** 1955. *Theory of culture change*. Urbana: University of Illinois Press.
- Steward J.H.** 1968. Causal factors and process in the evolution of pre-farming societies. *Man the hunter* / Ed. by R.B.Lee and I.DeVore. N. Y.: Aldine: 321–334.
- Testart A.** 1982. Les chasseurs-cueilleurs, ou l'origine des inégalités. Paris: Institut de l'Ethnographie.
- Tylor E.B.** 1871. *Primitive culture: Researches into the development of mythology, philosophy, religion, language, art and custom*. L.: Murray.
- Voget F.W.** 1975. *A history of ethnology*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston.
- Wason P.K.** 1995. Social types and the limits of typological thinking in social archaeology. *Alternative pathways to early state* / Ed. by N.N.Kradin and V.A.Lynsha. Vladivostok: Dal'nauka: 19–27.
- White L.A.** 1949. *The science of culture; A study of man and civilization*. N. Y.: Farrar, Straus and Company.
- Yoffee N.** 1979. The decline and rise of Mesopotamian civilization: An ethno-archaeological perspective on the evolution of social complexity. *American Antiquity*. Vol. 44: 5–35.
- Yoffee N.** 1993. Too many chiefs? – or safe texts for the 90s. *Archaeological theory: Who sets the agenda?* / Ed. by N.Yoffee and A.Sherrat. Cambridge: Cambridge University Press: 60–78.

2

АЛЬТЕРНАТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ (вводные замечания)

А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин, В. А. Лынша

Общие понятия: эволюция, развитие, прогресс

Мы принимаем предложение Классена рассматривать *эволюцию* «как “процесс, посредством которого во времени происходит структурная реорганизация, рано или поздно создающая такую форму или структуру, которая качественно отличается от предыдущей формы”» (см. раздел Классена в данной монографии (с. 7); само определение принадлежит Воже [Voget 1975: 862], однако именно Классен наиболее последовательно отстаивает это определение в рамках нашей дисциплины [Claessen, van de Velde 1982: 11ff.; 1985a: 6ff.; 1987: 1; Claessen 1989: 234; Claessen, forthcoming; Claessen and Oosten 1996 и т.д. См. также, например: Collins 1988: 12–13; Sanderson 1990]). Мы также полностью согласны с Классеном, когда он в гл. 1 настоящей монографии утверждает: “Эволюционизм таким образом становится научной деятельностью по поиску номотетических объяснений для подобных структурных изменений”.

Конечно же, подобное понимание эволюции полностью отличается от понимания эволюции тем самым исследователем, который и ввел это понятие в научный дискурс и который предложил свое определение эволюции, сохраняющее эстетическую привлекательность вплоть до настоящего времени – «изменение от несвязной однородности к связанной разнородности» (Spencer 1972 [1862]: 71). Определение это подразумевает, конечно, понимание эволюции как двуединого процесса дифференциации и интеграции. В рамках “классеновского” понимания эволюции “спенсеровская” эволюция будет лишь одним [1] из возможных типов эволюционных процессов наряду с [2] эволюцией от сложных к простым социальным системам и [3] структурными сдвигами на одном и том же уровне сложности (что приблизительно соответствует основным направлениям биологической эволюции по Северцову [1939; 1967])

– [1] *ароморфозу* [\approx *anagenesis* в том смысле, который в это понятие изначально вкладывал Ренш {Rensch 1959: 281–308; см. также: Dobzhansky *et al.* 1977; Futuyma 1986: 286}], [2] *дегенерации* и [3] *идиоадаптации* [\approx *cladogenesis* [Rensch 1959: 97f.; см. также: Dobzhansky *et al.* 1977; Futuyma 1986: 286)]. Таким образом, “классеновское” понимание социальной эволюции оказывается лучше соответствующим современному пониманию эволюции в биологии, чем «спенсеровское».

Тем не менее, надо подчеркнуть, что процесс, описанный Спенсером, хотя мы и избегаем отождествлять его с эволюцией, является важнейшей (пусть и не единственной) разновидностью эволюционных процессов. Процесс этот, конечно же, заслуживает особого внимания. Вместе с тем, на наш взгляд, никакой особой проблемы с обозначением “спенсеровского” типа эволюционных процессов нет. Действительно, термин для обозначения подобного рода процессов давно уже существует; более того, он широко используется для обозначения именно данного типа процессов. Термин этот – просто *развитие*. Примечательно, что и в биологии он обозначает как раз *движение от несвязной однородности к связанной разнородности*. Конечно, в биологии развитие и эволюция рассматриваются в качестве совершенно разных процессов. Биологическое развитие ни в коей степени не является частным случаем эволюции. Однако в общественной жизни найти полный аналог биологической дихотомии эволюции и развития крайне сложно, и ниже “спенсеровская” эволюция обозначается именно как «развитие»¹.

Представляется необходимым оговорить и наше понимание термина «прогресс».

Как известно, в западной антропологии указанное понятие практически полностью исчезло из академических текстов², но оно, похоже, продолжает достаточно активно употребляться в нашей науке (Назаретян 1991; 1995; Журов 1994: 94–105 и т.д.). Мы считаем, что это можно только приветствовать, ибо через данное понятие в нашу науку (пускай и в скрытом виде)

¹ Впрочем, какой-то (хотя в любом случае и неполный) аналог этой дихотомии, вероятно, можно все-таки найти и в общественной жизни. Действительно, развитие обществ на определенных временных отрезках можно, видимо, рассматривать как в высокой степени запрограммированное существующими в них системами культурных кодов, ценностей и структурами власти. В этом случае под эволюционными сдвигами нужно было бы понимать именно изменения “программирующих” систем и структур, оказывающие свое воздействие на ход и направление развития соответствующих обществ. Подобный подход к теории социальной эволюции кажется вполне возможным и перспективным. Вместе с тем в данной коллективной монографии для достижения ее концептуального единства было решено последовательно придерживаться “классеновского” понимания эволюции.

² Хотя в последнее время оно, судя по всему, начинает снова туда возвращаться (см., например: Sanderson 1995: 336).

продолжают проникать два очень важных понятия, табуированных в современной науке, пожалуй, в еще большей степени, чем слово *прогресс*. Да и, скажем, мы, употребляя соответствующие слова в академическом тексте, испытываем ощутимый дискомфорт. Понятия эти – *добро* и *зло*³. И на наш взгляд, социальная наука, полностью отказавшаяся от изучения связанной с ними проблематики, в значительной степени теряет свой смысл, становится “стерильной”.

В свое время мы достаточно долго интересовались проблемой объективных критериев социального прогресса, а относительно недавно мы эту проблему, по крайней мере для нас самих, как нам кажется, решили. На наш взгляд, ответ этот заключается в том, что подобных критериев просто не существует.

Действительно, понятие “прогресс” в том виде, как оно чаще всего употребляется, обозначает не просто рост какого-либо этически нейтрального показателя (например, сложности, дифференцированности, интегрированности) – для этого уже имеется достаточное количество этически нейтральных терминов: “эволюция”, “развитие”, “рост”. Главное отличие от них понятия “прогресс” заключается именно в том, что обычно им обозначается не просто развитие, а развитие от плохого к хорошему, т.е. в конечном счете уменьшение зла и рост добра, и именно из-за этого данное понятие представляется нам столь полезным. Действительно, на самом-то деле любой социальный сдвиг (в особенности, если речь идет о социальных сдвигах в том обществе, в котором мы живем)⁴ интересен нам не столько своими объективными характеристиками, сколько тем, становится ли нам в его результате хуже или лучше. В конечном счете, самый “объективный” антрополог, если он

³ Как кажется, именно эта связь понятия «прогресс» с достаточно субъективными, никогда не объективируемыми полностью категориями добра и зла и привела к отторжению этой категории, стремившейся к полной объективности, «научности», западной антропологией. Мы все-таки склонны рассматривать это как акт интеллектуальной трусости. Конечно, исследователю крайне сложно работать с такими в высокой степени оценочными понятиями, имеющими мощнейшую этическую окраску; открытая работа с такими понятиями к тому же, на наш взгляд, возлагает на исследователя большую моральную ответственность. Тем не менее ни к чему хорошему подобная интеллектуальная (и моральная) трусость не ведет. Социальная наука либо становится «стерильной», либо эти во многом субъективные категории незаметно протаскиваются в «объективные» научные исследования в скрытом виде. В результате происходит самое худшее (и при этом именно то, для чего западная наука и предпринимала свое «бегство от прогресса»): по сути своей оценочные суждения, делать которые ученый компетентен ничуть не более, чем любой обладающий моральной интуицией «простой смертный», преподносятся под видом объективных умозаключений, имеющих несравненно большую ценность, чем мнения последних.

⁴ А если в нас есть хоть капля сочувствия к людям, живущим в иных обществах, если нам не совсем безразличны их страдания, то все сказанное будет верно и для социальных процессов, идущих там.

дает публичные рекомендации⁵, рекомендует что-либо именно для того, чтобы кому-то стало лучше (не будет же кто-либо рекомендовать какие-либо шаги, от которых не станет ни хуже, ни лучше). Таким образом в любые, самые наукообразные “объективные” публичные рекомендации встроены авторские субъективные представления о добре и зле (или говоря мягче, о том, “что такое хорошо, и что такое плохо”). И лучше, чтобы эти субъективные представления ясно оговаривались, а не прикрывались маской “научной объективности”.

Итак, мы склонны понимать социальный прогресс именно как рост добра/уменьшение зла (или, другими словами, как социальную эволюцию от плохого к хорошему). В то же самое время мы склонны рассматривать понятия “добро” и “зло” в качестве неопределимых. На наш взгляд, любые попытки свести эти категории к каким-либо достаточно определенным и объективным понятиям (таким как, скажем, “приятность/неприятность”, “эффективность/неэффективность”, “полезность/вредность”) ведут к тому, что эти категории утрачивают свое основное содержание, свою “соль”. Между тем мы настаиваем на том, что с данными категориями можно (и нужно) работать, несмотря на их принципиальную неопределимость. Работает же современная наука с такими неопределимыми понятиями, как “вероятность” или “множество”, более того современная наука без этих понятий просто невозможна⁶.

⁵ А обществу невозможно отказать в праве ждать от антрополога подобных рекомендаций.

⁶ В подобном контексте в качестве единственной направленной движущей силы социального прогресса будет выступать стремление людей [страшно сказать!] к добру. Конечно, с изменением представлений исследователя о том, что нужно считать добром, а что – злом, то, что казалось ему движущей силой прогресса, может уже начать ему представляться фактором «антипрогресса» (или, скажем, фактором, этически нейтральным). Однако если его ценности и представления о должном разделяются (и разделялись) хоть сколько-нибудь заметным числом людей, он всегда обнаружит присутствие этой движущей силы (хотя при этом будут несколько меняться ее носители). Не нужно, конечно, недооценивать и значимости в представлениях о должном общих элементов, разделяемых большинством людей. В условиях эффективной демократической администрации оказывается возможной, по крайней мере, такая ситуация, когда наблюдается социальная эволюция по направлению к «лучшему» с точки зрения большинства граждан. Действительно, развитая демократия и представляет собой собой во многом именно не слишком оперативную, но вполне эффективную систему обратной связи, периодически корректирующую направление эволюции общества в соответствии с желаниями основной массы его активных членов. Субъективные ощущения большинства становятся значимым фактором социальной эволюции данного общества (преобладающей части граждан кажется, что стало хуже, чем было четыре года назад, и даже если по «объективным» статистическим данным стало лучше, происходит смена правящей партии – и наоборот). И явную тенденцию к заметному превышению удельного веса прогрессивных составляющих над антипрогрессивными, наметившуюся за последние десятилетия в социальной эволюции некоторых наиболее развитых сообществ мира, следует, на наш взгляд, связать именно с этим обстоятельством.

Могут возразить, что работать с указанными понятиями все-таки нельзя, ибо в разных культурах (да и просто у разных людей) существует разное понимание добра и зла. На наш взгляд, это не совсем так. Мы бы скорее сказали, что в разных культурах нередко считают “добрыми” и “злыми” разные явления, а одно явление может считаться “злом” одними и “добром” – другими. Но когда представитель иной культуры говорит нам, что нечто является добром, мы вполне понимаем смысл его высказывания, даже если сами считаем это злом.

Проблема введения в объективное научное исследование таких субъективных категорий, как “добро” и “зло” (да, кстати, и “прогресс”), не столь уж неразрешима, как может показаться. Нужно лишь четко оговаривать субъективность критериев социального прогресса на стадии их введения, после чего с ними можно работать по любой приемлемой научной методике, стремясь при этом свести “зону субъективного” к минимуму. Если же, скажем, такое исследование предполагает какие-либо практические рекомендации (а значит, наряду с авторскими представлениями о добре и зле, не меньшее значение начинают приобретать и подобные представления у тех, для блага которых эти рекомендации предлагаются), то проблема критериев в таких случаях может вполне решаться через поиск консенсуса субъективных представлений о добре и зле (что на самом деле не всегда столь уж сложно) – многие известные демократические процедуры и представляются во многом именно достаточно удачными конкретными путями поиска подобного консенсуса. Но в любом случае на стадии оценки результатов подобной рекомендации значение имеют лишь субъективные представления об этих категориях “объектов рекомендаций” – если даже по “объективным показателям” выходит, что стало лучше, а по субъективному ощущению, например жителей города, где рекомендации были применены и для блага которых они предлагались, выходит, что стало хуже, значит стало хуже.

Конструирование каких-либо “объективных критериев прогресса” является не просто этически ошибочным⁷, но потенциально опасным. Скажем, Назаретян в двух своих недавних и в целом крайне интересных монографиях (1991; 1995) рассматривает прогресс как рост ус-

⁷ В одной из наших недавних работ (Коротаев 1995б) мы, впрочем, затратили не одну страницу, отстаивая право исследователя на свое собственное определение научного термина и доказывая то, что определение научного термина вообще не может быть ложным. Противоречия с нашими теперешними словами здесь нет. Дело просто в том, что «прогресс» – это не только строго научный термин, но и слово естественного языка, широко применяемое в политическом дискурсе. То или иное определение прогресса, задающее ему некоторые объективные критерии, конечно, не может рассматриваться в качестве ложного (но, впрочем, и истинного) с чисто научной точки зрения. Однако, учитывая реальные этические коннотации этого слова, подобные определения не могут считаться верными по венаучным (но от этого не менее важным) морально-этическим причинам.

тойчивого неравновесия. И, хотя он постоянно оговаривает отсутствие у “прогресса” в его понимании какой-либо этической окраски (прогресс ни хорош, ни плох), это мало помогает. Дело в том, что сколько бы таких оговорок не делалось, “положительные” коннотации у этого понятия все равно сохранятся. Если и не в сознании, то в подсознании у большинства останется ощущение, что прогресс – это то, чего добиваются, достигают и к чему стремятся. А вот нужно ли стремиться любой ценой к увеличению устойчивого неравновесия – уже не самоочевидно. Говоря предельно грубо, задание прогрессу каких-либо “объективных критериев” несет в себе зерна тоталитаризма, ибо потенциально может привести к появлению некой “элиты”, “объективно” знающей лучше остальных людей, что этим последним на самом деле нужно.

Сказанное относится в полной мере, например, к марксизму со столь характерным для него представлением о существовании неких “объективных классовых интересов”, с неминуемо вытекающим отсюда убеждением о возможности (и необходимости) существования некоей вооруженной истинным научным знанием элиты, представляющей, скажем, действительные интересы рабочих лучше их самих, а значит, и имеющей право принуждать их (в случае необходимости насильственно) к совершению (или несвершению) тех или иных действий “в интересах пролетариата”, даже если сами (“несознательные”) рабочие имеют несколько иные (“оппортунистические”, “неполноценные”, “извращенные”) представления о своих собственных интересах (см. об этом, например: Rigby 1987).

В свое время К. Виттфогель справедливо подчеркивал, что критерии прогресса являются неизбежно субъективными, и стремился найти для них опору в общечеловеческих ценностях (Wittfogel 1957: 420). Возможность “консенсуального” использования критериев прогресса была недавно убедительно продемонстрирована Сандерсоном (Sanderson 1995: 336–357). В самом деле, предложенный им список критериев прогресса имеет шансы быть принятым большинством из ныне живущих людей: качество жизни (включая среднюю продолжительность жизни и показатели здоровья населения), характер труда и продолжительность рабочего дня, уровень социального и экономического равенства, демократии и свободы. Примечательно то, что направление рассуждений Сандерсона в основе своей (хотя и не на 100 %) сходно с нашим – он обращается к субъективным стремлениям людей, а не к объективным “научным истинам” (Sanderson 1995: 336–337).



Ниже мы проанализируем несколько подходов к изучению социальной эволюции. Конечно же, каждый из этих подходов представлен многими теориями. Однако, чтобы рассмотреть должным образом все эти теории, нам потребовалась бы отдельная (и достаточно толстая) монография. Поэтому мы ограничимся детальным рассмотрением лишь одной (самой влиятельной, на наш взгляд, по крайней мере в культурной антропологии) теории в рамках каждого из этих подходов.

Однолинейный подход

Линия – одномерна. Поэтому представляется вполне возможным говорить о линии/траектории эволюции (или линии развития) отдельного общества. Однако если мы говорим о линии эволюции значительного числа обществ, это будет оправдано только при соблюдении хотя бы одного из двух ниже названных условий.

1. О единой линии социальной эволюции можно говорить, если мы применяем один единственный критерий эволюции (которая в таком случае обычно отождествляется с развитием и/или прогрессом). Такой подход, очевидно, не выдерживает никакой серьезной критики, но иногда все-таки применяется. Например, наиболее распространенная в настоящее время однолинейная трехчленная схема, постулирующая существование универсальных стадий присваивающего, аграрного и индустриального хозяйства (к которым зачастую добавляется постиндустриальная стадия), кажется просто-напросто результатом последовательного применения одного-единственного технологического критерия. Другая однолинейная эволюционистская схема такого рода восходит к Гегелю и опирается на последовательное применение одного лишь «критерия свободы» (при этом, едва ли не при «орвелловском» понимании самой «свободы») – в России подобные попытки предпринимались еще в 60-е годы (Поршнева 1966: 190–201). Однако это отнюдь не единственная и не основная форма однолинейного эволюционизма, ибо в настоящее время практически никто не настаивает всерьез на возможности применения только одного эволюционного критерия. Поэтому ниже мы сосредоточимся на втором условии, которое могло бы оправдать однолинейный эволюционизм.

2. О единой линии социальной эволюции можно было бы вполне обоснованно говорить, если бы существовала полная, стопроцентная корреляция (или, другими словами, функциональная зависимость) между всеми основными одномерными показателями социальной эволюции. Даже если бы функциональная зависимость существовала между

всеми показателями социальной эволюции за одним-единственным исключением, уже в этом случае, строго говоря, однолинейная схема искажала бы реальность, уже в этом случае нужно было бы говорить не о линии, а о плоскости эволюции. В реальности же ситуация несравненно более драматична – нет ни одной пары значимых эволюционных показателей, между которыми бы наблюдалась стопроцентная корреляция (функциональная зависимость). По крайней мере, более, чем за 100 лет поисков подобных корреляций, ни одной реальной функциональной зависимости между какими-либо социоэволюционными показателями обнаружено не было (обзор результатов подобных поисков см., например, в Levinson, Malone 1981; Ember, Levinson 1991). Уже из этого очевиден тот факт, что в реальности речь может идти не о линии и даже не о плоскости или трехмерном пространстве, но лишь о многомерном пространстве – поле социальной эволюции.

Остановимся все-таки несколько подробнее на той версии однолинейного эволюционизма, которая сохраняет свое определенное влияние вплоть до настоящего времени. Речь идет о марксистском однолинейном эволюционизме. Действительно, мысль о наличии стопроцентной корреляции (функциональной зависимости) между всеми основными эволюционными параметрами была сформулирована Марксом предельно четко:

«Возьмите определенную ступень развития производственных сил людей, и вы получите определенную форму обмена и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, – словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй» [Маркс 1846: 530].

В действительности, ни одному значению любого из вышеназванных параметров не соответствует однозначно значение никакого другого параметра. Можно взять определенную ступень развития производства, обмена и потребления и получить самые разные типы общественного строя, организации семьи, сословий или классов. Например, африканские охотники-собиратели хадза (или сан/бушмены Калахари), с одной стороны, и охотники-собиратели Центральной Австралии находятся на одной и той же “ступени развития производства, обмена и потребления”, однако с точки зрения “организации семьи” они находятся едва ли ни на противоположных полюсах эволюционного спектра. Если семья хадза или бушменов характеризуется равноправным положением в ней женщины, то среди австралийских аборигенов положение женщин является исключительно неравноправным, при этом уровень этого неравноправия по многим параметрам превосходит та-

ковой у подавляющего большинства всех известных науке обществ (включая и сложные стратифицированные общества) – ср., например: Woodburn 1972; 1979; 1980; 1982; 1988a; b; Артемова 1987; 1989; 1991; 1993; Чудинова 1981; Whyte 1978: 49–94.

Или, обратимся, например, к средневековым обществам “Большой Ойкумены” (пояса развитых цивилизаций Евразии и Северной Африки). Они находились на принципиально одной ступени развития материальных производительных сил (как это было убедительно показано, например, Илющечкиным [1986a: 66–75; 1986b: 58–71; 1990; 1997: гл.4 и др.]). Но в этих обществах мы находим достаточно разные формы связи специализированного ремесла с земледелием – от почти полного господства товарно-рыночных форм в некоторых западноевропейских обществах (Северная Италия, Южная Германия, Нидерланды и др.) до преобладания государственно-дистрибутивных форм (например, в городском ремесле фатимидского Египта) или общинно-реципрокных (в “сельском секторе” Северной Индии) – см., например: Семенова 1974: 71–81; Алаев 1981: 67–71. Это не значит, что развитие по двум данным параметрам никак между собой не связано. Определенная закономерность здесь безусловно присутствует, но проявляет она себя в виде именно не очень жесткой корреляции. Нетрудно показать, что то же самое относится и ко всем остальным постулированным Марксом функциональным зависимостям – во всех случаях речь может идти лишь о не очень жестких корреляциях. Соответственно любые однолинейные модели оказываются здесь в конечном счете абсолютно неприемлемыми.

Теперь рассмотрим одну из наиболее влиятельных на Западе однолинейных эволюционных схем – схему эволюции форм политической организации, разработанную Сервисом (Service 1962/1971; набросок этой схемы был впервые сделан Салинзом [Sahlins 1960: 37]): *band – tribe – chiefdom – state*. На первый взгляд может показаться, что одномерность схемы оправдана, ибо она рассматривает лишь одно эволюционное измерение. Однако на самом деле все оказывается значительно сложнее.

Начнем с того, что уже предлагалось заменить в данной схеме *племя – суверенной деревенской общиной* (Townsend 1985: 146; Carneiro 1987: 760). *Племя*, таким образом, оказалось на грани того, чтобы быть выброшенным из вышеназванной эволюционной схемы. Однако вряд ли можно с таким предложением полностью согласиться. Действительно социально-политические формы, полностью идентичные описанным Сервисом существовали на Ближнем и Среднем Востоке в средние века и Новое время (и существуют сейчас): эти племенные системы охватывают обычно более одной общины и имеют тип политического лидерства, полностью идентичный тому, что описан Сервисом как типический для *племени*. Действительно, сравним:

«Лидерство в племенном обществе является личным... и осуществляется только для достижения конкретных целей; отсутствуют какие-либо политические должности, характеризующиеся реальной властью, а “вождь” здесь просто влиятельный человек, что-то вроде советчика. Внутриплеменная консолидация для совершения коллективного действия, таким образом, не совершается через аппарат управления... Племя... состоит из экономически самодостаточных резидентных групп, которые из-за отсутствия высшей власти берут на себя право себя защищать. Проступки против индивидов наказываются самой же корпоративной группой... Разногласия в племенном обществе имеют тенденцию генерировать между группами конфликты с применением насилия»⁸ (Service 1971 [1962]: 103);

и, например:

«Шейх не может предпринимать чего-либо от лица своих людей просто на основе своего формального положения; всякая акция, затрагивающая их интересы, должна быть конкретно с ними согласована» (Dresch 1984a: 39). «Власть, которую шейх может иметь над группами членов племен, не обеспечивается ему его формальным положением. Он должен постоянно участвовать в их делах, и участвовать успешно» [для того, чтобы свою власть сохранить] (*Ibid.*: 41; см. также: Chelhod 1970; 1979; 1985, 39–54; Dostal 1974; 1985; 1990, 47–58, 175–223; Obermeyer 1982; Dresch 1984b; 1989; Abū Ghānim 1985; 1990, 229–51 &c).

Мы имеем здесь дело с определенным типом политики, который не может быть идентифицирован ни с *бэндом*, ни с деревенской общиной (потому что подобные племена обычно охватывают более одной общины), ни с вождествами (потому что они имеют совершенно иной тип политического лидерства), ни, естественно, с государствами. Этот тип политики также совсем не просто вставить в рассматриваемую схему где-то между деревенской общиной и вождеством. Действительно, как было

⁸ Необходимо подчеркнуть, что характеристикой племенной организации логичнее все-таки было бы считать не столько сами конфликты между составляющими племя «резидентными группами», которые характеризуют и первобытные сообщества, не имеющие племенной организации (Сервис относит последние к «*the band level of sociocultural integration*») [Service 1971 [1962]: 46–98], а то, что племенная организация ставит эти конфликты в определенные рамки, заставляет стороны конфликтовать по определенным правилам, предоставляет в распоряжение сторон зачастую крайне развитые механизмы посредничества и т.п., нередко вполне эффективно блокируя потенциально крайне дезинтегрирующие следствия подобных конфликтов, но не отчуждая вместе с тем «суверенитета» резидентных групп (Сервис в общем-то говорит об этом на последующих страницах, но, на наш взгляд, недостаточно четко). Необходимо также отметить, что описанная Сервисом ситуация может быть связана не обязательно лишь с полным отсутствием каких-либо надплеменных политических структур (*higher authority*), а с их слабостью (как это наблюдается для большинства племен Ближнего и Среднего Востока); слабость же подобных структур в «племенных районах» может быть в свою очередь нередко связана именно с эффективностью племенной организации, позволяющей достаточно высокоразвитому населению обходиться без организации государственной.

убедительно показано Карнейро (см., например: Carneiro 1970; 1981; 1987; 1991; а также его главу в данной монографии и т.д.), вождества обычно возникают в результате политической централизации нескольких общин без предшествующей этому стадии “племени”. С другой стороны, на Ближнем и Среднем Востоке⁹ многие племена появились в результате политической децентрализации вождеств, которые предшествовали племенам во времени. Важно подчеркнуть, что во многих случаях подобного рода трансформацию никак нельзя отождествлять с “регрессом”, “упадком” или “дегенерацией”, так как в таких случаях мы наблюдаем, что политическая децентрализация сопровождается ростом, а не упадком общей культурной сложности (см.: Коротаев 1995б; 1996а; 1996б; 1997; 1998; Korotayev 1995; 1996, а также его главу в данной монографии). Таким образом, во многих отношениях племенные системы ближневосточного типа оказываются скорее эволюционными альтернативами вождествам (а не их предшественниками).

Выше мы рассмотрели лишь один конкретный аспект проблемы. В более же общем виде можно констатировать следующее. Хотя схема Салинза/Сервиса обычно рассматривается в качестве модели только политической эволюции, а следовательно, обоснованно однолинейной (ибо она в таком случае учитывает лишь одно эволюционное измерение), на самом деле она построена на применении нескольких эволюционных критериев – уровня сложности, типа лидерства, уровня стратифицированности и т.д., и предполагает именно стопроцентную корреляцию (т.е. функциональную зависимость) между ними. Схема эта исходит из того, что рост политической сложности (как минимум вплоть до стадии аграрного государства) неминуемо сопровождается ростом неравенства, стратифицированности, социальной дистанции между правителями и управляемыми, авторитаризма и иерархичности поли-

⁹ В настоящее время мы склонны предполагать, что Ближний и Средний Восток был одним из очень немногих регионов, где племя как особая форма политической организации получило широкое распространение. По-видимому, племена также фиксируются как определенная фаза в циклических процессах “вождество – племя – вождество” среди кочевников Центральной Азии и Дальнего Востока (Крадин 1993; 1994; см. также главу Крадина в этой монографии). Некоторые политические системы североамериканских индейцев (см., например: Hoebel 1977) также, видимо, могут обоснованно рассматриваться как племена. Однако в подобных случаях не видно никаких оснований рассматривать племя как эволюционного предшественника вождества, а не наоборот. В большинстве же других регионов то, что обозначается как “племена”, представляет собою этнические (а не политические) образования, общины или вождества (множество подобно рода примеров приводится Фридом [Fried 1967; 1975]). Поэтому в подобных случаях нет никакой особой необходимости говорить о племени как особой форме политической организации – именно поэтому исследователи, специализирующиеся на изучении таких регионов, и полагают зачастую, что племя есть категория излишняя.

тической системы, уменьшением уровня политического участия основной массы населения и т.п. Оба набора параметров кажутся связанными между собой достаточно тесно. Достаточно очевидно, что здесь наблюдается корреляция, причем достаточно жесткая. Но точно также очевидно, что это именно корреляция, но никак не функциональная зависимость. Конечно же, данной корреляции соответствует совершенно возможная линия социально-политической эволюции – от эгалитарного акефального *бэнда* через возглавляемую бигменом деревенскую общину с заметно более выраженным социально-экономическим неравенством и политической иерархичностью к “авторитарной” общине с сильной властью ее вождя (находимой, например, среди индейцев Северо-Западного Побережья [см., например, главу Карнейро в данной монографии, с. 89]), а затем через действительные вождества с еще более выраженными стратификацией и концентрацией политической власти в руках вождя к сложным вождествам, где политическое неравенство достигает качественно более высокого уровня, и, наконец, к аграрному государству, где все вышеназванные показатели достигают своей кульминации (хотя можно, конечно, двигаться и дальше – до уровня “империи” [например: Adams 1975]). Вместе с тем исключительно важно подчеркнуть, что на каждом уровне растущей политической сложности данной линии можно найти очевидные эволюционные альтернативы.

Начнем с самого простого уровня. Действительно, акефальные эгалитарные бэнды встречаются среди большинства неспециализированных охотников-собирателей. Однако, как было показано Вудберном и Артемовой (Woodburn 1972; 1979; 1980; 1982; 1988a; b; Артемова 1987; 1989; 1991; 1993; Чудинова 1981), некоторые из подобных охотников-собирателей (а именно незгалитарные, к которым относятся прежде всего австралийские аборигены) демонстрируют сущностно отличный тип социально-политической организации со значительно более структурированным политическим лидерством, сконцентрированным в руках относительно иерархически организованных старших мужчин, с явно выраженным неравенством как между мужчинами и женщинами, так и среди самих мужчин. Это различие представляется нам столь глубоким, что мы бы предложили обозначать эти два типа политий двумя разными терминами¹⁰: сохранившийся термин *бэнд* использовать для обозначения эгалитарных политий, а незгалитарные обозначать как *локальные группы*. Действительно, локальность

¹⁰ Несомненно, более внимательное изучение неспециализированных охотников-собирателей (базирующееся на антропологической интерпретации археологических материалов) выявит в будущем и другие типы их социополитической организации.

неэгалитарных групп охотников-собирателей, концентрирующихся и структурирующихся вокруг тотемических центров, несравненно более выражена среди постоянно делящихся и сливающихся эгалитарных групп.

На следующем уровне политической сложности мы снова находим общины как с иерархической, так и неиерархической политической организацией. Можно вспомнить, например, хорошо известный контраст между индейцами калифорнийского Северо-Запада и Юго-Востока:

“Калифорнийские вожди находились как бы в центре экономической жизни общества, они осуществляли контроль над производством, распределением и обменом общественного продукта... Власть вождей и старейшин постепенно приобретала наследственный характер, что со временем стало типичным явлением для Калифорнии... Только у племен, населявших северо-запад Калифорнии, несмотря на сравнительно развитую и сложную материальную культуру, отсутствовали характерные для остальной Калифорнии четко выраженные социальные роли вождей. Вместе с тем только здесь было известно рабство... Население этого региона имело представление о личном богатстве... Социальный статус человека прямо зависел от количества находившихся в его распоряжении... материальных ценностей...” и т.д. (Кабо 1986: 180).

Здесь можно вспомнить и общины ифугао Филиппин (см., например: Мешков 1982) с характерным для них отсутствием авторитарного политического лидерства (особенно очевидным в сравнении, скажем с общинами Северо-Восточного Побережья), но с сопоставимым общим уровнем социокультурной сложности.

Таким образом, уже на уровне общин элементарной и средней сложности мы наблюдаем несколько типов альтернативных политических форм, каждая из которых должна бы обозначаться особым термином.

Возможные альтернативы вождествам в неолитической Юго-Западной Азии, неиерархические системы сложных акефальных общин с выраженной автономией малосемейных домохозяйств недавно были проанализированы Березкиным, который обоснованно предлагает им апатани в качестве этнографической параллели (см. его главу данной монографии, а также Березкин 1995а; 1995б и др.). Французов находит еще более развитый пример подобного рода политий на юге Аравии в вади Хадрамаут I тыс. до н.э. (см. его главу данной монографии). В качестве другой очевидной альтернативы вождеству, как было показано выше, выступает племя.

Одному из нас уже приходилось ранее (Коротаев 1995а) приводить аргументы в пользу того, что существует очевидная альтернатива развитию жестких надобщинных политических структур (вождество – сложное вождество – государство) в виде развития структур внутриоб-

щинных вместе с эволюцией мягких межобщинных систем, не отчуждающих общинного суверенитета (разнообразные конфедерации, амфикинии и т.д.). Один из наиболее впечатляющих результатов развития в этом эволюционном направлении – греческие полисы (см. главу Берента в данной монографии, посвященную обоснованию безгосударственного характера классического греческого полиса), несколько из которых достигли общего уровня культурной сложности, сопоставимого не только с вождествами, но и с государствами.

Племенной и полисный эволюционные ряды образуют, по-видимому, разные эволюционные направления, характеризующиеся своими отличительными чертами: полисные формы предполагают власть “магистратов”, выбираемых тем или иным путем на фиксированные промежутки времени и контролируемых народом (*демосом*) в условиях отсутствия регулярной бюрократии. В рамках племенных систем наблюдается вообще полное отсутствие каких-либо формальных должностей, носителям которых члены племени бы подчинялись только потому, что они являются носителями должностей определенного типа (а не в силу обладания ими определенными личными качествами), а поддержание порядка достигается через изоциренную систему посредничества и поиска консенсуса.

Существует также значительное число и иных сложных безгосударственных политий [например, таковые у казаков Украины и Южной России (вплоть до конца XVII в.) или исландская полития «эпохи народоправства» (вплоть до середины XIII в.)], которые не имеют еще для своего обозначения каких-либо общих терминов (Чиркин 1955; Рознер 1970; Никитин 1987 и др.).

Еще одна очевидная альтернатива государству представлена сверхсложными (суперсложными) вождествами, созданными кочевниками Евразии – количество структурных уровней в подобных вождествах равно или превышает количество таковых для среднего государства, но они имеют качественно отличный от государства тип политической организации и политического лидерства; политические образования такого рода, по-видимому, никогда не создавались земледельцами (см.: Крадин 1992; 1996; Трепавлов 1995; Скрынникова 1997, а также главы Крадина, Марья, Скрынниковой и Трепавлова в данном томе).

Но и это не все. Существует и еще одна проблема со схемой Сервиса/Салинза. Она со всей очевидностью принадлежит к “до-мир-системной” эпохе, уверенно опираясь на представление о том, что одну отдельную политику вполне можно рассматривать как достаточную единицу социальной эволюции. Возможно, это было бы не так уж и

важно, если бы Салинз и Сервис говорили о типологии политий, однако они говорят именно об “уровнях культурной интеграции”; и в подобном контексте мир-системное измерение оказывается абсолютно релевантным.

Суть проблемы здесь заключается в том, что тот же самый общий уровень культурной сложности может достигаться как через нарастающее усложнение одной политии (поглощающей соседние политии), так и через развитие политически не централизованной межполитийной сети. Эта альтернатива была замечена еще Валлерстайном, что нашло отражение в предложенной им дихотомии *мир-экономика* – *мир-империя* (см., например: Wallerstein 1974; 1979; 1987). Примечательно, что и сам Валлерстайн рассматривает два члена этой дихотомии именно как альтернативы, а не как стадии социальной эволюции. Как нетрудно догадаться, здесь мы в основе своей с Валлерстайном согласны. Тем не менее нам видится и некоторое неоправданное упрощение. В целом мы хотели бы подчеркнуть, что мы имеем дело с частным случаем значительно более широкого набора эволюционных альтернатив.

Развитие политически децентрализованной межполитийной сети стало эффективной альтернативой развитию монополитии еще до возникновения первых империй – здесь стоит вспомнить, скажем, межполитийную коммуникативную сеть гражданско-храмовых общин Месопотамии первой половины III тыс. до н.э., которая поддерживала уровень технологического развития, существенно более высокий, чем у синхронного ей политически централизованного Египетского государства. Примечательно и то, что межобщинные коммуникативные сети могли представлять эффективную альтернативу уже вождеству – например, социально-политическая система предгималайских апатани лучше всего может быть описана, видимо, именно как межобщинная коммуникативная сеть [между прочим, в свою очередь выступавшая как ядро в рамках более широкой коммуникативной сети, включавшей в себя соседние менее развитые политии (вождества и суверенные общины) – см., например: Fuerer-Haimendorf 1962].

Нам также представляется непродуктивным обозначать альтернативу *мир-империи* как *мир-экономику*. Такое обозначение недоучитывает политических, культурных и информационных измерений подобных систем.

Возьмем, например, классическую греческую межполисную систему. Уровень сложности многих греческих полисов был достаточно низким даже в сопоставлении со сложным вождеством. Однако они были частями значительно более обширной и несравненно более сложной общности, с многочисленными экономическими, политическими и куль-

турными связями и общими политико-культурными нормами. Экономические связи, конечно же, играли какую-то роль в рамках данной системы. Но прочие связи были отнюдь не менее важны. Возьмем в качестве примера норму, согласно которой межполисные войны приостанавливались во время Олимпийских игр, что делало возможным безопасное движение людей, а значит, и гигантских количеств энергии, вещества и информации в пределах территории, на порядки превосходившей территорию среднего сложного вожества. Существование межполисной коммуникативной сети позволяло, например, индивиду, родившемуся в одном полисе, получить образование в другом полисе, а основать свою школу в третьем. Наличие подобной системы долгое время резко уменьшало деструктивность межполисных войн. Она была той основой, на базе которой оказывалось возможным предпринимать значимые межполисные коллективные действия (что оказалось жизненно важным, скажем, в эпоху греко-персидских войн). В результате, полис с уровнем сложности, не дотягивавшим до такового у составного вожества, оказывался частью системы, сложность которой оказывалась вполне сопоставимой с государством (и не только ранним).

В основном сказанное может быть отнесено и к межсоциумной коммуникативной сети средневековой Европы (чья суммарная сложность оказывалась сопоставимой с таковой у средней мир-империи). Примечательно, что в обоих случаях некоторые элементы соответствующих систем могут рассматриваться как составные части мир-экономики, более обширных, чем эти системы. В то же время не все составные части коммуникативных сетей были вполне интегрированы экономически. Из этого следует, что “мир-экономики” были не единственно возможным типом политически децентрализованных межсоциумных коммуникативных сетей. На самом деле, в обоих случаях мы имеем дело с политически децентрализованными цивилизациями, которые на протяжении большей части человеческой истории последних тысячелетий и составляли наиболее эффективную альтернативу мир-империям.

Необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что межсоциумные коммуникативные сети могли появляться и среди несравненно менее сложных обществ (Валлерстайн обозначил их как “мини-системы”, однако так никогда и не занимался их изучением, что, впрочем, сделали другие сторонники мир-системного подхода [см., например: Chase-Dunn, Hall 1987 и др.]). Кажется возможным говорить уже, скажем, о коммуникативной сети, покрывавшей собою большую часть аборигенной Австралии. И снова мы здесь сталкиваемся со сходным феноменом – значительная степень культурной сложности (изоэтранные формы ритуалов, мифологии, искусств, танца и т.д., нередко пре-

восходящие по своей сложности таковые у ранних земледельцев) может быть объяснена тем фактом, что относительно простые локальные группы австралийцев были частями значительно более сложного целого – гигантской коммуникативной сети, охватывавшей, по-видимому, большую часть Австралийского континента (см., например: Бахта, Сеньюта 1972; Артемова 1987).

Формирование сложной межсоциумной коммуникативной сети на промежуточном уровне сложности наблюдалось, например, в предисламской Западной Аравии, где она развилась в значительной степени как эффективная альтернатива политическим системам аравийских царств и вожеств, разрушенных в ходе адаптации арабов к социально-экологическому кризису VI века, вызванного, по-видимому, пиком тектонической и вулканической активности, приведшему через достаточно сложную цепь причинно-следственных связей к серии «голодных лет», недородов (Korotayev, Klimenko, Proussakov 1999).

Эта довольно эффективная адаптация в основе своей заключалась в том, что большинство социально-политических систем Северной и Центральной Аравии вполне адекватно отреагировало на кризис отторжением надплеменных политических структур (т. е. большинства аравийских «царей» [*mulūk* – ملوك], политических лидеров вожеств и агентов их власти), которые начали представлять реальную угрозу для элементарного выживания рядовых членов аравийских племен. Действительно, трудно представить что-то более угрожающее и неприятное, чем появление в «голодный год» сборщиков податей, требующих уплаты «царских» налогов, когда имеющихся в вашем распоряжении продуктов питания откровенно недостаточно даже для того, чтобы прокормиться самим и накормить своих детей.

Однако арабы не просто разрушили большинство из этих жестких надобщинных политических структур, отчуждавших племенной суверенитет; они также выработали альтернативные «мягкие» структуры надплеменной культурно-политической интеграции, не представлявшие угрозы племенному суверенитету. Наиболее примечательным в данном случае представляется развитие системы священных анклавов и регулярных паломничеств к ним, сопровождавшихся ярмарками (*mawāsim* [مواسم]).

В результате мы можем наблюдать здесь развитие в высшей степени эффективных межсоциумных коммуникативных сетей, из которых лучше всего известна коммуникативная сеть, тождественная западноаравийскому религиозно-политическому ареалу. По-видимому, он образовался в результате расширения зон влияния соответствующих святилищ и их интеграции в единый религиозно-политический ареал. Это,

конечно, был прежде всего религиозный ареал, однако он имел и очевидные политические измерения. Именно во время паломничеств-ярмарок (*mawāsim* [مواسم]) к упомянутым выше святилищам “традиционное племенное общество развивало разнообразные межплеменные связи, производило обмен религиозными и культурными идеями, как впрочем, и обычными товарами. Кроме того решались и разнообразные юридические проблемы (заключение перемирий, выплаты долгов, компенсаций за убийство, выкуп пленных, подыскивание клиентов, розыск пропавших без вести, решение вопросов наследования и т. д.). Этот обмен идеями и товарами, распространение общих юридических обычаев и религиозных культов среди заметного количества племен играли немаловажную роль в преодолении партикуляризма племенного сознания” (Simon 1989: 90; см. в особенности: Wellhausen 1897/1961: 88–91).

В результате мы можем наблюдать возникновение определенного политического ареала, более или менее коррелирующего с религиозным, ареала, где были общими не только религиозные, но и многие политико-культурные нормы, где люди последовательно избегали нападать на путешествующих в четыре «священных месяца» (*ašhur ḥurum* [أشهر حرم]) и рассматривали одни и те же части года в качестве «священных месяцев», где представители разных племен направлялись в одни и те же места для урегулирования межплеменных конфликтов, соблюдая при этом одни и те же правила посредничества, и т. д. Достаточно примечателен факт полного отсутствия серьезных межплеменных столкновений в «ареале четырех святилищ» (Маджанны, зў’л-Маджāза, ‘Укāза и Мекки [к этому списку можно, конечно, отдельно от Мекки добавить ‘Арафу и Минā; но они могут рассматриваться и как часть мекканского *ḥarama*]) между завершением его формирования (т.е. войной *Ḥarb al-Fijār* [حرب الفجار] в конце VI в. н. э.) и началом столкновений с мусульманами. Фактически в этот период мы можем наблюдать в «ареале четырех святилищ» (в начале VII в. н.э. последний, по-видимому, охватывал не только Западную Аравию, но и заметную часть других аравийских регионов) культурно-политическую систему, которая в условиях отсутствия сколько-нибудь значимой политической централизации обеспечивала воспроизводство гигантской коммуникативной сети, в рамках которой осуществлялся очень интенсивный (и крайне продуктивный) обмен информацией, веществом и энергией.

Этот тип культурно-политической интеграции также игнорируется (без каких-либо разумных оснований) практически всеми теориями социальной эволюции и, конечно же, абсолютно не укладывается в схему *band – tribe – chiefdom – state* (со всеми ее модификациями). Действительно, все западноаравийские политии начала VII в. н.э., по-видимому,

имели довольно-таки «примитивную» социально-политическую структуру (это относится даже к мекканской общине [см., например: Dostal 1991]) и, согласно подобным схемам, могут быть классифицированы как «автономные общины», «племена» или в крайнем случае «вождества» (хотя большинство аравийских вождеств распалось во второй половине VI в. н.э.). Тем не менее эти политии были частями значительно более широкой культурно-политической системы, которая по общему уровню социальной сложности сопоставима со средним «ранним государством». Вместе с тем из-за того, что рассматриваемая система не была политически централизована, она не имеет шансов найти себе место в вышеупомянутых схемах (это относится в целом и к любым процессам социокультурного роста, не сопровождающимся ростом политической централизации или в особенности идущим вместе с политической децентрализацией).

Но и это еще не все. Необходимо отметить то обстоятельство, что многие политические образования, традиционно обозначаемые как «государства» и «империи», при более внимательном рассмотрении оказываются заметно более сложными системами, чем это предполагают подобные обозначения. Нам уже приходилось подробно рассматривать тот факт, что, например, так называемое Среднесабейское царство (Северо-Восточный Йемен, II–III вв. н.э.) в действительности представляло собой не просто государство, а скорее достаточно сложную социально-политическую систему, состоявшую из слабого государства в центре и сильных вождеств на периферии (а также, по-видимому, нескольких политически автономных гражданско-храмовых обществ в центре и нескольких собственно племен на дальней системной периферии). В раннеисламский период эта общность трансформировалась в систему, состоявшую из несколько более сильного государства в центре и собственно племен (а не вождеств) на периферии (Коротаев 1995в; 1996а; 1996б; 1997; 1998 и в данном томе). Мы предлагаем использовать в таких случаях термин *мультиполития*, которую определяем как высокоинтегрированную систему, состоящую из политически субординированных разнородных политий (например, государства и вождеств или государства и племен).

Подобные политические системы необходимо отличать от политически децентрализованных межсоциумных коммуникативных сетей, состоящих из независимых, суверенных политий. Конечно же, нет никаких оснований рассматривать *мультиполитию* как локальный южноаравийский феномен. Внеюжноаравийские примеры мультиполитий северойеменского «зейдитского» типа («государство + племена») можно легко найти на Ближнем и Среднем Востоке последних двух веков

(см., например: Evans-Pritchard 1949; Eickelman 1981: 85–104; Tapper 1983; Al-Rasheed 1994 и т.д.); внеименские примеры мультиполитий среднесабейского типа («государство + вождества [+ политически автономные общины]») можно без труда найти на том же Ближнем и Среднем Востоке (где заметное число так называемых племен представляло [и отчасти до сих пор представляет] собой скорее вождества в терминологии Сервиса [Service 1971 /1962/: 144; Johnson, Earle 1987: 238–43 &c]). За пределами Ближнего и Среднего Востока этот тип мультиполитии может быть найден, скажем, в Западной Африке (например, Бенин в некоторые периоды его истории – Бондаренко 1995а; 1995б; 1995в; 1996; 1997; 1998; Bondarenko 1994; 1997; 1998; Bondarenko & Roesse 1998 и, возможно, некоторые другие западноафриканские «королевства» [Service 1971/1962: 144]). Конечно, два вышеупомянутых типа мультиполитий не исчерпывают всего их многообразия. Например, применительно к более низким уровням сложности можно упомянуть, скажем, так называемое «Государство святых» (*the "State of the Saints"*) Центрального Атласа, периферия которого состояла из племен, но центр его не может быть охарактеризован ни как государство, ни как вождество, ни как племя (Gellner 1969).

Однако мультиполитии легко могут быть найдены и на более высоких уровнях сложности – собственно говоря, большинство доиндустриальных империй при более внимательном анализе их реальной внутренней структуры оказываются именно мультиполитиями. Например, империи древней Индии оказывается предпочтительнее охарактеризовывать не через понятие «государство», а при помощи санскритского термина *maṇḍala*, который является практически полным синонимом понятия *мультиполития* (см., например: Вигасин, Лелюхин 1987 и главу Лелюхина в этой монографии)¹¹. Ахеменидская империя также больше похожа на мультиполитию, состоящую из государства в центре и разного рода политий на периферии (греческих полисов Малой Азии, гражданско-храмовых общин Месопотамии и Палестины и т.д.). В качестве мультиполитий вполне могут быть охарактеризованы и Египетская империя Нового царства (состоявшая из достаточно зрелого госу-

¹¹ Термин *maṇḍala* уже начал применяться к социально-политическим системам вне собственно Индии именно к тем системам, которые мы называем «мультиполитиями» (см., например: Christie 1995). Кристи, похоже, рассматривает такие социополитические системы в качестве необычных случаев (например: Christie 1995: 269), в то время как Классен (1996), соглашаясь с ней в данном вопросе, рассматривает центры таких систем, как вполне типичные ранние государства. Мы со своей стороны полагаем, что такие системы не являлись необычными для большинства (но не всех) досовременных крупных политических объединений («империй»). При более внимательном изучении они оказываются мультиполитиями (\approx *maṇḍala*), а не монополитиями (государствами).

дарства в долине Нила и множества разнородных политий – ранних государств, вождеств, племен, политически автономных общин – в азиатской части империи и на африканской периферии), Ассирийская империя, Римская империя эпохи Принципата, средневековая Римская империя германской нации, Халифаты Омейядов и в особенности Аббасидов, Восточно-китайский Китай, практически все империи, созданные кочевниками, и в целом, как уже говорилось, подавляющее большинство доиндустриальных империй. Впрочем возможно найти примеры и аграрных монополитийных империй – например, недолговечную империю Цинь в Китае или Римскую империю эпохи Домината (но не Принципата!). Однако выглядят они, скорее, исключениями из общего правила. В этом смысле в обычных терминах именно мультиполития оказывается соответствующей «магистральной» линии эволюции крупных политических образований доиндустриальной эпохи, монополитийные же империи-государства выглядят здесь как достаточно редкая эволюционная альтернатива. Монополитийные империи-государства начинают преобладать среди крупных политических образований только в Новое время и в непосредственной связи с процессами модернизации.

В целом в центре подобных мультиполитий обычно оказываются государства. Но, похоже, это наблюдается далеко не всегда. Например, Скрынникова предполагает, что даже в центре Монгольской империи функционировало не государство, а суперсложное вождество, в то время как государственные структуры здесь концентрировались на периферии мультиполитии (см. ее главу в данной монографии). И это, по-видимому, является не исключением, а скорее типичным для большинства империй, созданных кочевниками (см. главу Крадина в данной монографии). Однако государство не всегда обнаруживается и в центре других «империй». Раннеисламская полития, конечно же, не может рассматриваться в качестве империи, созданной кочевниками (лидеры ее основателей происходили из оседлого населения Мекки и Йасриба, а йеменские земледельцы составляли не менее важную часть исламских армий, чем бедуины Центральной Аравии [см., например: al-Mad'aj 1988]); тем не менее, хотя аравийцы и унаследовали некоторые государственные структуры на периферии своей мультиполитии, центр этой «империи» вплоть до 60-х годов VI в. можно лишь с большой натяжкой охарактеризовать как действительное государство – полития эта, скорее, сочетала черты теократического вождества и гражданской общины и, видимо, должна бы иметь свое собственное обозначение (например, арабское *умма* [أُمَّة]?). А для того, чтобы трансформировать центр этой раннеисламской «империи» в действительное государство,

потребовались колоссальные усилия со стороны Омеййадов и их сторонников. Усилия эти к тому же встретили яростное сопротивление со стороны значительной части *уммы* [أمة], так что для достижения указанной трансформации помимо всего прочего потребовались две кровавые гражданские войны (т. е., по сути дела, настоящая политическая революция). Наконец, нельзя не вспомнить и позднюю Римскую республику, которая также, по-видимому, представляла собой мультиполитику, где государственные структуры развивались на периферии системы, в то время как центр ее представлял собой по-прежнему *civitas* (т.е. безгосударственную политическую форму полисного типа [см., например: Штаерман 1989]).

В любом случае достаточно очевидно, что разные уровни политической централизации могут соответствовать одному и тому же уровню общей социокультурной сложности, в то время как несколько разных типов политий могут соответствовать одному и тому же уровню политической сложности. Таким образом, оказывается невозможным выстроить в одну линию даже одни лишь формы политической организации. А если мы примем в расчет и другие параметры социальной эволюции, то получим еще менее линейную картину. Например, Ковалевски (см. его главу в данной монографии) обращает внимание на существование в доколумбовой Мезоамерике двух качественно разных типов социально-политических систем, один из которых характеризовался «сетевой», а другой – «корпоративной» стратегиями. При этом общества как одного, так и другого типа могли характеризоваться самыми разными уровнями культурной сложности, поэтому принципиально невозможно рассматривать указанные типы обществ в качестве эволюционных стадий. Ковалевски, таким образом, добавляет еще одно измерение альтернативности, которое, безусловно, должно учитываться в дальнейшем при разработке адекватных социоэволюционных моделей.

Двухлинейные подходы

Билинейные подходы опираются на давнюю европейскую традицию противопоставления Запада и Востока, идущую от Ф.Бернье и Ш.Монтескье. Приверженцами многолинейности выступили некоторые из сторонников теории «азиатского способа производства». Источниками для их интерпретаций социальной эволюции послужили две идеи К.Маркса и Ф.Энгельса. Первая идея была сформулирована в «*Grundrisse*» (1857–1861), в том месте рукописи, где К.Маркс анализирует формы, предшествующие капитализму. Там он выделяет три формы *Gemeinwesen*: азиатскую, античную и германскую, которые можно ин-

терпретировать как самостоятельные формы перехода к государственности. Вторая идея была сформулирована Ф. Энгельсом в «*Анти-Дюринге*» (1878), где он, согласуясь с замечаниями Маркса, высказал предположение о двух путях становления государства (восточном и античном). Последнюю версию поддержал Г.В. Плеханов, который рассматривал данные способы производства «как два сосуществующих типа» (1957 [1908]:165).

Обе идеи впоследствии были развиты марксистскими исследователями. Во время первой дискуссии об азиатском способе производства (1925–1931) идею о том, что азиатский способ производства на Востоке развивался параллельно античному и феодальному на Западе, разрабатывал Л.И.Мадьяр (1928). Идею поддержали С.А. Дамин (1928), М.Д. Кокин, Г.К. Папаян, А.И. Ломакин (Дискуссия 1930: 122–123). Однако в атмосфере идеологического давления и политических угроз они были вынуждены сначала ограничить существование азиатского способа производства древностью (Дискуссия 1931: 52, 123–124, 153), а после ленинградской дискуссии и вовсе отказаться от разработки этой концепции.

Проблема альтернативного, параллельного развития Запада и Востока вновь оказалась в центре внимания после возобновления дискуссии об азиатском способе производства в 1957 г. В тот год были опубликованы сразу несколько работ (инициаторами второго этапа дискуссии выступили Л.С. Васильев, Э. Вельскопф, Ю.И. Семенов и К. Виттфогель; вклад последнего в развитие теории азиатского способа производства в нашей историографии упорно замалчивался или искажался), в которых в той или иной форме высказывалось недовольство однолинейной стадиялистской схемой и предлагались попытки разрешения кризисной ситуации. В двух публикациях из четырех говорилось о параллельном развитии обществ Азии и Европы (Welskopf 1957; Wittfogel 1957).

Возможно, наиболее авторитетно теория билинейной эволюции была сформулирована в «*Восточной деспотии*» К.Виттфогеля. Правда, необходимо оговориться, что в теоретическом плане Виттфогель считал себя сторонником теории многолинейной эволюции Дж.Стюарда (Wittfogel 1957: 413), но марксистские корни билинейности его концепции очевидны. Весь пафос сравнительного анализа Виттфогеля направлен на сопоставление двух и только двух типов обществ (Wittfogel 1957: 17–20, 227) – *негидротехнического*, т.е. многоцентрового демократического общества западного типа, основанного на частной собственности, и *гидротехнического*, т.е. одноцентрового агробюрократического тоталитаристского общества восточного типа со слабым развитием частной собственности.

Англоязычная версия виттфогелевского термина *hidraulic society* неоднократно подвергалась острой критике из-за чрезмерных технических коннотаций из области гидравлики. Однако в немецком языке термин *Wasserbau Gesellschaft* звучит не более гидравлично, чем термин «ирригационное общество», а по объему это понятие гораздо шире. Как объяснял К.Виттфогель, термин *гидротехническое общество* предпочтительнее синонимичного термина «восточное», потому что лучше выражает специфику этого общества – он одновременно подчеркивает выдающуюся роль деспотических методов государственного управления (Wittfogel 1957: 12) и решающее значение крупномасштабных гидротехнических работ (там же: 22) при «первичном», т.е. независимом возникновении агробюрократического общества (там же: 420).

Необходимо отметить, что согласно Виттфогелю, возможность *гидротехнического* пути развития еще не означает его неизбежность. Изначально существует альтернатива, и выбор в конкретных исторических условиях совершает само общество. Но если аграрное общество совершило выбор в пользу крупномасштабных гидротехнических работ, то формирование деспотического государства было неизбежным (Wittfogel 1957: 12, 17–19, 420).

Впоследствии идеи двухлинейной эволюции в рамках творческой марксистской теории были развиты другими авторами, которые также писали о принципиальном отличии путей эволюции Запада, где сложился динамический баланс между государством и различными классами, и Востоком, где господствующая элита являлась одновременно и государством, и правящим классом (Седов 1967; Чешков 1967; Jaksic 1991 и др.).

В последние два десятилетия XX века эта идея наиболее обстоятельно была развита в работах Л.С. Васильева (1982; 1983; 1988; 1989; 1993 и др.), который привнес в данную схему ряд положений, разработанных в неозволюционистской антропологии. Васильев полагает, что генеральной линией социальной эволюции является процесс постепенной трансформации автономных общинных образований в вожества, а из них – в ранние и затем – в зрелые государства. Этот процесс происходил на основе монополизации доступа к управлению и контролю над производством и перераспределением. Так как власть и место в иерархии определяют статус индивида, частная собственность имеет подчиненный характер. В обществе нет граждан, есть подданные. В результате складывался *государственный* (Л.С.Васильев считает, что этот термин более удачен, чем термин *азиатский* в силу его универсальности) способ производства.

Европейская структура (*частнособственнический* способ производства) представляет собой «мутацию», прообраз которой восходит к финикийской модели. Однако наиболее последовательно данный способ производства реализовался в античной Греции и Риме. Для этой модели общества характерны товарные отношения, частная собственность, политическое равноправие граждан полиса. Право было ориентировано на соблюдение законности и защиту интересов граждан. Это, в конечном счете, обусловило динамику развития Западной Европы и привело в новое время к формированию правового государства и гражданского общества.

Выводы Л.С.Васильева были поддержаны исследователями более молодого поколения (Киселев 1985; Павленко 1989; 1991; Крадин 1991 и др.). Схожие идеи высказывались в западной антропологии (Southall 1991; Morrison 1994).

Другие исследователи конструировали более сложные модели. Они рассматривали азиатскую, античную и германскую общины и как последовательно более развитые формы *Gemeinwesen*, и как самостоятельные линии исторического развития. В таком ключе, например, написаны работы Ф.Тёкеи (1975). А.И.Фурсов (1989; 1995) считает, что марксовы *Gemeinwesen* являются стадиями последовательного освобождения субъектных качеств человека от его коллективного начала; всемирно-исторический процесс разворачивается в двух плоскостях: тупиковой азиатской, где система доминирует над индивидом, и прогрессивной западной, где в каждой более высокой социальной форме осуществляется последовательная эмансипация субъекта.

По М.Годелье, азиатская и античная формы являются тупиковыми, так как ведут соответственно только к азиатскому и к рабовладельческому способам производства. Лишь германская форма *Gemeinwesen* приводит к феодализму, а от него – к капиталистическому обществу. Даже Япония импортировала капитализм с Запада (Godelier 1969). Но по Мелотти, путей эволюции уже пять. Он дополняет *Gemeinwesen* славянской общиной, которой соответствует «русский» путь к бюрократическому социализму, а также особый тип архаической *Gemeinwesen*, предшествовавший японскому феодализму и капитализму (Melotti 1977).

Двухлинейный взгляд на всемирную историю был дополнен концепциями самостоятельного варианта эволюции кочевников-скотоводов. В качестве критериев предлагались: 1) специфические черты хозяйства и культуры кочевников (Марков 1967; Андрианов, Марков 1990; Масанов 1991; 1995); 2) наличие резкой социальной дифференциации (классов) и частной собственности на скот (основное средство производства) при отсутствии институтов формального управления (государ-

ства) скотоводами (Bonte 1981; 1990)¹²; 3) завоевательный характер «кочевых империй», который являлся базисом особого *ксенократического* или *экзополитарного* способа производства (Крадин 1992; 1994; 1995; 1996; Kradin 1993; 1995).

В конечном счете двухлинейная модель и ее производные сыграли положительную роль в критике однолинейных подходов, выявлении общих и специфических черт в социальной эволюции. Модель «азиатского способа производства» позволила лучше понять отличие Востока от Запада, специфику так называемых «социалистических» обществ древности – средневековья и Новейшего времени. В то же время постепенно выяснились и ее пределы. Поскольку идеально-типическая модель азиатского способа производства была призвана выявить и объяснить специфику всех неевропейских обществ в контексте противопоставления Западу (хотя, скажем, индусское общество в Азии не более похоже на китайское, чем последнее – на европейское), выявились ее эвристические слабости при анализе пространственно-временных вариаций политических структур восточных обществ. Расчищая путь к многолинейности, теория азиатского способа производства со временем сама оказалась помехой на пути изучения многообразия эволюции неевропейских обществ.

Многолинейные подходы

На самом деле, в последние годы оказывается все более и более трудным отыскать таких исследователей социальной эволюции, которые открыто называли бы себя «однолинейными эволюционистами». Большинство скорее отождествляет себя с разного рода многолинейными моделями. Однако то, что преподносится как «многолинейный подход», на поверку зачастую оказывается однолинейной по сути своей схемой. Наиболее влиятельной версией подобного «псевдомноголинейного» подхода нужно признать таковую в формулировке раннего Салинза (Sahlins 1960).

Хорошо известно, что он предложил рассматривать многолинейную эволюцию как результат взаимодействия ее «общей» и «специфической» компонент. При этом «специфическая эволюция» определяется как «историческое развитие конкретных культурных форм..., филогенетическая трансформация через посредство адаптации»; в то же самое время «общая» эволюция понимается как «прогрессия *классов* форм, или, другими словами, как движение культуры по стадиям универсального

¹² Для характеристики данного типа общества Г.Е.Марков, П.Бонт и Н.Э.Масанов использовали термин – *номадный* способ производства.

прогресса” (Sahlins 1960: 43). “В целом общая культурная эволюция представляет собой движение от меньшей к большей трансформации энергии, от более низких к более высоким уровням интеграции и от меньшей к большей общей адаптированности” (Sahlins 1960: 38).

Действительно, на первый взгляд этот подход выглядит истинно многолинейным – он реально предполагает существование неограниченного числа потенциальных эволюционных траекторий (а следовательно, в некотором смысле, эволюционных альтернатив) в результате взаимодействия между этими двумя компонентами. Вместе с тем мы полагаем, что подобный подход не дает действительно адекватной основы для изучения альтернатив социальной эволюции.

Подход Салинза уже подвергался разносторонней критике (см., например: Harris 1968; Ingold 1986: 18–21; Sanderson 1990: 132–133 &c). Однако мы полагаем, что наша критика этого подхода является заметно более полной; она включает в себя и некоторые из критических замечаний вышеназванных авторов.

Начнем не с самого важного из этих критических замечаний. Уже сами по себе понятия “общей” и “специфической” эволюции безусловно вводят в заблуждение, в особенности если учесть тот факт, что Салинз применяет их к эволюции вообще – не только к социальной, но и к биологической. В самом деле, “диверсификация происходит на всех уровнях практически всегда, в то время как движение “вверх” наблюдается крайне редко” (Ingold 1986: 19 со ссылкой на: Stebbins 1969: 120). Таким образом, то, что Салинз называет “специфической эволюцией”, является на самом деле как раз общей (*general*) в общепринятом смысле этого прилагательного, в то время как так называемая общая эволюция является в высшей степени специфическим видом эволюционного движения.

Однако по-настоящему важно другое обстоятельство. Салинз совершает обе основных ошибки однолинейных эволюционистов: 1) он рассматривает в качестве единой переменной несколько слабо коррелирующих между собой параметров и 2) он настаивает на существовании полной корреляции (т.е. функциональной зависимости) между всеми основными интересующими его группами параметров.

Начнем с “движения от более низких к более высоким уровням интеграции”. Посмотрим, как Салинз описывает эти уровни применительно к социальной эволюции:

“На первобытном уровне мы наблюдаем наименее продвинутую форму: несегментированные (ни на что, кроме семей) акефальные – и, как правило, доземледельческие – бэнды. На более высоком уровне развития находятся земледельческие и скотоводческие племена, сегментированные на кланы, линиджи и т.п., но не имеющее явно выраженных вож-

дей. На уровне, более высоком, чем эгалитарные племена, находятся *вождества* со свойственными им более высокой продуктивностью, внутренней дифференциацией статусов и развитым институтом вождя...” и т.д. вплоть до *государства* (Sahlins 1960: 37).

Таким образом, здесь мы находим вместо описания различных уровней интеграции хорошо известную схему политической эволюции Сервиса (Service 1971/1962). Конечно же, мы не хотим сказать, что Салинз позаимствовал эту схему у Сервиса. Скорее, Сервис взял вышепротитированный набросок Салинза и разработал на его основе свою схему, сохранив все ошибки, встроенные в изначальный набросок. Главная же ошибка заключается здесь в том, что уровни культурной интеграции отождествляются с конкретными социополитическими формами. Этим, по сути дела, подразумевается, что только одна социополитическая форма может соответствовать каждому данному уровню интеграции. В результате Салинз упускает из поля своего зрения наиболее интересные эволюционные альтернативы. Данному обстоятельству трудно найти обоснование даже в рамках подхода Салинза. В рамках любой логики, скажем, трудно понять, почему качественно новые формы могут появляться только в ходе процессов общей эволюции. Не понятно, почему новые формы не могут появляться и в ходе процессов специфической эволюции, т.е. “филогенетических трансформаций через адаптацию”. В любом случае очевидно, что все критические замечания, сделанные выше в адрес Сервиса, применимы и к Салинзу: нет никаких оснований говорить о единой линии движения от «низших» к «высшим» формам интеграции. В процессе этого перехода наблюдается большое количество значимых эволюционных альтернатив (см. раздел 1 данной главы).

Рассмотрим теперь «энергетический» параметр общей эволюции по Салинзу. Салинз утверждает:

«...Прогресс – это рост общего количества трансформируемой энергии, используемой для создания и поддержания культурной организации. Культура ставит энергию под контроль и направляет ее в нужном направлении; она извлекает энергию из природы и трансформирует ее в людей, материальные блага и работу, в политические системы и идеи, в социальные обычаи и в следование им. Общее количество энергии, трансформированной из свободного в культурное состояние, с учетом, возможно, той степени, насколько много ее теряется при этой трансформации (энтропийные потери), может рассматриваться как критерий общего уровня развития культуры, мера ее достижений» (Sahlins 1960: 35).

Сразу же отметим оговорку – «с учетом, возможно, той степени, насколько много ее теряется при этой трансформации (энтропийные потери)». Оговорка эта заставляет предполагать, что и сам Салинз предполагает, что речь у него реально идет о двух переменных, а не об од-

ной. Действительно, достаточно очевидно, что в подобном контексте имеет значение не только общее количество энергии, «используемой для создания и поддержания культурной организации», но и то, насколько эффективно эта энергия используется. По всей видимости, Салинз решил, что эти две переменные могут рассматриваться в качестве одной просто потому, что он повторил ошибку своего учителя, Лесли Уайта, верившего, что рост по обоим этим параметрам идет одновременно (см., например: White 1949: гл. XIII). Однако конкретные данные показывают, что корреляция между этими двумя переменными значительно более сложна, при том что большую часть человеческой истории она была просто отрицательной: собиратель, расходуя 1 джоуль энергии, получал несколько сот джоулей в собранных им продуктах питания; в экстенсивном земледелии этот показатель падает ниже 100, а затем опускается до 10 в интенсивном доиндустриальном земледелии. В интенсивном индустриальном земледелии цифра эта уже стремится к 1 джоулю (на джоуль энергозатрат), а в наиболее интенсивном (парниковом) индустриальном земледелии она иногда падает до 0,001 (Люри 1994: 14–30). Однако просто констатировать факт сильной негативной корреляции между этими двумя параметрами тоже было бы чрезмерным упрощением. Да, в главной отрасли доиндустриальной аграрной экономики наблюдалась именно такая корреляция, однако уже в доиндустриальном несельскохозяйственном производстве мы зачастую наблюдаем важные случаи роста эффективности использования энергии (связанные, в частности, с усовершенствованием печей, мельниц, трансмиссий и т.д. [см., например: White 1962]). Таким образом, то, что представляется Салинзом в качестве единого параметра, на самом деле является множеством слабо скоррелированных между собой переменных. В любом случае уже в рамках первого салинзова параметра «общей» эволюции мы можем наблюдать вполне реальную и важную (в особенности для современной мир-системы) «общеэволюционную» альтернативу: будет ли рост социокультурной сложности идти за счет роста общего потребления энергии или за счет роста эффективности ее использования. В целом же достаточно понятно, что уже с этими двумя переменными мы имеем, по сути дела, неограниченное количество «общеэволюционных» альтернатив (быстрый рост по обоим параметрам; рост эффективности использования энергии, более быстрый, чем скорость снижения ее потребления; противоположное сочетание и т.д.), а следовательно, и неограниченное количество «общеэволюционных» альтернатив.

Наконец, рассмотрим последний параметр общей эволюции по Салинзу – «движение от меньшей к большей общей адаптированности». Салинз утверждает:

«Общий прогресс может также рассматриваться как рост “общей адаптивности”. Существует тенденция к доминированию более высоких культурных форм над более низкими, к вытеснению первыми вторых; степень же доминирования пропорциональна уровню прогресса. Таким образом, культура современных наций имеет тенденцию распространяться по всему Земному шару, на наших собственных глазах вытесняя, трансформируя и ликвидируя культуры, представляющие эволюционные «талии» многотысячелетней древности; в то время как архаическая цивилизация, теперь также отступающая под натиском современной культуры, даже во времена своего расцвета смогла распространиться лишь на отдельные регионы отдельных континентов. Эта способность более высоких культурных форм доминировать над более низкими объясняется способностью первых эффективнее использовать широкий спектр энергетических ресурсов. Высшие формы относительно «свободнее от контроля окружающей среды», т.е. они способны адаптироваться к большему числу типов окружающей среды, чем более низкие формы» (Sahlins 1960: 37).

И вновь не трудно заметить, что Салинз делает здесь свою типичную ошибку, рассматривая в качестве одной переменной группу слабо (и иногда негативно) связанных параметров. Эта группа включает в первую очередь субгруппу параметров адаптации к природным условиям и субгруппу адаптации к внешним социальным условиям. Салинз, видимо, полагает, что формы культуры, лучше приспособленные к условиям природной среды («более эффективно использующие больший набор энергетических ресурсов»), являются также лучше адаптированными и к внешним социальным условиям; (они «доминируют над низшими формами и вытесняют их»). Но это не так. Нередко именно те формы культуры, которые хуже приспособлены к природной среде, доминируют над формами, лучше приспособленными (к природной среде), и вытесняют их. Классический пример в этом отношении представляет история взаимоотношений динка и нуэров (нилотских народов южного Судана).

Как было показано Келли (Kelly 1985), изначально довольно маленькая группа «протонуэров» выделилась из культурно близких «протодинка» около 300–400 лет назад. Важнейшей чертой этой дифференциации было, видимо, то обстоятельство, что нуэры перестали забивать на мясо своих бычков. В результате культура нуэров оказалась значительно хуже адаптированной к природной среде, чем культура динка. Нуэры стали расходовать свои энергетические ресурсы значительно менее эффективно, чем динка, чьи стада состояли прежде всего из коров. Нуэры расходовали гигантские (для этих условий) объемы энергии (содержащейся прежде всего в кормах) на поддержание своих огромных бычьих стад, не получая взамен адек-

ватного количества хозяйственно полезной энергии. В результате, хотя нуэры и занимали в целом экологически заметно более благоприятные территории, чем динка, их экономика обеспечивала существование на этих территориях заметно менее плотного (по сравнению с динка) населения. Однако та самая инновация, которая заметно снизила адаптированность нуэров к их природной среде, значительно повысила их приспособленность к внешней социальной среде. Хотя бычьи стада нуэров и были бессмысленны с хозяйственно-экологической точки зрения, огромное число этих быков дало в руки нуэров довольно эффективное «средство социального обращения», позволявшее через институционализированную систему ритуальных дарений, обменов и выплат поддерживать широкую сеть альянсов. Эта сеть в свою очередь позволяла нуэрам эффективно мобилизовать значительный военный потенциал, направлявшийся, как правило, именно против экологически более адаптированных динка, не обладавших сопоставимо эффективной системой мобилизации военного потенциала. В результате именно экологически хуже адаптированные культурные формы нуэров стали доминировать над экологически более адаптированными культурными формами динка и вытеснять их. Более того, нуэры увеличили свою адаптированность к внешней социальной среде именно благодаря снижению адаптированности к среде естественной.

Конечно же, нетрудно показать, что в свою очередь «естественная» и «социальная» адаптивности – это не одномерные переменные, а, скорее, группы слабо скоррелированных параметров. Но общая картина и так к настоящему времени должна быть вполне ясна. Нет никаких оснований говорить о некоей единой линии «общей эволюции». Если мы даже останавливаемся только на анализе того, что Салинз представляет как одномерные параметры общей эволюции, то при более внимательном рассмотрении обнаруживаем, что каждый из этих псевдоодномерных параметров оказывается, на самом деле, группой слабо скоррелированных переменных, т.е. уже на этом уровне анализа мы лишаемся каких-либо оснований для того, чтобы соглашаться с представлением о единой «линии общей эволюции», уже на этом уровне анализа возникает необходимость перехода от исследования линии общей эволюции к исследованию «общезволюционного поля», подразумевающего существование *неограниченного* числа эволюционных альтернатив.

Кроме того, конечно же, все салинзовы параметры общей эволюции к тому же еще и слабо коррелируют между собой, что увеличивает нелинейность общей эволюции в еще большей степени.

Рассмотрим второй и третий параметры общей эволюции: «переход от ... более низких к более высоким формам интеграции [2]», и «от меньшей к большей общей адаптивности [3]». Салинз полагает, что более высокие (т.е. в контексте рассматриваемой работы более политически централизованные) «культурные формы» всегда «доминируют над низшими формами и вытесняют их». То, что в истории не всегда происходит именно так, было замечено и объяснено уже за три с лишним столетия до выхода в свет работы Салинза эфиопским монахом Бахрейем (1593 [1976])¹³.

Бахрей попытался объяснить, почему высоко политически централизованное эфиопское государство постоянно терпело военные поражения от менее цивилизованных и менее политически централизованных племен галла («*Каким образом нас побеждают галла, хотя мы многочисленны и у нас много оружия?*») – Бахрей 1976 [1593]: 140). Ответ, предлагаемый Бахрейем, весьма интересен и убедителен: именно потому, что эфиопское общество более развито и дифференцировано, оно и терпит постоянные поражения в борьбе с менее развитыми галла. Сам фактор большей внутренней социальной и культурной дифференциации оказывается в данном случае источником военной слабости.

«Каким образом нас побеждают галла, хотя мы многочисленны и у нас много оружия?... Это из-за разделения нашего народа на десять разрядов, из них девять не принимают участия в войне и не стыдятся своего страха. А воюет (только) десятый разряд и сражается так, как возможно. И если нас много, то мало тех, которые способны воевать, а много тех, которые не участвуют в войне. Один разряд из них – это монахи, которым нет числа. Есть монахи с детства, которых склонили на свою сторону монахи во время учения, подобно автору этой истории и ему подобным. А есть монахи от страха перед войной.

Другой разряд называют дабтара¹⁴. Они изучают книги и все дела священников. Они хлопают руками и двигают ногами (во время богослужения) и не стыдятся своего страха. Они берут за образец левитов и священников, детей Аарона. Третий разряд называется жан хацана¹⁵ и жан маасаре¹⁶. Они охраняют право и (этим) оберегаются от участия в войне. Четвертый разряд дагафоч – сопроводители знатных женщин и вазаро. (Это) сильные мужи и крепкие молодые люди. Они не участвуют в войне и говорят: “Мы охрана женщин”. Пятый разряд называется шемагле¹⁷, господа и землевладельцы. Они делят свои земли между тружениками и командуют ими, а сами не стыдятся своего страха. Шестой

¹³ Дважды столетиями ранее этот факт был отмечен и объяснен Ибн Халдуном (Ibn Khaldūn 1995), впрочем, на наш взгляд, менее убедительно, чем это было сделано Бахрейем.

¹⁴ *Dabtarā* (Прим. ред.).

¹⁵ *Jān Haṣānā* (Прим. ред.).

¹⁶ *Jān Ma'āsarē* (Прим. ред.).

¹⁷ *Šemāgellē* (Прим. ред.).

разряд – землепашцы. Они проводят время на полях и не думают воевать. Седьмой разряд – это те, которые получают выгоду от торговли и извлекают пользу для самих себя. Восьмой разряд – это ремесленники, такие, как кузнецы, писцы, портные и плотники и им подобные. Они не умеют воевать. Девятый разряд – это певцы, барабанщики (играющие на маленьких барабанах¹⁸), барабанщики и арфисты, для которых работа – попрошайничество¹⁹. Они благословляют того, кто им подает, воздают пустую славу и бесполезные восхваления. И когда они проклинают тех, кто не платит, их не считают виноватыми, ибо они говорят: “Это наш обычай”. Десятый разряд – это те, кто берет копье и щит и может воевать. Они следуют за негусом поспешно, чтобы напасть (на врага). Из-за их малочисленности наша страна опустошается.

У галла нет этих девяти разрядов, которые мы упоминали. Все они способны воевать, от мала до велика. И поэтому они уничтожают и убивают нас» (Бахрей 1976 [1593]: 140–141).

Есть все основания полагать, что случаи, когда менее развитые общества оказываются в военном отношении сильнее более развитых, не представляют собой «ошибок истории». Одна из общих объяснительных моделей для подобного варианта исторического развития сводится к следующему. Политически централизованные системы часто достигают военного превосходства путем развития специализированных военных подсистем – относительно малых, но хорошо обученных и вооруженных профессиональных армий. Однако необходимым условием для сохранения такого превосходства обычно является наличие монополии на какие-либо эффективные виды вооружения (боевые колесницы, оружие из бронзы и т.п.). Если же происходит революция в производстве средств насилия, в результате которой монополия на них не может более эффективно поддерживаться (например, в случае появления железного оружия), менее политически централизованные общества с большей долей военно-активного населения получают значительное преимущество и могут стать сильнее в военном отношении политически централизованных обществ. Таким, вероятно, был ход исторического развития во многих частях Ойкумены Старого Света в раннем железном веке или поздней античности. В дополнение к этому – менее политически централизованные общества с большей долей военно-активного населения могли значительно увеличивать свою военную эффективность без заметного увеличения своей политической централизации или внутренней дифференциации, например путем номадизации, роста специализации на скотоводстве, поскольку сам каждоднев-

¹⁸ *Qanda kabaro* (Прим. ред.).

¹⁹ Перевод Бекингхэма – Хантингфорда: «*The ninth group is that of the wandering singers, those who play the qanda kabaro [a small drum] and the baganā, whose profession is to beg, to collect money*» (Bahrey 1954 [1593]: 126) (Прим. ред.).

ный труд скотовода и характер его социализации производят высоко боееспособного воина. Кочевое скотоводство с широким использованием пастухов-всадников могло значительно увеличивать военный потенциал таких обществ и без дополнительной политической централизации и функциональной дифференциации.

Теперь рассмотрим корреляцию между первым и вторым параметрами общей эволюции Салинза – переходом от меньшего к большему уровню трансформации энергии [1] и движением от более низких к более высоким уровням интеграции [2]. Выше мы отмечали, что Салинз отождествляет «переход от...низших уровней интеграции к высшим» с движением по линии *band – tribe – chiefdom – state*, т.е. с политической централизацией. На первый взгляд корреляция здесь выглядит довольно сильной: более политически централизованные общества имеют тенденцию контролировать бóльшие потоки энергии, чем менее централизованные, т.е. государства контролируют больше энергии, чем вождества, и т.д. Однако все не так просто, как кажется. Да, политическая централизация обычно ведет к увеличению объемов энергии, «трансформируемых» соответствующими общественными системами. Но эти объемы энергии могли расти и без увеличения политической интеграции, а политически нецентрализованные общества способны контролировать объемы энергии, сравнимые с объемами, контролируруемыми политически централизованными системами. Примерами могут служить средневековая швейцарская конфедерация гражданских общин и дагестанские «вольные общества» начала Нового времени, которые контролировали объемы энергии, сравнимые с объемами, «трансформировавшимися» ранними государствами средней величины; объемы же энергии, контролировавшиеся совокупностью экономически интегрированных греческих безгосударственных полисов или римского догосударственного *civitas*, превышали таковые у обычных ранних государств.

В дополнение совокупность параметров трансформации энергии состоит, как мы помним, из двух подгрупп, поскольку параметры эффективности трансформации энергии оказываются отличными от группы параметров, характеризующих объемы трансформируемой энергии. Как мы помним, эффективность трансформации энергии коррелирует негативно (и сильно) с интенсификацией земледелия. В то же время хорошо известно, что интенсификация земледелия имеет сильную положительную корреляцию с политической централизацией (см., например: Коротаев 1989; 1991). Этого достаточно, чтобы предположить сильную негативную корреляцию между политической централизацией и эффективностью трансформации энергии²⁰. Однако интенсивность зем-

²⁰ По крайней мере для периода до 1970-х годов.

леделия позитивно коррелирует и с общей социокультурной сложностью (Ember 1963; Textor 1967, Computer Printout: 91/53, 55; 92/54, 56; 93/54; Ember & Levinson 1991; &c). Тем не менее имеются некоторые основания полагать, что в более политически централизованных сложных доиндустриальных обществах эффективность трансформации энергии была еще ниже, чем в политически менее централизованных обществах со сравнимым уровнем сложности. В самом деле, в доиндустриальных обществах политическая централизация почти всегда сопровождается уменьшением контролируемости центральной администрации (в ранних государствах контролируемость всегда ниже, чем в вождествах, а в империях – еще ниже, чем в ранних государствах [см., например: Коротаев, Блюмхен 1991]).

Таким образом, при росте политической централизации объемы энергии, аккумулируемой административным центром, обычно значительно увеличиваются, но вместе с тем не менее значительно падает и степень контролируемости этого центра. В результате использование аккумулированных ресурсов становится особенно неэффективным: центр получает гигантские ресурсы вроде бы безвозмездно, а надежные средства для контроля над эффективностью их использования отсутствуют²¹.

Сложные безгосударственные системы обычно контролируют значительно меньшие объемы энергии по сравнению с доиндустриальными империями. Вместе с тем эффективность использования этих (обычно скромных по объему) ресурсов, аккумулируемых политическими центрами таких объединений (а они обычно характеризуются высокой долей политического участия их населения) бывает, как правило, заметно выше по сравнению с гигантскими доиндустриальными империями. Происходит это за счет более жесткого контроля за эффективностью использования аккумулированных ресурсов²².

Таким образом, на уровне взаимодействия между первым и вторым параметрами общей эволюции Салинза мы опять находим целый ряд важных альтернатив социокультурного развития²³.

²¹ В качестве живого свидетельства непосредственного очевидца расточительного использования аккумулированных ресурсов в самом центре доиндустриальной империи см. воспоминания последнего китайского императора (Пу И, 1968).

²² Хороший пример в этом отношении дает история греко-персидских войн, в которых греческие полисы смогли использовать свои скромные ресурсы значительно более эффективно, чем Персидская империя.

²³ Необходимо, тем не менее, отметить возможность выявления сильной корреляции между некоторыми измерениями этих двух групп параметров. Для того чтобы сделать это, мы должны отобрать наиболее интегративные индикаторы. В пределах первой группы параметров вместо раздельного анализа объемов энергии, трансформируемой культурными системами, и мер эффективности этой трансформации представляется необхо-

И наконец, рассмотрим корреляцию между салинзовыми первым и третьим параметрами общей эволюции – «переходом от менее высоких к более высоким уровням трансформации энергии[1]», и «движением от меньшей к большей общей адаптивности [3]». На первый взгляд сильная корреляция между объемом энергии, трансформируемым данной культурной системой и ее более высокой общей адаптивностью, кажется самоочевидной. Но опять же только на первый взгляд. При более внимательном рассмотрении исследователь будет вынужден задать себе, скажем, такой вопрос: является ли стабильность адаптации важной внутренней характеристикой показателя общей адаптивности? Конечно, да. Но если мы примем во внимание это обстоятельство, то сразу же поймем, что решающее значение имеет не просто объем энергии, который данная культурная система извлекает из природного окружения, а то, какой вид ресурсов используется – возобновимый или ограниченный невозобновляемый. Общая адаптивность системы безусловно возрастает только тогда, когда эта система получает увеличивающийся объем энергии за счет возобновимых ресурсов²⁴. В противном случае (т.е. если система использует ограниченные невозобновляемые ресурсы) ее адаптация может рассматриваться лишь как временно стабильная. Мы можем утверждать, что данная культурная система действительно адаптирована к своему природному окружению лишь в том случае, когда большая часть используемой ею энергии поступает не из ограниченных невозобновляемых ресурсов и когда скорость потребления энергии не превышает значительно скорость возобновления энергетических ресурсов.

В этом отношении далеко не ясно, являются ли современные сложные индустриальные системы лучше приспособленными к природному окружению, чем системы простых охотников-собирателей (или даже чем среднесложные системы доиндустриальных интенсивных земледельцев),

димым рассматривать интегративную переменную – объем эффективно трансформированной энергии. В пределах второй группы параметров представляется необходимым рассматривать показатели совокупной социокультурной сложности вместо только лишь одного из них – уровня социальной интеграции. В данном случае корреляция между этими показателями вполне может оказаться равной 1. Однако возникает вопрос: не столкнемся ли мы в данном случае с автокорреляцией? В самом деле, объем энергии, трансформируемой данным социумом (в первую очередь для поддержания и развития соответствующего уровня сложности), может вполне рассматриваться как термодинамическая мера данного уровня сложности. Таким образом, в этом случае мы стали бы измерять корреляцию между двумя выражениями, по сути, одной и той же переменной.

²⁴ Само собой разумеется, что здесь необходимы два дополнительных условия: 1) темпы падения эффективности использования энергии не должны превышать темпов роста объема трансформируемой энергии; 2) объем энергии, потребляемый за данный промежуток времени, не должен превышать объем энергии, возобновляемой за тот же промежуток времени.

поскольку первые осуществляют свое воспроизводство прежде всего именно за счет ограниченных невозобновляемых энергетических ресурсов. По-видимому, слишком рано утверждать, что современная мир-система лучше адаптирована к природной среде нашей планеты по сравнению с предшествовавшими ей историческими системами. Мы сможем с уверенностью утверждать это лишь тогда, когда наша система докажет свою способность перейти к модели устойчивого развития («*sustainable development*»), не превращаясь в качественно новую систему (ведь в этом случае высокую адаптивность докажет именно эта новая, а не современная, мир-система), да к тому же сможет совершить такой переход некатастрофическим путем (что до сих пор отнюдь не самоочевидно – см. главу Васильева).

В целом существует негативная корреляция между объемом энергии, который данная культурная система извлекает из природной среды, и стабильностью адаптации этой системы. Чем больший объем энергии потребляет данная социокультурная система, тем более трудным для нее является обеспечение полного восстановления своей энергетической базы.

Кстати, возникает вопрос, существует ли в принципе «общая адаптивность», и насколько полезным является это теоретическое понятие? Похоже, что адаптивность является не одномерной переменной, но опять же – группой слабо (а иногда негативно) скоррелированных многомерных параметров. Общество А может быть более адаптивно, чем общество Б в одном отношении и менее адаптивно – в другом.

Весь комплекс проблем дополнительно осложняется следующим обстоятельством. Уже Салинзу пришлось, по сути дела, разбить его параметр «общей адаптивности» на два – адаптивность к природной среде, с одной стороны, и к внешней социокультурной – с другой. А ведь отношение между трансформацией энергии и адаптивностью второго рода исключительно сложно. Какие «культурные формы имели тенденцию доминировать и вытеснять» другие формы на протяжении большей части человеческой истории?²⁵ Ответ здесь довольно прост и непривлекателен – те из них, что были сильнее в военном отношении. Таким образом, для адаптивности второго типа имеет значение не общее количество энергии, трансформируемой данной культурной системой, а только то количество энергии, которую эта система аккумулирует и направляет на военные цели (как, впрочем, и то, насколько эффективно она это делает). В результате культурные формы, трансформирующие меньшие количества энергии, но более эффективно использующие ту часть энергии, которая обеспечивает военные нужды, на про-

²⁵ По крайней мере до наступления эпохи термоядерного оружия.

тяжении большей части человеческой истории обычно теснили те культуры, которые контролировали большие объемы энергии, но направляли на достижение военных целей меньшую ее часть и использовали ее менее эффективно. Приведенные выше примеры взаимоотношений нуэр и динка или галла и эфиопского государства XVI в. служат хорошими иллюстрациями этой закономерности. Они, конечно, могут быть легко дополнены большим количеством аналогичных примеров из истории отношений между кочевниками и земледельцами Евразии и Северной Африки.

Таким образом, на уровне взаимодействия салинзовых первого и третьего параметров общей эволюции мы также находим значимые альтернативы социокультурного развития.

Несмотря на то, что Салинз пытался представить свой подход в качестве истинно многолинейного, на деле эта была попытка спасти именно однолинейный подход, самое его ядро. Признав монголинейность эволюции в целом, он фактически попытался доказать однолинейность социокультурного развития. Единственно реальной альтернативой в рамках псевдомноголинейной модели Салинза оказывается лишь движение вверх или вниз вдоль единой линии общей эволюции. Салинз, таким образом, признает неоднородность социальной эволюции, но настаивает на однолинейности социокультурного развития (в том виде, как оно определено в начале данной главы), упуская из вида самые интересные эволюционные альтернативы – альтернативы социокультурного развития. Действительно, самые важные эволюционные альтернативы вовсе не сводятся к тому, развивается данная социальная система или нет. Значительно более важно, в каком именно направлении идет это развитие.

Нелинейные подходы

Итак, многолинейный подход Салинза оказывается на поверку вполне однолинейным. Однако и действительно многолинейный подход нам также не представляется адекватным. В самом деле, если однолинейный подход предполагает существование одной функциональной зависимости, то подход многолинейный оказывается лишь его псевдоальтернативой, ибо вместо одной функциональной зависимости он постулирует существование нескольких подобного рода зависимостей, действующих для разного типа обществ. Вместе с тем все дело как раз в том и заключается, что реальное существование подобного рода зависимостей для социальной эволюции так пока никому доказать не удалось.

Чем точнее мы сможем измерить те или иные социологические показатели, тем больше возможных вариантов эволюции нам удастся рассчитать. В пределе мы получим некое многомерное пространство – поле (измерениями которого служат показатели социальной эволюции), каждой точке которого (в реальности, конечно, зоне, а не точке) будет соответствовать определенное значение вероятности подобного варианта. Таким образом, мы полагаем, что имеет смысл говорить не о линиях эволюции, а о непрерывном эволюционном поле. При этом в рамках данного поля мы вовсе не наблюдаем такой ситуации, что движение в любом направлении – в равной степени возможно. Движение в некоторых направлениях в его рамках оказывается в принципе невозможным, в то время как движение в одном направлении будет менее вероятным, чем в другом.

Конечно же, человеческим существам (в особенности не имеющим профессионального математического образования) трудно иметь дело на практике с многомерными пространствами. Поэтому мы предлагаем начать работу с двумерных сечений соответствующих эволюционных полей. К тому же невозможно непосредственно измерить вероятность социальных процессов. Однако и здесь выход достаточно известен. Вероятность определенных состояний обычно оценивается по величинам соответствующих частотностей.

Практическое заключение из этих соображений заключается в том, что мы можем рассматривать обычные кросстабуляции социозволюционных переменных как приближенные модели структуры двумерных сечений многомерного эволюционного поля вероятности.

Нужно отметить, что обычная методика формальных кросс-культурных исследований, сводящаяся, по сути, к “охоте за корреляциями” (см., скажем: Levinson, Malone 1981; Peregrine, Gray 1993), приводит к тому, что мимо внимания исследователей проходят многие важнейшие информационные ресурсы, потенциально содержащиеся в кросскультурных базах данных. Количественно выразить силу связи двух отображенных в таблице параметров зачастую означает извлечь из нее лишь небольшую часть содержащейся в ней информации. Мы полагаем, что картина распределения, выражаемая через таблицу, нередко представляет интерес сама по себе, давая возможность оценить структуру эволюционного поля вероятности.

Проиллюстрировать упрощенную двумерную нелинейную модель социальной эволюции можно на следующем несложном примере. Рассмотрим соотношение между уровнем сложности общины и числом уровней надобщинной политической интеграции.

К настоящему времени единственная попытка количественного кросс-культурного исследования зависимости между двумя данными переменными принадлежит Бефу (Befu 1966). Гипотеза его заключалась в том, что при росте сложности надобщинных структур сложность общины также будет увеличиваться. Однако Бефу нашел лишь довольно слабое статистическое подтверждение своей гипотезы: хотя направление корреляции между числом надобщинных уровней политической интеграции и числом общинных должностей совпало с предсказанным направлением, сама корреляция оказалась статистически незначимой ($0,20 < \alpha < 0,30$). Тем не менее Бефу удалось найти статистически значимую корреляцию между числом уровней интеграции внутри общины и числом надобщинных уровней политической интеграции ($\phi = 0,24$; $\chi^2 = 21,08$; $\alpha < 0,001$).

Как мы увидим ниже, корреляция эта действительно существует. Однако реальная картина зависимости между двумя указанными величинами представляется значительно более сложной и интересной.

Для своего второго статистического теста Бефу использовал опубликованную к тому времени часть базы данных (БД) Дж.П. Мердока. Начнем с того, что эта база данных не является вполне репрезентативной. Мы попробовали повторить статистические тесты Бефу, используя самые большие из доступных в настоящее время репрезентативных БД – базу данных для *Standard Cross-Cultural Sample* Дж.П.Мердока и Д. Уайта [Murdock & White 1969; Murdock & Wilson 1972; Barry & Schlegel 1980; Murdock & Wilson 1985; МАРТАВ 1997], а также БД для выборки *Atlas of World Cultures* Дж. П. Мердока (Murdock 1967; 1981; Murdock *et al.* 1986; 1990). С формальной точки зрения результаты Бефу оказались воспроизведенными – корреляция между числом уровней надобщинной политической интеграции и числом уровней структурной иерархии внутри общины оказалась как для *Standard Cross-Cultural Sample*, так и для *Atlas of World Cultures* в предсказанном направлении; для *Standard Cross-Cultural Sample* она статистически незначима ($r = 0,085$, $\alpha = 0,248$; $\rho = 0,121$, $\alpha = 0,099$). Однако для значительно большей по размеру выборки БД *Atlas of World Cultures* значимость была выше ($\rho = 0,172$, $\alpha < 0,001$; $r = 0,124$, $\alpha = 0,004$). Тем не менее более внимательный анализ данных показывает, что действительное отношение между двумя данными переменными значительно сложнее (и значительно интереснее), чем предполагал Бефу. Начнем с того, что Бефу дихотомизировал обе переменные, будучи уверенным в линейном отношении между ними. Однако отношение это на самом деле оказалось не столь простым.

Кросстабуляция для БД *Standard Cross-Cultural Sample* выглядит следующим образом (табл. 1).

Нетрудно видеть, что на самом деле положительная корреляция между двумя рассматриваемыми переменными наблюдается лишь в двух зонах кросстабуляции, в то время как в двух других зонах корреляция эта отрицательна (табл. 2).

Эту картину совсем не сложно проинтерпретировать качественно. Первая зона положительной корреляции (*ЗОНА 1+*) может быть легко проинтерпретирована в рамках политогенетической модели Карнейро (Carneiro 1970; 1981; 1987 &c). В самом деле, в рамках этой модели предполагается, что самые ранние суверенные надобщинные уровни политической интеграции обычно формируются в результате завоевания одной общиной нескольких других, и нужно ожидать, что для того, чтобы устойчиво подчинить себе другую общину, община-завоеватель должна иметь достаточно сложную структуру. Поэтому то наблюдение, что на ранних стадиях политической эволюции рост надобщинных структур происходит одновременно с ростом сложности внутриобщинных структур, не вызывает никакого удивления. Однако после достижения надобщинными структурами определенного уровня слож-

Таблица 1

Кросстабуляция данных БД *Standard Cross-Cultural Sample*

		A				
		0	1	2	3	4
Y	2	10 6.0%	4 11.4%	1 11.3%	16 16.2%	16 16.2%
	1	54 65.1%	28 60.9%	18 66.7%	11 61.1%	6 50.0%
	0	21 43.7%	8 18.1%	5 17.3%	6 27.1%	3 16.3%
		B				
		X				
		Число уровней надобщинной политической интеграции				

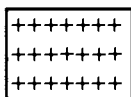
Таблица 2

Кросстабуляция данных БД Standard Cross-Cultural Sample

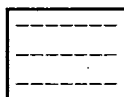
Корреляционные зоны

Y	Корреляционные зоны				
	0	1	2	3	4
2	+++++++	+++ ----	---- +++++	+++++++	+++++++
	+++++++	+++ ----	---- +++++	+++++ +++	+++++++
	+++++++	+++ ----	---- +++++	+++++++	+++++++
	+++++++	+++ ЗОНА	---- ЗОНА	+++ ++ +++++	+++++++
	++	ЗОНА 1-	ЗОНА 2+	+++++	++
	ЗОНА 1+	1+	1-	ЗОНА 2+	ЗОНА 2+
1	+++++++	+++ ----	---- +++++	+++++++	+++++++
	+++++++	+++ - -	---- + +	+++++ +++++	+++++++
	+++ +	+++ ЗОНА	ЗОНА ЗОНА	+++++++	+++++
	ЗОНА 1+	1-	1- 2+	ЗОНА 2+	ЗОНА 2+
	+++ +++++	+++++++	+++++ ----	----	----
+++ +++++	+++++++	+++++ ЗОНА	----	----	
+++++ +	ЗОНА 1+	+ 2-	ЗОНА 2-	ЗОНА 2-	
0	+++++++	+++++++	+++++ ----	----	----
	+++++++	+++++++	+++++ ----	----	----
	+++++++	+++++++	+++++ ----	----	----
	+++	++ +++++	+++ ЗОНА	----	----
	ЗОНА 1+	ЗОНА 1+	+ 2-	ЗОНА 2-	ЗОНА 2-
	0	1	2	3	4 X

Число уровней надобщинной политической интеграции



– зоны положительной корреляции



– зоны отрицательной корреляции

ности они зачастую начинают отбирать у внутриобщинных структур многие важные функции. Например, развитое государство обычно монополизировало такие функции, как военные или внешнеполитические (дипломатические); в результате, соответствующие subsystemы в общинной структуре атрофируются и исчезают. Как следствие этих процессов сложность общин начинает уменьшаться (ЗОНА 2-) ²⁶.

²⁶ Нетрудно объяснить, почему начальный анализ этих данных обнаружил существенную положительную корреляцию. Причина в том, что в базах данных Мердока, как это хорошо известно, сложные общества сильно недопредставлены. В результате, поскольку в выборках Мердока число простых обществ многократно превосходит число сложных обществ, позитивная корреляция, характерная для простых обществ, отступает на задний план негативную корреляцию, типичную для более сложных обществ.

ЗОНА 2+ положительной корреляции также не выглядит случайной. По всей видимости, она соответствует определенным альтернативам эволюции сложных обществ, когда общины оказываются достаточно сильны для того, чтобы противостоять давлению развитого государства и сохранить большую часть своих функций (как это произошло, например, в средневековой Северной Индии [например: Алаев 1981]), или когда государство делегирует некоторые свои функции общинам – тогда рост сложности внутри- и надобщинных структур снова происходит одновременно (как это наблюдалось, например, в России XV–XVIII вв.). Собственно говоря, Бефу и имел в виду именно подобную эволюционную альтернативу, когда выдвигал свою гипотезу. Таким образом, Бефу имел некоторые основания для своей гипотезы, однако то, что он представил в качестве главной эволюционной закономерности, применительно к сложным обществам оказывается, скорее, довольно редкой эволюционной альтернативой. Итак, там, где Бефу ожидал найти простую линейную закономерность, мы на самом деле находим значительно более сложный нелинейный процесс с несколькими эволюционными альтернативами.

Но и это не все. Имеет смысл рассмотреть самостоятельно верхнюю часть пограничной зоны между левой и правой половинами таблицы, где обнаруживается еще одна зона отрицательной корреляции (**ЗОНА 1-**). Эта зона (совместно с **ЗОНОЙ 1+**), по-видимому, соответствует эволюционной альтернативе развитию жестких надобщинных политических структур (*chiefdom – complex chiefdom – state*) через усложнение внутриобщинных структур совместно с созданием мягких надобщинных систем, не отчуждающих суверенитета (разнообразные конфедерации, амфикинии и т.д.). Одним из наиболее впечатляющих результатов развития в этом эволюционном направлении является греческий полис – некоторые полисы достигали уровня сложности, сопоставимого не только с вожжеством, но и с государством, и оказали огромное воздействие на весь ход мировой истории (Verent 1994; 1998; Коротаев 1995а; см. также главу Берента).

Собственно говоря, в табл. 1 статистически значима только корреляция в **ЗОНЕ 1+**. Однако при попытке повторить статистические тесты с использованием заметно большей по размеру БД *Atlas of World*

Только в наиболее репрезентативной по своей структуре *стандартной кросс-культурной выборке* влияние негативной корреляции оказалось достаточно сильным для того, чтобы хотя бы частично нейтрализовать влияние значимой позитивной корреляции, в результате чего на выходе получилась статистически незначимая слабая положительная корреляция.

Cultures Дж. П. Мердока (555 обществ – самая большая релевантная репрезентативная БД) мы получаем удивительно сходное корреляционное распределение (табл. 3).

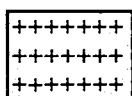
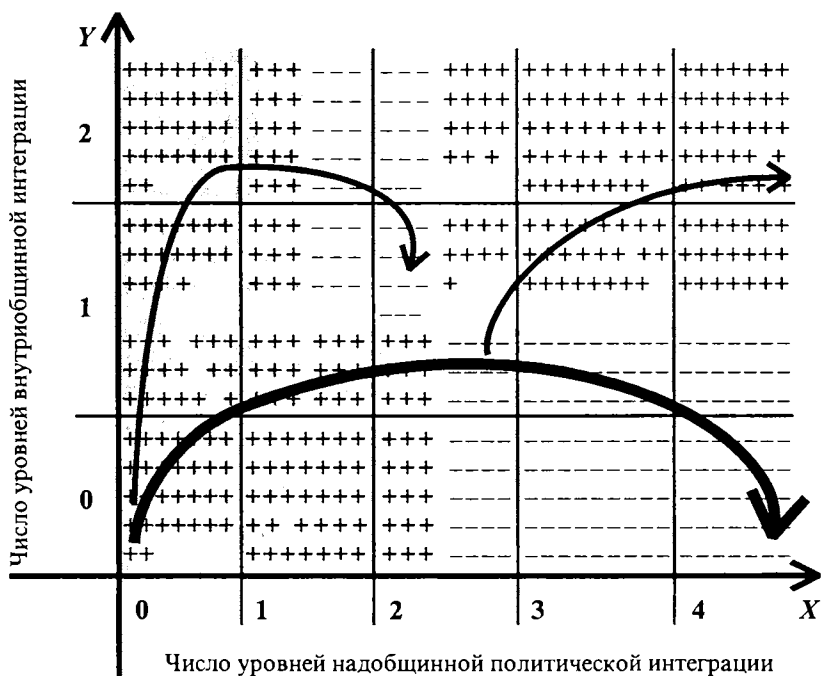
Нетрудно видеть, что корреляционное распределение в этом случае просто идентично с предыдущим. Структура распределения даже стала более четкой. Статистически значимая корреляция наблюдается теперь не только в ЗОНЕ 1+, но и в ЗОНЕ 2-. Корреляция в ЗОНЕ 2+ уже близка к порогу статистической значимости. Корреляция в ЗОНЕ 1- все еще далека от этого порога, что, на наш взгляд, объясняется тем обстоятельством, что сверхсложные суверенные гражданские общины (например, греческие полисы, римская *civitas*, сверхсложные суверенные гражданские общины раннесредневековой Далмации, средневековой Швейцарии или Дагестана XVIII в.) практически не представлены в антропологических БД. Удивляет поэтому, скорее, то обстоятельство, что обе кросстабуляции все-таки фиксируют данную эволюционную альтернативу.

Результаты проведенного анализа могут быть представлены в виде диаграммы на рис. 1.

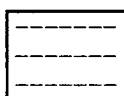
Таблица 3

Кросстабуляция данных БД Atlas of World Cultures

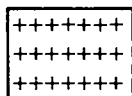
		A					D
		0	1	2	3	4	
C Число уровней внутриобщинной интеграции	2	122 3.6%	21 6.1%	10 16.3%	7 16.5%	5 32.9%	
	1	138 52.9%	95 63.8%	49 71.0%	26 54.2%	9 40.9%	
	0	101 18.1%	21 13.1%	10 13.3%	15 11.9%	8 36.9%	
		0	1	2	3	4	X
		B					
		Число уровней надобщинной политической интеграции					



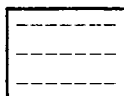
– зона значимой положительной корреляции



– зона значимой отрицательной корреляции



– зона статистически незначимой положительной корреляции



– зона статистически незначимой отрицательной корреляции



– наиболее вероятная эволюционная траектория



– менее вероятная (но вполне возможная) эволюционная траектория

Рис. 1.

Однако и эта диаграмма дает лишь упрощенную картину. Модель по-прежнему остается многолинейной, а не нелинейной. Действительно, проанализированные данные не исключают возможности и значительного числа иных эволюционных траекторий, например представленных диаграммой на рис. 2.

По сути дела, проанализированные данные не исключают возможности эволюционного движения из любой точки рассматриваемого поля в любую другую. Таким образом, изображение всех возможных здесь эволюционных траекторий будет выглядеть следующим образом (см. диаграмму на рис. 3).

Вполне ясно, что подобное изображение трудно признать сколько-нибудь полезным. Для того чтобы одновременно учесть и все возможные эволюционные траектории, и их неравноценность, а также, чтобы оценить структуру эволюционного поля вероятности можно воспользоваться все той же крестобулавкой, интерпретируя ее именно как приближенную оценку структуры данного поля. Более частотные сочетания характеристик в пределах данного класса случаев при таком подходе рассматриваются как более вероятные.

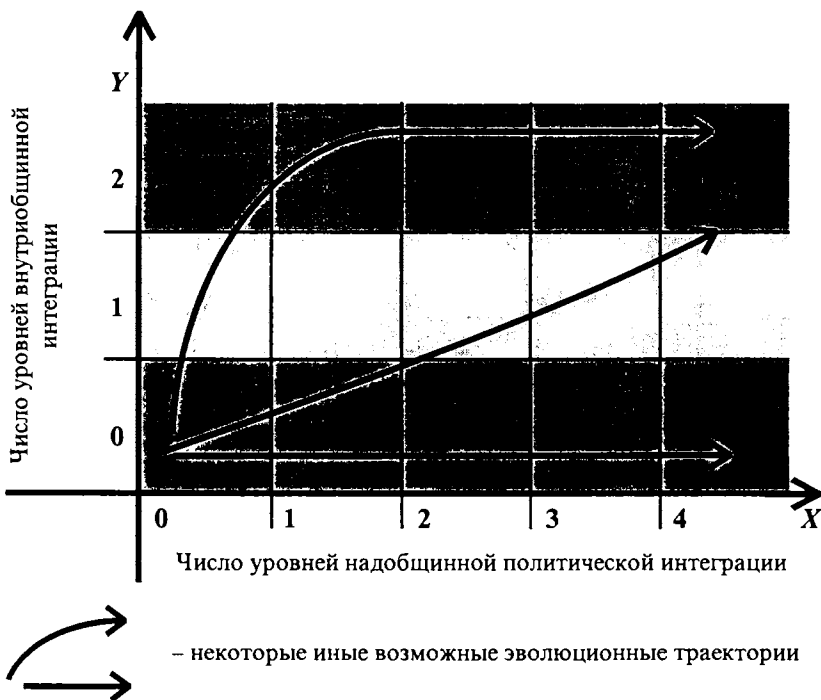


Рис. 2

Представим проанализированную выше кросс-табуляцию в виде диаграммы, приведенной на рис. 4, где показано эволюционное поле вероятности (*a* – вид «сверху»; *b* – вид «слева»; *c* – вид «справа»).

Цифры на диаграммах указывают процент обществ с данным уровнем сложности общины среди обществ с данным числом уровней надобщинной интеграции. Например, число 54 в верхней части центрального столбца ряда 3 означает, что 54% всех обществ с тремя уровнями надобщинной политической интеграции имеют сложные общины, а число 41 по соседству заставляет предположить, что с переходом от трех к четырехуровневым надобщинным политическим системам сохранение сложных общинных структур становится менее вероятным, в то время как повышается вероятность появления как сверхсложных, так и упрощенных общин (о чем напоминает сравнительная высота соответствующих столбцов). В целом, чем больше относительная высота столбца в данном ряду, тем выше вероятность развития соответствующего типа общинной организации среди обществ с указанным числом надобщинных уровней политической интеграции. Сравнительная оценка столбцов в двух смежных рядах позволяет также оценить вероятность разных направлений трансформации общинных структур при надстраивании соответствующего уровня надобщинной иерархии. Ди-

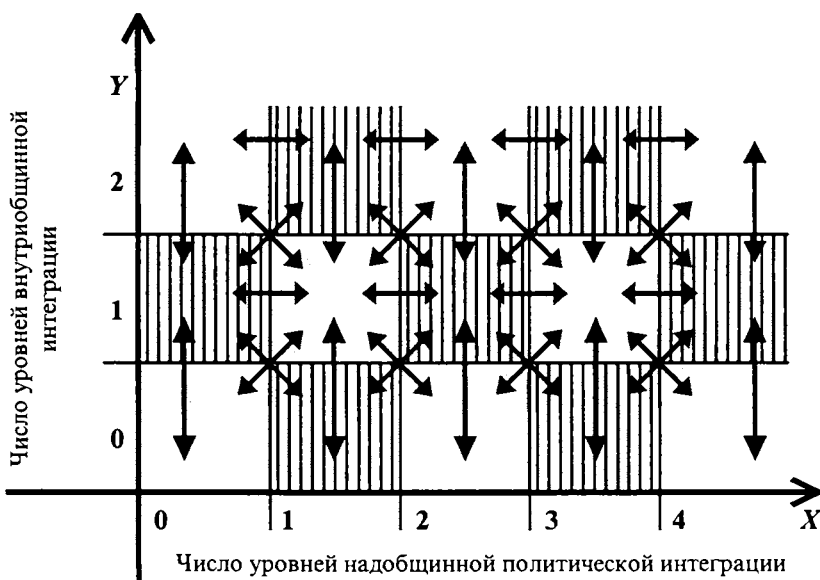


Рис. 3

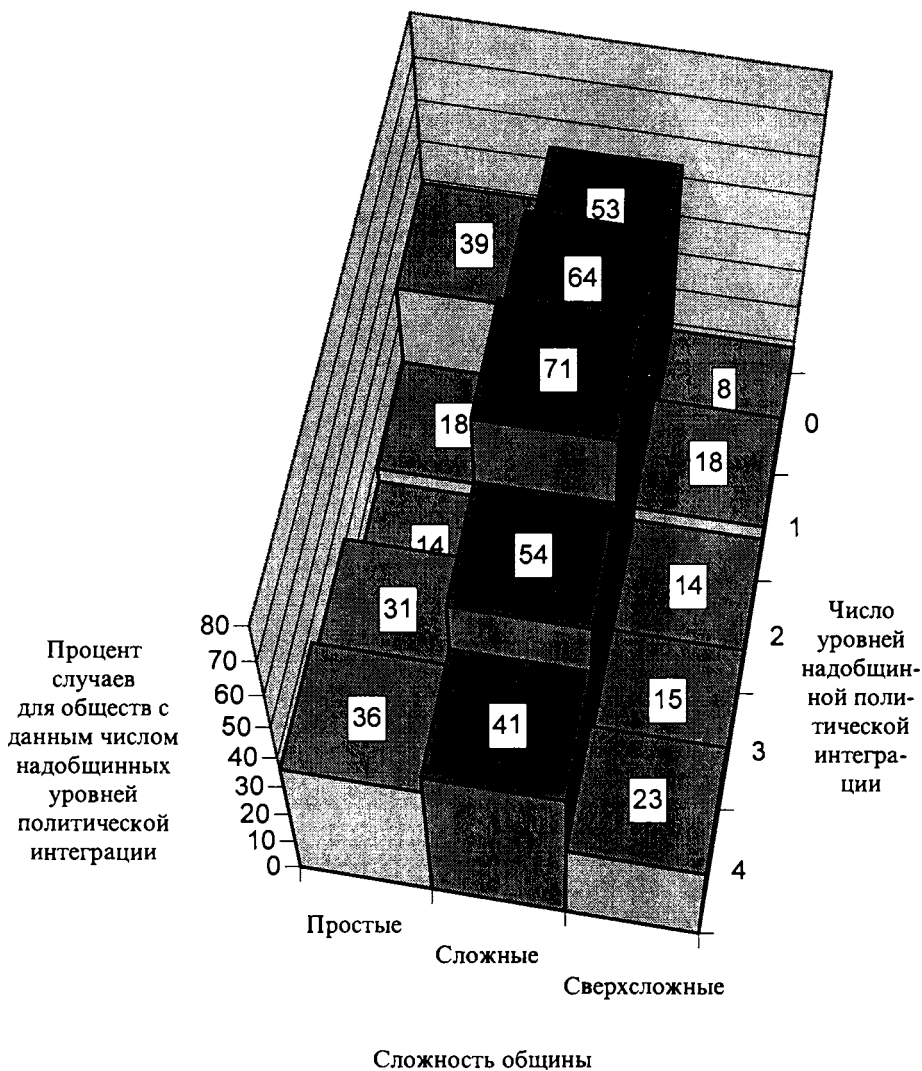


Рис. 4, а.

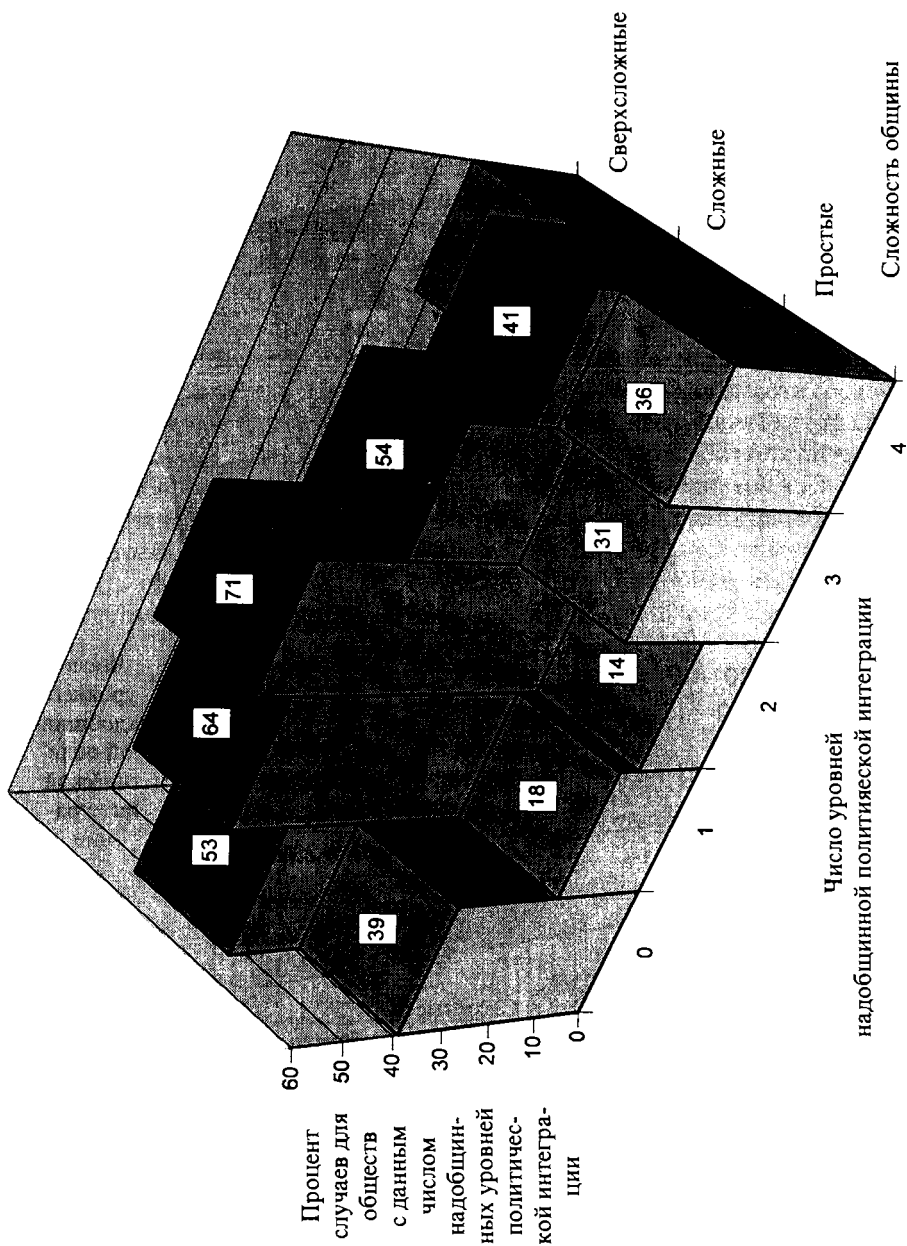


Рис. 4, б.

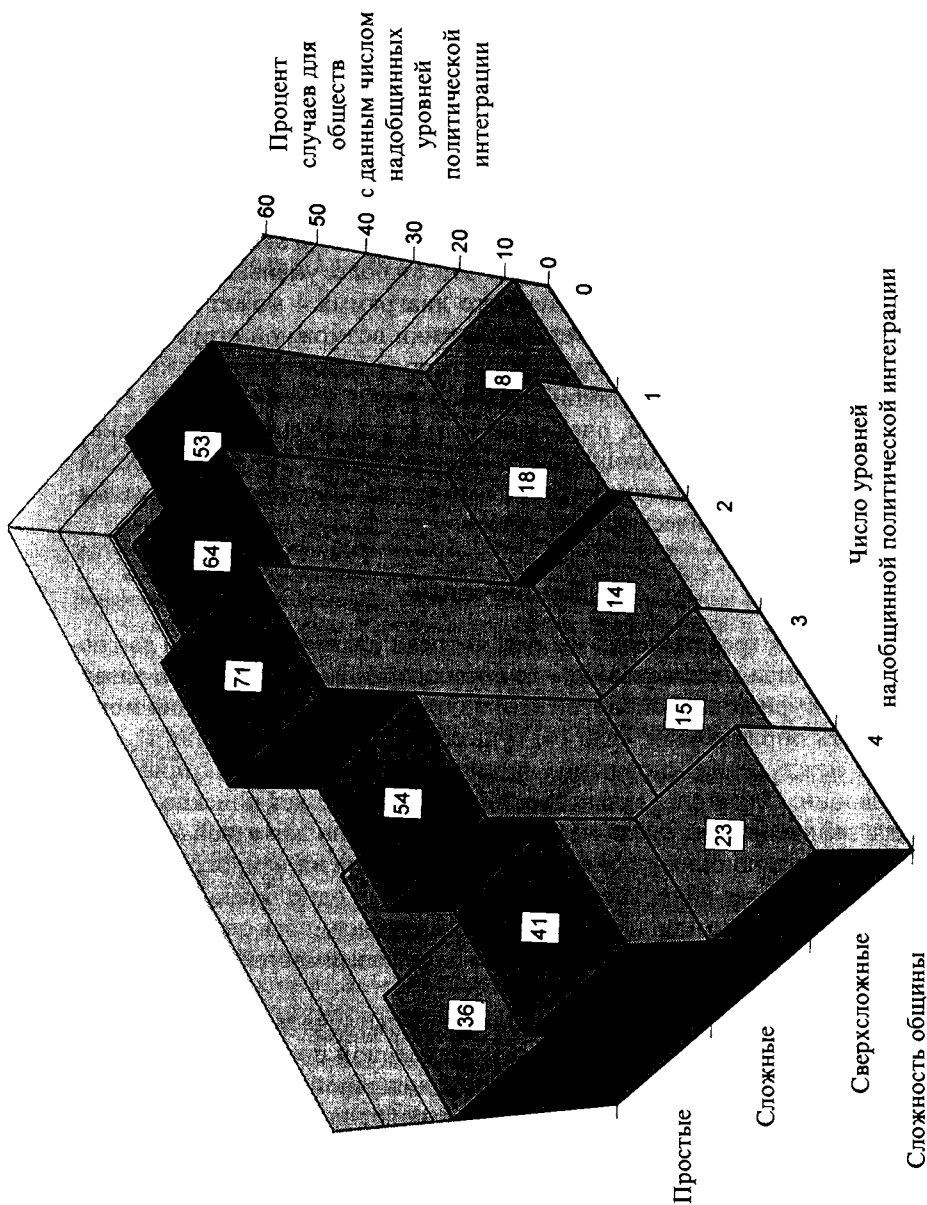


Рис. 4. в.

аграмма вполне определенно описывает обсуждавшиеся выше эволюционные альтернативы: развитие общинных структур до определенного уровня должно с высокой вероятностью предшествовать появлению надобщинных интеграционных уровней; вплоть до появления второго надобщинного уровня развитие внутриобщинных и надобщинных структур сопровождается их усложнением, однако после появления второго надобщинного уровня появляется тенденция к росту процента как наиболее простых, так и наиболее сложных общин, при том что вероятность сохранения сложной (в противоположность как простой, так и сверхсложной) общины начинает все более и более уменьшаться). И т. д.

Таким образом, мы полагаем, что диаграмма 4 может вполне использоваться для приблизительной оценки возможной структуры соответствующего среза эволюционного поля вероятности, в качестве простой нелинейной эволюционной модели.

Вместе с тем однако, очевидно, что для получения более точных оценок структуры эволюционного поля вероятности необходимо добавление в существующие антропологические БД социоантропологических данных исторических источников.

Заключение

В первых трех разделах мы рассмотрели различные теории эволюции и пришли к заключению, что с точки зрения современного развития культурной антропологии теория однолинейной эволюция могла бы быть оправданной, если бы существовала стопроцентная зависимость между **всеми** основными одномерными показателями социальной эволюции. Однако в реальности более чем за сто лет поисков не удалось зафиксировать столь жестких корреляций **ни** для одной пары значимых эволюционных показателей. В то же время и многолинейный подход является лишь «псевдоальтернативой» однолинейных теорий, поскольку вместо одной функциональной зависимости он постулирует существование нескольких подобного рода зависимостей, действующих для разного типа обществ.

С этой точки зрения оправданным представляется говорить не о линии, не о плоскости или даже не о трехмерном пространстве, а только о многомерном пространстве – поле социальной эволюции. Чем точнее мы сможем измерить те или иные социологические показатели, тем больше возможных вариантов эволюции сможем рассчитать. В пределе получим некое многомерное пространство – поле (измерениями которого служат показатели социальной эволюции), каждой точке которого (в реальности, конечно, зоне, а не точке) будет соответствовать определенное значение вероятности подобного варианта.

Итак, мы полагаем, что имеет смысл говорить не о линиях эволюции, а о непрерывном эволюционном поле. При этом в рамках этого поля мы вовсе не наблюдаем такой ситуации, при которой движение в любом направлении возможно в равной степени. Движение в некоторых направлениях в его рамках оказывается в принципе невозможным, в то время как движение в одном направлении будет менее вероятным, чем в другом. Переход к более адекватному пониманию социозволюционных процессов может быть достигнут, на наш взгляд, через отказ как от однолинейных, так и многолинейных схем социальной эволюции и через последующую разработку ее нелинейных моделей.

ЛИТЕРАТУРА

- Алаев Л.Б. 1981. *Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции*. М.: Наука.
- Андрианов Б.В., Марков Г.Е. 1990. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // *Вопросы истории*. № 8: 3–15.
- Артемова О.Ю. 1987. *Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным)*. М.: Наука.
- Артемова О.Ю. 1989. К проблеме первобытного эгалитаризма // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. М.: Наука. Ч.3.: 3–5.
- Артемова О.Ю. 1991. Эгалитарные и неэгалитарные первобытные общества // *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Отв. ред. А.В.Коротаев, В.В.Чубаров. Т. I. М.: Институт истории СССР АН СССР: 44–91.
- Артемова О.Ю. 1993. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л.Е.Куббеля* / Отв. ред. В.А.Попов. М.: Наука: 40–70.
- Бахрей. 1976 [1593]. История галла: Пер. К. П. Калиновской // *К. П. Калиновская. Возрастные группы народов Восточной Африки*. М.: Наука: 133–143.
- Бахта В.М., Сенюта Т.В. 1972. Локальная группа, семья и узлы родства в обществе аборигенов Австралии // *Охотники, собиратели, рыболовы* / Отв. ред. А. М. Решетов. Л.: Наука: 68–90.
- Березкин Ю.Е. 1994. Апатани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества // *Кунсткамера. Этнографические тетради*. Т. 4: 5–19.
- Березкин Ю.Е. 1995а. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В. А. Попов. М.: Наука: 62–78.
- Березкин Ю.Е. 1995б. Модели среднemasштабного общества: Америка и древнейший Ближний Восток // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н.Н.Крадин, В.А.Лынша. Владивосток: Дальнаука: 94–104.
- Березкин Ю.Е. 1997. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // *Вестник древней истории*. № 2: 3–24.
- Бондаренко Д.М. 1995а. *Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть*. М.: Институт Африки РАН.
- Бондаренко Д.М. 1995б. Мегаобщина как вариант структуры и типа социума: доколониальный Бенин // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н. Н. Крадин и В. А. Лынша. Владивосток: Дальнаука: 139–150.

- Бондаренко Д.М. 1995в. Вождества в доколониальном Бенине // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В.А.Попов. М.: Наука: 140–152.
- Бондаренко Д.М. 1996. Мегаобщина как вариант структуры и типа социума: предпосылки сложения и функционирования. *Восток*. № 3: 30–38.
- Бондаренко Д.М. 1997. *Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной тропической Африке*. М.: Институт Африки РАН.
- Бондаренко Д.М. 1998. Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству // *Восток*. № 1: 195–202.
- Васильев Л.С. 1982. Феномен власти-собственности // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века* / Отв. ред. Л.Б.Алаев. М.: 60–99.
- Васильев Л.С. 1983. *Проблемы генезиса китайского государства*. М.: Наука.
- Васильев Л.С. 1988. Что такое «азиатский» способ производства? // *Народы Азии и Африки*. № 3: 65–75.
- Васильев Л.С. 1993. *История Востока*. М.: Высшая школа. Т. I–II.
- Внгасин А.А., Лелюхин Д.Н. 1987. Древняя Индия // *Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке*. М.: Наука: 177–213.
- Далин С.А. 1928. Рец. на: Л.Мадьяр. «Экономика сельского хозяйства в Китае». М.-Л., 1928. *Известия* 4 октября.
- Дискуссия об азиатском способе производства. 1931. М.-Л.
- Дискуссия о социально-экономических формациях. 1930 // *Историк-марксист*. Т. XVI.
- Журов Ю.В. 1994. О средней продолжительности жизни человека как критерии прогресса в историческом развитии // *Новая и новейшая история*. № 4–5: 94–105.
- Иванов Н. А. 1993 (отв. ред.). *Феномен восточного деспотизма*. М.: Наука.
- Илющечкин В.П. 1986а. *Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ*. М.: Наука.
- Илющечкин В.П. 1986б. *Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа)*. М.: Наука.
- Илющечкин В.П. 1990. *Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах*. М.: Наука.
- Илющечкин В.П. 1997. *Теория стадийного развития общества*. М.: Восточная литература.
- Кабо В.Р. 1986. *Первобытная доземледельческая община*. М.: Наука.
- Киселев Г.С. 1985. *Доколониальная Африка. Формирование классового общества*. М.: Наука.
- Коротаев А.В. 1989. О некоторых экономических предпосылках классовообразования и политогенеза // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока* / Отв. ред. С. И. Бломхен и др. М.: Наука Т. 1.: 44–59.
- Коротаев А.В. 1991. Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза // *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Отв. ред. А. В. Коротаев и В. В. Чубаров. М.: Институт истории СССР АН СССР: 136–191.
- Коротаев А.В. 1995а. Горы и демократия: к постановке проблемы // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша. Владивосток: 77–93.
- Коротаев А.В. 1995б. Некоторые проблемы социальной эволюции архаических (и не только архаических) обществ // *Восток*. № 5: 211–220.
- Коротаев А.В. 1995в. Апология трайбализма: Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ // *Социологический журнал*. № 4: 68–86.
- Коротаев А.В. 1996а. Два социально-экологических кризиса и генезис племенной организации на Северо-Востоке Йемена // *Восток*. № 6: 18–28.

- Коротаев А.В. 1996б. От вождества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние две тысячи лет // *Этнографическое обозрение*. № 2: 81–91.
- Коротаев А.В. 1997. *Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации*. М.: Восточная литература.
- Коротаев А.В. 1998. *Вождества и племена страны Хайшид и Бахил*. М.: ИВ РАН.
- Коротаев А.В., Блюмхен, С.И. 1991. Введение. Узловые проблемы социологии развития архаических обществ // *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Отв. ред. А. В. Коротаев и В. В. Чубаров. М.: Институт истории СССР АН СССР: 3–43.
- Крадин Н.Н. 1991. Политогенез // *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Отв. ред. А.В.Коротаев, В.В.Чубаров. М.: Т. II.: 261–300.
- Крадин Н.Н. 1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н.Н. 1994. Кочевые общества в контексте стадияльной эволюции // *Этнографическое обозрение*. № 1: 62–72.
- Крадин Н.Н. 1995. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // *Цивилизации*. М.: Вып. 3. 164–179.
- Крадин Н.Н. 1996. *Империя Хунну*. Владивосток: Дальнаука.
- Лелюхин Д.Н. 1989. *Структура древнеиндийского государства в первой половине I тыс. н.э.* Дисс. канд. ист. наук. М.: Институт востоковедения АН СССР.
- Лелюхин Д.Н. 1993. Государство, администрация и политика в «Артхашастре» Каутильи // *Вестник древней истории*. № 2: 4–24.
- Лелюхин Д.Н. 1998. Структура державы Маурьев по сведениям эдиктов Ашоки // *Вестник древней истории*. № 2: 115–129.
- Лынша В.А. 1995. Загадка Энгельса // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н.Н.Крадин, В.А.Лынша. Владивосток: 36–58.
- Мадьяр Л.И. 1928. *Экономика сельского хозяйства в Китае*. М.-Л.: ГИЗ.
- Маркс К. 1846. Письмо П.В. Анненкову 28 декабря 1846 г. В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. *Собрание сочинений*. 2-е изд. Т. 29. М.: Политиздат.
- Марков Г.Е. 1967. *Кочевники Азии (Хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества)*. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Масанов Н.Э. 1991. *Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспекты номадизма*. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Масанов Н.Э. 1995. *Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества)*. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт.
- Мешков К.Ю. 1982. Филиппины // *Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин* / Отв. ред. Н. Н. Чебоксаров и А. И. Кузнецов. М.: Наука: 175–226.
- Назаретян А.П. 1991. *Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. Очерки междисциплинарной теории прогресса*. М.: Недра.
- Назаретян А.П. 1995. *Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. Синергетика социального прогресса*. М.: Наследие.
- Никитин Н.И. 1987. О формационной природе ранних казачьих сообществ (к постановке вопроса) // *Феодализм в России* / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: 236–245.
- Павленко Ю.В. 1989. *Раннеклассовые общества (генезис и пути развития)*. Киев: Наукова думка.
- Павленко Ю.В. 1991. Классообразование: становление и модели развития раннеклассовых обществ // *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Отв. ред. А.В.Коротаев, В.В.Чубаров. М.: Т. II. 217–260.

- Павленко Ю.В. 1996. *Історія світової цивілізації. Соціокультурний розвиток людства*. Київ: Либідь.
- Плеханов Г.В. 1908. Основные вопросы марксизма // Плеханов Г.В. *Избранные философские произведения*. М.: Т. III. 124–196.
- Поршнев Б.Ф. 1966. *Социальная психология и история*. М.: Наука.
- Пу И. 1968. *Первая половина моей жизни. Воспоминания Пу И – последнего императора Китая*. М.: Прогресс.
- Рознер И.Г. 1970. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. // *Вопросы истории*. № 8: 42–56.
- Северцов А.Н. 1939. *Морфологические закономерности эволюции*. М.; Л.: АН СССР.
- Северцов А.Н. 1967. *Главные направления эволюционного процесса*. 3-е изд. М.: Наука.
- Семенова Л.А. 1974. *Из истории фатимидского Египта*. М.: Наука.
- Скрынникова Т.Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингисхана*. М.: Восточная литература.
- Тёкен Ф. 1975. *К теории общественных формаций*. М.: Прогресс.
- Трепавлов В.В. 1995. Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н.Н.Крадин и В.А.Лынша. Владивосток: 199–208.
- Фурсов А.И. 1989. Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта // *Французский ежегодник 1987*. М.: 278–330.
- Фурсов А.И. 1995. Восток, Запад, капитализм: проблемы философии, истории и социальной теории // *Капитализм на Востоке во второй половине XX в.* / Отв. ред. В. Г. Растяников и Г. К. Широков. М.: 16–133.
- Чиркин В.Е. 1955. Об изучении государственных образований, возникавших в ходе восстаний рабов и крестьян // *Вопросы истории*. № 9.
- Чудинова О.Ю. 1981. Мужчины и женщины в обществе аборигенов Австралии // *Пути развития Австралии и Океании. История, экономика, этнография* / Отв. ред. К. В. Малаховский. М.: Наука: 220–237.
- Штаерман Е.М. 1989. К проблеме возникновения государства в Риме // *Вестник Древней истории*. № 2: 76–94.
- Abū Ghānim [أبو غانم] F. 'A.A. 1985/1405. *البنية القبلية في اليمن بين الاستمرار والتغيير – Al-bunyah al-qabaliyyah fi 'l-Yaman bayna 'l-istimrār wa-'l-taghayyur* [The Tribal Structure of Yemen: Between Continuity and Change]. Dimashq: al-Kātib al-'Arabiyy.
- Abū Ghānim [أبو غانم] F. 'A.A. 1990/1410. *القبيلة والدولة في اليمن – Al-qabīlah wa-'l-dawlah fi 'l-Yaman* [Tribe and State in Yemen]. al-Qāhira: Dār al-Manār.
- Adams R.N. 1975. *Energy and Structure*. Austin – London: University of Texas Press.
- Al-Rasheed M. 1994. The Rashīdī Dynasty: Political Centralization among the Shammar of North Arabia // *New Arabian Studies*. Vol. 2: 140–152.
- Bahrey. 1954 [1593]. *History of the Galla // Some Records of Ethiopia (1593–1646). Being Extracts from the History of High Ethiopia or Abassia by Manoel de Almeida together with Bahrey's History of the Galla* / Ed. and transl. by C. F. Beckingham & G. W. B. Huntingford. L.: Hakluyt Society (Works issued by the Hakluyt Society. 2nd series, № 107).
- Bailey A.M., Llobera J. 1981 (Eds.). *The Asiatic Mode of Production: Science and Politics*. London etc.: Routledge & Kegan Paul.
- Barry H. III, Schlegel A. 1980 (Eds.). *Cross-Cultural Codes and Samples*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Barton R.F. 1919. *Ifugao Law*. Berkeley, CA: University of California Press (University of California Publications in American Archaeology and Ethnology, XV).
- Barton R.F. 1922. *Ifugao Economics*. Berkeley, CA: University of California Press (University of California Publications in American Archaeology and Ethnology, XV/5).
- Barton R.F. 1938. *Philippine Pagans*. London: Routledge.

- Befu H.** 1966. Political Complexity and Village Community: Test of an Hypothesis // *Anthropological Quarterly*. Vol. 39: 43–52.
- Berent M.** 1994. *Stateless polis*. Unpublished PhD thesis. Cambridge, Cambridge University.
- Berent M.** 1998. The stateless polis: towards a new anthropological model of the ancient Greek community // *Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour. Concepts of Humans and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach* / Ed. by M. Butovskaya, A. Korotayev, O. Khristoforova. M.: Russian State University for the Humanities: 97–98.
- Bondarenko D.M.** 1994. Precolonial Benin: Man, Authority and the Structure of the Society // *State, City & Society* / Ed. by J.A. Sabloff, M. Lal. New Delhi: World Archaeological Congress: 1–10.
- Bondarenko D.M.** 1997. Benin on the Eve of the First Contacts with the Europeans. Man. Society. Authority. Summary // *African Studies in Russia*. Vol. 3: 162–170.
- Bondarenko D.M.** 1998. The Benin Kingdom (13–19 Centuries) as a Megacommunity // *Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour. Concepts of Humans and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach* / Ed. by M. Butovskaya, A. Korotayev & O. Khristoforova. M.: 111–113.
- Bondarenko D.M., Roesé P.M.** 1998. Pre-Dynastic Edo: The Independent Local Community Government System and Socio-Political Evolution. *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. Vol. 39: 367–372.
- Bonte P.** 1981. Marxist Theory and Anthropological Analysis: The Study of Nomadic Pastoralist Societies // *The Anthropology of Precapitalist Societies* / Ed. by J.S.Khan and J.Llobera. L.: 22–55.
- Bonte P.** 1990. French Marxist Perspectives on Nomadic Societies // *Nomads in a Changing World* / Ed. by C. Salzman and J. G. Galaty. Naples: Istit. Univ. orient.: 49–101.
- Bratkiewicz J.** 1989. *Teoria przedkapitalistycznej formacji społecznej w kulturach orientalnych: Interpretacja badań i polemik* [The Theory of the pre-capitalistic social formation in Oriental societies: Interpretation of researches and polemics]. Wrocław etc: Ossolenium.
- Carneiro R. L.** 1970. A Theory of the Origin of the State. *Science*. Vol. 169: 733–738.
- Carneiro R. L.** 1981. The Chiefdom: Precursor of the State // *The Transition to Statehood in the New World* / Ed. by G.D.Jones and R.R.Kautz. Cambridge etc: Cambridge University Press: 37–79.
- Carneiro R. L.** 1987. Cross-Currents in the Theory of State Formation // *American Ethnologist*. Vol. 14: 756–770.
- Carneiro R. L.** 1991. The Nature of the Chiefdom as Revealed by Evidence from the Cauca Valley of Colombia // *Profiles in Cultural Evolution* / Ed. by A. T. Rambo and K. Gillogly. Ann Arbor: Museum of Anthropology, University of Michigan (Anthropology Papers, Museum of Anthropology, University of Michigan, No.85): 167–190.
- Chase-Dunn C., Grimes P.** 1995. World-System Analysis // *Annual Review of Sociology*. Vol. 21: 387–417.
- Chase-Dunn C., Hall T.D.** 1993. Comparing World-Systems: Concepts and Working Hypotheses // *Social Forces*. Vol. 71. № 4: 851–886.
- Chase-Dunn C., Hall T.D.** 1994. The Historical Evolution of World-Systems // *Sociological Inquiry*. Vol. 64. № 3: 257–280.
- Chase-Dunn C., Hall T.D.** 1995. The Historical Evolution of World-Systems // *Protosozologie*. Vol. 7: 23–34, 301–303.
- Chase-Dunn C., Hall T.D.** 1997. *Rise and Demise. Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview Press.
- Chelhod J.** 1970. L'Organisation sociale au Yémen // *L'Ethnographie*. Vol. 64: 61–86.
- Chelhod J.** 1979. Social Organization in Yemen // *Dirāsāt Yamaniyyah*. Vol. 3: 47–62.

- Chelhod J.** 1985. Les structures sociales et familiales. Chelhod, J. et al. *L'Arabie du Sud: histoire et civilization*. Vol 3. *Culture et institutions du Yémen*. Paris: Maisonneuve et Larose: 15–123 (Islam d'hier et d'aujourd'hui, 25).
- Christie J. W.** 1995. State Formation in Early Maritime Southeast Asia // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. Vol. 151: 235–288.
- Claessen H. J. M.** 1989. Evolutionism in Development. Beyond Growing Complexity and Classification // *Kinship, Social Change, and Evolution* / Ed. by A. Gingrich et al. Horn – Wien: Ferdinand Berger & Söhne: 231–247.
- Claessen H. J. M.** 1996. How Unique Was Srivijaya? // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. Vol. 152: 443–445.
- Claessen H. J. M.** Forthcoming // *Decline and Fall of the Early State. Evolutionary Considerations*.
- Claessen H. J. M., Skalnik P.** 1978. (Eds.). *The Early State*. The Hague-Paris-N. Y.: Mouton.
- Claessen H. J. M., Skalnik P.** 1981. (Eds.). *The Study of the State*. The Hague-Paris-N. Y.: Mouton.
- Claessen H. J. M., Oosten J.G.** 1996. (Eds.). *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.
- Claessen H. J. M., Velde P. van de.** 1982. Another Shot at the Moon // *Research*. Vol. 1: 9–17.
- Claessen H. J. M., Velde P. van de.** 1985a. The Evolution of Sociopolitical Organization // *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H.J.M.Claessen, P.van de Velde, M. E. Smith. South Hadley, MA: Bergin & Carvey: 1–12.
- Claessen H. J. M., Velde P. van de.** 1985b. Sociopolitical Evolution as Complex Interaction // *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H.J.M.Claessen, P.van de Velde, and M.E.Smith. South Hadley, MA: Bergin & Garvey: 246–263.
- Claessen H. J. M., Velde P. van de.** 1987. Introduction // *Early State Dynamics* Ed. by H.J.M.Claessen, P.van de Velde. Leiden &c: Brill: 1–23.
- Claessen H. J. M., Velde P. van de, Smith M.E.** 1985 (Eds.). *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley, MA: Bergin & Carvey.
- Collins R.** 1988. *Theoretical Sociology*. San Diego, CA: Jovanovich.
- Dobzhansky T., Ayala F.J., Stebbins G.L., Valentine J.W.** 1977. *Evolution*. San Francisco, CA: W. H. Freeman.
- Dostal W.** 1974. Sozio-ökonomische Aspekte der Stammesdemokratie in Nordost-Yemen // *Sociologus*. Bd. 24: 1–15.
- Dostal W.** 1985. *Egalität und Klassengesellschaft in Südarabien. Anthropologische Untersuchungen zur sozialen Evolution*. Horn – Wien: Ferdinand Berger & Söhne (Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, 20).
- Dostal W.** 1990. *Eduard Glaser – Forschungen im Yemen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Dostal W.** 1991. Mecca before the Time of the Prophet – Attempt of an Anthropological Interpretation // *Der Islam*. Bd. 68: 193–231.
- Dresch P.** 1984a. The Position of Shaykhs among the Northern Tribes of Yemen // *Man*. Vol. 19: 31–49.
- Dresch P.** 1984b. Tribal Relations and Political History in Upper Yemen // *Pridham 1994*: 154–174.
- Dresch P.** 1989. *Tribes, Government, and History in Yemen*. Oxford: Clarendon Press.
- Dunn S.** 1982. *The Fall and Rise of the Asiatic Mode of Production*. London etc.: Routledge and Kegan Paul.
- Eickelman D.F.** 1981. *The Middle East. An Anthropological Approach*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

- Ember M. 1963. The Relationship between Economic and Political Development in Non-Industrialized Societies // *Ethnology*. Vol. 2: 228–248.
- Ember C.R., Levinson D. 1991. The Substantive Contributions of Worldwide Cross-Cultural Studies Using Secondary Data // *Behavior Science Research*. Vol. 25: 79–140.
- Evans-Pritchard E.E. 1949. *The Sanusi of Cyrenaica*. Oxford: Clarendon Press.
- Fried M. H. 1967. On the Concepts of "Tribe" and "Tribal Society" // *Essays on the Problem of Tribe* / Ed. by J.Helm. Seattle – London: University of Washington Press: 3–20.
- Fried M.H. 1975. *The Notion of Tribe*. Menlo Park, CA etc: Benjamin Cummings.
- Fürer-Haimendorf C. 1962. *The Apa Tanis and Their Neighbours*. L.: Routledge & Paul – N. Y., N.Y.: The Free Press of Glencoe.
- Futuyma D.J. 1986. *Evolutionary Biology*. 2nd ed. Sunderland, MA: Sinauer.
- Gellner E. 1969. *Saints of the Atlas*. L.: Weidenfeld and Nicolson.
- Gellner E. 1988. *State and Society in Soviet Thought*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Godelier M. 1969. La notion de «production asiatique» et les schémas Marxistes d'évolution des sociétés // *Sur le mode de production asiatique* / Ed. by R. Garaudy. Paris: Éditions sociales: 7–100.
- Harris M. 1968. *The Rise of Anthropological Theory*. N. Y.: Crowell.
- Hoebel E. A. 1977. *The Cheyennes: Indians of the Great Plains*. Fort Worth, TX: Harcourt Brace Jovanovich.
- Ibn Khaldūn [ابن خلدون], 'Abd al-Rahmān ibn Muḥammad. 1995. مقدمة // *Muqaddimah* / Ed. by Darwish al-Juwaydī. Ṣaydā – Bayrūt: Al-Maktabah al-'Aṣriyyah.
- Ingold T. 1986. *Evolution and Social Life*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jaksic M. 1991. *Azijski način proizvodnje: istorijat diskusije* [Asiatic Mode of Production: History of the Debates]. Beograd: Naučna knjiga.
- Johnson A.W., Earle T. 1987. *The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford: Stanford University Press.
- Kelly R.C. 1985. *The Nuer Conquest: The Structure and Development of an Expansionist System*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Korotayev A.V. 1995a. *Ancient Yemen. Some General Trends of Evolution of the Sabaic Language and the Sabaean Culture*. Oxford – N. Y.: Oxford University Press.
- Korotayev A.V. 1995b. Mountains and Democracy: An Introduction // *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin & V.A.Lynsha. Vladivostok: Dal'nauka: 60–74.
- Korotayev A.V. 1996a. *Pre-Islamic Yemen. Sociopolitical Organization of the Sabaean Cultural Area in the 2nd and 3rd Centuries A.D.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Korotayev A.V., Klimenko V.V., Proussakov D.B. 1999. Origins of Islam: Socio-Political and Socio-Ecological Context // *Acta Orientalia Hung.* Vol. 53. № 3–4: 243–276.
- Krader L. 1975. *The Asiatic Mode of Production*. Assen: Van Gorcum.
- Kradin N.N. 1993. Specific Features of Evolution in the Nomadic Societies // *Prehistory and Ancient History*. Vol. 4. № 5: 165–183.
- Kradin N.N. 1994. Tribe, Chiefdom and Empire in Pastoral Societies // *Bridges of the Science between North America and the Russian Far East*. Vol.2. Vladivostok: 172–173.
- Kradin N.N. 1995. The Origins of the State Among the Pastoral Nomads // *Etnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen. Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag*. Frankfurt am Main: 163–177.
- Levinson D., Malone M.J. 1981. *Toward Explaining Human Culture: A Critical Review of the Findings of Worldwide Cross-Cultural Research*. New Haven: HRAF.
- al-Mad'aj M.M.M. 1988. *The Yemen in Early Islam 9–233/ 630–847: a Political History*. L.: Routledge.
- MAPTAB 1997. Standard Cross-Cultural Sample Data Base, Final Electronic Version. Natick, MA: Analytical Technologies.
- Melotti U. 1977. *Marx and the Third World*. L.: Macmillan.

- Morrison K.D.** 1994. States of Theory and States of Asia: Regional Perspectives on States in Asia // *Asian Perspectives*. Vol. 33. № 2: 183–196.
- Murdock G.P.** 1967. *Ethnographic Atlas: A Summary*. Pittsburgh: The University of Pittsburgh Press.
- Murdock G.P.** 1981. *Atlas of World Cultures*. Pittsburgh: The University of Pittsburgh Press.
- Murdock G.P., Textor R., Barry H. (III), White D.R.** 1986. *Ethnographic Atlas // World Cultures*. Vol. 2. № 4 (first computer version).
- Murdock G.P., Textor R., Barry H. (III), White D.R.** 1990. *Ethnographic Atlas // World Cultures*. Vol. 6. № 3 (second computer version).
- Murdock G.P., White D.R.** 1969. Standard Cross-Cultural Sample // *Ethnology*. Vol. 8: 329–369.
- Murdock G.P., Wilson S.F.** 1972. Settlement Patterns and Community Organization: Cross-Cultural Codes 3 // *Ethnology*. Vol. 11: 254–295.
- Murdock G.P., Wilson S.F.** 1985. Settlement Patterns and Community Organization: Cross-Cultural Codes 3 // *World Cultures*. Vol. 1. № 1 (computer version).
- Obermeyer G.J.** 1982. Le formation de l'imamat et de l'etat au Yemen: Islam et culture politique // *La peninsule Arabique d'aujourd'hui*. T. II. *Etudes par pays* / Ed. by P. Bonenfant. Paris: CNRS: 31–48.
- O'Leary B.** 1989. *The Asiatic Mode of Production: Oriental Despotism, Historical Materialism and Indian History*. Oxford: Basil Blackwell.
- Peregrine P., Gray J.P.** 1993. MAPTAB 4.0 User's Guide // *World Cultures*. Vol. 7. № 2: 26–67.
- Pridham B.R.** 1984 (ed.). *Contemporary Yemen: Politics and Historical Background*. L. – Sydney: Croom Helm.
- Rensch B.** 1959. *Evolution above the Species Level*. L.: Methuen.
- Rigby S.H.** 1987. *Marxism and History: A Critical Introduction*. Manchester: Manchester University Press.
- Sahlins M.D.** 1960. Evolution: Specific and General // *Evolution and Culture* / Ed. by M. D. Sahlins, E. R. Service. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press: 12–44.
- Sanderson S.K.** 1990. *Social Evolutionism: A Critical History*. Cambridge, MA – Oxford: Basil Blackwell.
- Sanderson S.K.** 1995. *Social Transformations. A General Theory of Historical Development*. Cambridge, MA – Oxford: Basil Blackwell.
- Sawer M.** 1977. *Marxism and the Question of the Asiatic Mode of Production*. The Hague: Nijhoff.
- Service E.R.** 1971 [1962]. *Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective*. 2nd ed. N. Y.: Random House [1st ed. – 1962].
- Simon R.** 1989. *Meccan Trade and Islam. Problems of Origin and Structure*. Budapest: Akademiai kiado.
- Southall A.** 1991. The Segmentary State: From the Imaginary to the Material Means of Production // *Early State Economics* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde. New Brunswick, N. Y. – L.: Transaction: 75–96.
- Spencer H.** 1972. *On Social Evolution* (selected writings edited and introduced by J. D. Y. Peel). Chicago: Aldine.
- Stebbins G.L.** 1969. *The Basis of Progressive Evolution*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Steward J.** 1955. *The Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution*. Urbana: University of Illinois Press.
- Sztompka P.** 1993. *The Sociology of Social Change*. Oxford – Cambridge, MA: Blackwell.
- Tapper R., ed.** 1983. *The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan*. L.: Routledge.
- Textor R.B.** 1967. *A Cross-Cultural Summary*. New Haven, CT: HRAF Press.

- Tökei F. 1979. *Essays on the Asiatic mode of production*. Budapest: Akademiai kiado.
- Townsend J.B. 1985. The Autonomous Village and the Development of Chiefdoms // *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, and M. E. Smith. South Hadley, MA: Bergin & Garvey: 141–155.
- Tuden A., Marshall C. 1972. Political Organization: Cross-Cultural Codes 4 // *Ethnology*. Vol. 11: 436–464.
- Tuden A., Marshall C. 1985. Political Organization: Cross-Cultural Codes 4 // *World Cultures*. Vol. 1. № 1 (computer version).
- Voget F.W. 1975. *A History of Ethnology*. N. Y.: Holt, Rinehart & Winston.
- Wallerstein I. 1974. *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. N. Y.: Academic Press.
- Wallerstein I. 1979. *The Capitalist World Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wallerstein I. 1987. World-Systems Analysis // *Social Theory Today* / Ed. by A. Giddens & J. H. Turner. Cambridge: Polity Press: 309–324.
- Wellhausen J. 1897/1961. *Reste Arabischen Heidentums*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Welskopf E.C. 1957. *Die Produktionsverhältnisse im Alten Orients und in der griechisch-römischen Antike. Ein Diskussionsbeitrag*. Berlin.
- White L.A. 1949. *The Science of Culture: A Study of Man and Civilization*. N. Y.: Farrar, Straus & Cudahy.
- White L., Jr. 1962. *Medieval Technology and Social Change*. Oxford: Oxford University Press.
- Whyte M.K. 1978. *The Status of Women in Preindustrial Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Wittfogel K.A. 1957. *Oriental Despotism*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Woodburn J.C. 1972. Ecology, Nomadic Movement and the Composition of the Local Group among Hunters and Gatherers: An East African Example and its Implications // *Man, Settlement and Urbanism* / Ed. by P.J. Ucko, R. Tringham & G. W. Dimbleby. L.: Duckworth: 193–206.
- Woodburn J.C. 1979. Minimal Politics: The Political Organization of the Hadza of North Tanzania // *Politics in Leadership: A Comparative Perspective* / Ed. by W. A. Shack & P. S. Cohen. Oxford: Clarendon Press.
- Woodburn J.C. 1980. Hunters and Gatherers Today and Reconstruction of the Past // *Soviet and Western Anthropology* / Ed. by E. Gellner. L.: Duckworth: 95–117.
- Woodburn J.C. 1982. Egalitarian Societies // *Man*. Vol. 17: 431–451.
- Woodburn J.C. 1988a. African Hunter-Gatherer Social Organization. Is it Best Understood as a Product of Encapsulation // *Hunters and Gatherers*. I. *History, Evolution and Social Change* / Ed. by T. Ingold, D. Riches, J. Woodburn. Oxford: Berg Publishers.
- Woodburn J.C. 1988b. Some Connections between Property, Power and Ideology // *Hunters and Gatherers*. II. *Property, Power and Ideology* / Ed. by T. Ingold, D. Riches, J. Woodburn. Oxford: Berg Publishers: 10–31.

3

ПРОЦЕСС ИЛИ СТАДИИ: ЛОЖНАЯ ДИХОТОМИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

Р. Карнейро

В последние десятилетия основной интерес антропологической науки связан с проблемой возникновения вождеств и государств. Как возникли эти более сложные политии и каким образом следует измерять уровень их эволюции? В то время как почти все согласны, что радикальные изменения в структуре человеческих обществ начались с неолита и что необходимо попытаться реконструировать эти изменения, согласия в том, как это следует делать, гораздо меньше.

Одним из пунктов спора стал вопрос о том, какому из двух аспектов эволюции следует придавать большее значение: *стадиям* или *процессу*. Стадиальный подход к изображению хода социокультурного развития был отличительной чертой классического эволюционизма. Например, Льюис Г. Морган в своем знаменитом труде «*Древнее общество*» (1877) при построении эволюционной схемы использовал стадии «дикость», «варварство» и «цивилизация», которые, в свою очередь, он разбил на подстадии.

Однако современные антропологи испытывают большие неудобства при использовании понятия эволюционных стадий; считая его старомодным и малоценным, они в значительной мере отказались от него. Те, кто выступают против понятия стадий, часто заявляют о своей приверженности понятию *процесс*. Элеанор Ликок, например, однажды написала, что «акцент именно на процессе, а не на стадиях является главной поправкой 20-го столетия к эволюционизму 19-го столетия» (Leacock 1957: 3). С тех пор, как она написала эти строки, данный взгляд утверждался вновь и вновь в течение последующих десятилетий. Так, спустя почти двадцать лет, Александр Алланд писал:

«Следует понять, что главная перемена в эволюционном мышлении... заключалась в том, чтобы отказаться от стадий развития в пользу более динамичной идеи процесса» (Alland 1975: 65).

Хорошо известный археолог Роберт МакАдамс, не придавая особого значения «предыдущему обращению к стадиям как к чему-то немногим большему, чем типологические конструкты», продолжал говорить, что им «большее значение придается самому процессу решающей трансформации, которая завершилась переходом от одного уровня сложности организации человеческого общества к другому» (Adams 1968: 1190). А Конрад Коттак, говоря о политической эволюции, заметил:

«Главной проблемой в изучении процесса формирования государства является именно типологический подход... Я утверждаю, что более процессуальным, реалистичным и полезным является такой сравнительный и эволюционный подход к социально-политической организации, при котором эмпирически исследуемые общества рассматриваются как континуум, а не через призму генерализованных категорий» (Kottak 1977: 137).

В цитируемых отрывках четко проявляются два характерных аспекта современных взглядов: 1) сегодня антропологи стремятся как можно меньше иметь дело с понятием стадий или вовсе обходятся без него и 2) изучение процесса, независимого от стадий, есть то, на чем они предпочитают сосредоточить внимание, когда приходится объяснять развитие сложных обществ. В этой главе я предлагаю обсудить оба аспекта.

Прежде всего позвольте развеять некоторые из тех недоразумений, которые окутывают понятие стадий. Начнем с того, что в стадиях нет ничего метафизического или непостижимого. Стадии – это просто следующие друг за другом, значимые и резко отличающиеся друг от друга структурные формы, в которых проявляется непрерывно длящийся процесс. Говоря специально о политической эволюции, мы можем сказать, что стадии – это промежуточные станции на пути, который прошли общества, движущиеся от простых автономных общин к сложным государствам и империям. Коттак говорил о политической эволюции как о континууме, что так и есть на самом деле. Верно, что процесс – это континуум, т. е. ряд постепенных, взаимосвязанных и непрерывных изменений. Но если мы признаем очевидный факт, что противоположные концы континуума обязательно будут отличаться друг от друга, то как мы должны их отличать? Можно ли нам не различать и не давать названий тем изменяющимся формам, которые этот континуум принимал с течением времени? И чем являются различные формы разветвляющегося процесса, если не *стадиями*?

В ходе эволюции общества изменяются комбинации различных структурных признаков, которыми данное общество отличается от предшествующего. «Стадии» – это имена, которые мы даем таким комбинациям. Называя их стадиями, мы подчеркиваем тот факт, что в изучаемом нами процессе имело место изменение. Таким образом, стадии

и процесс никаким образом не противоречат друг другу. Привлекая внимание к наблюдаемым контрастам в последовательной смене форм протекания процесса, разбивая его на стадии, мы лишь подчеркиваем те направления, в которых этот процесс разворачивался. Мы можем сказать, что стадии придают процессу форму и наполняют его содержанием.

Сто лет назад Франц Боас заметил, что

«обычай и верования сами по себе не являются конечной целью исследования... Цель наших исследований заключается в том, чтобы понять эволюционные процессы, в ходе которых возникли известные стадии культуры» (Boas 1896: 905).

Данное высказывание справедливо. Тем не менее Боас мог бы также легко обратить уравнение и заметить, что цель наших исследований заключается в том, чтобы постичь те *стадии*, в которых разворачивался *процесс*.

Все же одно дело заявлять о том, что между процессом и стадиями существует плодотворная взаимосвязь, и совсем другое – показать эту взаимосвязь. Именно это я намерен сделать в остальной части данной главы.

В течение большей части XX столетия исследования политической эволюции оставались основательно заброшенными вследствие травмы, нанесенной антиэволюционизмом, который много десятилетий сковывал антропологию. И происходило это не по причине нехватки данных, как иногда утверждается, а наоборот, из-за отсутствия эволюционного подхода к их интерпретации. Например, британские социальные антропологи, изучавшие туземные политии колониальной Африки, написали множество скрупулезных монографий об обществах, которые располагаются в диапазоне от простых бродячих групп до зрелых государств. Но узкий функционалистский (если не сказать антиэволюционистский) кругозор этих ученых не позволил им увидеть, что в широком смысле эти общества образуют эволюционный ряд. Данные кричали о том, чтобы их расположили в эволюционной последовательности, но крик остался неслышанным.

Американские антропологи, со своей стороны, также игнорировали эволюционные реконструкции, но совершенно иным образом. Обратите внимание, например, как археологи изучали предысторию на востоке Соединенных Штатов. Какие понятия и представления они использовали для описания материалов, обнаруженных ими при раскопках? В течение десятилетий в качестве организующего принципа группировки раскопанных культур использовалось нечто, называемое «классификацией по системе МакКерна». С помощью этого изобретения археологические местонахождения и связанные с ними культуры

распределялись по различным категориям, таким как *компонент*, *фаза*, *фокус* и *аспект*. Каковы бы ни были их достоинства при оценке степени формальной (вне времени) близости между местонахождениями, эта система тем не менее оставалась статичной, совершенно игнорирующей динамику культурных изменений.

Конечно, археология востока Соединенных Штатов, особенно юго-востока, не была совсем лишена категорий, описывающих последовательность культур во времени. Археологи, например, выделяли такие временные подразделения, как палеоиндейский, архаический, вудлэнд и миссисипский. Но в целом они рассматривались, скорее, как периоды – последовательные блоки времени, чем как стадии – последовательные блоки форм. В то время как эти периоды, следующие один за другим, «намекали» на возрастание сложности, соответствующая периодизация не позволила выявить общие социально-политические изменения, происходившие в тех культурах, которые названия этих периодов обозначали.

На юго-западе Соединенных Штатов было также проведено приблизительное разграничение между периодами погребальных и храмовых маундов, причем считалось, что последний представляет более развитую форму культуры. Но в то время как подчеркивались различия между этими периодами в особенностях характерных для них строев, данные им названия вновь не позволяли составить ясное представление о социально-политической организации включенных в них культур. И, конечно, не предлагалось или не предполагалось никакого *механизма* для объяснения значительных изменений в развитии культуры, которые происходили при смене одного периода другим. Хотя американские археологи в общем признавали, что имел место значимый переход от одного уровня культуры к другому, они неохотно шли на то, чтобы называть это «эволюцией» – так велик был в их сердцах страх перед самим термином (см., например: Willey and Phillips 1958: 70).

Но ситуация должна была измениться. Описанное выше положение дел застал этнолог Калерво Оберг, который в 1955 г. предложил типологию культурных форм, построенную на различиях политических структур (Obereg 1955). Хотя Оберг предлагал эту типологию конкретно для низменностей Южной и Центральной Америки, она была явно применима и к культурам в других частях мира. Типология была следующей:

- 1) гомогенные племена;
- 2) сегментированные племена;
- 3) политически организованные вождества;
- 4) феодальные государства;
- 5) города-государства;
- 6) теократические империи.

Важно отметить, что Оберг предлагал эти подразделения как *типы*, а не *стадии*. В то время, когда он писал, антиэволюционизм еще чувствовал себя так прочно, что можно было ожидать, что предложение эволюционной последовательности стадий вызовет на себя массированный огонь.

Элман Сервис был первым, кто ясно осознал, что то, что Оберг представил как *структурные типы*, в то же самое время является последовательностью *эволюционных стадий*. Среди шести типов Оберга особое внимание Сервиса вызвало *вождество* – социально-политическая форма, которая до Оберга если и выделялась, то не имела названия. Как определил его Оберг, «вождество» является формой политики, промежуточной между автономными поселениями и государствами. В этом качестве оно привлекало внимание к весьма значимой форме общества, которая охватывала широкий интервал политического развития. Особенно важно, что появился нужный термин для обозначения формы социально-политической организации, расположенной в промежутке между маленькими автономными общинами и сложными государствами.

В своей влиятельной небольшой книге «*Первобытная социальная организация*» (Service 1962) Сервис открыто предложил эволюционную последовательность социально-политических форм, которая включала *локальную группу, племя, вождество и государство*. И среди этих четырех форм вождество, безусловно, было самым интригующим.

Среди американских археологов стадийная последовательность Сервиса впервые была принята и использована Уильямом Сандерсом и Барбарой Прайс; при этом она превратилась в каркас, на который они спроецировали развитие культур доисторической Мезоамерики. В своем новаторском томе «*Мезоамерика: эволюция цивилизации*» (Sanders, Price 1968) Сандерс и Прайс использовали последовательность, включающую локальную группу, племя, вождество и государство, чтобы выделить эволюционные стадии, через которые этот регион прошел в своем развитии. И в их работе содержался ясный намек на то, что данная последовательность могла бы быть использована при исследовании других областей с тем, чтобы сделать описание предыстории всего американского материка более вразумительным.

Несколько лет спустя категория вождества была использована при описании культур неолита и бронзового века Европы в книге Колина Ренфрю «*До цивилизации*» (Renfrew 1973), написанной под сильным влиянием эволюционной схемы Сервиса. Не будет преувеличением сказать, что эта небольшая книга дала толчок к пониманию доисторического развития Европы, которого прежде не доставало.

Учитывая то значение, которое приобрело понятие вождества для археологических реконструкций предыстории, стоит вспомнить первоначальную характеристику этого понятия, данную Обергом:

«Принадлежащие к этому типу племенные единицы – это вождества, состоящие из множества поселений и управляемые верховным вождем, под властью которого находятся районы и поселения, управляемые иерархически соподчиненными вождями. Отличительной чертой этого типа политической организации является то, что вожди имеют судебную власть регулировать споры и наказывать преступников вплоть до смертного приговора и – под руководством верховного вождя – реквизируют людей и запасы на нужды войны» (Oberg 1955: 484).

При внимательном анализе этого типа (или *стадии*) мы сразу же видим, какой вклад может внести данное понятие в наше понимание политического развития. Прежде всего отметим, что Оберг делает специальную оговорку о том, что вождества представляют собой *образования, состоящие из множества поселений*. Если это так, то, чтобы объяснить их возникновение, мы должны обнаружить *механизм*, с помощью которого была преодолена предшествующая стадия общинной автономии.

Оберговское определение вождества как образования, состоящего из множества поселений, между прочим, содержит скрытые намеки. Начнем с того, что оно обязывает нас исключить из списка вождеств такие общества на Северо-Западном побережье Северной Америки, которые антропологи обычно именуют именно «вождествами». Например, хотя все вожди поселений квакиутлей были ранжированы относительно друг друга, эта иерархия отражала только их церемониальные статусы. Никто из вождей, даже вождь поселения самого высокого ранга, не мог давать распоряжения жителям какого-либо иного поселения, кроме своего собственного. Следовательно, несмотря на всю сложность их культуры, племена Северо-Западного побережья никогда не достигали уровня вождества.

Оберг считает, что вождества часто ведут войны. Это сразу же наводит на мысль о механизме, посредством которого была преодолена общинная автономия, а именно: военные действия. Автономные политические единицы добровольно никогда не откажутся от своего суверенитета, но по принуждению они сделают это. Независимо от того, возникает ли такое принуждение в результате прямого завоевания или просто как следствие угрозы, остается фактом, что война так или иначе лежит в основе вождества.

Таким образом, можно заметить, что простое наличие типа (или стадии) вождества с расшифровкой некоторых из его главных характеристик уже немало дает для выявления сил, которые привели к его воз-

никновению. Более того, следуя далее по пути выделения *субстадий* вождества, появляется возможность раскрывать ход непрерывного развития более детально.

Понятие вождества, несомненно, охватывает большой диапазон уровней развития. Оно начинается с первоначального объединения нескольких общин в более крупную политическую единицу, а завершается политией, которая столь велика и сложна, что достойна называться государством. Поэтому вскоре после того, как антропологи приняли понятие вождества, они начали осознавать значение – почти необходимость – выделения в нем субстадий.

Первая попытка выделить в вождестве субстадии, насколько мне известно, была предпринята в 1978 г., когда Винкас Степонайтис (Steponaitis 1978: 420) и Шарунас Милисаускас (Milisauskas 1978: 165) – первый на Юго-Востоке Соединенных Штатов, второй в Центральной Европе – ввели разграничение между тем, что они называли *простыми* и *сложными* вождествами. Три года спустя я предложил трехстадийную последовательность, состоящую из *минимального, типичного* и *максимального* вождеств (Carneiro 1981: 7). Эта типология основывалась только на учете количества включенных в вождество поселений: минимальное вождество включало десяток поселений или около того, типичное – 50 и максимальное – до 100. Хотя, на первый взгляд, это была чисто количественная типология, построенная на основе простого подсчета поселений, включенных в вождество, подразумевалось, что она представляет собой эволюционную последовательность; причем предполагалось, что чем больше размеры вождества, тем оно сложнее.

Как бы ни были полезны эти типологии, всегда остается место для их дальнейшего усовершенствования. Хотя в них и подчеркиваются некоторые различия между вождествами, благодаря им эти несовпадения не удается достаточно детализировать. Действительно, подобные типологии мало что дают или не дают ничего для понимания того, как именно вождества развивались от первоначальных простых форм к более развитым. Несколько лет я не замечал этих недостатков, но в конце концов что-то привело меня к идее о том, что расширенная последовательность стадий могла бы лучше освещать путь при изучении эволюции вождества.

Эта идея пришла ко мне во время чтения статьи Чарльза Хадсона о вождествах, которые существовали на большей части территории Юго-Востока Соединенных Штатов в XVI столетии. Описывая эти вождества, Хадсон предложил эволюционную типологию, согласно которой выделялось две формы вождеств: *простое* и *высшее* (Hudson 1988: 600–601). Эти две формы не очень отличались от тех, которые предлагали десятью

годами раньше Степонайтис и Малисаускас, когда разделили вождества Юго-Востока США и Центральной Европы на *простые* и *сложные*. Но типология Хадсона, основанная на изучении реальных этноисторически известных вождеств, а не на одних лишь археологических данных, позволила мне увидеть нечто такое, что я прежде упускал из виду.

Предложив последовательность из *минимального*, *типичного* и *максимального* вождеств, я всего лишь дал имена формам вождеств, которые следовали друг за другом и отличались только количеством включенных в них поселений. О *структурных изменениях*, связанных с увеличением размеров вождества, ничего не говорилось. Поэтому мне не удалось осознать или, по крайней мере, отразить тот факт, что сменяющие друг друга более крупные вождества не возникают посредством простого объединения все большего количества деревень как таковых. Скорее, наоборот: эволюция форм вождества подразумевала повышение степени инкорпорированности поселений, *уже являющихся частями существующих вождеств*.

Как отмечалось выше, *первый* шаг в формировании вождеств заключался в том, что несколько прежде автономных поселений объединялось в более крупное, многообщинное образование. Но *второй* шаг, характеризующий переход от *простого* вождества, по Хадсону, к *высшему*, представлял *вторичное объединение* образований, уже являвшихся простыми вождествами. Таким образом, то, что являлось *целым* на более низком уровне организации, становилось *частью* на ее более высоком уровне.

Протекающий в данном случае процесс поразил меня точной аналогией с тем, что происходит при возникновении химических соединений: сначала атомы объединяются в молекулы, а затем молекулы – в соединения (*compounds*). Именно эта последовательность событий в химической «эволюции» подсказала мне более уместный термин для соответствующего процесса в социополитической сфере. В то время как я сохранил термин «*простое*» для обозначения самой ранней и элементарной формы вождества, его вторую стадию я решил назвать вождеством не «*сложным*» (этому термину недостает определенности) или «*верховным*» (такое обозначение больше подходит для главного вождя), а «*компаундным*». Данный термин мне кажется более наглядным по сравнению с другими, поскольку он заостряет внимание на том, как протекал процесс эволюции вождеств: это был процесс вторичной инкорпорации более мелких целостных образований, процесс образования *компаундов*.

Эволюционная типология, исходящая из деления вождеств на *простые* и *компаундные*, акцентирует внимание на способе возникновения более крупных вождеств, а именно: завоевании и инкорпорации более мелких и слабых вождеств. Она также предполагает, что такая

инкорпорация должна сопровождаться усовершенствованием политической структуры, с тем чтобы в укрупненном вождестве могла успешно осуществляться интеграция новых административных единиц.

Как протекал этот процесс, хорошо видно на этноисторических материалах XVI столетия по Юго-Востоку Соединенных Штатов. Благодаря сообщениям испанских хронистов, становится ясно, что большинство вождеств в этом регионе были не простыми, а *компаундными*. Они превосходили уровень простых вождеств, стремясь подчинить и инкорпорировать более мелкие простые вождества.

Однако на этом этапе процесс усложняется. Описанный путь образования компаундных вождеств не всегда завершается полной, стабильной и прочной инкорпорацией мелких вождеств в более крупные. И так было, даже если известный минимум зависимости от завоевателя признавался завоеванным вождеством. После поражения ранее независимое вождество обычно обязано было выплачивать ежегодную дань верховному вождю, под власть которого оно перешло. Кроме того, покоренные вождества часто были вынуждены посылать воинов верховному вождю, если он начинал очередную военную кампанию. Тем не менее, бывало и так, что потерпевшие поражение вождества оставались в большой степени предоставленными самим себе.

Структурная слабость, присущая подобным компаундным вождествам, должна казаться самоочевидной. Часто случалось, что составные подразделения подобного вождества – сами бывшие вождества – возглавлялись теми же вождями, которые правили ими до поражения и покорения. Оказавшись в подчинении у более сильного вождя, они, вероятно, питали к нему злобу. И если даже они не проявляли враждебности открыто, то, по крайней мере, были склонны к неповиновению и выжидали случая, чтобы сбросить ярмо своего нового хозяина.

Это не просто мое предположение. Непрочность компаундных вождеств хорошо подтверждается на примере вождества куся, располагавшегося в центре северной Джорджии и являвшегося самым крупным среди вождеств, с которыми столкнулись испанцы. Когда в 1560 г. Тристан де Луна и его люди прибыли в главное поселение индейцев куся, им сообщили, что напочи, одно из подчиненных политических подразделений куся, отказались выплачивать ежегодную дань, что было равнозначно восстанию. Чтобы принудить несогласных к повиновению верховный вождь куся собирался сделать то, что обычно делают верховные вожди в таких случаях, – послать карательную экспедицию (Hudson 1990: 102).

Следовательно, куса не решили той проблемы, которая часто возникает перед компаундными вождествами: как сохранить его структуру, т. е. поддержать лояльность подчиненных подразделений и не потерять контроль над ними. Но другое крупное вождество на востоке Соединенных Штатов, созданное в XVII столетии паухэтанами там, где теперь находится Виргиния, эту проблему явно решило. По крайней мере, они сделали значительный шаг в данном направлении. Средство для поддержания более полной интеграции, которое нашли паухэтаны, было столь же простым, сколь и очевидным. Верховный вождь, сам именовавшийся *паухэтаном*, систематически смещал местных политических лидеров завоеванных вождеств и ставил на их место лиц, назначенных по его собственному усмотрению. Новые зависимые субвожди обычно были братьями, или же сыновьями *паухэтана*, людьми более лояльными по отношению к нему, чем те, которых смещали (см.: Rowntree 1989: 117–118, 142).

В структурном отношении здесь сделан важный шаг. Вероятно, даже лучше сказать, что этот шаг представлял собой новую эволюционную стадию в процессе превращения вождества в государство. А поскольку новая стадия заслуживает своего собственного обозначения, я предложил называть политику, которая достигла этой стадии, *консолидированным* вождеством (Carneiro 1992: 37).

Наша трехчастная эволюционная типология вождеств теперь закончена и состоит из следующих стадий: 1) простое, 2) компаундное и 3) консолидированное вождества. Этот ряд стадий вместе с их обозначениями служит для того, чтобы сосредоточить внимание на главных изменениях, которые претерпевали автономные деревни во время великой трансформации, ведущей их по пути становления государства. В ряду задействованных процессов было завоевание – механизм, с помощью которого преодолевалась независимость локальных общин и впервые образовывались многообщинные вождества. Этот же самый механизм продолжал действовать в ходе дальнейшей политической эволюции, оставаясь инструментом, посредством которого простые вождества превращались в компаундные. Более того, последовательность обозначенных таким образом стадий привлекает дальнейшее внимание к тем структурным изменениям, которые должны произойти, чтобы растущие вождества могли успешно противостоять центробежным тенденциям, угрожающим расколоть их на составные части.

Нетрудно заметить, что изучение проблемы происхождения вождеств и их последующей эволюции весьма выигрывает от того, что происходивший *процесс* описывается при помощи *стадий*, фиксирующих последовательную смену структурных фаз. Следовательно, мы видим,

как на примере еще раз подтвердилась истина о том, что процесс и стадии не противоречат друг другу и не препятствуют пониманию изменчивости, а, наоборот, неразрывно связаны и взаимодополнительны.

Итак, я попытался показать, что стадии не являются чем-то статичным, формальным, безжизненным, чуждым современной динамической интерпретации культурной эволюции. Наоборот, «*стадии*» – это ценная и полезная категория. Они обозначают следующие друг за другом и различимые проявления непрерывно действующего процесса. Таким образом, они снабжают нас полезными инструментами для дальнейшего понимания – как в общем, так и в конкретных деталях – того великого неуклонного движения по пути социально-политической эволюции, которое привело человеческие общества к столь решительной трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

- Adams R. McC.** 1968. Archaeological Research Strategies: Past and Present // *Science*. Vol. 160: 1187–1192.
- Alland A.** 1975 Adaptation // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 4: 59–73.
- Boas F.** 1896 The Limitations of the Comparative Method of Anthropology // *Science*. Vol. 4: 901–908.
- Carneiro R. L.** 1981. The Chieftdom: Precursor of the State. *The Transition to Statehood in the New World* / Ed. by G. D. Jones and R. R. Kautz. Cambridge: Cambridge University Press: 37–79.
- Carneiro R. L.** 1992. The Calusa and the Powhatan, Native Chieftdoms of North America // *Reviews in Anthropology*. Vol. 21: 27–38.
- Hudson Ch.** 1988. A Spanish-Coosa Alliance in Sixteenth-Century North Georgia // *The Georgia Historical Quarterly*. Vol. 72: 599–626.
- Hudson Ch.** 1990. *The Juan Pardo Expedition*. Washington, D. C.: Smithsonian Institution Press.
- Kottak C. P.** 1977. The Process of State Formation in Madagascar // *American Ethnologist*. Vol. 4: 136–155.
- Leacock E.** 1957. *Status among the Montagnais-Naskapi of Labrador*. Paper presented at the 56th Annual Meeting of the American Anthropological Association. Mimeographed.
- Milisauskas S.** 1978. *European Prehistory*. N. Y.: Academic Press.
- Oberg K.** 1955. Types of Social Structure Among the Lowland Tribes of South and Central America // *American Anthropologist*. Vol. 57: 472–487.
- Renfrew C.** 1973. *Before Civilization: The radiocarbon revolution and prehistoric Europe*. L.: Jonathan Cape.
- Rowntree H. C.** 1989. *The Powhatan Indians of Virginia*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Sanders W. T., Price B. J.** 1968. *Mesoamerica: The Evolution of a Civilization*. N. Y.: Random House.
- Service E. R.** 1962. *Primitive Social Organization, An Evolutionary Perspective*. N. Y.: Random House.
- Steponaitis V. P.** 1978. Location Theory and Complex Chieftdoms: A Mississippian Example // *Mississippian Settlement Patterns* / Ed. by B.D. Smith. N. Y.: 417–453.
- Willey G. R., Phillips Ph.** 1958. *Method and Theory in American Archaeology*. Chicago: University of Chicago Press.



МНОГОЛИНЕЙНЫЕ ТЕОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

- 4** *Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики)*
- 5** *Происхождение цивилизации: альтернативные пути*

4

ВОСТОК И ЗАПАД В ИСТОРИИ (основные параметры проблематики)

Л. С. Васильев

Исторический процесс начинается с эпохи сапиентации (около 40 тысячелетий назад). Сапиентные люди современного физического типа принципиально отличались от своих предшественников, (пресапиенсов), и тем более от боковых ветвей (неандерталоидов) в основном тем, что *Homo Sapiens* был уже человеком в полном смысле этого слова, с развитыми функциями и в частности с членораздельной речью. Эти безусловные преимущества способствовали быстрому распространению *Homo Sapiens* по ойкумене, вначале в пределах Евразии и Северной Африки, а затем и в остальных регионах, вплоть до Нового Света (по Берингову перешейку, в те времена еще существовавшему).

Сапиентный человек достаточно быстро создал свою новую культуру, которая легла в основу общества. Как полагают современные антропологи и, в частности, К. Леви-Стросс, социальные связи начали устанавливаться с возникновением регулярного обмена, а первым объектом такого обмена были женщины. Вскоре, однако, обмен распространился и на многие другие предметы, изделия и иные элементы бытия, вплоть до имен, и, обретя форму реципрокного дара¹, лег в фундамент социокультурных связей нарождавшегося общества и стал общераспространенным явлением.

Представление о генеральной роли реципрокного обмена в истории и особенно в ранней истории человечества было разработано экономантропологами и в первую очередь К. Поланьи (Polanyi 1968). Сущность этого явления сводится к тому, что в обмен должны были быть включены все, причем обмен (дар и отдар) считался обязательным. В рамках первобытных локальных групп верхнепалеолитических людей это касалось прежде всего обмена пищей, ибо без этого группа, в которую кроме взрослых мужчин-охотников входили также

¹ Впервые подробное исследование о даре было опубликовано М. Моссом еще в 1925 г. (См.: Мосс 1996:83–222).

женщины, дети и старики, не имела бы шансов выжить. Но реципрокный обмен выполнял и еще одну весьма важную функцию в нарождавшемся обществе. Речь идет о том, что люди не равны и никогда не были одинаковыми. Это касалось, в частности, и мужчин-охотников, основных добытчиков групп. Одни из них были сильнее, хитрее, умнее, удачливее, чем другие. В результате лучшие охотники – особенно после того, как мамонты и иные крупные животные вымерли, а охота на сравнительно мелких животных в немалой степени зависела от отдельного охотника, – приносили в группу больше ценной и высоко ценившейся мясной пищи, чем другие. Потребляя принесенное, группа не могла вернуть удачливому охотнику эквивалент в материальной форме. Субститутом его стала новая форма эквивалента – престиж.

Престиж, которым обладал уважаемый группой за его приношения охотник, стоил многого. Те, кто имел его, выделялись среди других, у них появлялись реальные шансы быть избранными лидерами группы. На лидера возлагалось немало обязанностей, в первую очередь связанных с обеспечением группы всем необходимым. Но он имел за это и некоторые привилегии, наиболее заметной среди которых было право на более чем одну женщину (стоит заметить, что парный, пусть даже не очень прочный брак был основой семейной организации группы и только для лидера делалось исключение).

Конец палеолита был связан с некоторыми новыми явлениями. В степной полосе, идущей вдоль Северной Африки и Евразии, сложились наиболее благоприятные условия для охоты за мелкими животными и для собирания пригодных в пищу дикорастущих растений, в том числе злаковых. Именно в это время были изобретены лук и стрелы, очень помогавшие в охоте, а также одомашнена собака. Эти нововведения способствовали ускорению процесса эволюции общества, вступившего в переходную эпоху мезолита. Они же легли в основу так называемой неолитической революции.

Сущность этой революции сводилась к переходу от присваивающего хозяйства к производящему. Доместикация растений, особенно злаков и некоторых видов животных, оседлый образ жизни, изобретение керамических сосудов для хранения и приготовления пищи, прядение и ткачество, изготовление множества весьма совершенных и хорошо обработанных шлифованных орудий из камня, наконец, появление металлургии бронзы – все это следует считать комплексом культурных открытий, которые и произвели в образе жизни людей подлинную революцию. Необходимо при этом заметить, что феномен фундаментального открытия – явление сложное и редкое. Обычно открытия такого рода, требовавшие максимального напряжения социокультурных и интеллектуальных потенций общества, совершались только один раз и в

одном месте, в одной более или менее компактной зоне, после чего они распространялись по ойкумене в результате миграций и диффузии. Разумеется, это не исключало того, что в разных концах ойкумены на базе этих открытий или в ходе их использования совершались различные изобретения и усовершенствования второго и третьего порядков, что было необходимо для приспособления к местным условиям. Однако фундаментальные изобретения совершались лишь раз.

Неолитическая революция радикально изменила не только формы хозяйства, но и весь образ жизни людей. Оседлый образ жизни с гарантированной пищей способствовал демографическому взрыву. Неолитическое население на первых порах удваивалось чуть ли не с каждым поколением, заселяя вначале все пригодные для земледелия районы по соседству с теми предгорьями, где жили первопроходцы неолита (Анатолия, Загрос, Палестина), а затем переходя в районы плодородных речных долин, которые очищались от камышей, осушались и умело использовались для получения больших урожаев. Все новые и новые волны избыточного населения с каждым новым поколением выплескивались из старых, давно освоенных земледельцами регионов, и направлялись в разные стороны в поисках новых земель. Именно таким образом на протяжении немногих тысячелетий неолитические земледельцы освоили всю ойкумену в пределах Старого Света (в Новом Свете шел особый аналогичный процесс, практически не соприкасавшийся с описываемым, – Берингов пролив надежно отделял Америку от других континентов) и оттеснили в неудобные районы остатки палео- и мезолитических групп, обреченных тем самым на стагнацию и вымирание.

Изменилась и социальная структура неолитических земледельцев. Крестьянская деревня не была похожа на бродячие группы охотников и собирателей. Каждая деревня обычно состояла из нескольких больших семейно-клановых коллективов во главе с отцом-патриархом.

Жены патриарха, его сыновья со своими женами и детьми (дочери уходили замуж в другие семейные группы) – вот обычный состав такого коллектива, к которому иногда в качестве аутсайдеров, младших членов, примыкали и случайно оставшиеся одинокими чужие люди. Каждый из членов семейной группы имел свое строго определенное положение. Патриарха, руководителя коллектива, здесь не выбирали – он был во главе по праву рождения, положения в семье (Sahlins 1968:17,64, 75-80). Глава семейно-клановой группы не только руководил ею, но и имел право распоряжаться от имени группы всем ее достоянием. Именно он обычно занимался и перераспределением ресурсов группы, имея при этом в виду прежде всего собственные личные интересы, связанные с все тем же уже упоминавшимся стремлением к обретению социального престижа.

Современные антропологи, в частности в лице уже упоминавшегося К.Поланьи, полагают, что в неэгалитарном обществе, каким следует считать семейно-клановые группы с их отчетливым ранговым неравенством, редистрибуция становится важным социально-экономическим институтом. Используя его, патриарх может занять место в руководстве всей деревенской общиной, состоявшей обычно из нескольких уже описанных семейных коллективов. Механизм достижения подобного рода цели сводился обычно к тому, что патриарх, концентрируя в своих руках все ресурсы группы (имеются в виду прежде всего ее пищевые запасы, главным образом наиболее ценные мясные, но не только они), вступает в дарообмен с соседями. Правила реципрокного дарообмена, как упоминалось, требуют обязательного возврата эквивалента. В результате тот из глав семейных коллективов, который сумел устроить самое щедрое угощение с наибольшей демонстративной раздачей подарков всем жителям деревни, оказывается в выигрыше². Он не только обретает престиж, но и оказывается рядом с желанной целью – получить место старейшины общины. Старейшина обладает большим авторитетом и немалой властью. Именно из числа такого рода старейшин в ходе их соперничества и при благоприятных внешних обстоятельствах (климатический, экологический, экономический, демографический оптимум и т.п.) возникали первые известные истории надобщинные политические структуры, протогосударства, в частности в долинах Нила и в низовьях Тигра и Евфрата. Проблематика появления подобного рода первичных структур обстоятельно разработана в современной антропологии (см., в частности: Service 1971 [1962]). К сказанному стоит добавить, что первичные протогосударства в долинах великих рек возникали обычно параллельно с урбанизацией, так что каждое из них являло собой группу общинных поселений, центром которой оказывался небольшой, но быстро развивавшийся город с храмом и иными постройками, в которых проживали правитель с его родственниками, приближенными, жрецами, воинами и обслуживающим персоналом (ремесленники, слуги и т.п.). В городе хранились запасы и ценности всей новой политической общности.

По законам цепной реакции вокруг первичных протогосударственных центров быстро возникали новые. Не все они имели городские центры и элементы урбанистической цивилизации. Некоторые сохраняли племенную доурбанистическую структуру. Но племена такого рода тоже

² Специальные исследования показывают, что эквивалент в таких раздачах обычно в состоянии представить не более четверти собравшихся. Остальные становятся должниками и, как следствие, клиентами удачливого редистрибутора, который вправе рассчитывать на голоса своих клиентов при выборах руководства общины (См.: Hershkovitz 1952:169–172).

следует считать протогосударственными образованиями, как убедительно показал в своих исследованиях М. Фрид, описавший процесс трибализации, то есть становления на основе аморфной этнической общности структурированного племени во главе с вождем (Fried 1975).

Вождь племени и тем более правитель урбанизованного протогосударства уже сильно отличаются от старейшины общины. Они заметно возвышаются над коллективом своих подданных и при этом обладают не только престижем и авторитетом, но и реальной властью. Главная из прерогатив этой власти – безусловное право главы укрупненного коллектива и действующих от его имени помощников на редистрибуцию всего достояния племени или протогосударства. Иными словами, руководитель надобщинной структуры становится высоко над нею и в результате такого рода позиции достаточно быстро – особенно в урбанистических центрах – обретает сакральную святость. Он и его близкие становятся неприкосновенными для остальных. Иногда на правителя нельзя даже смотреть. Соответственно возникает и новая процедура замещения должности вождя и правителя. Если на начальном этапе развития надобщинных структур после смерти правителя происходили выборы нового (обычно из числа близких его родственников, считавшихся как-то причастными к его сакральности), то затем возникает институт так называемого конического клана, нормы которого требуют передачи власти по наследству в старшей линии разветвленного клана с его многочисленными линиями.

Сакральный лидер протогосударства оказывается центром политической и экономической структуры, которая не знакома еще с частной собственностью. В силу этого на плечи власти ложится не столько право, сколько обязанность взять на себя руководство хозяйством большого и имеющего тенденцию к разрастанию и усложнению коллектива. Все имущество и все хозяйство протогосударства обретают в силу этого (как и в силу традиционного права руководителя земледельческого коллектива на редистрибуцию его ресурсов) облик собственности правителя. Возникает феномен власти-собственности: высшая власть рождает верховную собственность носителя этой власти с его аппаратом администрации (подробнее см.: Васильев 1982).

Феномен власти-собственности можно считать имманентной специфической сущностью, квинтэссенцией всех неевропейских (незападных по происхождению) обществ в истории. Несмотря на то, что со временем в развивавшихся государственных образованиях Востока, вплоть до великих его империй, в результате процесса приватизации появлялась и порой играла даже важную роль частная собственность, она всегда была ограничена в своих возможностях и строго контроли-

рвалась государством. Система власти-собственности там всегда доминировала. Она имела различные формы, включая советско-социалистическую. Но суть ее неизменно была одной и той же: частная собственность подчинена власти и бессильна перед произволом администрации. Что же касается правящих верхов, аппарата власти, то они всегда недолго любили частных собственников и стремились ограничить их потенциальные возможности по той простой причине, что эти собственники были посредниками между производительным населением и властью. Власть, имевшая традиционное право не столько даже на редиистрибуцию всего продукта и всех ресурсов огромного и все возрастающего и усложнявшегося коллектива – государства, сколько на избыточный продукт этого коллектива³, не могла мириться с тем, что проворные частные собственники стремились положить как можно большую часть этого продукта себе в карман.

Институт власти-собственности совершенствовался на протяжении тысячелетий. Народы и государства приходили и уходили, а он оставался незыблемым. Более того, он способствовал сохранению централизации власти. Динамика исторического процесса на Востоке, как известно, была цикличной, периоды централизации сменялись временами кризисов и децентрализации. Но что характерно: ни феодализация, ни вторжения варваров не меняли нормативного принципа традиционной восточной социальной, экономической и политической структуры, опиравшейся на древние институты реципрокного взаимобмена, власти-собственности и централизованной редиистрибуции. Более того, никто не хотел изменять эти принципы, ибо это не было выгодно ни одному из влиятельных социальных слоев, включая и самих частных собственников. Все предпочитали сохранение консервативной стабильности. Почему?

Прежде всего потому, что существовал незыблемый консенсус между административным меньшинством и производящим большинством: первые управляли, вторые производили и находились под надежной опекой управителей, существовавших за счет произведенного ими продукта. Иными словами, труд умственный постоянно и со взаимной выгодой (ощущавшейся обеими сторонами) обменивался на труд физический. Что же касается частных собственников, то у них не было ни особых прав и привилегий (как то было в антично-капиталистической Европе), ни соответственно сил и возможностей для защиты своих кор-

³ Проблема избыточного продукта является достаточно сложной и спорной. Ю.И.Семенов (1993) противопоставляет его жизнеобеспечивающему. Но это противопоставление не слишком убедительно. Неудивительно, что существует точка зрения о некорректности данного термина в принципе (Pearson 1957).

поративных интересов. А во времена кризисов только государство могло защитить их, спасая их собственность от разъяренной толпы голодных и разорившихся бедняков. Неудивительно, что собственники были за стабильность. Их унижительное подчиненное положение вполне их устраивало, тем более что ничего другого они не знали.

Кроме того, на страже незыблемой структуры, все той же консервативной стабильности на Востоке, особенно в наиболее развитых странах, стояли мощные цивилизации, опиравшиеся на развитые религиозные системы с их крепкими моральными запретами и веками освященными культурными традициями. Эти цивилизации проявили себя уже в древности в Египте, Западной Азии, в доколумбовой Америке. Но наиболее сильными и развитыми были три великие бессмертные цивилизации Востока, о которых следует сказать особо.

Одна из них, китайско-дальневосточная конфуцианская, в основе своей даже не имеет развитой религии. Несмотря на то, что в зоне влияния этой цивилизации существовали и существуют религиозные системы, в том числе достаточно развитые (даосизм, синтоизм, буддизм), главную роль играет и стержнем всей цивилизационной культуры является этико-политическая система, восходящая к доктрине Конфуция с ее культом добродетели, сыновней почитательности, патернализма старших и постоянного самоусовершенствования в сочетании с соревновательностью. Эта соревновательность (если угодно, конкуренция) должна быть выделена особо, ибо генеральным принципом администрации в Китае всегда было выдвижение в администрацию умных и способных и конкуренция между ними – в том числе в форме сложных экзаменов – за право занять наивысшие посты в империи. Считалось, что в результате управления умными и способными будут достигнуты желанные Порядок и Гармония. Что же касается остального населения, то оно находилось под патронажем старших и всегда отличалось высокой культурой труда и социальной дисциплиной. В той или иной степени эти качества и достоинства были присущи и периферийным вариантам конфуцианской цивилизации, начиная с Японии, при всех специфических особенностях каждой из них.

Вторая цивилизация – мусульманская, возникшая намного позже (в VII в.) и структурно гораздо более жесткая. Предписания Корана и шариата несравнимы по их безапелляционности с конфуцианским церемониалом. Иная ментальность, которой близки фатализм и фанатизм, насильственный прозелитизм, вплоть до религиозных войн под знаменем джихада, сводит к минимуму роль самоопределения личности, ее волю. Все мусульмане – песчинки перед лицом великого Аллаха и Его представителей на земле, в чьих руках соединена и духовная, и светская

власть. Хорошо известное в Европе представление о восточном деспотизме с абсолютной властью повелителей и бесправным народом формировалось в основном на базе территориально близкой к Западу мусульманской модели.

Третья из великих цивилизаций Востока – индо-буддийская с ее отчетливой ориентацией на приоритет внефеноменального существования. Сильные самоуправляющиеся социальные институты в Индлии (община и каста) обусловили относительную слабость государства – при сохранении им его основных уже охарактеризованных выше типичных для Востока функций. В доисламской Индии децентрализаторские тенденции были весьма сильны, да и в период господства мусульман они постоянно оказывали свое воздействие. Что же касается буддийских стран Юго-Восточной Азии, то там в силу отсутствия каст и сильной общины государства были обычными для традиционного Востока, а ценностные ориентации – типичными для индо-буддизма, с поисками спасения во внефеноменальном мире, в небытии.

Очевидно, что цивилизационные различия между восточными странами были весьма и весьма ощутимыми (подробнее, см.: Васильев 1998). Однако все страны традиционного Востока близки друг другу по структуре и неизменной склонности к консервативной стабильности. Ситуация в этом смысле стала несколько меняться только с началом эпохи колониализма. И здесь следует сказать несколько слов о Европе как о символе оппозиции Восток - Запад.

Европейский путь развития с античности уникален. Если вплоть до гомеровских времен Европа в структурно-типологическом плане была близка традиционному Востоку, то примерно с VII в. до н.э. в ней, на юге континента, в Греции, появилась новая структура полисного типа и начала складываться соответствующая ей цивилизация. По сути своей рождение буквально из ничего столь сложного и принципиально нового социально-политического, экономического и цивилизационно-культурного феномена было чем-то вроде социальной мутации, великой революции, сопоставимой по ее значению для исторического процесса с неолитической.

Ранние эллинские полисы были самоуправляемыми городами-государствами. Но, в отличие от древних египетских или шумерских протогосударственных урбанистических образований, эти структуры в обычной своей форме (бывали и исключения) не имели единоличных правителей. Это были протореспубликанского типа организации, власть в которых принадлежала избранным на строго ограниченный срок магистратам, руководителям. Избрание и осуществление руководства определялись строго разработанными демократическими по

характеру процедурами, в результате чего все жители данного полиса, имевшие землю, считались полноправными гражданами (существовали и неполноправные – метеки и рабы, но тон задавали именно гражданам), причем как раз для защиты их интересов избирались и функционировали магистраты. Экономика полисов была ориентирована на свободный рынок, а все граждане являлись частными собственниками, причем именно на страже священных институтов частной собственности и свободного рынка как раз и стояла вся структура полисов, чем эти полисы принципиально отличались от любых обществ Востока.

Следует заметить, что античный мир был знаком и с царями, и с тиранами, что демократические процедуры и нормы подчас бесстыдно попирались властью имущими, как это было особенно заметно в пришедшем на смену античной Греции Риме. Однако при всем том основы оставались непоколебленными. Тираны приходили и уходили, а античная структура существовала и совершенствовалась – достаточно упомянуть о знаменитом римском праве (частном праве, детально регулирующем права граждан и собственников). И именно это наследство легло в фундамент европейского гражданского общества и продолжало оказывать свое ощутимое воздействие после крушения Рима и появления на его территории варварских королевств, восточных по типу происхождения.

Появившись на территории бывших римских владений в Европе, эти многочисленные и достаточно быстро сменявшие или оттеснявшие друг друга королевства развивались как под воздействием христианства, ставшего на рубеже III–IV вв. официальной государственной религией Рима, так и античных традиций. Это наследство отразилось на экономике и иных институтах феодальной Западной Европы уже достаточно рано. Особенно оно было заметным в структуре торговых республик (Венеция, Генуя, Флоренция, города Ганзы) и городов, где развивались рынки и пользовалось поддержкой власти частное предпринимательство. Города средневековой Европы, становясь союзниками королей в борьбе за объединение раздробленных феодальных владений, пользовались льготами и привилегиями, что принципиально отличало их статус от восточных городов, бывших в это время (X–XV вв.) гораздо более развитыми и богатыми.

Это принципиальное структурное различие между традиционным Востоком и Европой было непреодолимым. Несколько раз самой историей ставились эксперименты по ее преодолению. Первым можно считать период эллинизации Ближнего Востока, растянувшийся примерно на тысячелетие, от Александра до Мухаммеда, вторым – статус ориентализовавшейся Византии, в средние века все очевиднее сближав-

шейся с традиционным Востоком. В обоих случаях победителем выходила традиционно-восточная структура. Зато в случае с германской Европой верх взяла европейская структура, уходящая корнями в античность. Но что характерно – во всех трех случаях ожидаемого синтеза не произошло, верх брала либо та, либо другая структура, что явно свидетельствовало о принципиальной их несовместимости.

Ситуация изменилась кардинальным образом после наступления эпохи колониализма, которой предшествовали в Европе такие кардинальной важности процессы, как Ренессанс, Реформация и Великие географические открытия, способствовавшие возрождению многих из утраченных античных рыночно-частнособственнических и цивилизационных традиций и трансформации феодальной Европы в предкапиталистическую. В результате этой трансформации новоевропейская история стала совсем иной. Начав полностью ориентироваться на рынок, частное предпринимательство, право и иные сопутствующие новым условиям существования институты, европейцы во всеоружии двинулись на Восток. Все началось с завоевания Америки, что дало им некоторый опыт, но главным образом – драгоценные металлы, золото и серебро.

Первая стадия колониализма (XVI–XVIII вв.) – это время торговой экспансии европейцев, поиски путей к восточным странам, борьба за восточные рынки, сопровождавшаяся энергичной работоторговлей с целью заработать на переселении африканцев в малонаселенную Америку, где весьма быстрыми темпами развивалось протокапиталистическое по духу (но основанное на труде рабов) плантационное хозяйство. Вначале пионерами колониализма были испанцы (в основном в Америке) и португальцы (на Востоке). Именно их усилиями прокладывались морские пути, создавались плантации и воздвигались первые торговые форпосты в разных странах. При этом стоит учесть, что, в отличие от Америки с ее слабыми и отсталыми протогосударственными и догосударственными образованиями, богатый Восток был в основном представлен сильными государствами, а то и целыми империями. С ним можно было только торговать, причем платить за желанные европейцам пряности и раритеты следовало драгоценными металлами, так что именно на Восток потекла большая часть вывезенного из Америки золота и серебра.

В XVII–XVIII вв. португальцев в качестве основных колонизаторов на Востоке сменили сначала голландцы, а затем англичане, которые стали действовать намного шире. Теми и другими были основаны Ост-Индские компании с большими средствами и возможностями, включая право вести переговоры и войны, заключать соглашения. Усилия

ми этих компаний были достигнуты немалые успехи в развитии торговли и в первых ощутимых территориальных приобретениях, особенно в Индии и Индонезии, которые в этот период находились в состоянии политического кризиса и децентрализации.

С начала XIX в. наступил второй период колониализма с его активной промышленной экспансией и резким ростом территориальных приобретений в разных регионах Востока. Мощное давление индустриальной экономики и политической силы европейского колониального капитала поставило под вопрос дальнейшее существование привычной традиционной структуры и всего стиля жизни на Востоке. Наряду с привычными для Востока государственным и строго контролируемым частным секторами хозяйства, появился новый, колониально-капиталистический, со свойственными ему свободным и защищенным правами и привилегиями рынком и энергично функционирующими в его пространстве частными собственниками-предпринимателями. При этом традиционная восточная структура с ее системой власти-собственности и централизованной редистрибуции, с ее негибкой бюрократией и экономически неэффективным хозяйством не могла успешно противостоять напористой и полной энергии колониально-капиталистической экономике, защищенной государственной протекцией европейских стран-метрополий и вкладывающей все новые и новые капиталы в столь прибыльное дело, как эксплуатация колоний или зависимых от европейцев стран Востока.

Естественно, что народы Востока в большинстве своем были недовольны столь бесцеремонным вторжением чужаков в их жизнь. Это недовольство проявлялось подчас и в народных движениях, на которые возлагали большие надежды европейские революционеры прошлого и начала нынешнего веков, включая Маркса и Ленина. И действительно, Восток на рубеже XX столетия явственно пробуждался от вековой спячки. Крупнейшие восточные монархии под влиянием вызванного европейцами кризиса разваливались и замещались республиками; так произошло с Османской и Китайской империями. Но значение этого факта едва ли стоит преувеличивать. Ответ традиционного Востока вызову со стороны агрессивного европейского колониального капитала был сложным переплетением вынужденной трансформации и энергичного противостояния с опорой на традиционные цивилизационные ценности. При этом сила сопротивления во многом зависела именно от характера и мощи той либо иной из великих восточных цивилизаций.

Конфуцианский Дальний Восток с его исключительной способностью к усвоению полезных новаций дал наилучший результат, что хорошо видно на примере Японии (Китай отставал в силу ряда важных причин, прежде всего из-за стойкости консервативной административ-

ной структуры и силы самодостаточной традиции). Индо-буддийские страны со свойственной им религиозно-политической пассивностью тоже могли адаптироваться к новой ситуации - особенно при активной роли колонизаторов – достаточно спокойно, хотя и не очень быстро и не слишком легко. Наиболее сильное сопротивление оказывали страны ислама. Только длительный процесс вынужденной адаптации к новым формам жизни позволил колонизаторам добиться в некоторых из этих стран (Турция, Египет, Пакистан) позитивных результатов. Но остальная часть мира ислама, особенно арабские страны и Иран, не принимала европейских стандартов, причем многие из этих стран занимают такую позицию и сегодня.

Здесь стоит сделать некий политологический экскурс и обратиться к феномену колониализма как такового. Как известно, на Востоке и среди радикалов на Западе господствует заведомо негативное отношение к этому явлению, причем нередко все несчастия и невзгоды списывают именно на колонизаторов. Разумеется, колониализм принес традиционному Востоку немало бед. Но нельзя ведь на учитывать, что, не будь колониальной экспансии, все страны Востока, включая и Японию, находились бы сегодня практически на уровне едва ли не XV в. Можно спорить о том, хорошо это или плохо, и я предполагаю в заключении статьи вернуться к этой проблеме. Тем не менее очевидно, что все новое и современное пришло на Восток из Европы в результате процесса вестернизации и модернизации. И современный Восток охотно этим всем или почти всем пользуется. Вданном смысле именно колониализм сблизил современный Восток с Западом.

Процесс деколонизации начался, как хорошо известно, после второй мировой войны. В это время колониальный и зависимый Восток оказался перед альтернативой: капитализм или марксистский социализм. Марксистский социализм как система был впервые реализован в России после большевистского переворота 1917 г. Можно спорить о том, что в данный момент представляла собой Россия, но я лично уверен в том, что исторически Россия как государство и общество всегда была более Востоком, нежели Западом. От Запада в ней, кроме восточного типа православного христианства, всегда находившегося под железной пятой правивших страной деспотов, были только те сдвиги, которые инициировал Петр I и в меру своих возможностей осуществляли его преемники. Иными словами, в России – как и на остальном Востоке – начался процесс модернизации и вестернизации лишь с XVIII в. Разница, причем очень существенная, сближающая Россию разве что с Японией, но не с остальным Востоком, была в том, что этот процесс шел изнутри, а не под силовым воздействием извне, со

стороны колонизаторов. Но даже при всем том к 1917 г. Россия добилась на пути вестернизации не слишком многого, причем именно это печальное обстоятельство помогло марксистскому социализму укрепиться в стране.

Парадокс в том, что указанная доктрина, первоначально рассчитанная только на Запад (диктатура пролетариата), для него оказалась неприемлемой, но зато нашла себе почву на Востоке, где пролетариата в марксистском его понимании не было вовсе (или почти не было, как в России). Не углубляясь в анализ этого парадокса, замечу лишь, что в процессе деколонизации ряд стран Востока (Китай, Вьетнам, Северная Корея, затем также Камбоджа и Лаос, не говоря уже о многочисленных странах Африки) избрали в качестве образца советский вариант марксистского социализма. Почему?

Ответ очевиден. Марксистский коммунизм с его командно-административно-редистрибутивной системой – копия традиционного Востока. Новая и сильно модифицированная, с развитой индустрией (особенно военной) и наукой, специфической идеологией и политической мощью, но все же именно копия. Судить об этом следует на основании того, что и правящий аппарат с его жесткой административной системой, и суровое преследование частной собственности и предпринимательства, и экономическая неэффективность государственного хозяйства, явно тяготеющего не к быстрому развитию, но к консервативной стабильности (застой), и запуганное властью несвободное население, порой низводившееся до уровня поголовного рабства, – все это очень хорошо знакомо именно Востоку. А успехи, достигнутые Россией при Сталине за счет жесточайшего террора, были особенно очевидны как раз тогда, когда странам Востока предстояло сделать свой исторический выбор. Выбрать капитализм означало болезненное продолжение вынужденной трансформации. Выбрать марксистский социализм значило, как в то время многим казалось, иметь шанс избежать этого и стать могучим государством в рамках старых структур, да к тому же получить за это помощь от СССР.

Так рассуждали в момент выбора достаточно многие из руководителей стран Востока, не говоря уже о коммунистах, позиции которых в этих странах, особенно в Азии, были весьма сильны. Сегодня уже известно, когда и чем марксистский эксперимент во всех этих странах, включая и Россию, завершился. Марксистский социализм, за редчайшими исключениями, остался, как реально существующая и пытающаяся соперничать с капиталистическим Западом система, в прошлом. Изменился за ряд последних десятилетий и капитализм. Вопреки предостережениям, он не только не погиб, запутавшись в противоречиях, но на-

против, сумел успешно решить свои сложные проблемы. Новый капитализм второй половины нашего века имеет немало достижений как в сфере социальной поддержки нуждающейся в этом части населения, так и во многих иных сферах. Это спасло западные страны от очередных кризисов и дало им новые импульсы для быстрого развития. Неудивительно, что в таких условиях – тем более после краха системы марксистского социализма – развивающийся мир в большинстве своем стал сознательно ориентироваться на рыночно-частнособственнические принципы Запада. Но этот выбор для современного Востока не стал большим облегчением.

Сложности и трудности в том, что для выбора марксистско-социалистического пути нужна была лишь смена политической ориентации (остальное легко вписывалось в давно сложившуюся традиционно-восточную структуру), тогда как выбор противоположного пути требовал кардинальной внутренней перестройки, для чего необходим был долгий и трудный переходный период. Нужно было время и для социопсихологической адаптации, что обычно требует смены поколений. И здесь опять-таки многое зависело от цивилизационного фундамента того или иного из регионов Востока.

Мир ислама, как упоминалось, настроен наиболее антизападно и антикапиталистически. Это не означает, что в соответствующих странах не принимают ничего современного. Напротив, там охотно ездят на автомобилях и летают на самолетах, используют современную бытовую технику и т.д., не говоря уже об активной торговле нефтью с Западом. Но тем не менее там и особенно в странах, где господствует фундаментализм, как, например, в Иране, резко не приемлют духовную культуру и многие нормативные принципы поведения по западному стандарту, предпочитая этому демонстративное следование обычаю (женщины, например, не должны выходить на улицу, не закрыв лицо). За последние годы позиции исламского фундаментализма резко усилились, причем не только в беднейших странах типа Судана, Афганистана или Бангладеш, но и в странах достаточно передовых и развитых – в Алжире, Египте. Даже в Турции военные недавно вынуждены были вмешаться в такого рода процесс и запретить политическую партию (пользовавшуюся в стране немалым признанием) с явно исламско-фундаменталистским уклоном.

Хуже всего обстоит дело с трансформацией и модернизацией в Африке южнее Сахары (кроме Южной Африки, являющейся в этом смысле исключением). И дело отнюдь не в силе исламских или иных явственно антизападных и тем более фундаменталистских традиций. Просто черная Африка с ее архаичным населением и соответствующи-

ми нормами социо-психологического стандарта слишком далека не только от Запада, но и от любой из развитых цивилизаций мира. В то же время здесь можно зафиксировать любопытный парадокс: тогда как культура потребления, особенно в городах, растет очень быстрыми темпами (каждый хочет иметь современную бытовую технику, телевизор, а то и автомобиль, не говоря уже об одежде и иных предметах обихода), культура и дисциплина труда такого рода современным потребностям совершенно не соответствуют. Социальная верхушка в этих странах – особенно те, кто получил образование за границей и уже по этой немаловажной причине обычно принадлежит к административной или иной элите – обеспечена всем необходимым, а основная масса населения имеет очень мало. Более того, многие едва сводят концы с концами, а в случае стихийных бедствий, войн и т.п. вообще десятками, если даже не сотнями тысяч погибают от голода и болезней.

Суммируя сказанное, мы вправе прийти к выводу, что современный Восток весьма многолик. Одни страны благодаря собственным усилиям и цивилизационному фундаменту или Аллаху (имеется в виду нефть) богаты и благополучны. Другие живут скромно, но, напрягая усилия, стремятся как можно быстрее преодолеть пропасть, отделяющую их от богатых и благополучных (как восточных, так и западных) стран. Третьи практически не имеют шансов достичь этого в обозримом будущем, а четвертые даже не пытаются или не могут двигаться вперед. Особо стоит сказать о крупных странах (Китае, Индии, Индонезии), где часть населения в результате общего прогресса за последние десятилетия достигла определенного, подчас заметного уровня благополучия, тогда как основная масса сельского населения остается таким же бедным, едва сводящим концы с концами, как и их далекие предки. Но если здесь все-таки можно говорить об определенном движении вперед и соответственно о надежде, то применительно к наиболее бедным странам Востока, и этого сказать нельзя. Они остаются общемировой болью.

Подводя некоторые итоги, можно в самом общем виде заключить, что примерно половина населения стран Востока (почти все в черной Африке и многие из числа беднейших слоев в других странах, включая крупные вроде Индии, Индонезии, Китая) живет сегодня на уровне бедности или даже нищеты. И, что особенно важно принять во внимание, именно эта половина имеет тенденцию к безудержному демографическому росту, практически удваиваясь каждые 35–45 лет и тем самым резко увеличивая общий объем бедности и нищеты в нашем мире.

Здесь мы имеем дело с очень серьезной проблемой для современного мирового сообщества, причем она не имеет легкого решения. Страны, которые не в состоянии сами прокормиться, живут за счет все возрастающей помощи извне. Данное обстоятельство можно, конечно,

рассматривать как вынужденную плату богатых западных стран за их прошлую колониальную экспансию, как долг колонизаторов. Но, во-первых, помощь, о которой идет речь, не способствует успеху беднейших стран в главном для них – в развитии. Напротив, порождает и поддерживает в этих странах иждивенческо-паразитарный синдром. А во-вторых, стремительный демографический рост в странах Востока и особенно в беднейших из них ставит теперь уже перед всем достаточно густо населенным миром ряд новых глобальных и практически почти неразрешимых проблем. В самом общем виде это проблема взаимодействия между Человеком и Природой.

С точки зрения исторического процесса, который в основном затрагивается в настоящей статье, суть проблемы сводится примерно к следующему. Индустриальный прогресс в наши дни резко убыстрился. Соответственно возросла угроза экологического кризиса. Элементарные подсчеты, о чем, в частности, свидетельствуют тревожные доклады специалистов, объединенных в рамках так называемого Римского клуба, убеждают в том, что процесс подобного рода не может тянуться слишком долго. Хорошо известно, например, что, если того уровня отбросов на душу населения, который характерен сегодня для западного мира, достигнет и весь остальной мир, планета просто не выдержит. Будет катастрофа. Уже одно это означает, что что-то в близком будущем должно быть решительно изменено. Но что? И как?

Ясно одно: индустриальный рост, связанный со все возрастающим потреблением энергии, экологический кризис и демографическое давление можно считать тремя факторами, чье воздействие на планету уже достаточно скоро будет способно превысить степень ее терпения. Возникает серьезный вопрос: как долго Земля будет в состоянии выносить это? Когда и чем может кончиться ее уже явно угрожающее всем нам терпение? Быть может, уже сейчас, на пороге XXI в., мы находимся совсем недалеко от критической точки (подробнее см.: Васильев 1997)?

Вообще-то говоря, проблема индустриального роста в том плане, как она выглядит сегодня, являясь угрозой будущему, может быть решена легче всего. Компьютерная революция способна дать человечеству некоторые новые технологии для этого. Разумеется, это сделать сравнительно легко на богатом Западе, но не на Востоке, где у большей части стран просто нет средств на необходимую для этого радикальную перестройку экономики. Но в конце концов можно предположить, что богатый Запад во имя собственных интересов и интересов будущего всего человечества поможет снабдить страны Востока передовой безотходной технологией XXI в.

Экологический кризис на современном уровне науки и технологии тоже может быть ликвидирован, хотя трудно даже представить, сколько для этого потребуется средств и где их возьмут страны Востока, да и Россия. К тому же стоит учесть, что это в конечном счете те же самые средства, которые во все увеличивающихся масштабах перетекают сегодня из богатых стран Запада в беднейшие страны Востока, неспособные себя прокормить. И все же, учитывая все сказанное, решение технологических и экологических проблем – вопрос денег, и потому проблемы такого рода в принципе могут быть решены в следующем столетии. Но что может быть сделано с угрожающим ростом демографического давления?

На первый взгляд могло бы показаться, что данная проблема наиболее легкая из всех, настоятельно требующих своего решения, или, выражаясь фигурально, наиболее слабая из голов трехглавого Дракона, угрожающего существованию человечества на Земле. Здесь вроде бы все зависит от самих людей и в сущности практически ничего не стоит. Однако такой взгляд обманчив. На деле все обстоит как раз наоборот. Есть основания полагать, что из всех ключевых проблем XXI в. эта будет основной. Специалисты хорошо знают, что нормы размера семьи и количества рождений на одну женщину складываются веками и тысячелетиями, входят в число важнейших элементов обычая во всех странах, у всех народов мира и потому не могут изменяться с легкостью, за короткий исторический срок. Даже обладающие исключительной социальной дисциплиной китайцы не в состоянии ввести в приемлемые рамки ежегодный прирост населения. А в Индии, странах ислама и в Африке эти проблемы практически не решаются вовсе, хотя многое говорится и пишется на данную тему. К тому же стоит учесть, что успехи современной медицины и элементарные санитарно-гигиенические нормы и правила способствуют выживаемости детей, что резко увеличивает темпы роста населения при сохранении традиционной нормы рождений на каждую женщину. Это, в сущности, означает, что даже если богатый и развитый Запад решит в XXI в. свои две стоящие перед миром сложнейшие и дорогостоящие проблемы, развивающийся и быстрыми темпами разрастающийся Восток окажется не в состоянии решить третью и главнейшую из них.

Это означает также, что только небольшая часть стран Востока будет в состоянии обеспечить оптимальные условия своего существования в обозримом будущем. Что касается всех остальных, то их участь представляется достаточно печальной. Настолько безрадостной, что не может не встать тот самый вопрос, который уже был затронут выше:

благом или злом обернулись для мира и, главное, для самого Востока его спровоцированное колониализмом пробуждение и приобщение к стандартам Запада? Не лучше ли было бы, если бы все оставалось так, как это выглядело до XVI в.?

Вопрос подобного рода, скорее, риторический. Он не требует ответа, ибо его быть не может. Случилось так, как должно было случиться. Иного в тех обстоятельствах было бы нереально ожидать. Но вопрос о том, благо или зло принес Востоку колониализм, тем не менее остается. И похоже на то, что наряду с несомненным благом приобщения к высокой современной цивилизации (в планетарном понимании этого термина), ныне становятся все более очевидными трагические издержки, безумная цена, которую человечество завтра уже будет вынуждено заплатить за этот исторический поворот в его судьбах. Лишившись в результате приобщения к западной цивилизации с ее постоянно растущим потреблением своего обычного исторического баланса с окружающей природой, страны традиционного Востока в подавляющем своем большинстве практически потеряли шансы установить *modus vivendi* в будущем. В результате создается ситуация постоянно растущего дисбаланса с природой в планетарном масштабе.

Но природа не терпит дисбаланса, особенно длительного. Она обычно резко ему противостоит, мобилизуя свои внутренние ресурсы. Последние достаточно многочисленны и хорошо известны. В прошлом это были эпидемии и иные катаклизмы. Ныне, когда медицина и другие отрасли науки нашли средства противостоять им, мобилизуются иные. Можно напомнить о СПИДе, озоновой дыре, парниковом эффекте, ядерной зиме. Пока что современная наука не сдает своих позиций и активно борется со всеми подобными угрозами, предостерегая от одних (ядерная катастрофа или парниковый эффект) и способствуя победе над другими (СПИД или озоновая дыра). Но что будет завтра, когда население планеты – где-то к середине будущего века – удвоится и перевалит за 10 миллиардов человек? И тем более послезавтра, в конце XXI в., когда оно вполне сможет еще раз удвоиться?

Следует полагать, что природа приложит все необходимые усилия для того, чтобы настоять на своем. Она найдет новые и много более эффективные средства и методы для того, чтобы восстановить утраченный баланс. И хотя человечество тоже мобилизует все свои возможности для предотвращения грозящей ему катастрофы, есть основания полагать, что дело может закончиться для него плохо.

Я бы не хотел претендовать на лавры Кассандры и был бы рад, если бы высказанные здесь опасения оказались напрасными или, во всяком случае, недостаточно обоснованными. Но пока что, к сожалению, существует слишком много оснований для опасений и беспокой-

ства по поводу будущего. Фантасты обычно, даже если пишут о глобальных катастрофах, полны исторического оптимизма в отношении этого будущего. Они верят в бессмертные потенции человечества. По сравнению с ними я склонен считать себя скорее пессимистом.

Как востоковед, я постоянно держу в голове ситуацию с Востоком, причем не только современным⁴. Что же касается сегодняшних и завтрашних проблем, связанных как с технологией и экологией, так и – в гораздо большей степени – с непрекращающимся демографическим ростом на Востоке, и ведущих к увеличению дисбаланса между Человеком и Природой, то они меня беспокоят гораздо больше, чем сказки о звездных войнах и возможных в будущем столкновениях с инопланетянами. Конечно, и я это отлично понимаю, сказки интереснее скучных академических выкладок, на то они и сказки. Но проза жизни дает и всегда будет давать о себе знать. А в этой прозе Восток со всеми его нерешенными и порой неразрешимыми проблемами с каждым годом занимает все увеличивающееся место.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев Л.С. 1982. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // *Типы общественных отношений на востоке в средние века* / Отв. ред. Л.Б.Алаев. М.: 60–99
- Васильев Л.С. 1993. *История Востока*. М.: Высшая школа. Т.1–2..
- Васильев Л.С. 1997. Человек и Природа: кто кого? (Выживет ли человечество в грядущем глобальном кризисе?) // *Московское востоковедение*. М.: 308–330.
- Васильев Л.С. 1998. *История религий Востока*. 3-е изд. М.: Высшая школа.
- Мосс М. 1996. *Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии*. М.: Восточная литература.
- Семенов Ю.И. 1993. *Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество*. М. Ч.1–3.
- Fried M.H. 1975. *The Notion of Tribe*. Menlo Park: Cummings.
- Herskovitz M.J. 1952. *Economic anthropology. A Study in Comparative Economies*. N. Y.
- Pearson H.W. 1957. The Economy has no Surplus // *Trade and Market in Early Empires* / Ed. by K.Polanyi, C.M.Arensberg, H.W.Pearson. N. Y.
- Polanyi K. 1968. Primitive, Archaic, and Modern Economics // *Essays of K.Polanyi*. N. Y.
- Sahlins M.D. 1968. *Tribesmen*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Service E.R. 1971. *Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective*. 2nd ed. N. Y. [1st ed. – 1962]: Radmon House.
- Service E.R. 1975. *Origins of the State and Civilization*. N. Y.: Norton.

⁴ В моем двухтомнике «История Востока» (Васильев 1993) эта ситуация представлена достаточно полно, включая тревоги по поводу тенденций эволюции.

5

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПУТИ

Ю.В. Павленко

Понимание исторического движения человечества, рассматриваемого как единое целое, предполагает его одновременное видение в аспектах стадильности, многолинейности и цивилизационной дискретности. Каждый из этих методологических принципов имеет самостоятельное значение и может разрабатываться автономно. Однако целостная картина исторического процесса раскрывается лишь при условии их сочетания в соответствии с принципом дополнительности.

Стадийность исторического процесса

Идея стадильности исторического процесса, уходящая своими корнями в ветхозаветно-древнехристианскую линейную (с эсхатологической перспективой) парадигму восприятия времени, является для новоевропейской философии традиционной и широко представленной в различных концепциях. В ее ключе работали во Франции: Ф.Вольтер, А.Р.Тюрго, Ж.А.Кондорсе, К.-А.Сен-Симон, О.Конт, в Германии: Г.Е.Лессинг, И.Г.Гердер, Г.В.Ф.Гегель, К.Маркс и Ф.Энгельс, в Великобритании: А.Фергюсон, Г.Спенсер, Э.Тайлор, Дж.Фрэзер, Г.Чайлд, в США: Л.Г.Морган, Л.Уайт, Дж.Стюард, в России – Н.Г.Чернышевский, Д.И.Писарев, В.С.Соловьев, Г.В.Плеханов, В.И.Вернадский и пр.

В уходящем столетии стадильный подход наиболее выразительно был представлен в марксистской, постмарксистской (преимущественно советской и постсоветской) и неозволюционистской (преимущественно североамериканской) традициях. Однако стадильное понимание исторического процесса было присуще и таким выдающимся мыслителям Западной Европы, как П.Тейяр де Шарден, К.Ясперс и поздний А.Дж.Тойнби.

При стадийном подходе к эволюции прежде всего следует различать два наиболее значительных периода, которые разграничивает так называемая “неолитическая революция”: переход от присваивающих к производящим формам хозяйства. Эпоха раннепервобытных охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ (которые, возможно, стоило бы называть собственно первобытными) может рассматриваться как “доистория” или “предыстория” цивилизации, длившаяся многие десятки тысячелетий: от возникновения человека современного типа (*Homo sapiens*) около, вероятнее всего, 150 – 200 тыс. лет назад до “неолитической революции”, начавшейся на Ближнем Востоке 10–12 тыс. лет назад на гребне климатических изменений, связанных с окончанием ледникового периода, при переходе от плейстоцена к голоцену.

Раннепервобытное человечество верхнего палеолита еще не знало саморазвития как определенного поступательного процесса. Оно не преобразовывало окружающей среды, а приспосабливалось к ней. Поэтому изменения природно-климатических условий автоматически приводили к общему кризису соответствующей социокультурной системы, представители которой далеко не всегда могли эффективно адаптироваться к новым условиям.

История раннепервобытных обществ представляется, таким образом, историей небольших, связанных между собою в пределах широких природно-географических ареалов кровнородственных общин с едиными формами адаптации, а значит, и всего хозяйственно-культурного облика. В качестве таковых, к примеру, можно рассматривать коллективных охотников приледниковых открытых пространств верхнепалеолитической Евразии или современных им охотников-собираТЕЛЕЙ средиземноморско-переднеазиатских ареалов с более индивидуализированными формами хозяйственной деятельности.

Поэтому периодизация истории раннепервобытных обществ представляется необычайно сложной проблемой, до сих пор не получившей убедительного решения. Отдельные охотничьи коллективы достигали высокого культурного уровня и исчезали, не оставляя достойных продолжателей своих традиций. Примером может быть взлет и упадок верхнепалеолитических обществ приледниковой Европы с их блестящим изобразительным искусством.

Рубежом между первобытностью и цивилизацией выступает процесс формирования надобщинных структур власти и управления – племенных институтов, со временем приобретающих, преимущественно, вид вожеств. Если “неолитическая революция” закладывает прежде

всего хозяйственные основания будущей цивилизационной истории, то формирование племенных органов власти и управления – основания будущих государственно-административных структур.

Собственно же историю цивилизации имеет смысл подразделять на историю отдельных, хотя и связанных так или иначе между собой, локальных и региональных цивилизаций (с формирующимися вокруг них цивилизационными ойкуменами типа Китайско-Дальневосточной и пр.), с одной стороны, и историю всемирной макроцивилизационной системы, которая в общих чертах складывается к рубежу XIX–XX вв с другой. Становление последней в решающей степени было определено промышленным переворотом, произошедшим на рубеже XVIII–XIX вв. в передовых, уже ставших капиталистическими странах Запада.

В самом широком виде социокультурная эволюция человечества может быть представлена следующим образом.

I. Эпоха развития обществ присваивающего хозяйства (в традиционной терминологии – ранняя первобытность). Ее внутренняя периодизация пока проблематична.

• *Узловая точка* – “неолитическая революция”, сдвиги времен становления и утверждения производящего хозяйства.

II. Эпоха развития обществ производящего хозяйства в целом (поздняя первобытность и время цивилизации, рассматриваемые вместе), определяемая как цивилизационный процесс.

1. Ступень становления основ цивилизации (в традиционной терминологии – поздняя первобытность).

а) Стадия родового строя (родовые и гетерогенные общины без надобщинных органов власти и управления).

• *Узловая точка* – становление племенных органов власти и управления (структур вождеств).

б) Стадия племенного строя (вождеств).

• *Узловая точка* – возникновение раннецивилизационных систем.

2. Ступень развития и интеграции отдельных цивилизаций (или собственно цивилизационная история).

а) Стадия ранних (локальных) цивилизаций (раннеклассовых обществ).

• *Узловая точка* – “осевое время”.

б) Стадия зрелых (традиционных региональных) цивилизаций (и цивилизационных ойкумен).

• *Узловая точка* – индустриализация и связанные с ней процессы, приведшие к сложению всемирной макроцивилизационной системы XX в.

3. Ступень всемирной макроцивилизационной системы III тысячелетия. Внутренняя ее периодизация в настоящее время невозможна.

Восток и Запад: многолинейность исторического процесса

Стадиальное понимание социокультурного развития человечества, как отмечалось выше, должно быть дополнено видением полилинейности этого процесса. Начиная со времени “неолитической революции” наблюдается формирование и раскрытие потенциалов тех основных типов (путей, линий) социокультурной эволюции, которые пронизывают всю историю последних десяти тысячелетий.

В нео/энеолитические времена на пространствах Старого Света происходит постепенное расхождение земледельческо-животноводческой и скотоводческо-земледельческой линий социокультурной эволюции. Последняя из этих двух линий достигает своего максимального проявления, полноты раскрытия заложенных в ней потенциалов, в кочевнических обществах скотоводов зоны Евразийских степей и полупустынь Афразии (Аравия, Сахара), история которых начинается с последней трети II тыс. до н.э.

Кочевничество демонстрирует максимум оптимизации потенциалов обществ скотоводческой ориентации, выше которого соответствующие социумы собственными силами, принципиально не изменяя основ своей жизнедеятельности, подняться не могут. При наличии налаженных контактов с соседними цивилизациями и подчинения оседло-земледельческого населения, кочевники способны создавать раннеполитические объединения типа “кочевых империй” (как Великая Скифия или держава Чингисхана) (Хазанов 1975, Павленко 1989: 86-90; Крадин 1992), однако последние не отличаются устойчивостью, и процесс такого рода консолидации имеет обратимый характер.

Поэтому несмотря на то, что в определенных регионах (Казахстан, Монголия, Аравия, Сахара) кочевнические скотоводческие общества дожили почти до нашего времени, нет оснований утверждать, что по сравнению с номадами раннежелезного века они претерпели сколь угодно существенную социально-экономическую трансформацию (что не относится к религиозно-культурной сфере: общеизвестен факт при-

нения большинством средневековых кочевников ислама или буддизма в ламаистской форме). Кочевнический путь развития исчерпывает свои возможности уже в древности, и в этом смысле его следует признать тупиковым. Предпосылок для выхода на следующую ступень эволюции в обществах подобного типа не складывается.

Совершенно иные перспективы открывались перед нео/энеолитическими обществами земледельческой ориентации. Некоторые из них (преимущественно связанные с типом тропического клубне-корнеплодного земледелия – к примеру, папуасы) достаточно быстро исчерпали возможности развития, предоставлявшиеся их хозяйственно-культурным типом, и не подошли к созданию раннецивилизационных систем. Однако другие, прежде всего связанные с зерновым земледелием (пшеница, просо, рис, кукуруза и пр.), вышли на цивилизационный уровень двумя основными путями, которые, считаясь с традиционной терминологией, можно называть восточным и западным.

В социально-экономическом отношении различия между ними связаны в первую очередь с разной ролью в тех и других государственной власти и частнособственнических отношений. По образному выражению Л.А.Седова,

«следует полагать, что в системе экономических отношений роль государства – то есть является ли оно или не является субъектом собственности, возникают ли отношения «власть-собственность», имеет столь же основополагающее значение, как наличие или отсутствие позвоночника в системе биологических организмов и в представлении об их эволюции, дающей две совершенно самостоятельные ветви» (Седов 1987: 54).

Проблема структурно-типологического разграничения восточного и западного типов общества осознавалась уже мыслителями XVII–XIX вв. С новой силой эта идея, базировавшаяся на марксовской концепции «азиатского способа производства», получила разработку (преимущественно в кругах московских востоковедов) в 60-х годах. В 80-х годах, главным образом в работах Л.С.Васильева (1982, 1983, 1988, 1989), идея принципиально различных типов развития восточных, связанных с феноменом «власти-собственности», и западных обществ получила дальнейшее обоснование. О причинах, приведших к образованию такого рода типологически различных, но стадийно соотносимых между собой социокультурных структур, мне также приходилось писать неоднократно (Павленко 1989, 1991, 1993, 1996). Результаты подобных исследований, как представляется, кратко можно изложить следующим образом.

Восточный путь становления цивилизации и развития раннецивилизационных систем определяется неизменным повышением роли надобщинных органов власти и управления во всех сферах жизнедеятельности. В большинстве случаев это было связано с необходимостью организации коллективного труда больших масс людей, прежде всего при выполнении ирригационно-мелиоративных работ, террасирования горных склонов и пр., а также при возведении монументальных сооружений погребально-культового назначения (пирамиды, зиккураты и пр.).

Однако, какие бы факторы в том или ином случае не имели бы решающего значения, суть дела состоит в том, что складывается такая социокультурная система, в пределах которой отдельный человек (домохозяйство, семья) лишается автономии самообеспечения по отношению к отчужденной от общества власти. Носители последней выполняют не только административно-политические, но и верховные собственнические (прежде всего по отношению к земле, воде и прочим природным ресурсам) и организационно-хозяйственные функции, что хорошо прослежено на примерах Шумера (А.И.Тюменевым), Египта (И.А.Стучевским), Китая (Л.С.Васильевым), камбоджийской империи Ангкор (Л.А.Седовым), инкского Перу (Ю.Е.Березкиным) и других раннеклассовых обществ.

При таких условиях с переходом к цивилизации государство тотально доминирует над обществом, организуя и контролируя все основные сферы его жизнедеятельности, в том числе и средствами религиозно-культового воздействия.

Накануне и в течение “осевого времени” ситуация, однако, несколько изменяется благодаря определенным, связанным с возникновением элементов частнособственнической деятельности (преимущественно торговой и ростовщической, а также ремесленной в городах), социокультурным изменениям. Но это вовсе не затрагивает самих основ восточного типа общества, поскольку государство (будь это держава Ахеменидов, Арабский халифат или империи средневекового Китая) оставляет за собой общий контроль над политической, экономической и религиозно-культурной жизнью в целом. При этом представители легализированного частного сектора находятся в почти бесправном положении по отношению к всемогущей бюрократии.

Такая система периодически находится в кризисном состоянии, однако в большинстве случаев она способна преодолевать его собственными силами (исключения – гибель Хараппской цивилизации долины Инда и пр.). Настоящей опасностью для нее оказывается только вызов со стороны буржуазно-индустриального Запада.

Очень похоже, что в начале уходящего тысячелетия, с крахом Багдадского и Кордовского халифатов, среднеазиатской державы Саманидов, китайских империй Тан и Сун, данный путь развития объективно исчерпал свои продуктивные возможности. Усугубили ситуацию опустошительные монгольские и прочие, последовавшие за ними завоевания (турецкие, тюркско-монгольское в Индии, маньчжурское в Китае). Они еще более ослабили Восток – как раз в канун начала всемирной экспансии Запада.

И вызов со стороны Запада для большинства традиционных обществ Востока оказался роковым. Лишь в исключительных случаях (Япония, Южная Корея и пр.) мы видим успешную “вестернизацию”, означающую адаптацию передовых технологий Запада к местным ценностям и социокультурным традициям. Однако чаще наблюдается сперва “шок”, а затем “реакция отторжения”.

В аспекте неприятия широкими массами Востока бурных перемен второй половины XIX–XX вв., разлагавших традиционные, несовместимые с капиталистической экономикой ценности (коллективизм, патернализм и пр.), перспективным шагом представляется взгляд на Русскую (1917), Китайскую (1949) и Иранскую (1979) революции, а также на происходящее на наших глазах стремительное распространение мусульманского фундаментализма не только в Афганистане или Пакистане, но и в казавшихся еще недавно более или менее благополучными Алжире, Египте и Турции. Поэтому представления о неизбежности перехода восточных – с уже в значительной степени разложившейся традиционной социокультурной, в том числе и ценностной, системой – обществ (также и имеющих коммунистический опыт) на западный путь развития кажутся достаточно наивными.

Основой западной социокультурной системы является принципиальная (естественно, выступавшая в различных исторических формах) автономия семейных домохозяйств, наличие которых образует основу социально-экономической самостоятельности, полноценного гражданского статуса и личного достоинства его хозяина-собственника. Община (полисная, тем более, германского типа, наиболее раскрывшаяся у скандинавов раннего средневековья) здесь выступает как объединение таких самостоятельных в социально-экономическом отношении субъектов, связанных между собой множеством горизонтальных связей. По отношению к ней государственные институты выступают в качестве “надстройки” (в марксистском понимании этого термина), призванной работать для обеспечения интересов сообщества хозяев-собственников.

В таком случае государство (если оно не устанавливает фактической диктатуры над обществом, как то, скажем, произошло в Римской империи при трансформации ее восточных провинций в Византию или, в куда более жестоких формах, в фашистской Италии и нацистской Германии) не выступает стержнем и системообразующей основой жизнедеятельности соответствующего социума, и его члены более или менее гарантированы от его вмешательства в частную жизнь. Однако на первый план выступает антагонизм между полноправными гражданами-собственниками и не имеющими собственности, полноты прав, а зачастую и личной свободы работниками – рабами, крепостными, наемными рабочими и пр.

Исторически подобный тип общества формировался там, где еще на первобытном уровне было возможно ведение хозяйства силами отдельной семьи, а потому и не создаются с необходимостью такие социокультурные системы, которые жестко подчиняли бы домохозяйства надобщинным, в перспективе – раннегосударственным институтам. Наилучшие условия для реализации такой возможности были в древней Европе.

Основы античного, по всем своим ведущим признакам западного, антропоцентричного общества складывались на руинах крито-микенской цивилизации при формировании полисных структур. Происходило это в ходе интеграции людей, переживших шок крушения предыдущей системы, в новые, полисного типа общины в процессе их самоорганизации при укреплении горизонтальных, партнерских (а не вертикальных, властных) отношений. Сохранению в Эгеиде – регионе с достаточным количеством атмосферных осадков – автономии отдельных домохозяйств способствовало и распространение железных орудий труда, а также возделывание таких высокотоварных культур, как оливы и виноград.

Рост товарности производства (с чем было связано и развитие морской торговли) создавал предпосылки для привлечения подневольной, в частности рабской, рабочей силы, что наблюдалось и в наиболее развитых полисах Греции, и в Карфагене, и в некоторых других местах. О причинах такого рода “античной мутации”, выражаясь словами Л.С.Васильева, а также о типах и путях развития античных обществ мне уже приходилось писать достаточно обстоятельно (Павленко 1989: 157–189; 1996: 296–307).

Однако дальнейший путь античной цивилизации в эллинистическое и римское время имел выразительные тенденции к его ориентализации. Государственность поглощала самоуправление. Связано это было прежде всего с созданием обширных военно-бюрократических

держав, пиком чего явилось появление Римской империи, в пределах которых чиновничество и армия стали господствующими силами, фактически, в лице своих императоров, установившими диктатуру над прочими слоями населения. Логическим следствием такого развития стало образование Византии, общественный строй которой, несмотря на отдельные античные пережитки, куда более походил на современные ей Сасанидский Иран или Арабский халифат, нежели на Древнюю Грецию.

В контексте сказанного существенно подчеркнуть, что для понимания возникновения уникального феномена средневекового Запада необходимо учитывать не только значение античного наследия, но и специфику “варварских” обществ древней Европы. Ибо, как справедливо отмечает А.И. Фурсов (1987: 104), утверждение капитализма (добавим, и гражданских прав в их новоевропейском понимании) впервые фиксируется как раз там, где античное наследие практически не ощущалось, – в Нидерландах, Англии и Шотландии.

В течение всего античного времени варварский, преимущественно кельтско-германский, мир (ареал доминирования “германского способа производства”, по К. Марксу) сохранял и до определенной степени реализовывал свои частнособственническо-индивидуалистические потенции, чему способствовало и воздействие со стороны греко-римских центров Средиземноморья. Грандиозный романо-германский синтез времен падения Западной Римской империи и создания раннесредневековой системы “варварских королевств”, на смену которым приходит империя Карла Великого, определил полное раскрытие потенциальных возможностей западного пути развития в течение уходящего тысячелетия.

Реализация “скрытых возможностей” западного пути развития при творческом восприятии античного (а в известном смысле также арабского и византийского) наследия и привела к тому обновлению западнохристианского мира, которое произошло в канун Нового времени, и вскоре – к победе принципов рационализма и индивидуализма, утилитаризма и меркантильности, буржуазных отношений и парламентаризма, индустриального производства и пр. А поскольку капиталистическая экономика по самой своей природе ориентирована на расширенное воспроизводство, экспансия Запада, особенно со времен промышленного переворота в Англии, выглядит совершенно естественной и закономерной. Полное раскрытие возможностей западного пути развития в уходящем столетии демонстрируют США.

При этом, однако, не следует игнорировать тот очевидный для второй половины XX в. факт, что индустриально-частнособственническая природа Запада постепенно изменяется именно в сторону усиления элементов бюрократизма и государственного патернализма. Наиболее развитые страны приобретают вид “общества с социально ориентированной рыночной экономикой” (весьма далекой от классического капитализма времен А.Смита и К.Маркса). Государство становится ответственным за социальную защиту населения, что сближает его функции с аналогичными функциями (более декларировавшимися, чем осуществлявшимися на практике) прежних государств “соцлагеря”.

Таким образом, рассмотрение проблем полилинейного моделирования исторического движения человечества через выделение основных путей его развития (в том числе и тупиковых) предполагает в первую очередь выделение в качестве основных восточного и западного путей развития. Их истоки прослеживаются, в сущности, со времен неолитической революции. При этом вплоть до перехода на раннецивилизационную стадию заметную роль в истории играет линия развития подвижно-скотоводческих, на заключительном отрезке – кочевнических обществ. Однако путь развития последних оказывается тупиковым – сохраняя традиционную для них хозяйственную основу, они не способны самостоятельно переступить рубеж цивилизации.

Сами же восточный и западный пути развития пронизывают историю ранних и зрелых (традиционных) цивилизаций. Но первый явно исчерпывает потенции саморазвития приблизительно к началу позднего средневековья, тогда как второй лишь с этого времени начинает раскрывать свои возможности, в полной мере реализующиеся в последние два-три столетия.

При этом остается открытым вопрос: в какой степени можно говорить об исчерпании продуктивных возможностей развития обществ западного пути на их собственных традиционных основаниях (индивидуализм, рационализм, утилитаризм и пр.)? С другой стороны, можно ли рассматривать прошедшие индустриализацию тоталитарно-социалистические державы XX в. (в первую очередь СССР и КНР) в качестве восточных (“азиатского способа производства”) структур, до определенной степени адаптировавшихся к вызовам со стороны индустриально-буржуазного Запада? Возможна ли для восточных, государствоцентричных структур (без изменения их сущностных характеристик) такая адаптация? Крах СССР склоняет к негативному ответу, но не ясно еще будущее Китая.

Цивилизационная дискретность истории

Выше были рассмотрены стадийный и полилинейный подходы к осмыслению исторического процесса. Однако для перехода к изучению социокультурной конкретики они сами по себе явно недостаточны. От того, что, к примеру, средневековые Китай, Индию и мусульманский мир мы отнесем к одной стадии и одному, восточному, пути развития, их своеобразие не станет для нас более понятным. Кроме того, работая на уровне стадийности и полилинейности истории, трудно осмыслить блок идей, связанных с ролью субъективного фактора. Действие же последнего органически связано с ролью духовных, прежде всего морально-регулятивных ценностей, базирующихся на определенных мировоззренческих конструкциях, носящих в огромном большинстве случаев религиозный характер.

Ведущие, так называемые высшие, религии по своему происхождению и содержанию могут быть разделены на религии индийского и иудейского корней. Первые преобладают в восточной половине Азии и представлены преимущественно различными течениями буддизма и индуизма. Они признают перевоплощение душ и либо отрицают идею Бога как личности и творца зримого мира, либо, по крайней мере, относятся к ней совершенно индифферентно. Мир воспринимается как юдоль страданий, преодолеть которые можно лишь через отход от активной предметной деятельности (“объективации”, как сказал бы Н.А.Бердяев) и ориентацию на самопогружение (“трансцендирование”, пользуясь терминологией того же философа) как на средство достижения тождества с имперсональным Абсолютом (Дао, Нирвана, Брахма).

Вторая группа, так называемые “авраамитские” – иудаизм, христианство и ислам, традиционно представлены в западной половине Азии, Европе и Северной Африке, откуда распространились и в других частях света. Для этих религий индивидуальная жизнь является уникальной, а Бог представляется как личность и творец мира. Выполнять его заповеди – призвание человека. Бог же сделал человека хозяином на земле и заповедал ему возделывать, преобразовывать ее. Отсюда – установка на деятельное, активное отношение к внешнему миру, приобретающая столь яркое выражение в западном христианстве в целом и в протестантизме, особенно в кальвинизме, в частности. То, в какой степени и каким образом капитализм как хозяйственная система связан с протестантской этикой, было раскрыто М.Вебером.

Соотнося рассмотренные выше восточный и западный пути развития общества с двумя основными группами религиозных систем средних веков и Нового времени, получаем следующую картину.

Одна часть цивилизаций бесспорно относится к обществам восточного (“азиатского способа производства”) типа и связана с религиозно-мировоззренческими системами индуистско-буддийско-даосистского плана (естественно дополняющимися в Восточной Азии конфуцианством). Это относится к Индии, Юго-Восточной Азии, Китаю, Японии и пр. Здесь мы, естественно, увидим глубокие различия между такими пересекающимися на широком поле цивилизационными ойкуменами, как Индийско-Южноазиатская (индуистско-буддийская) и Китайско-Дальневосточная (буддийско-конфуцианская). В каждой из них, далее, можно разграничивать субцивилизации: в пределах первой – арийская Северная Индия (Арьяварта) и дравидийская Южная Индия (Дакшинапатха), в пределах второй – Китай (с его членением на Северный и Южный), с одной стороны, и Япония, с другой. При этом в полях пересечения цивилизационных ойкумен следует выделять переходные, однако также имеющие своеобразное лицо, субцивилизационные зоны, например Юго-Восточную Азию или Тибет с Непалом.

Вторая цивилизационная система, вырастающая на базе средневекового западно-христианского мира, полностью принадлежит как к типу обществ западного пути развития, так и к религиозно-ценностному миру авраамитского типа в лице католицизма, отделившихся от него разнообразных течений протестантизма и в значительной степени иудаизма. В настоящее время она представлена не только Западной Европой с ее органическим этноконфессиональным разделением преимущественно на романско-католический юг и германско-протестантский север, но и Северной Америкой с Австралией и Новой Зеландией, а также рядом других регионов, в частности Латиноамериканским.

В последние века в зоне воздействия данной системы оказывается и восточно-славянско-восточно-христианский круг народов, так что представляется возможным говорить о некоем макрохристианском мире с глубоким регионально-этнокультурным членением внутри его самого. Этот мир имеет глубокие корни в античности. Более обстоятельное рассмотрение данной темы выходит за рамки данной статьи.

И, наконец, необходимо выделить в особую группу те социокультурные системы, в которых мы видим сочетание типичных черт обществ “азиатского способа производства” с теми идейно-ценностными, религиозно-этическими установками, которые базировались на

личностном понимании человека и Бога и ориентировали человека на активное отношение к миру. Речь идет, прежде всего, о мусульманском мире, представленном ныне несколькими субцивилизационными регионами (арабо-суннитский, ирано-шиитский, тюркско-суннитский и пр. с многочисленными переходными типами между ними). С полным правом сюда можно отнести и цивилизацию зороастрийского Ирана. В значительной степени к данной категории цивилизаций должен быть отнесен средневековый восточно-христианский мир – не только Аксум-Абиссиния, но и восточные провинции Византии, если не вся она (с христианским Закавказьем) в целом. А как быть с Киевской Русью, с Московским государством?

Эти вопросы нуждаются в специальной разработке. Сейчас же речь идет скорее о постановке проблемы, чем о ее решении. Однако и сказанного вполне достаточно для понимания того, что взгляд на цивилизационный процесс с двух точек зрения – путей социально-экономического развития и основных, наиболее общих типов решения религиозно-мировоззренческих проблем – открывает новые перспективы постижения специфики конкретных социокультурных систем различного иерархического уровня. Их взаимное дополнение в некотором смысле соответствует необходимости учета как объективных закономерностей, так и роли субъективного фактора в истории.

Заключение

Каждый из этих трех подходов требует специальной разработки с учетом двух других. В настоящее время в сущности открытым остается вопрос о периодизации истории и выявлении ее узловых точек. Также далеко не все ясно и с разграничением восточного и западного типов обществ и путей их развития. И если природа восточных обществ благодаря исследованиям последних десятилетий стала более понятной, то вопрос о том, почему Запад стал Западом, еще ждет специальной разработки.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев Л.С. 1982. Феномен власти-собственности // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века* / Отв. ред. Л.Б.Алаев. М.: 60–99.
- Васильев Л.С. 1983. *Проблемы генезиса китайского государства*. М.: Наука.
- Васильев Л.С. 1988. *История религий Востока*. М.: Высшая школа.
- Васильев Л.С. 1988а. Что такое азиатский способ производства? // *Народы Азии и Африки*. № 3: 75–85.

- Васильев Л.С. 1993. *История Востока*: В 2 т. М.: Высшая школа.
- Илюшечкин В.П. 1986. *Сословно-классовое общество в истории Китая*. М.: Наука.
- Крадин Н.Н. 1992. *Кочевые общества (проблемы формационной характеристики)*. Владивосток: Дальнаука.
- Павленко Ю.В. 1989. *Раннеклассовые общества: генезис и пути развития*. Киев: Наукова думка.
- Павленко Ю.В. 1991. Классообразование: становление и модели развития раннеклассовых обществ // *Архаическое общество: узловыe проблемы социологии развития* / Отв. ред. А.В.Коротаев и В.В.Чубаров. М.: 217–260.
- Павленко Ю.В. 1992. Классообразование у кочевников // *Маргулановские чтения 1990*: С. мат. конф. М.: 33–39.
- Павленко Ю.В. 1993. Человек и власть на Востоке // *Феномен восточного деспотизма* / Отв. ред. Л.С.Васильев и Н.А.Иванов. М.: 26–61.
- Павленко Ю.В. 1996. *Історія світової цивілізації: соціо-культурний розвиток людства*. Киев: Либідь.
- Павленко Ю.В. 1996а. *Методологічні засади теорії цивілізаційного процесу*. Автореф. дис. ... д-ра. філос. наук. Киев.
- Седов Л.А. 1987. К типологии средневековых общественных систем Востока // *Народы Азии и Африки*. № 5: 52–61.
- Фурсов А.И. 1987. Восточный феодализм и история Запада // *Народы Азии и Африки*. № 4: 93–109.
- Хазанов А.М. 1975. *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. М.: Наука.
- Ясперс К. 1991. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат.



ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА И ЦИВИЛИЗАЦИИ

- 6 *О возникновении государств*
- 7 *Политическая экономия становления первичного государства*
- 8 *Становление государства в доколумбовой Америке*
- 9 *Циклические трансформации в северо-американской доистории*
- 10 *Раннее государство у майя классического периода: эпиграфические и археологические данные*

6

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ГОСУДАРСТВ**Э. Саутхолл**

При обзоре конкурирующих теорий следует учитывать, что появление их отчасти связано с тем, что одни фокусируют свое внимание на самых ранних стадиях формирования государства, как наиболее важных для понимания процесса возникновения государства, тогда как в других внимание уделяется гораздо более поздним стадиям, а также более поздним историческим эпохам. В порядке рабочей гипотезы Классен и Скальник предложили различать зачаточное, типичное и переходное ранние государства (Claessen and Skalnik 1978). Сегментарное государство (Southall 1956; 1988; 1992) больше всего подходит под признаки зачаточного государства, но Классен считает, что в том качестве, как я его определил, оно вовсе не является государством.

Сегментарное государство – такая полития, в которой сферы ритуального сюзеренитета и политического суверенитета не совпадают. Первый широко охватывает текучую, изменяющуюся периферию. Последний ограничивается центральной нуклеарной областью. Могут различаться несколько уровней пирамидально организованного соподчинения политических центров (Southall 1965: 126).

Имеются идеологические различия в позициях между теми, кто рассматривает государство как институт, изначально полезный для человеческого рода, и теми, кто считает государство изначально эксплуататорским; некоторые ученые занимают нейтральную позицию (Cohen 1981: 87). Если самые ранние государства возникли по внутренним причинам, то встает вопрос: почему люди, живущие сравнительно независимой жизнью, без институтов принуждения и эксплуатации, приняли навязанные им эксплуатацию и принуждение? Гodelье (Godelier 1978) считает, что господство и эксплуатация в ранее бесклассовых обществах возникали постепенно, потому что они воспринимались как вознаграждение в обмен за услуги, оказываемые господствующими индивидами, включая гарантию благорасположения невидимых сущностей и сил, отвечающих (как тогда думали) за воспроизводство космического порядка и жизни. Монополия на сред-

ства воспроизводства космического порядка (для нас воображаемые) и жизни должна была предшествовать монополии на средства материального производства (Godelier 1978: 767). Отсюда первичность ритуальной фазы. Простые люди бесклассовых догосударственных обществ поддерживали развитие институтов ритуального и символического руководства, которое высоко ценили; они не видели в нем угнетения и попадали в зависимость от него. Введенные таким образом в заблуждение, или обманывая самих себя, люди поддерживали развитие институтов управления до того момента, когда те оказались в состоянии опереться на силы принуждения. После этого было уже слишком поздно отвергнуть их или избежать их власти. Простые люди непреднамеренно способствовали медленному росту государства вокруг них и над ними до тех пор, пока уже не осталось ни возможности выбора, ни сил, чтобы его отвергнуть.

Исторически многие государства создавались посредством завоевания, но самые ранние, первичные государства, вероятно, возникали лишь на основе внутреннего, эндогенного процесса упомянутого типа. Чтобы понять этот процесс, необходимо осознать и оценить значение длительной ритуальной фазы в развитии институтов управления и общества. Важно помнить, что люди добровольно совершали крупные подношения своим лидерам задолго до того, как последние вместе со своей родней и главными сторонниками проявили закономерный интерес к их взысканию и увеличению. С этой точки зрения монополия на воображаемые средства производства и ритуальные санкции постепенно превратилась в монополию на политические санкции.

Политические санкции способствовали централизации государства, но понятие централизации часто используется двусмысленно или сбивает с толку. Многие ученые обладают «централизованным» видением. Они знают только взгляд из центра и никогда действительно не бывали на периферии. Большинство западных дефиниций (Ленски и Мак-Айвер в политологии и социологии, Надель в антропологии) исходят из допущения, что государство централизуется, что оно по своей природе осуществляет верховную власть посредством монополии на применение легитимной силы в пределах четко ограниченной территории, на которую оно притязает и которую контролирует. Это допущение возникло из-за мании преувеличивать роль монархов и глав государства, а также из-за несомненного усовершенствования методов контроля, основанных на росте социальной и экономической интеграции и осуществляемых с помощью улучшенных вооружений, коммуникаций и технологии в целом. Отсюда необходимость в дополнительном понятии сегментарного государства.

Государство может быть более или менее централизованным в разных областях его деятельности: в сфере государственного устройства, в экономике, в правовой системе и религии. Но если это специально не оговорено, централизация, как отмечалось выше, должна означать полный политический контроль. То, что государство имеет какое-то число чиновников и учреждений, сосредоточенных в центре, несомненно, подразумевает, что оно действительно централизуется, поскольку эти учреждения могут действовать и методами, присущими сегментарному государству. Институционализирующая способность противостоять распаду, отмеченная Коэном (Cohen 1981: 87–115), конечно, является жизненно важным инструментом централизации, но я бы здесь увидел, скорее, важный инструмент поддержки уже возникшего государства, чем элемент, незаменимый при появлении государства. Взгляды людей, живущих в центре и на периферии или в промежуточных районах, и их представления о государстве и его границах могут коренным образом различаться и быть прямо противоположными. Длительная ритуальная фаза, которую я выделил, необходима больше в сегментарном государстве, чем в централизованном. Возможно, что сравнительно мало государств было действительно централизовано, но это громогласно провозглашалось их идеологами в центре.

Похоже, что самые ранние государства возникли в нуклеарных областях человеческой цивилизации (причем образование одного влекло за собой появление другого). Однажды возникшие культурное, экономическое, военное и политическое взаимодействие и влияние с течением столетий становились все более интенсивными как в первоначальной нуклеарной области, так и за ее пределами, что вело к эволюционным изменениям в общественной организации. Так что эти государства неизбежно становились, скорее, вторичными, чем подлинно первичными по своим характеристикам. Может быть, мы никогда не узнаем, какие государства были самыми первыми, и никогда не сможем надежно установить их главные характеристики. Первичные государства Шумера, такие как Урук, позволяют составить, насколько это возможно, представление о первичном государстве.

Ренфрю добавил важное пояснение к процессу взаимодействия равноуровневых политий (Renfrew and Cherry, eds. 1986). Большинство ранних государств, вероятно, не были изолированы; в каждом данном регионе имелось несколько политических центров, но под разной юрисдикцией. Подобные пучки автономных, но культурно близких политий часто называются цивилизациями. Обычно число политий в таких пучках колеблется в пределах десяти. Древняя Этрурия предположительно состояла из двенадцати городов. Политии в таких пучках мог-

ли иметь схожие политические институты, религию, язык, письменность, единицы меры и веса, но при этом все же оставаться независимыми и жестоко соперничать. Подобные «структурные гомологии» являются продуктом взаимодействий, которые имели место, причем часто в течение длительного периода времени. Наличие одинаковых элементов объясняется взаимодействием на основе принципа Маруямы о позитивных обратных связях, ведущих к морфогенезу. Следовательно, процесс изменения не является ни эндогенным по отношению к политике, ни экзогенным по отношению к цивилизации.

Остродискутируемый вопрос, следует ли греческие города-государства, явно многим обязанные микенскому и минойскому культурному влиянию, рассматривать как результат эндогенного развития или как результат экзогенных египетских и ближневосточных влияний, может быть удачно решен, если исходить из представления о том, что последние перекомбинировались и переплавлялись в то, что благодаря взаимодействию равноуровневых политий превратилось в подлинно эгейскую форму. *A priori*, какие бы влияния ни доходили до Нового Света из Старого, такие мезоамериканские города-государства, как Теотиуакан, Тикаль или Оахака можно уверенно рассматривать как первичные, никоим образом не отрицая этих влияний.

Возможно, такое предположение будет слишком большой натяжкой, но доколониальное сегментарное государство, природу которого в основных чертах мне удалось установить во время полевых исследований в 40-х годах, также может быть обнаружено как вариант развития в пределах большого цивилизационного пучка от Уганды до Судана, где на основе длительного взаимодействия равноуровневых политий и взаимных миграционных контактов в течение многих столетий развивались разнообразные варианты политий, эволюция которых не может быть удовлетворительно объяснено с помощью ссылок на экзогенные влияния бантуских государств Межозерья, не говоря о более удаленных Египте и Мероэ, так что варианты чистого и эндогенного развития имели место.

Несмотря на индивидуальные различия, самые ранние первичные государства, кажется, следовали в общем сходной модели возникновения и развития. В пятом тысячелетии до Рождества Христова люди перемещались в потенциально высокопродуктивные земли южной Месопотамии, еще освобождавшиеся от моря, постепенно превращая негостеприимные заросшие болота в судоходные каналы и орошаемые поля. Население увеличивалось, а поселения множились. Высокая продуктивность земледелия позволила достичь беспрецедентной плотности населения. Первоначально эгалитарные общины во главе со знатоками

ритуалов, умеющими поддерживать космическую и политическую гармонию, увеличивались в размерах и усложнялись. Для приема и учета даров, поступающих божествам, требовались храмы. Самые преуспевающие и быстрорастущие общины развивали все более и более специализированную организацию. Жрецы превращались в обожествляемых правителей с растущим штатом помощников, способным применить принуждение, но отношения между общинами в основном оставались мирными.

Многочисленные небольшие города-государства, каждый из которых занимал площадь менее десяти гектаров, без какой бы то ни было иерархии вырастали по соседству с Уруком. Храм с первоначально глубоко ритуальными функциями являлся фундаментальной основой производственной системы. Небесные светила регулировали ритуальный календарь, предвещали наступление нужного сезона и определяли распоряжения в сфере аграрного производства. Существенную роль играли средства учета, печати, числа и, наконец, письменность.

Урук становился крупным церемониальным центром, оказывавшим влияние на более мелкие общины в пространстве между ним и соседними городами-государствами пока еще без применения принудительного контроля. В третьем тысячелетии за новыми оборонительными стенами Урука так или иначе собиралась большая часть населения из окружающих деревень. Это неизбежно вызвало к жизни как новые методы координации и контроля, так и новые институты. Глава храма стал отличаться от обожествляемого правителя как главы государства, штат помощников которого отличался от персонала храма. Высокопоставленные чиновники организовывали политическую поддержку, превращая добровольные подношения в постоянное обложение данью, а мистическую собственность на обработанную землю – в крупные высокопродуктивные имения. Растущие плотность населения и богатство вели к учащавшимся раздорам, соседние города-государства ввязывались в междоусобные войны. После того как они разгромили друг друга, Саргон Аккадский покорил их, создав первую империю, которая развалилась через три поколения, когда третья династия Ура установила следующую свою империю, которая тоже погибла примерно через сто лет.

Следует признать, что строители первых городов-государств обладали исключительными творческими способностями. Прошло много времени, прежде чем великолепие их культурного расцвета было оспорено вновь. Необычайный расцвет Урука был проявлением этих культурных потенций, которые также проявились спустя почти три тысячи лет в Теотиуакане, величайшем раннем городе-государстве Нового Света.

На несколько тысячелетий раньше Урука в Месопотамии существовали такие замечательные поселения, как Иерихон в Палестине и Чатал-Хююк в Анатолии. Они явно имели огромное значение для первых шагов в направлении формирования государства. Но их должная оценка становится невозможной из-за изолированного местоположения и неполноты раскопок. В то же время Урук находился в окружении взаимодействующих городов-государств, образующих систему городов, эволюция которой прослеживается на протяжении нескольких столетий вплоть до первых экспериментов по строительству империи. Такие богатые, сложные и прослеживающиеся на протяжении длительного периода доисторические культуры редки и должны оказывать значительное влияние на интерпретацию происхождения самых ранних государств.

Тем не менее дать картину развития всех остальных соседствовавших с Уруком городов-государств невозможно просто из-за нехватки данных. Но все же очевидно, что ранние города-государства Шумера находились в особой ситуации, порожденной взаимодействием равноуровневых политий. Хотя в обсуждении происхождения первичного государства я сделал акцент скорее на эндогенном развитии, чем на завоеваниях, фактор взаимодействия равноуровневых политий, несомненно, этому противоречит. Ур, Урук, Умма и Эриду, а также Лагаш, Ниппур, Киш и другие города имели сходные размеры и были в какой-то степени близки по структуре в определенные периоды. Спустя почти две тысячи лет преимущественно мирного развития города оказались в состоянии всеобщей междоусобной войны в третьем тысячелетии, что подразумевает интенсификацию взаимодействия равноуровневых политий, но также и их взаимное разрушение, ведущее к самым ранним попыткам имперских завоеваний.

Междоусобные войны городов способствовали развитию военного искусства настолько, что победитель завоевывал своих соперников и мгновенно создавал номинальную империю. Но навыки управления и централизации в такой огромной политике не получали развития, поэтому она неизбежно распадалась на части. Однако тот, кто однажды испытал вкус власти над целой империей, уже никогда от нее не отказывался. Возможно, лишь символически завоеватель изображался на стенах собственной гробницы с покоренными толпами у его ног, но обогащение с помощью грабежа и дани провозглашалось как триумф правителя, а следовательно, и государства и, в конечном счете, народа тоже.

Самые ранние государства были городами-государствами. К этому вела динамика интенсификации хозяйства. Шумерские города-государства прошли путь развития от эгалитарных общин во главе с руководителями, осуществлявшими ритуальные функции, до иерархичес-

ки организованных политий во главе с обожествляемыми правителями, затем до государств, основанных на принуждении и политических санкциях, и наконец до попыток создания империй. Эта последовательность была почти парадигматической, поскольку она много раз повторялась в Старом Свете и несколько раз в Новом Свете. Различные обстоятельства порождали бесконечное многообразие деталей, но этот путь был магистральным.

ЛИТЕРАТУРА

- Claessen H.J.M., Skalnik P. 1978 (eds.). *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H.J.M., Velde P. van de 1991 (eds.). *Early State Economics*. New Brunswick: Transaction Publishers.
- Cohen R. 1981. Evolution, Fission and the Early State // *The Study of the State* / Ed. by H.J.M. Claessen and P.Skalnik. The Hague: Mouton: 87–115.
- Godelier M. 1978. Infrastructure, Society and History // *Current Anthropology*. Vol. 19: 763–771.
- Renfrew C., Cherry C. 1986 (eds.). *Peer Polity Interaction and Socio-Political Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Southall A. 1956. *Alur Society: A Study in Processes and Types of Domination*. Cambridge: Heffer.
- Southall A. 1965. A Critique of the Typology of States and Political Systems // *Political systems and the Distribution of Power* / Ed. by M.Banton. London: Tavistock Publications.
- Southall A. 1988. The Segmentary State in Africa and Asia // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. № 1: 52–82.
- Southall A. 1992. The Segmentary State and the Asiatic Mode of Production: A Theoretical Drama // *Conference on the Segmentary State and the Classic Lowland Maya*. Cleveland State University.

7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВИЧНОГО ГОСУДАРСТВА

Ч. Спенсер

В этой статье я намерен представить модель становления первичного государства с особым акцентом на политико-экономических аспектах этого процесса. Начну я, тем не менее, с нескольких главных исходных посылок, касающихся природы и культуры. Одна из них заключается в том, что культуру целесообразно рассматривать как живую систему (Flannery 1972; Miller 1978; Spencer 1982). Все живые системы имеют ряд общих свойств. Прежде всего все они являются открытыми, имеют границы, сквозь которые обмениваются веществом, энергией и информацией с окружающей средой. Извлекая энергию из окружающей среды, живые системы противодействуют энтропии. Дж.Николис, И.Пригожин и их коллеги назвали «диссипативными» структуры, существование которых поддерживается за счет постоянной диссипации энергии (Nicolis and Prigogine 1977; 1989; Prigogine 1980; Prigogine et al. 1977). Другая важная исходная посылка заключается в том, что живые системы имеют иерархическую структуру, причем каждый уровень системы состоит из компонентов, которые на более низком уровне сами являются системами. Это общее свойство системной организации Крамли назвал «ступенчатой иерархией» (Crumley 1995). Культурная система обычно включает уровни: домохозяйства (образуется из индивидов), общины (состоит из домохозяйств), региональный (включает в себя общины) и межрегиональный (образуется из регионов).

Далее рассмотрим три фундаментальные схемы принятия решений в культурных системах, двигаясь от простого к сложному. Первая ситуация – когда власть, принимающая решения, распространяется на отдельные компоненты культурной системы. Так в принципе обстоят дела в тех обществах, которые были названы «нецентрализованными» или «эгалитарными»; власть рассредоточена, руководство эфемерно и контекстно зависимо, поэтому консенсус часто лежит в основе успеш-

ного принятия решений (Braun and Plog 1982; Spencer 1987, 1994). На деревенском уровне принятие решений касается домохозяйств, которые входят в общину; координация решений достигается с помощью общинных ритуалов, взаимопомощи, различных ассоциаций людей или других механизмов, которые позволяют собирать вместе членов различных домохозяйств (Flannery 1972; Service 1962: 102). На региональном уровне принятие решений касается ряда деревень; координация принятия решения (когда это происходит) обычно осуществляется с помощью регионального племенного совета или какого-то другого органа, который собирает всех или некоторых членов соответствующих деревень.

Таким образом, периодические ритуальные *конгломерации* могут облегчать деятельность по координации принятия решений в нецентрализованных обществах. На деревенском уровне возможно существование домов собраний или общественных площадей, расположенных в стороне от жилых секторов, где члены общины могли собираться и посредством обсуждения или церемоний достигать консенсуса в отношении текущих дел в масштабах деревни (Ford 1968: 56–64, 213–224; Rappaport 1968: 153–223). На региональном уровне собрания в нецентрализованных обществах могли происходить в местах, которые являются «нейтральными» в том смысле, что прямо не связаны ни с какой отдельной деревней или общественной группой (Yengoyan 1972). В других ситуациях координация осуществляется посредством взаимобмена, реципрокных пиров, союзов и военных действий (Braun and Plog 1982; Chagnon 1968; Ford 1968; Redmond 1994).

Теперь рассмотрим другую схему, в которой процесс принятия решений в культурной системе централизован, но внутренне не специализирован. По определению Райта, к этой форме относятся общества, известные как вождества.

«Вождество может рассматриваться как такой вариант культурного развития, при котором центральная деятельность по принятию решений отличается от принятия решений, касающихся местного производства и местных социальных процессов, хотя, в конечном счете, она регулирует их; но сама эта деятельность внутренне не дифференцирована. Таким образом, она внешне специализирована, а внутренне нет» (Wright 1977: 381).

В вождестве процесс принятия решений имеет скорее централизованный характер, чем децентрализованный. На общинном уровне культурной системы это обычно проявляется в том, что в роли общинной подсистемы, принимающей решения, выступает одна единственная семья, линидж или аналогичный социальный компонент. Этот социальный компонент обычно представляет собой группу родственников

высшего статуса или ранга; лидер этой социальной группы является одновременно деревенским главой. На региональном уровне процесс централизованного принятия решений ассоциируется с одной общиной, которая часто рассматривается как верховный центр, а, следовательно, ее правитель – как верховный вождь. Ключевой признак обществ с централизованным, но внутренне неспециализированным управлением – это как раз существование и на региональном, и на общинном уровнях вождя, самого титула правителя, который существует независимо от личности, его занимающей, и передается из поколения в поколение (Flannery 1972: 403). Централизованный характер власти вождя позволяет координировать принятие многих решений, не испытывая нужды в периодических собраниях. Решения могут приниматься гораздо быстрее, чем в системах, где их принятие основано на консенсусе (Rapaport 1971: 38-9). Но хотя принятие решений в вождестве гораздо более эффективно, чем в нецентрализованном обществе, содержание вождя обходится тоже гораздо «дороже». Поскольку вожди часто совершенно устранены из сферы производства основных средств жизнеобеспечения, возникает необходимость в мобилизации избыточных ресурсов среди первичных производителей этой системы. Поэтому организация эффективного управления в сфере политической экономии является ключом к выживанию вождеской администрации (Carneiro 1981: 61; Flannery 1972: 412; Kirch 1984: 281; Peebles and Kus 1977: 425–426; Spencer 1982: 7; Steponaitis 1978: 422).

Из-за отсутствия внутренней специализации центральная власть в вождестве не имеет постоянных специализированных участков или блоков управления. Это значит, что вождь не может реально передать часть своей власти подчиненному. Любое делегирование власти превращается в полное делегирование, и когда это происходит, вождь идет на риск узурпации его власти (Wright 1977). Поскольку вождь не может назначить постоянных специализированных администраторов в различные части своего вождества, он обязан управлять им всем из верховного центра. Отсюда вытекают два важных следствия для системы управления вождеств. Во-первых, несомненно, существует предел размеров территории, над которой вождь может сохранять эффективный контроль. Я выдвинул предположение, что наиболее подходящие размеры для домена с одним верховным вождем (в доиндустриальном контексте) могла бы представлять территория с радиусом в полдня пути от центрального поселения (Spencer 1982: 6–7). Верховный вождь мог бы достичь границы своей территории и вернуться в свою столицу за один день. Если у верховного вождя возникает необходимость послать своего подчиненного в какой-то регион вождества (например, для сбора

приготовленных запасов), то территория данных размеров позволила бы помощнику выйти и вернуться в тот же день. Это важно в политическом отношении, поскольку вождь посылает человека от своего имени, и этот человек становится на место вождя. С точки зрения вождя очень важно, чтобы этот человек не оставался слишком долго в каком-то месте, вдали от столицы, ибо он может использовать свою временную власть для того, чтобы приобрести поддержку на местах и свергнуть вождя (Sahlins 1972: 145–146). Эффективность таких территориальных ограничений получила документальное подтверждение в работах Хелмза (Helms 1979: 53), Литтла (Little 1967: 239–240), Голдмана (Goldman 1970: 169), Редмонда и Спенсера (Redmond and Spencer 1994).

Второе следствие того, что центральная власть в вождестве внутренне не дифференцирована, заключается в том, что как региональные, так и общинные вожди должны следовать определенной оптимальной стратегии регулирования. В каждом случае оптимальная стратегия заключается в уверении тех, кто принимает решения на следующем более низком уровне системы, в том, что в отношении регулирования проблем, существующих на их уровне, они настолько самостоятельны, насколько это только возможно. Региональный вождь должен способствовать тому, чтобы местные общины регулировали свои собственные дела с минимальным вмешательством с его стороны. Он должен пытаться координировать лишь те действия, которые касаются всего региона в целом, например, мобилизацию рабочей силы для выполнения крупномасштабных общественных работ (к примеру, строительство храмовых платформ – маундов в региональном центре) или сбор воинов для рейдов на соседние полинии. Таким же образом общинный вождь должен содействовать тому, чтобы каждое домохозяйство было как можно более самостоятельным и регулировало свои внутренние дела без вмешательства общинного вождя. Вместо этого ему следует сосредоточить усилия на координации действий общинного уровня, таких как проведение ирригационных каналов, поддержка местных храмов и т.д. Кажется очевидным, что специализация общины была бы препятствием на пути к местной самодостаточности. И поэтому, насколько позволяют условия данной среды, местные общины не стремятся к специализации, а придерживаются широкой экономической стратегии, способной обеспечить жителей всем самым необходимым (Earle 1978: 158; Peebles and Kus 1977: 432; Taylor 1975: 35; Wright 1977: 381).

Важно понимать, что основное противоречие здесь связано с оптимальной регулирующей стратегией вождя. Например, региональный верховный вождь – с одной стороны, он способствует тому, чтобы местные общины были как можно более самостоятельными, сводили к

минимуму вмешательство в местные дела со стороны верховного вождя и его окружения, а с другой стороны, чтобы сохранить свою власть, он должен поддерживать политическую целостность района и «финансировать» собственную вождескую деятельность; последняя же требует организации регулярного поступления излишков продукции от местных общин. Каким образом вождь может поощрять самостоятельность и в то же время требовать от подвластных ему общин политико-экономической поддержки? Я выделил четыре варианта стратегии, которые помогают вождям преодолеть это противоречие: 1) сакрализация власти; 2) образование союза (часто включая брачные связи) между верховным вождем и главами общин; 3) престижный товарообмен; 4) военные действия между политиями, успешное ведение которых вынуждает местные элиты заключать военный союз в пределах региональной политии.

Наконец, рассмотрим третью модель принятия решений в культурной системе. В этом случае процесс централизованного принятия решений не только внешне отделен от компонентов, которые он регулирует, но сама централизованная власть расчленена на отдельные компоненты, каждый из которых отвечает за решение какой-то части общей задачи. Эта форма принятия решений характерна для государства.

«Государство может рассматриваться как вариант культурного развития с централизованным процессом принятия решений, который не только внешне отделен от местных процессов, которые он регулирует, но и внутренне специализирован в том отношении, что центральная власть расчленена по видам деятельности, которые могут осуществляться в разных местах и в разное время» (Wright 1977: 383).

В государстве те или иные решения, входящие в компетенцию центральной администрации, могут приниматься различными специализированными компонентами. Для координации действий по принятию решений специализированные компоненты иерархически организуются. Компоненты высших уровней обычно занимаются стратегическими вопросами политики, в то время как компоненты низших уровней обычно заняты решением более ограниченных задач.

Административные принципы государства совместимы с эффективным делегированием части властных полномочий. Это значит, что правитель государства может направлять из столицы на места постоянных представителей администрации с ограниченными функциями, мало опасаясь узурпации своей власти. В более ранней работе этот административный прием я назвал «децентрализованным принятием решений» (Spencer 1982: 6), используя следующую дефиницию термина «*децентрализовать*»: «разделять и распределять (полномочия и т.п.) от центральной власти на места или в филиалы, удаленные от центра» (Oxford

American Dictionary 1980: 164). После публикации этой статьи я обратил внимание на злополучную путаницу в литературе, существующую между понятиями «нецентрализованное принятие решений» (которое я использую для описания нецентрализованных эгалитарных систем) и «децентрализованное принятие решений» (которое я толкую как делегирование власти в системе, которая уже централизована). Поэтому в настоящей статье я буду пользоваться термином «делегированное принятие решений» для обозначения стратегии назначения из столицы на места правительственных чиновников низшего уровня с ограниченными полномочиями.

Использование термина «делегированное принятие решений» в моем понимании основывается на следующей дефиниции глагола «*делегировать*» (*to delegate*): «доверить (задачу, полномочия или ответственность) исполнителю» (Oxford American Dictionary 1980: 167). Специализированный администратор, которому делегирована власть, может рассматриваться как *делегат* (*a delegate*): «человек, который представляет других и действует по их указаниям» (Oxford American Dictionary 1980: 167). Следует отметить, что центральная администрация государства сохраняет свою власть над назначаемыми специализированными администраторами, которые наделяются узко ограниченной, частичной властью. Более того, я бы сказал, что в любой эволюционной последовательности принимающая решения власть должна быть централизована, прежде чем может осуществляться внутренняя административная специализация и сопутствующее частичное делегирование власти. Этот взгляд согласуется с утверждением, в частности Карнейро (Carneyro 1981), о том, что вождество является предшественником государства (см. также, например: Earle 1978, 1987; Flannery 1972; Marcus and Flannery 1996).

Развитие внутренне специализированной администрации и сопутствующей ей способности делегированного принятия решений значительно увеличивает эффективность регулирования локальных стрессов и дисбалансов в системе, а также позволяет центральной администрации осуществить интеграцию гораздо более крупной системы, чем это может сделать администрация, лишенная подобных качеств. Таким образом, государство способно интегрировать гораздо большую территорию, чем вождество (Cohen and Schlegel 1968). С другой стороны, содержание администрации с компонентами из назначенных (делегированных) постоянных чиновников обходится гораздо дороже, чем содержание администрации, где принятие решений всего лишь централизовано. Это так, поскольку постоянное делегирование части полномочий специализированным группам чиновников связано с огромны-

ми расходами на поддержание коммуникаций и транспортного сообщения, для координации процессов управления на местах и в центре. Итак, хотя принятие решений вождем часто оказывается менее эффективным, оно обычно обходится значительно дешевле, чем содержание администрации государства.

В то же время государство имеет в своем распоряжении гораздо более широкий диапазон выбора в политико-экономической сфере, чем вождество. Делегирование власти позволяет непосредственно управлять местным производством через государственную бюрократию. Цели производства, объем затрат труда, графики работ, размеры налогообложения могут определяться политиками в столице государства, а затем приниматься к исполнению специализированными администраторами, рассеянными по всей стране. Административным принципам государства соответствует создание специальных институтов укрепления власти, таких как полиция, постоянная армия и юридическая система, которые могут привлекаться для поддержки политики государства с помощью предусмотренных законом санкций.

Оптимальная регулирующая стратегия правителя государства будет фундаментально отличаться от стратегии верховного вождя из-за прямо противоположных принципов, определяющих административную организацию возглавляемых ими обществ. В то время как верховному вождю следует стараться не вмешиваться в повседневные дела общинников и избегать делегирования власти, оптимальная регулирующая стратегия правителя государства будет обратной: как можно больше разделять власть для того, чтобы свести к минимуму вероятность ее узурпации (Wright 1977: 383). Сюда может входить поощрение специализации среди общин, которые будут проявлять тенденцию к подрыву автономии местных руководителей и поддержке органической солидарности, причем обе тенденции можно использовать для сохранения политической целостности и поддержания таким образом долговременных интересов государственного руководства. Полезную информацию о взаимосвязях между внутренней административной специализацией, делегированным принятием решений и размерами территории в исторически известных государствах можно найти у Козна и Шлегеля (Cohen and Schlegel 1968), Льюиса (Lewis 1965), Ломбарда (Lombard 1967) и Смита (Smith 1967).

Общепризнано, что вождества имеют тенденцию переживать циклы политического роста и упадка (Anderson 1994; Carneiro 1981; Earle 1978; Peebles and Kus 1977; Sahlins 1972; Spencer 1987; 1990; Wright 1977; 1984). В период политического роста обычно наблюдается значительное увеличение власти и богатства, находящихся под контро-

лем центральной администрации; политический упадок же начинается тогда, когда этот контроль ослабевает. Политический рост в значительной мере осуществляется за счет мобилизации избыточных ресурсов. Во время цикла политического роста верховный вождь будет поощрять производство излишков через сеть союзов, заключенных с местной элитой, которая связывает его с главами общин. Вождь общины может с большим энтузиазмом откликаться на запросы верховного вождя, ибо если он в состоянии поставлять излишки, то, вероятно, будет вознагражден желанными престижными товарами, обычно получаемыми верховным вождем с помощью дальнего обмена. Имея в распоряжении больше престижных товаров, вождь общины увеличит собственный престиж и сможет побудить своих сторонников производить еще больше избыточной продукции. Если верховный вождь получает больше излишков, он тоже может позволить себе содержание более многочисленного и впечатляющего административного аппарата, который повышает его престиж и помогает ему еще больше поощрять производство, используя свои связи с главами общин. Таким образом, как на региональном, так и на общинном уровне политическая экономия вождества регулируется с помощью ряда позитивных связей.

Как заметил Салинз, существуют два основных способа увеличения производства излишков: «заставить людей больше работать или привлечь к работе больше людей» (Sahlins 1972: 82). Поскольку первая стратегия требует, чтобы руководство непосредственно вмешивалось в ежедневный режим работы домохозяйств и деревень, именно вторая стратегия обычно более совместима с вождескими принципами принятия решений. Самый быстрый способ заставить работать больше людей – это поставить больше людей под свой контроль. Руководство может поощрять иммиграцию и рост населения региона, что способствует увеличению запасов рабочей силы и, следовательно, потенциала избыточного производства (Blanton 1975).

Стимулируемый все большей мобилизацией излишков процесс политического роста вождества может продолжаться достаточно долго, но не бесконечно. Ранее я выдвинул предположение, что существует предел размеров территории, на которой может осуществляться эффективное управление, если у принимающей решения организации отсутствуют внутренняя специализация и соответствующая возможность частичного делегирования власти на постоянной основе. За пределами какого-то диапазона (возможно, в полудне путешествия из центра вождества) политический контроль ослабевает, и местные общины, вероятно, начинают давать гораздо меньше излиш-

ков на поддержку центра. Следовательно, во время цикла политического роста вождества производство избыточных ресурсов должно увеличиваться на территории, лежащей в пределах пространственных границ, соответствующих коэффициенту эффективного регулирования.

Было бы полезно выразить эти политико-экономические отношения на языке математической модели. Как и все подобные конструкции, данная модель представляет упрощенную версию реальности. Тем не менее, если принять следующие допущения, мы можем построить динамическую модель политической экономии вождества в условиях роста, что позволит вести данную дискуссию в более четкой перспективе:

1. Допустим, что перед нами вождество с двумя социальными стратами: элита и общинники.
2. Общинники являются первичными производителями в этой системе.
3. Общинники, таким образом, являются конечными производителями всех избыточных ресурсов, которые элита использует для поддержания своего политического истеблишмента.
4. Существует некий механизм передачи избыточных ресурсов от первичных производителей к элите.
5. Существует некий механизм, с помощью которого элита может передавать общинникам информацию о своих потребностях в ресурсах.
6. Действие вождеского истеблишмента постоянно вызывает расходование энергии.
7. Политический рост связан с тем, что элита прогрессивно наращивает накопление и расходование ресурсов.
8. По мере того как элита накапливает ресурсы, она увеличивает престиж и власть, а ее способность наращивать мобилизацию излишков возрастает.
9. У эффективной власти вождя существует пространственный предел, а это подразумевает, что процесс политического роста вождества также ограничен.
10. Политический рост вождества – это непрерывный динамический процесс.

Десятый пункт подразумевает, что политико-экономическая деятельность вождества может моделироваться с помощью системы дифференциальных уравнений. Девятый пункт указывает на то, что политический рост вождества может моделироваться в соответствии с принципами математической логики. Допущения 1–5 отражают хищническое отношение элиты к общинному сектору, что позволяет нам моделировать это отношение с помощью приемов, разработанных для мо-

делирования связей типа хищник – жертва в природных экосистемах. Добавление допущений 6–7 ко всем вышеназванным обеспечивает логическое обоснование для применения подхода, разработанного Пригожиным и его коллегами (Prigogine et al. 1977), в котором динамические связи типа хищник – жертва моделируются с точки зрения концепции диссипативных структур.

На основе разработок Пригожина и его коллег (Prigogine et al. 1977: 54–55) предлагается следующая политико-экономическая модель вождества. Пусть

- X – количество доступных ресурсов под контролем общинников;
- Y – количество доступных ресурсов под контролем элиты;
- K – норма добычи (выработки) ресурсов у общинников;
- D – норма расходования ресурсов элитой;
- N – общее количество добываемых ресурсов в политико-экономической системе данной политики;
- S – темп передачи ресурсов от общинников к элите.

Тогда динамика политико-экономического процесса в вождестве может описываться с помощью следующих уравнений:

$$dX/dt = KX(N - X) - SXY, \quad (1)$$

$$dY/dt = -DY + SXY. \quad (2)$$

Термин SXY обозначает передачу. Она будет расти прямо пропорционально X и Y по следующим соображениям: 1) чем больше X, тем больше ресурсов передается, потому что под контролем общинников больше ресурсов, которые доступны для подобной передачи; 2) чем больше Y, тем больше ресурсов передается из общинного сектора в сектор элиты, так как с усилением контроля элиты над доступными ресурсами (в результате политико-экономической деятельности), согласно допущению 8, возрастает ее престиж и соответственно способность к дальнейшему присвоению ресурсов.

Политико-экономическое усиление вождества, как показывает модель, способно продолжаться до тех пор, пока система не достигнет своих пределов. В ходе этого процесса будет осуществляться уплощение математической кривой роста. Распределение доступных ресурсов по мере приближения политико-экономической системы к своим операциональным пределам можно выразить посредством решения следующих дифференциальных уравнений, когда пик роста достигнут (Prigogine et al. 1977: 54–55).

$$X_0 = D/S, \quad (3)$$

$$Y_0 = K/S(N - D/S). \quad (4)$$

Коэффициент этих двух уравнений следующий:

$$Y_0/X_0 = K/D(N - D/S). \quad (5)$$

Уравнение (5) выражает отношение ресурсов, находящихся под контролем элиты, к ресурсам, находящимся под контролем общинников. Оно может интерпретироваться как выражение сравнительной степени политической централизации (т. е. централизованного контроля над энергией и ресурсами) системы, в которой политико-экономический процесс достигает своих операциональных пределов. Какие выводы можно сделать из этого уравнения?

Во-первых, отметим, что централизации способствуют сравнительно большие значения K , N и S , т. е. 1) высокая норма добычи (выработки) ресурсов у первичных производителей; 2) большое количество ресурсов окружающей среды, доступных для добычи, и 3) высокий темп передачи ресурсов от общинников к элите. Значение K определяется основными средствами производства, которыми пользуются общинники для разработки ресурсов; N определяется количеством добываемых ресурсов на территории, где действует политико-экономическая система вождества; S определяется величиной и частотой поступления доходных сборов в политико-экономической системе вождества.

Во-вторых, отметим, что централизации не благоприятствует большое значение D по отношению к другим переменным (K , N и S) в правой части уравнения (5). Значение D , темп диссипации энергии элитой, определяется, прежде всего, размерами вождеского истеблишмента – количеством жен, родственников, зависимых ремесленников и приспешников, которых вождь содержит, – а также величиной расходов на общинные мероприятия (общественные работы, пышные церемонии), которые он субсидирует.

Важно также понимать, что значение D будет устойчиво возрастать в период политического роста (допущение 7). Но что может произойти, если политико-экономический процесс будет приближаться к своим операциональным пределам, а степень кривизны линии политического роста уменьшаться? Если D (расходование диссипативной энергии со стороны элиты) станет слишком большим по сравнению с S , K и N , то последствия для системы, моделируемые уравнением (5), очевидны: возрастет давление на Y_0/X_0 (левая часть уравнения), а это влечет за собой сокращение количества ресурсов, контролируемых элитой, и появление признаков политического упадка.

Поскольку элита, вероятно, не будет питать радужных надежд по поводу такого развития событий, мы могли бы ожидать, что она попытается воспрепятствовать этому. Чтобы сохранить устойчивость политико-экономической системы, не сокращая объема ресурсов, находящихся под контролем элиты, росту значения D следует противопоставить увеличение значений S , K и/или N . Увеличение S (темпа передачи)

означает повышение темпа передачи ресурсов элите от общинников (например, больше «редистрибутивных» пиров, мобилизующих излишки). Увеличение K (нормы выработки) потребовало бы интенсификации производства, например, увеличения доли ирригационного земледелия на территории данной политики. Увеличение N (наличных ресурсов) потребовало бы расширения самой политико-экономической территории.

Значительное увеличение N исключается до тех пор, пока центральное руководство продолжает придерживаться вождеских принципов регулирования (централизованное, но внутренне нерасчлененное принятие решений с минимальным делегированием власти). Это следствие вытекает из допущения 9 относительно пространственного ограничения эффективной власти вождя. Как следует из предложенной модели, N может значительно увеличиться лишь в результате фундаментального изменения стратегии и принципов регулирования.

Руководство может избрать другой вариант – увеличение K и/или S . Руководители могут заставить общинников увеличивать производство посредством его интенсификации и соответственно наращивать темпы присвоения продукции. Но вряд ли это будет эффективным долгосрочным решением. Рассмотрим цепь событий, которую могла бы породить такая стратегия. Интенсификация, в конце концов, привела бы к перегрузке продуктивной базы, ведущей к спаду всего производства. Общинники могли бы оказаться перед выбором (особенно в неурожайные годы) между лояльностью по отношению к вождю и необходимостью кормить свои семьи. В таком контексте взимание излишков, вероятно, рассматривалось бы как непосильное бремя. Могли бы возникнуть разочарование, утрата лояльности и мятеж. Поэтому в высшей точке своего развития политико-экономическая система вождества могла бы столкнуться с угрозой гибели от проблем, порожденных ее собственными успехами. Система достигла бы того, что Пригожин и его коллеги называют «точкой бифуркации» траектории развития, точки, которая характеризуется высокой степенью нестабильности и напряженности. До тех пор, пока те, кто принимает в центре решения, не разработают какой-то новой стратегии, способной решать эти проблемы, система будет переживать политический упадок, ведущий к уменьшению богатства и энергии в системе и к соответствующему уменьшению диссипации энергии, за счет которой существует элита.

Для руководства выход из этого тупика мог бы заключаться в увеличении N в уравнении (5), т. е. в расширении политико-экономической территории до таких пределов, которые вышли бы далеко за рам-

ки пространственного ограничения эффективной власти вождя. Можно было бы расширить политический контроль, вероятно, путем военной экспансии – за счет территорий соседних политий (Carneiro 1970; Marcus 1992). Но, как я отметил, такое расширение потребовало бы фундаментального изменения принципов регулирования и стратегии централизованного принятия решений. Чтобы преуспеть в экспансионистском движении на протяжении длительного периода времени, центральное руководство обязано частично делегировать власть специализированным администраторам, находящимся вдали от столицы, которые среди прочих задач отвечали бы за поступление ресурсов от подчиненных общин. Эта стратегия, являющаяся примером делегированного принятия решений, требует внутренней административной специализации, позволяющей осуществлять эффективную координацию, но, конечно, она обходится гораздо дороже, чем простое централизованное принятие решений из-за больших расходов на содержание персонала, транспорта и коммуникаций. Тем не менее, если подобная стратегия в состоянии успешно осуществляться, будет мобилизовано больше ресурсов, что позволит поддержать процесс политического роста. Чем больше ресурсов поступает с новых территорий, тем в большей мере может обеспечиваться система делегированного принятия решений, которая позволит расширять экспансию далее и собирать больше ресурсов. Процесс усиливающейся девиации (Maguana 1963) будет способствовать расширению делегированного принятия решений и внутренней административной специализации в системе, ведущей к возникновению государства как формы управления, и в качественном и в количественном отношении более сложной, чем вождество, которое предшествует ей.

Я полагаю, что это изменение стратегии и принципов регулирования можно выразить при помощи системы дифференциальных уравнений, аналогичных тем, которые были разработаны Николисом и Пригожиным для описания возникновения разделения труда в сообществах насекомых (Nicolis and Prigogine 1977: 459–461). Представим ситуацию, в которой два политически автономных вождества расположены по соседству, и обе политии находятся в состоянии политического роста, аналогичного тому, который до сих пор описывался. Предположим далее, что одна из них, полития Y , достигла состояния распрямления кривой политического роста, описываемого в уравнении (5), и руководство изъявило желание решать проблемы, связанные с циклом роста, за счет расширения политико-экономической территории, которую оно контролирует. Те, кто отвечает за централизованное принятие решений в политии Y , испытывают новую стратегию регулирования: они

создают специализированное ответвление своей администрации, задача которого состоит в том, чтобы собирать ресурсы среди жителей прилегающей политики X. Пусть:

K – темп добычи ресурсов на территории политики X и политики Y (предполагается, что темпы равны);

X – наличные ресурсы, находящиеся под контролем политики X;

Y – наличные ресурсы, находящиеся под контролем политики Y;

Z – ресурсы, выделенные политией Y для специализированной ветви (субсистема Z) централизованной организации, принимающей решения, для того, чтобы оплатить расходы, связанные со структурой делегированного принятия решений;

N_x – общее количество добываемых ресурсов в пределах политико-экономической территории политики X;

N_y – общее количество добываемых ресурсов в пределах политико-экономической территории политики Y;

D – темп диссипации энергии (per capita) в секторе элиты (предполагается, что темпы одинаковы для обеих политий).

С некоторыми модификациями, следуя Николису и Пригожину (Nicolis and Prigogine 1977: 460), ситуацию с двумя политиями мы можем описать следующим образом:

$$dX/dt = KX (N_x - X) - DX - BXZ, \quad (6)$$

$$dY/dt = KY (N_y - Y) - DY - F(Y, Z) + BXZ, \quad (7)$$

$$dZ/dt = F(Y, Z) - DZ. \quad (8)$$

Термин BXZ выражает передачу ресурсов от X к Y благодаря действию субсистемы Z, специализированного ответвления политики Y, где B – термин, обозначающий темп осуществления этой передачи; F(Y, Z) – функция регулирования, которая определяется по Николису и Пригожину (Nicolis and Prigogine 1977: 460) следующим образом:

$$F(Y, Z) = AYZ - AZ^2, \quad (9)$$

где A – темп выделения ресурсов политией Y для субсистемы Z.

Теперь нас интересует определение условий, которые будут благоприятствовать расширению Z, т. е. условий, которые способствуют увеличению ресурсов, выделяемых политией Y на содержание постоянного аппарата делегированного принятия решений. В соответствии с ранее описанной моделью политико-экономической системы вожества, мы полагаем, что такая стратегия должна апробироваться руководством политики Y, когда политический рост этой системы достигает операциональных пределов, и кривая роста превращается в прямую. Таким образом, нас интересуют условия, которые будут благоприятствовать расширению делегированного принятия решений при таких обстоятельствах:

$$AY_0 - D > 0. \quad (10)$$

Теперь Николис и Пригожин (Nicolis and Prigogine 1977: 461) указывают, что из-за того, что

$$Y_0 = K_y (N_y - D/K), \quad (11)$$

мы соответственно можем подставить это значение в уравнение (11), обнаружив, что

$$AK_y N_y - (AK_y/K + 1) D > 0. \quad (12)$$

Если мы проверим многочлены и их взаимосвязи в уравнении (12), то будет ясно, что большое значение N_y есть самое важное, единственное условие, благоприятствующее расширению Z (Nicolis and Prigogine 1977: 461). Таким образом, можно было ожидать, что руководство политики Y будет выделять все больше ресурсов подсистеме Z (делегированное принятие решений), поскольку территория, включенная в политико-экономический домен политики Y , растет в размерах (что происходит прежде всего благодаря действиям подсистемы Z), и осуществляется соответствующий рост количества добываемых ресурсов в пределах данного расширяющегося домена. Эта расширяющаяся девиация (Магуама 1963) благоприятствует развитию делегированного принятия решений как постоянной отличительной черты политики Y , значение которой для данной политики все более возрастает.

На основе предшествующей дискуссии мы можем сделать следующие обобщения, касающиеся перехода от вождества к первичному государству:

1. Наша модель политико-экономической системы вождества предполагает, что политический рост в таком контексте есть организационный процесс, следствие пространственного ограничения эффективности управления, которое вытекает из централизованной, но внутренне нерасчлененной вождеской власти;
2. Когда политическое усиление вождества достигает своих операциональных пределов, система подходит к «точке бифуркации» траектории развития – некоему пункту, в котором необходимо применить новую стратегию, чтобы сохранить тенденцию роста;
3. Среди таких новых стратегий наиболее эффективной была бы стратегия создания специализированных подсистем управления на местах, вдали от столицы, для того, чтобы контролировать добычу и передачу ресурсов;
4. Поскольку эта стратегия требует передачи власти специализированным администраторам, следует ожидать, что центральное руководство будет поощрять внутреннюю административную специализацию как способ ограничения властных полномочий назначаемых администраторов и, следовательно, подрыва их способности к независимым акциям, таким как узурпация власти или отделение от центра;

5. Если успешно осуществляется сочетание стратегий делегированного принятия решений и внутренней административной специализации, то можно сказать, что государство существует;
6. В этой связи мы полагаем, что возникновение государства сопровождается значительным расширением политико-экономической территории политики.

Хотя некоторые специалисты по генезису государства уже давно полагают, что территориальное расширение государственного контроля принадлежит к числу тех феноменов, которые обычно имеют место значительно позже первоначального образования государства – в период, что иногда называемый «имперской» фазой развития, другие ученые отмечают, что экспансионизм часто играет главную роль на самом *раннем* этапе развития древних государств (Carneiro 1970, 1992; Marcus 1992).

В одном из последних исследований Маркус и Флэннери заявили:

«Мы не думаем, что вождество просто превращается в государство. Мы считаем, что государства возникают *тогда, когда один из членов группы вождеств начинает захватывать своих соседей*, в конечном счете превращая их [земли] в подчиненные провинции гораздо более крупной политики (Marcus and Flannery 1996: 157, выделено в оригинале).

В данной статье эта точка зрения подкрепляется с помощью предложенных моделей, причем главный вывод состоит в том, что расширение политико-экономической территории следует рассматривать не как запаздывающее следствие возникновения государства, а, скорее, как неотъемлемую часть процесса образования самого первичного государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Anderson D. G. 1994. *The Savannah River Chiefdoms: Political Change in the Late Prehistoric Southeast*. Tuscaloosa: Univ. of Alabama Press.
- Blanton R. E. 1975. The Cybernetic Analysis of Human Population Growth // *American Antiquity Memoirs*. Vol. 30: 116–126.
- Braun D., Plog S. 1982. Evolution of «Tribal» Social Networks: Theory and North American Evidence // *American Antiquity*. Vol. 47: 504–25.
- Carneiro R. 1970. A Theory of the Origin of the State // *Science*. Vol. 169: 733–738.
- Carneiro R. 1981. The Chiefdom: Precursor of the State // *The Transition to Statehood in the New World* / Ed. by G. Jones and R. Kautz. Cambridge: 37–79.
- Carneiro R. 1992. The Role of Natural Selection in the Evolution of Culture // *Cultural Dynamics*. Vol. 5: 113–140.
- Chagnon N. 1968. *Yanomamo: The Fierce People*. N. Y.: Holt, Rinehart, Winston.
- Cohen R., Schlegel A. 1968. The Tribe as a Socio-Political Unit: A Cross-Cultural Examination // *Essays on the Problem of Tribe* / Ed. by J. Helm. Seattle: 120–246.
- Crumley C. 1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* / Ed. by R. Ehrenreich, C. Crumley, and J. Levy. Washington, D.C.: 1–5.

- Earle T. K. 1978. *Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom: The Halelea District, Kauai, Hawaii*. Ann Arbor: Anthropological Papers of the University of Michigan Museum of Anthropology. Vol. 63.
- Earle T. K. 1987. Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 16: 279–308.
- Flannery K. V. 1972. The Cultural Evolution of Civilizations // *Annual Review of Ecology and Systematics*. Vol. 3: 399–426.
- Ford R. I. 1968. *An Ecological Analysis Involving the Population of San Juan Pueblo, New Mexico*. Ph.D. dissertation, Univ. of Michigan. Ann Arbor: University Microfilms.
- Goldman I. 1970. *Ancient Polynesian Society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Helms M. 1979. *Ancient Panama: Chiefs in Search of Power*. Austin: Univ. of Texas Press.
- Kirch P. 1984. *The Evolution of Polynesian Chiefdoms*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lewis H. 1965. *A Galla Monarchy*. Madison & Milwaukee: University of Wisconsin Press.
- Little K. 1967. The Mende Chiefdoms of Sierra Leone // *West African Kingdoms in the Nineteenth Century* / Ed. by D. Forde and P. Kaberry. London: 239–259.
- Lombard J. 1967. The Kingdom of Dahomey // *West African Kingdoms in the Nineteenth Century* / Ed. by D. Forde and P. Kaberry. London: 70–92.
- Marcus J. 1992. Dynamic Cycles of Mesoamerican States // *National Geographic Research and Exploration*. Vol. 8: 392–411.
- Marcus J., Flannery K. 1996. *Zapotec Civilization: How Urban Society Evolved in Mexico's Oaxaca Valley*. L.: Thames and Hudson.
- Maruyama M. 1963. The Second Cybernetics: Deviation-Amplifying Mutual Causal Processes // *American Scientist*. Vol. 51: 164–279.
- Miller J. 1978. *Living Systems*. N. Y.: McGraw-Hill.
- Nicolis G., Prigogine I. 1977. *Self-Organization in Nonequilibrium Systems: From Dissipative Structures to Order through Fluctuations*. N. Y.: J. Wiley & Sons.
- Nicolis G., Prigogine I. 1989. *Exploring Complexity*. N. Y.: W. H. Freeman.
- Peebles C. Kus S. 1977. Some Archaeological Correlates of Rank Societies // *American Antiquity*. Vol. 42: 421–428.
- Prigogine I. 1980. *From Being to Becoming*. San Francisco: W. H. Freeman.
- Prigogine I., Allen P., Herman R. 1977. Long Term Trends and the Evolution of Complexity // *Goals in a Global Community: The Original Background Papers for "Goals for Mankind"*. Vol. 1: *Studies on the Conceptual Foundations* / Ed. by E. Laslo and J. Bierman. N. Y.
- Rappaport R. A. 1968. *Pigs for the Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People*. New Haven: Yale University Press.
- Rappaport R. A. 1971. The Sacred in Human Evolution // *Annual Review of Ecology and Systematics*. Vol. 2: 23–44.
- Redmond E. 1994. *Tribal and Chieftly Warfare in South America*. Ann Arbor: Memoirs of the University of Michigan Museum of Anthropology. Vol. 28.
- Redmond E., Spencer C. 1994. The Cacicazgo: An Indigenous Design // *Caciques and their People: A Volume in Honor of Ronald Spores* / Ed. by J. Marcus and J. Zeitlin. Ann Arbor: 189–225.
- Sahlins M. 1972. *Stone Age Economics*. Chicago: Aldine.
- Service E. 1962. *Primitive Social Organization*. N. Y.: Random House.
- Smith M. G. 1967. A Hausa Kingdom: Maradi under Dan Bakasore, 1854–1875 // *West African Kingdoms in the Nineteenth Century* / Ed. by D. Forde and P. Kaberry. L.: Oxford Univ. Press: 93–122.
- Spencer C. S. 1982. *The Cuicatlan Cadada and Monte Alban: A Study of Primary State Formation*. N. Y.: Academic Press.
- Spencer C. S. 1987. Rethinking the Chiefdom. *Chiefdoms in the Americas* / Ed. by R. Drennan and C. Uribe. Lanham: 369–390.

- Spencer C. S.** 1990. On the Tempo and Mode of State Formation: Neoevolutionism Reconsidered // *Journal of Anthropological Archaeology*. Vol. 9: 1–30.
- Spencer C. S.** 1994. Factional Ascendance, Dimensions of Leadership, and the Development of Centralized Authority // *Factional Competition and Political Development in the New World* / Ed. by E.M. Brumfiel and J.W. Fox. Cambridge: 31–43.
- Steponaitis V.** 1978. Location Theory and Complex Chiefdoms: A Mississippian Example // *Mississippian Settlement Patterns* / Ed. by B. Smith. N. Y.: 417–453.
- Taylor D.** 1975. *Some Locational Aspects of Middle-Range Hierarchical Societies*. Ph.D. dissertation, City University of New York. Ann Arbor: University Microfilms.
- Wright H. T.** 1977. Recent Research on the Origin of the State // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 6: 379–397.
- Wright H. T.** 1984. Prestate Political Formations // *On the Evolution of Complex Societies: Essays in Honor of Harry Hoijer 1982* / Ed. by T.K. Earle. Malibu: 41–77.
- Yengoyan A.** 1972. Ritual and Exchange in Aboriginal Australia: An Adaptive Interpretation of Male Initiation Rites // *Social Exchange and Interaction* / Ed. by E. Wilmsen. Ann Arbor: 5–9.

8

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКЕ

Р. Шэдел, Д. Робинсон

Введение

В данной статье мы бы хотели: 1) сформулировать несколько общих понятий, связанных с теорией социальной эволюции и сделать несколько критических замечаний в отношении этой теории; 2) обратиться к характерным примерам истории в Новом Свете (Мезоамерика, Анды, Юго-Запад США) с 2000 г. до н.э. вплоть до XVI столетия с учетом многочисленных расхождений в интерпретации этих данных; 3) сделать обобщения на основе сравнительного анализа различных примеров истории ранних протогосударств и показать значение этих данных для возникновения сложных обществ в Старом Свете и универсальной темы иерархизации и появления неравенства в обществах, которые пересекли порог оседлости и производства пищи между 3000 и 10000 лет назад.

По мере того как самые ранние (вероятно, автаркичные) оседлые общины начинали объединяться между собой, связывающие их главные функции впервые осуществлялись на поселениях с принципиально иной пространственной организацией. «Главное» поселение могло более эффективно осуществлять одну из трех основных функций (церемониальную – потому что на его территории имелось место с впечатляющим видом, наводящим на мысль о космических силах; экономическую – поскольку оно располагалось близ источников редкого сырья; политическую – благодаря стратегически выгодной оборонительной позиции). В большинстве случаев, связанных с самой ранней оседлостью, подобное «первенство» является чисто предположительным, так как на основе скудных данных, свидетельствующих о спорадическом культурном обмене в течение большого промежутка времени, можно сделать лишь гипотетический вывод о наличии систем надобщинных связей.

Таким образом, самые ранние оседлые микрообщества были связаны друг с другом посредством сети спорадического взаимодействия, но не были объединены. Появление многообщинных «гегемоний» (например, Реал Альто в зонах влияния культуры Чавин и ольмеков) во II

тыс. до н.э. было, вероятно, связано с добровольным принятием системы верований, разрабатываемой жрецами в некоторых святилищах, которые должны были получать поддержку от окружающих общин в виде даров и услуг культовому центру. Последний перераспределял избыточный продукт в форме культовых действий и реликвий. За исключением «инкапсулированных священных деревьев» (например, Реал Альто в менее надежно документированной зоне взаимодействия, охватывающей тропическое побережье Эквадора и Западной Колумбии), на всех культовых поселениях отсутствуют свидетельства в пользу того, что непосредственно поддерживающее население было достаточно многочисленным для строительства святилища, и святилища на таких поселениях обычно довольно скромные.

На Юго-Западе Северной Америки три главные культурные группы – анасази, хохокамы и могольоны – отражают колебания «пиков» концентрации и максимальной численности населения. Центральные поселения вырастали вокруг религиозных и ритуальных комплексов с большими кивами¹ даже на высших стадиях монументального строительства, таких как в каньоне Чако и Касас Грандес. Эти центры достигли региональной интеграции на основе крупномасштабной координации действий микрообществ (Cordell 1984; Robinson 1992).

Единственный «организующий» принцип (связывающий эти общины), который можно экстраполировать, – это регулирование порядка использования ресурсов, подверженных сезонным колебаниям, что в дополнение к ритуальным действиям было второй главной услугой, которую элита культового центра могла оказывать членам своего общества; и, следовательно, привлечение добровольной рабочей силы осуществлялось на основе принципа *quid pro quo* между поддерживающими общинами и общиной, выступающей в роли центра. Принявшие эту систему верований извлекали выгоду из знания наилучшего времени для посадки растений, сбора урожая; того, как избежать при этом потерь или компенсировать их, но больше всего – из знания о том, как гарантировать возобновление ежегодного природного цикла. Эта организационная структура была построена на основе системы взаимно принятых обязательств, известных как «табу» (а в индустриальных обществах – как «страхование»).

Лишь по мере постепенного заполнения экологических ниш вследствие демографического роста (известного как фактор допустимого давления или предела давления) микрообщество начинало испытывать нужду в «интеграции» или в замене неустойчивых связей (*linking*) прочными связями (*binding*). Когда относительный предел демографичес-

¹ Кивы – круглые подземные помещения (*Прим. ред.*).

кого давления начинает осознаваться, тогда *нужда* в новом организационном принципе – координации для защиты границ территории – проявляется и берет верх над заботой о возобновляемости ресурсов. Контроль (вместо регулирования) приобретает первенствующее значение, и централизация становится важной движущей силой усложнения обществ, раз уж осознается, что предел демографической нагрузки близок. Перефразируя это изменение в парадигме Р.Н. Адамса (Adams 1981), можно сказать, что контролирующая группа (в протогосударствах) возникла как преемник регулирующей группы (в вождествах).

Самые ранние «цивилизации» (монументальное строительство и квазиоседлость)

В этой преимущественно автаркичной модели константа демографического роста большинства оседлых обществ (гораздо более высокая по темпу в сравнении с бесконечно низким темпом роста у бродячих охотников-собирателей) представляла собой все более усиливающийся вызов репродуктивной способности обществ, на который большинство первичных оседлых микрообществ реагировало: 1) расширением территориальных границ основной оседлой единицы путем простой экспансии в соседние районы, методом «перепрыгивания от ниши к нише» или выведения (дочерних) колоний; 2) технологическими нововведениями, увеличивающими производство продуктов питания в пересчете на гектар или на единицу биомассы. В последнем случае можно предположить наличие положительной обратной связи, усиливающей тенденцию к специализации, которая в потенции всегда существует благодаря навыкам оседлости. Самые ранние «цивилизации» возникают в таком микрообществе, где решительно весь избыток археологически выявляемого совместного труда, а также продукцию и услуги самых ранних специалистов можно определенно связать с церемониальной деятельностью. Эта деятельность рассматривалась как главная гарантия возобновления ресурсов общества.

В этих микрообществах концентрация больших масс людей, обычно рассеянных на обширной территории, осуществлялась на короткое время вокруг монументальных святилищ, воздвигнутых за счет сезонного привлечения добровольного неквалифицированного труда под руководством небольшого штата постоянно проживающих в святилище специалистов, которые также заведовали обширной и разветвленной торговой сетью по доставке дефицитного сырья для изготовления ритуальных предметов, которые либо «потреблялись», либо распределялись в святилище. Диллхэй (Dillehay 1992) бегло набрасывает карти-

ну адаптации к оседлости в Андах на протяжении почти тысячи лет. Похожие древнейшие пики оседлости и квазиоседлости в сравнительной истории мира встречаются в Лепенском Вире выше Железных ворот в Восточной Европе, в Паверти Пойнт на Юго-Востоке Соединенных Штатов и в Чатал-Хююке в Анатолии. А такие развитые многообщинные гегемонии, как Чавин в Перу и ольмеки Мексики (1500–500 гг. до н.э.), представляют собой хорошо документированные примеры ранних «пиков» концентрации в микрообществах. Ни на одном из этих местонахождений нет свидетельств в пользу постоянной концентрации хотя бы тысячи человек: нет данных о гегемонии с помощью принудительной силы. Даже если такая гегемония действительно существовала, ее поддержка могла осуществляться посредством идеологического давления, причем есть некоторые данные в пользу существования постоянного штата специалистов из религиозной элиты, но нет данных в пользу наличия постоянных специалистов из светской элиты. Если принять во внимание всю совокупность интерпретаций высокохудожественных предметов и архитектуры, то представляется, что механизм объединения общин, поддерживавших эти «протоцивилизации», а также позднейшие, более совершенные и густонаселенные цивилизации с богатой иконографией, заключался главным образом в наличии общей системы верований. На основании различий в типах поселений – рассеянные вокруг деревушки с ничтожным количеством высокохудожественных предметов и сакральные поселения с многочисленными высокохудожественными изделиями и/или сооружениями – можно поддержать выводы о том, что эти древнейшие протоцивилизации были теократическими и ориентировались на паломничество (см. у Диллхэя позднейшую последовательность событий (Dillehay 1992), более раннюю последовательность событий см. у Бенфера (Benfer 1986)).

Все связанные между собой общины практиковали в основном те же самые виды деятельности и имели одинаковую систему жизнеобеспечения. Для описания совокупности общин, занимающих общую главную макронишу, но явно не имеющих формальной надобщинной структуры и археологически фиксируемой специальной системы связей (за исключением спорадического культурного обмена), археологами используется термин «сфера взаимодействия». Мы предлагаем термин «геосфера». Хорошо документированным районом, в котором можно проследить переход от возникновения оседлости к производству пищи, является морское побережье Центральных Анд между 4500 и 1000 гг. до н.э. Для обозначения группы примерно из 40 документированных псевдооседлых поселений в Перу от Лас Салинас (долина Чао) до Ла Паломы (долина Чилька), датирующихся между 4500–2000 гг. до н.э.,

нам следовало бы использовать термин «перуанская приморская геосфера». Эта «сфера» является экологически однородной, что было бы точным эмпирическим применением придуманного Мак-Нишем (MacNeish et al. 1972) термина, который в своем первоначальном употреблении пригоден и имеет стимулирующее значение, но слишком абстрактен, чтобы быть теоретически полезным.

Зрелые цивилизации (кульминация роста микрообществ)

Если подойти с точки зрения последующего развития, то церемониальный центр, представленный ранними скоплениями монументальных сооружений, может рассматриваться в качестве соответствующего прототипа при объяснении феномена нуклеации (как циклической, так и связанной с постоянным проживанием), которая становится одним из диагностических процессов в урбанизации. Если после первых «пиков» концентрации в некоторых районах (а большинство районов после перехода к оседлости не достигало таких «пиков» в течение последующего тысячелетия) проследить дальнейшие этапы роста микрообществ (и здесь нет необходимости подразумевать нечто большее, чем демографический рост), то можно будет наблюдать повторение феномена социальной концентрации, отраженной в скоплениях монументальных сооружений церемониального центра, причем сам тип поселения не изменяется. Церемониальный центр претерпевает количественные и качественные изменения, что отражено, с одной стороны, в большем числе поддерживающих его общин, а с другой стороны, в большем разнообразии и количестве товаров и услуг в расширяющемся под руководством жрецов храмовом хозяйстве (*Tempelwirtschaft*).

Для наблюдения последующих пиков роста микрообщества в долине Мехико наиболее благоприятен 1 г. н.э., а в прибрежной зоне Перу и у майя – 500 г. н.э. Размеры этого общества явно выросли (даже если его территория могла быть меньше) по сравнению с ранними цивилизациями. Количество жителей на квадратный километр значительно увеличилось. Конфликты (как следствие демографического давления?) и стратификация – два ключевых феномена, которые отражены в иконографии, но необязательно в архитектуре. Что это означает в терминах автаркичной модели? Иконография предположительно отражает вторжение того, что Карнейро назвал принципом «ограничения дальности», археологи широкого профиля – «заполнением ниши», Брейдвуд однажды назвал «предельной стабилизацией» (*settling in*), а мы предпочитаем именовать «ощущением минимального (доиспанского) предела допустимого давления на территорию» с точки зрения соотношения

количества жителей на единицу площади. Для решения проблемы демографического роста в распоряжении микрообществ имелись две вышеупомянутые стратегии, которые могли более или менее успешно использоваться, пока границы прежде удаленных территорий не приходили в тесное столкновение. Ситуация, возникшая в результате взаимоналожения территориальных границ, представляет, следовательно, второй решающий вызов сохранению равновесия и репродуктивной способности микрообществ с растущим народонаселением.

Чтобы лучше понять характер динамики оседлых микрообществ в фазе относительного заполнения ниш, поучительно для сравнения обратиться к обществам Южной Америки за пределами Центральных Анд в момент контакта с испанцами. Наиболее сложным обществом и ближайшим соседом предысторического макрообщества Анд были чибча, которые по уровню развития наиболее сопоставимы с известными по этнографическим данным крупными «вождествами» в Полинезии (Тонга в работе Гейли (Gailey 1987)) или в Африке (Дагомея в труде Даймонда (Diamond 1951)), в то время как на противоположном конце спектра можно поместить простые оседлые микрообщества с производящей экономикой в северо-западной Аргентине или в низменностях Венесуэлы и Колумбии. Как гласит парадигма схизмогенезиса, по Бэйтсону (Bateson 1967: 189ff), в распоряжении любых двух или нескольких обществ, столкнувшихся с проблемой дефицита территории, имеется ограниченный выбор возможностей: 1) полное слияние первоначально различавшихся групп; 2) гибель одной или обеих групп; 3) сохранение обеих групп при поддержке динамического равновесия в рамках одной более крупной общности (Бэйтсон здесь использует термин «общность» (community) в широком смысле от нации-государства до деревни, включающей две экзогамные группы). По Бэйтсону, процесс слияния определяется согласно критерию взаимопроникновения структурных и образно-понятийных характеристик, что соответствует процессу интеграции в фазе формирования вождества. Чибча могут представлять собой один из примеров слияния или такой случай, когда микрообщества, занимающие смежные участки главной макрониши, выбрали интегративное решение, хотя степень «полного» слияния не была достигнута (а в границах вождеской модели не могла бы осуществляться интеграция с помощью механизма принудительного контроля, что подразумевает принятие принципа государственности), о чем свидетельствовал быстрый распад этого общества после контакта с испанцами.

Хотя археологически это трудно показать, примеров реализации альтернативы 2, т. е. геноцида, в предыстории Южной Америки, кажется, не было. Тем не менее можно наблюдать, как в результате борьбы за более благоприятные экологические ниши (аллювиальные бере-

га рек), описанной Латрапом (Lathrap 1970) у народов Амазонии, одна группа «периодически вытесняет» другую, как «бильярдные шары замещают друг друга». В альтернативе З Бэйтсон выделяет два основных варианта: вариант, при котором динамическое равновесие поддерживается за счет симметричной дифференциации, и вариант, при котором оно поддерживается на основе принципа взаимной дополнительности. Группы с симметричной дифференциацией хорошо представлены народами, живущими к северо-востоку и юго-востоку от Анд. Большинство из этих народов Стюард и Фэрон (Steward and Faron 1959) характеризовали как «милитаристические вождества», в которых практиковались специализированные культы ритуализованной войны и жертвоприношения военных пленников среди соседствующих групп. Эти колоритные механизмы, хотя и несколько ужасающие, являлись своеобразной ритуализацией «демографической гонки вооружений», в которой убийство врага совершалось, скорее, ради поддержания «паритета», чем ради захвата или эксплуатации территории соседей. Примеры взаимодополняющей дифференциации, которые можно также назвать «экономическим симбиозом», хорошо представлены взаимодействием относительно неинтегрированных деревенских обществ на Северо-Западе Аргентины с деревнями в оазисах пустыни Атакама и рыбацкими деревушками Чилийского побережья. Некоторое представление об этом архипелаге взаимодействующих вдоль меридиана обществ можно почерпнуть из работ Нуньеса и Диллхэя (Nunez and Dillehay 1979) и Чильяно (Cigliano 1973).

Хотя мы привели примеры взаимодействия только между оседлыми обществами (потому что такая посылка в скрытом виде присутствует в парадигме Бэйтсона), следовало бы упомянуть еще один тип ответа на взаимоналожение территориальных границ, который можно назвать «грабительским» и при котором исконное общество охотников и собирателей осуществляет своеобразную опекающую гегемонию или эксплуатацию в одном или нескольких оседлых обществах, навязывая в обмен «покровительство». Мбайя в дельте Ла-Платы, карибы и карака Венесуэлы, кажется, – лучший пример этого довольно необычного типа динамического равновесия (Metraux 1946, Kirchoff 1948, Hernandez de Alba 1948, Oberg 1955).

Мы можем представить себе, как преисторические микрообщества в первом тысячелетии (будь то Центральные Анды, майяские низменности или Мексиканское плато) шли по тому или иному пути взаимной адаптации, описанной у неандских обществ Южной Америки во время испанского завоевания. Все типы взаимной адаптации микрообществ, кроме первого, могли вести к устойчивой системе равновесия, в кото-

рой, тем не менее, степень взаимодополнительности могла варьировать с течением времени. Однако в первом, или интегративном, типе могло возникнуть и, вероятно, действительно возникло противоречие (кризис) между первоначальным принципом организации микрообщества и новым принципом, связанным с защитой территориальных границ. Профессионализация (приобретение прав и привилегий, предоставление жилья с удобствами и питания за счет производителей пищи, присвоение особого статуса профессионалам) – это тот механизм, который обеспечивает кристаллизацию социальной группы функционеров, специализирующихся на контроле (в отличие от жрецов, которые регулируют) и могущих взять на себя важнейшие функции управления в обществе. Можно лишь предполагать, как из военных вождей, выдвигавшихся каждый раз *ad hoc*, возникла специализированная группа военных руководителей. Вместе с ограничением сферы деятельности жрецов их противоречивое положение обострялось; с другой стороны, прежняя эгалитарная форма добровольного или, по крайней мере, основанного на консенсусе сбора продуктов и привлечения рабочей силы не подходила для жизненно необходимой системы перераспределения излишков и строительства сооружений (теперь столь необходимых для обороны общин).

Таковы некоторые основания предполагаемых стрессов, конфликтов и стратификации, которые, возможно, отражены в иконографии микрообществ, вступивших в критическую фазу развития. На всех поселениях мочика и майя в 500 г. н.э. отмечается готовность к переходу в макрообщество, и все же нет ни одного случая, где бы структура поселения указывала на то, что такая радикальная трансформация имела место (как это случилось у моче между 750 и 1000 г. н.э.) или общество распалось (как в случае с майя после 800 г. н.э.).

Вместо мифа о первичном государстве мы хотели бы предложить то, что представляется гораздо более жизнеспособной моделью культурного развития американских туземцев, поскольку после перехода к производству пищи она позволяла стойко противостоять последующим вызовам среды и растущего народонаселения. Мы исходим из допущения о том, что макрообщество возникает лишь после серьезных испытаний и ошибок и что это макрообщество включает и «эксплуатирует» свое собственное и другие микрообщества. При этом попавшие в зависимость подразделения продолжают сохранять довольно высокую степень свободы, что позволяет им самовоспроизводиться. Подобную ситуацию Маркс описывал в экономических терминах как сосуществование способов производства, при котором макрообщество представляет доминирующую форму, но ни в коем случае не включающую боль-

шинство людей. В отличие от микрообществ, привязанных к определенным экологическим нишам, макрообщество существует благодаря координирующему и централизованному контролю над ресурсами всего пучка микрообществ, от которых оно зависит. Другими словами, макрообщество использует энергию большей части накапливаемых в микрообществах излишков, которые прежде «проедались ими самими» в процессе редистрибуции.

Четкие контуры самого раннего макрообщества на Перуанском побережье (появление самого раннего государства) маркируется революционными изменениями в структуре поселения, которые фиксируются на главных местонахождениях в Перу с Раннего промежуточного вплоть до Среднего горизонта. Крупные населенные центры (постоянные резиденции элиты и их слуг) появляются вместо одного или нескольких церемониальных центров, и стратегическое положение этих центров оставляет мало оснований для сомнения в том, что возводились они под руководством не одних только жрецов, но и энергичных администраторов, целью которых является организация обороны и интенсивной эксплуатации ресурсов, а не гарантия возобновляемости ресурсов, как было прежде. Достижению новой цели часто способствует сбор дани с зависимого населения. Явно намечается переход к государству.

Был ли этот первоначальный прорыв к государству/макрообществу осуществлен в Уари, столице на юге нагорной области (для которой теперь имеются данные о революционных изменениях в структуре поселения (Lumbregas 1981)), или он осуществился на побережье как следствие кризисной ситуации, аналогичной той, которую описывает Прайс (Price 1977) с помощью модели кластерного взаимодействия, – это спорный вопрос, который жарко дебатировался среди специалистов и еще не решен. Примеры из истории Анд свидетельствуют о том, что макрообщество впервые оформилось около 800 г. н. э. Высокогорное государство Уари возникло около 750 г. н. э. и распалось в течение последующего столетия; то же самое случилось с большинством его высокогорных провинциальных центров к 1000 г. н.э. В районе Куско и на побережье провинциальные центры Уари существовали дольше, а в средневерхних участках некоторых долин центрального побережья они продолжали существовать в течение 400 лет (Stumer 1956). Как отчасти подтвердил Шимада (Shimada 1978) на материалах долины Лече, культура сикан, демонстрирующая пик развития Северного Побережья в Среднем горизонте, возникла из остатков последней столицы культуры моче в Пампа Гранде в примыкающей с севера долине, близ древнего церемониального центра, существовавшего с 1000 г. до н.э.

Степень начальной государственности, которую можно приписать церемониальному центру Тиуанако и его провинциальным центрам, еще предстоит подтвердить, хотя последние исследования под руководством Колаты (Kolata 1993) уже показывают, что около 600 г. н.э. этот процветающий церемониальный центр превратился в городское поселение, которое в последующие столетия, как полагают некоторые (см., например: (Parsons 1968)), становится похожим на Уари. Таким образом, на побережье государство продолжало существовать с большим или меньшим успехом, но в высокогорье оно почти исчезло в последующие 600 лет. В начале XV столетия инки изобрели работоспособную высокогорную модель государства, которая к 1480 г. взяла верх над соседним территориальным государством чиму, созданным более традиционным способом. Где и каким образом в течение более чем полутысячелетия в Южном нагорье продолжала сохраняться преемственная нить организационных принципов построения макрообщества (если так оно и было на самом деле, и инки заново не повторили путь становления государства Уари), остается главной тайной андской археологии и этноистории, если не принять весьма невероятное допущение, что Инка Юпанки позаимствовал принципы управления и территориального контроля от самого большого предшествующего государства в Андах – Чимор.

В последние десятилетия накапливаются данные о пробах и ошибках на пути к макрообществу в Мезоамерике. В майяских низменностях мы имеем хорошо документированные примеры в Тикале (Haviland 1970) и Цибальчальтуне (Andrews 1968), где кульминация роста микрообщества отразилась в конфигурациях поселений, очень похожих на позднюю столицу мочика в Пампа Гранде. Эти примеры иллюстрируют такие же неудачные попытки самостоятельно создать государство, что и предпринимавшиеся мочика. Недавние исследования в Монте Альбане дают еще один пример расцвета и упадка микрообщества, хотя большинство господствующих интерпретаций претендует на то, что все три случая демонстрируют самостоятельный процесс формирования государства (Andrews 1968; Blanton 1976, 1978; Haviland 1970).

Исторические примеры главных культурных областей

Теперь необходимо перейти к обзору планиграфии и последовательности поселений, которые документируют этот переход в Перу и Мексике. На Юго-Западе Северной Америки этот скачок не совершился. Кульминация роста микрообществ в трех главных культурных областях маркируется увеличением населения, его концентрацией и монументальным строительством. Однако, как и в вышеприведенном примере с Монте Альбаном, никакого перехода к секуляризации и государству там не было.

В истории Северного Побережья Перу можно сопоставить планы церемониальных центров мочика (Панья Марка (Shaedel 1951), Уакадель-Соль/Луна или Моче (Uhle 1913) с квазигородским планом Пампа Гранде (500–700 гг. н.э., Shimada 1978) с целью показать, что зона размещения рабочей силы и расположенная в центре «складская» зона (редистрибуции) занимали открытое пространство между главными церемониальными структурами. Контуры площади, более четкие в Пампа Гранде, чем в Моче, смутно намекают на какое-то регулирование потока людей и продуктов; но, вообще говоря, дороги и проходы формально отсутствуют. Достаточно сравнить этот план с планом главного компаунда в Чан-Чане (Keatinge and Day 1973), во всей планиграфии которого регулярные черты начинают играть решающую роль, чтобы получить графическую иллюстрацию той системной реорганизации в планиграфии, которая осуществилась спустя 500–600 лет и которая отличает столичные поселения с централизацией элиты и концентрацией отборных экономических запасов крупных, сложных гегемоний. Надо признаться, что мы «проскочили» около 500 лет адаптации, в течение которых разрабатывались гипотетические серии многодолинных планиграфических моделей. Наша задача в данном случае заключается в том, чтобы сфокусировать внимание на тех диагностических признаках в планиграфии, которые отражают системные изменения в общественных отношениях, связанные с «городской революцией». Среди единичных случаев первичного перехода к урбанизму во всемирной истории переход к урбанизму у мочика-чиму упоминается особенно часто как пример независимой трансформации, тогда как в действительности переход *in situ* не имел места.

Чтобы глубже раскрыть природу той трансформации, которую мы наблюдаем в планиграфии, уместно обратиться к примеру Теотиуакана, поскольку здесь переход от теократического центра высшего вожества к столице государства действительно происходил *in situ*. Можно сопоставить планы до и после того, что Миллон первоначально назвал фазой «обновления города» (Millon 1970; 1981). В данном случае наш интерес вновь фокусируется на функциональной трансформации площади, которая до обновления, кажется, служила местом общего сбора или сосредоточения, оставаясь вместе с тем местом, где, по крайней мере, трудились мастера по обработке обсидиана. После «перепроектирования» эта площадь была превращена в торговую площадь, которой предстояло стать мезоамериканским центром пересечения торговых путей в будущих планах города. И вновь примеры из истории планиграфии не дают возможности пойти дальше самых общих сравнений. Теотиуакан дает нам первую иллюстрацию

перехода к урбанизму *in situ*, но отягощенный полутысячелетней традицией существования в качестве растущего церемониального центра он превратился в неповоротливый механизм координации выполнения функций города и гибнет около 700 г. н.э. Вновь, как и в Андах, мы сталкиваемся с разрывом более чем в 500 лет между гибелью Теотиуакана с его фрагментарной историей планиграфии и возникновением зрелого, густонаселенного мексиканского города (Теночтитлана), разрывом, который предстоит заполнить в будущем посредством выявления планиграфических серий поселений и их корреляции с богатыми мексиканскими кодексами.

Краткая ссылка на примеры «системной» трансформации в истории двух культурных областей иллюстрирует два момента, которые необходимо учесть, прежде чем переводить нашу дискуссию об урбанизации в Новом Свете на уровень сопоставлений с развитием в Старом Свете и устанавливать связь между происхождением городов и понятием «сформировавшегося» доиндустриального города по Сьобергу. Первый момент – это 500-летний разрыв между первоначальной системной трансформацией и утверждением унифицированного типа густонаселенного города в главном американском регионе. Второй момент заключается в том, что значение системной трансформации было столь велико, что вызвало цепь последующих перестроек и подвижек, продолжавшихся до тех пор, пока между городом и периферией не установилось функциональное и жизнеспособное равновесие. В литературе, посвященной происхождению городов в Старом Свете, такие города конца III и начала II тыс. до н.э., как Ниневия и Вавилон иллюстрируют введение унифицированного типа города на Среднем Востоке (Lampl 1968). Вопреки его всеобъемлющему определению (а в действительности из-за него), «доиндустриальный город» Сьоберга (Sjoberg 1960) как социальный тип, представляющий высокую степень стабильности, не может использоваться в качестве модели доколониальной урбанизации в Новом Свете, за исключением ее финальных стадий. Только после 100 г. н.э. эта американская модель обнаруживает сходство с ходом данного процесса на Ближнем Востоке. С учетом этого различия, можно поставить знак равенства между понятиями «функционального урбанизма» Шэдела (Schaedel 1951; 1971; 1978; 1987; Schaedel and Bonavia 1977) и «доиндустриального города» Сьоберга (Sjoberg 1960). Лишь после того, как все нарушения функций, связанные с «системной трансформацией», устранены, макросоциальная форма, представленная доиндустриальным городом, становится значимым концептуальным инструментом при объяснении динамики сложного общества.

Обобщения и выводы

Хотя археологические и этноисторические данные, столь необходимые для более полной документации истории роста городов и сложных обществ в Америке, в лучшем случае весьма схематичны, мы должны признать, что сорок пять лет назад почти ничего этого не было.

Сравнительный анализ развития ранних городов в Новом и Старом Свете в то время зародился главным образом как следствие стимулирующего воздействия чайлдвудской концепции «городской революции». За последние три десятилетия в общих чертах пополнилась не только база американских данных, но и новый акцент на «городской революции» стимулировал исследования на Ближнем и Среднем Востоке, в Индии и в Китае и способствовал появлению превосходной сводки Брейдвуда и Уилли по раннему государству (Braidwood and Willey 1962). основополагающее исследование Роберта Адамса, в котором предпринят сравнительный анализ развития городов на Ближнем Востоке и в Мезоамерике (Adams 1966), до сих пор остается единственной попыткой систематического сопоставления процессов развития в Старом и Новом Свете,¹ как и книга Каца, в которой проведен диахронический сравнительный анализ двух высокоразвитых цивилизаций Америки (Katz 1972). Давайте посмотрим, как обстоят дела с выводами Адамса и Каца в конце 90-х годов.

В то время как Адамс стремился показать, что формирование города и государства как в Мезоамерике, так и в Месопотамии предшествовало гидротехническим работам, которые, как предполагал Виттфогель (Wittfogel 1957), были причиной возникновения того и другого, теперь, вероятно, можно утверждать, что на стадии консолидации раннего государства (но не в фазе его зарождения) интенсивные гидротехнические работы оказались необходимым эпохально значимым технологическим достижением, которое обеспечило стабильное положение управленческой элиты (Shaedel 1987).

При сопоставлении подмеченных Кацем различий в Андах и Мезоамерике с новыми открытиями можно увидеть структурное раздвоение там, где он видел параллельное формирование государства у инков и ацтеков. Это можно наблюдать при сопоставлении процессов его сложения в Уари и Теотиуакане, где мононуклеарное государство развивается, вероятно, под контролем торговой элиты. Многоцентровая структу-

¹ Вероятно, авторы статьи упустили из виду монографию К. К. Ламберг-Карловски и Дж. А. Саблоффа (C. C. Lamberg-Karlovsky, J. A. Sabloff. *Ancient Civilizations. The Near East and Mesoamerica*. Menlo Park, Cal., 1979; в русском переводе см.: К. Ламберг-Карловски и Дж. Саблов. *Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика*. М.: Наука, 1992 (Прим. ред.).

ра Уари с ее обширной периферией под контролем военно-административной элиты (но в иконографическом облачении воинствующего жречества) лучше всего подходит для ныне обновленной модели первичного государства в Андах. Предысторическая бифуркация того, что прежде представляло собой параллельное развитие (и что можно возвести к более ранним структурным различиям), могла бы объяснить контраст между ацтекским обществом с заметной ролью торговли и меркантилизма и патримониальной (находящейся под контролем государства, но все же гибкой и экономически прочной) инкской политией.

Вопросы, связанные с происхождением неравенства в племенных, вождеских и государственных обществах, имплицитно переплетаются с проблемой возникновения городов и сложных обществ в Новом Свете и вообще повсюду, где впервые возникало государство (Месопотамия, Египет, Индия, Китай и Юго-Восточная Азия). Как правило, идея о том, что переход от ранжированного к стратифицированному и классовому обществам маркирует расширение социально-экономического неравенства в сложных обществах, подтверждается и без обзора этих данных, поскольку сами догосударственные и негосударственные общества с течением времени подтверждали тезис о том, что ограничение классовой дифференциации (которое еще характерно для крестьянских общества и способа производства) было, вероятно, единственным серьезным фактором, сдерживавшим самостоятельный рост сложного общества.

Модель археологии насилия Кластера (Clastres 1971), служившая модульным контрапунктом к тезису Шэдела (Schaedel 1951; 1971; 1978; 1987; Schaedel and Bonavia 1977), как оказалось, построена, скорее, на основе этнографических, чем археологических данных. Обзор археологических данных в мировом масштабе показывает, что насилие (под которым Кластер подразумевает войну с целью грабежа), в отличие от междоусобных набегов, характерно главным образом для периода формирования раннего государства. Одним словом, археологические данные подтверждают идею о том, что эгалитарное общество предшествовало неэгалитарному и что последнее возникло как результат адаптации в условиях демографического давления на обрабатываемую землю. Переходным типом неэгалитарного общества является вождество, для которого характерны ранговые различия и выделение привилегированных линиджей, сохраняющих свои права и привилегии в течение одного или нескольких поколений, но долговременная устойчивая иерархия при этом отсутствует. Основа для постоянной легитимизации неравенства впервые развивается с возникновением городов и нового типа общества, известного под названием первичного государства, вместе с появлением сословий, а затем и классов, которые маркируют возникновение подлинной отчуждаемой собственности.

ЛИТЕРАТУРА

- Adams R.N. 1981. Natural Selection, Energetics, and «Cultural Materialism» // *Current Anthropology*. Vol. 22: 603–623.
- Adams R.McC. 1966. *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*. Chicago: Aldine.
- Andrews E.W.IV. 1968. Dzibalchaltun: A Northern Maya Metropolis // *Archaeology*. Vol. 21: 36–47.
- Bateson G. 1967. Schismogenesis // *Beyond the Frontier* / Ed. by P. Bohannon. Garden City, N.J.: Natural History Press.
- Benfer R. 1986. Holocene Coastal Adaptations: Changing Demography and Health at the Fog Oasis of Paloma, Peru 7,800–5,000 BP // *Andean Archaeology* / Ed. by Ramiro Matos M., Solveig Turpin and Herbert H. Eling, Jr.: 83–100.
- Blanton R.E. 1976. The Origins of Monte Alban // *Cultural Change and Continuity: Essays in Honor of James Bennett Griffin* / Ed. by Ch. Cleland. N. Y.: 223–232.
- Blanton R.E. 1978. *Monte Alban: Settlement Patterns at the Ancient Zapotec Capital*. N. Y.: Academic Press.
- Braidwood R., Willey G. R. 1962. *Courses Toward Urban Life*. Chicago: Aldine-Atherton.
- Burger R. 1985. Prehistoric Stylistic Change and Cultural Development at Huaricoto, Peru // *National Geographic Research*. Vol. 1. № 4: 505–534.
- Carneiro R.L. 1970. A Theory of the Origin of the State // *Science*. Vol. 169 (3947): 733–738.
- Childe V.G. 1950. *What Happened in History*. L.: Penguin Books.
- Cigliano E.M. 1973 (ed.). *Tastil, una Ciudad Preincaica Argentina*. Buenos Aires: Ediciones Cabargon.
- Clastres P. 1971. Archeologie de la violence: La Guerre dans les Sociétés Primitives // *Libre: Politique-Anthropologie-Philosophie*. Vol. 1: 137–173.
- Cordell L.S. 1984. *Prehistory of the Southwest*. Orlando: Academic Press.
- Dillehay T. 1992. Widening the Socio-Economic Foundations of Andean Civilization: Prototypes of Early Monumental Architecture // *Andean Past*. Vol. 3: 55–65.
- Durr M. 1980. *Problem der Staatsbildung im Raum Oaxaca in Vergleich zum Mexicanischen Hochland*. Berlin: Mimeographed.
- Gailey C.W. 1987. *Kinship to Kingship: Gender, Hierarchy and State Formation in Tonga*. Austin: University of Texas Press.
- Haviland W. 1970. Tikal, Guatemala and Mesoamerican Urbanism // *World Archaeology*. Vol. 2: 186–198.
- Hernandez de Alba G. 1948. The Tribes of North Central Venezuela. *Handbook of South American Indians*. Vol. 4. *Bureau of American Ethnology*. Bulletin 143. Washington, D.C.: 475–479.
- Katz F. 1972. Overview and Comparison // *The Ancient American Civilizations*. N. Y.: Praeger.
- Keatinge R.W., Day K.C. 1973. Socio-Economic Organization of the Moche Valley, Peru, During the Chimú Occupation of Chan-Chan // *Journal of Anthropological Research*. Vol. 29. № 4: 275–294.
- Kirchhoff P. 1948. The Tribes North of the Orinoco River // *Handbook of South American Indians*. Vol. 4. *Bureau of American Ethnology*. Bulletin 143. Washington (D.C.): 481–493.
- Kolata A. L. 1993. Understanding Tiwanaku: Conquest, Colonization, and Clientage in the South Central Andes // *Latin American Horizons. A Symposium at Dumbarton Oaks*. 11th and 12th October, 1986 / Ed. by Don Stephen Rice. Dumbarton Oaks Research Library and Collection.
- Lamp P. 1968. *Cities and Planning in the Ancient Near East*. N. Y.: George Braziller.
- Lathrap D. 1970. *The Upper Amazon. People and Places*. N. Y.: Praeger Publishers.

- Lumbreras L.G.** 1981. *The Stratigraphy of the Open Sites: Prehistory of the Ayacucho Basin, Peru*. Vol. 2 / Ed. by R.S. MacNeish, A.G. Cook, L.G. Lumbreras, R.K. Vierra, and A. Nelker-Turpen. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- MacNeish R.S., T.C. Patterson, Browman D.L.** 1972. *The Central Peruvian Prehistoric Interaction Sphere. Papers of the R.S. Peabody Foundation for Archaeology*. Vol. 7. Andover.
- Metraux A.** 1946. *The Ethnography of the Chaco. Handbook of the South American Indians*. Vol. 1. *The Marginal Tribes*. Bureau of American Ethnology Bulletin 143. Washington (D.C.): 197-371.
- Millon R.** 1970. *Urbanization at Teotihuacan*. Vol. 1. *The Teotihuacan Map*. Austin: The University of Texas Press.
- Millon R.** 1981. Teotihuacan: City, State, and Civilization. *Supplement to the Handbook of Middle American Indians*. Austin: The University of Texas Press.
- Morse R.** 1965. Urbanization in Latin America. *Latin American Research Review*. Vol. 1. № 1:35-74.
- Nunez A.L., Dillehay T.** 1979. *Mobilidad Giratoria, Harmonia Social, y Desarrollo en los Andes Meridionales: Patrones de Trafico y Interaccion Economica*. Antofagasta: Universidad del Norte.
- Oberg K.** 1955. Types of Social Structure Among the Lowland Tribes of South and Central America // *American Anthropologist*. Vol. 57: 472-487.
- Parsons J.R.** 1968. An Estimate of Size and Population for Middle Horizon Tiahuanaco, Bolivia // *American Antiquity*. Vol. 33. № 2: 243-245.
- Price B.** 1977. Shifts of Production and Organization: A Cluster Interaction Model // *Current Anthropology*. Vol. 18: 209-233.
- Robinson D.** 1992. *Pueblo Period Societal Differentiation in the Middle San Francisco River Valley Region, West-Central New Mexico*. Doct. dissert. The University of Texas at Austin.
- Schaedel R.P.** 1951. Mochica Murals at Panamarca // *Archaeology*. Vol. 4. № 1: 145-154.
- Schaedel R.P.** 1971. *The Commonalities in Processual Trends in the Urbanization Process: Urbanization and the Redistributive Function in the Central Andes* // Discussion Paper. Milwaukee: The University of Wisconsin.
- Schaedel R.P.** 1978. The City and the Origin of the State in America // *Urbanization in the Americas from its Origins to the Present* / Ed. by R.P. Schaedel, G.E. Hardoy and N.S. Kinzer. The Hague: 31-49.
- Schaedel R.P.** 1987. Control Del Agua y Control Social // *La Heterodoxia Recuperada* / Ed. by S. Glantz. Mexico: 126-146.
- Schaedel R.P., Bonavia D.** 1977. Patrones de Urbanización Incipiente en los Andes Centrales y su Continuidad // *Asentamientos Urbanos y Organización Socioproductiva en la Historia da América Latina* / Ed. by J.E. Hardoy and R.P. Schaedel. Buenos Aires: Ediciones SIAP.
- Shimada I.** 1978. Economy of a Prehistoric Urban Context: Commodity and Labor Flow at Moche V, Pampa Grande // *American Antiquity*. Vol. 43: 569-592.
- Sjoberg G.** 1960. *The Preindustrial City*. Glencoe, Illinois: The Free Press.
- Steward J.H., Faron L.** 1959. *Native Peoples of South America*. N. Y.: Bobbs-Merrill.
- Stumer L.M.** 1956. Development of Peruvian Coastal Tiahuanaco Styles // *American Antiquity*. Vol. 22 № 1: 59-68.
- Trimborn H.** 1949. *Senerio y Barbarie en el Valle de Cauca*. Madrid.
- Uhle M.** 1913. Die Ruinen von Moche // *Société des Americanistes*. Vol. 10: 95-117.
- Wittfogel K.A.** 1957. *Oriental Despotism*. New Haven: Yale University Press.

9

ЦИКЛИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКОЙ ДОИСТОРИИ

С. КОВАЛЕВСКИ

Традиционно принятые стадии социокультурной эволюции часто не в полной мере отражают динамические эпизоды истории или качественные изменения в археологических культурах. Такие изменения бывают нередко связаны с полярной сменой основных политико-экономических стратегий. Мы выделяем два главных типа таких стратегий: корпоративный и сетевой. Политико-экономические стратегии, принадлежащие к корпоративному типу, строят властно-экономические взаимоотношения коллективно, инклюзивно, иногда даже анонимно. При использовании таких стратегий упор делается на производство основных пищевых продуктов, централизованное распределение рабочей силы, ритуалы с большим количеством участников и универсализирующие космоидеологии. Напротив, сетевые стратегии наращивают власть эксклюзивно, внутри субгрупп (десцентных или субэтнических) часто с индивидуализирующим акцентом. Сетевые стратегии делают упор на проницаемость границ, обмен престижными товарами, концентрацию богатств, соперничество в распределении рабочей силы, патриархальность и детализирующие идеологии.

Масштабные социокультурные трансформации в доколумбовой Западной Мезоамерике, зоне протогосударств майя, на Юго-Западе и Юго-Востоке США сопровождались полярными сменами «корпоративных/сетевых» политико-экономических стратегий. Эти смены носили макрорегиональный характер, затрагивая все субрегионы. Между 1000 г. до н.э. и 1520 г. н.э. политико-экономические системы Западной Мезоамерики развивались циклами, включавшими два основных корпоративных эпизода. Циклы политико-экономических трансформаций в области майя, возможно, не были синхронными с западномезоамери-

канскими. Юго-Запад, начиная с 900 г. н.э., все больше склонялся к корпоративной организации, а на Юго-Востоке обычно доминировали сетевые стратегии с возможным корпоративным перерывом в период с 700 по 1100 гг. н.э.

Рассматриваемые концепции интересны тем, что позволяют связать современные этнологические теории с хорошо известным археологическим материалом. В этой связи представляются необходимыми дальнейшие исследования эффектов типа «ядро – периферия», кросскультурных закономерностей, экологических последствий и причин полярных смен стратегий.

Контекст исследования

1. *Неадекватность традиционных концепций эволюционных стадий.* Хорошая теория требует соответствия между терминами аналитического объяснения и изменчивостью объектов, которые она объясняет. Если существенная вариативность объектов, поведение которых требует объяснения, не может быть охвачена системой терминов в рамках предлагаемой объяснительной теории, то это значит, что теория чрезмерно генерализирована. Такова ситуация со схемой традиционных стадий социополитической эволюции: локальная группа, племя, вождество, государство. Не останавливаясь подробно на ее критике, следует отметить, что археологи обычно не соглашались с ее «школьными» закономерностями, когда предлагают объяснения для интересующих их феноменов. Но именно в том и состоит проблема, что предлагаемая общая теория обычно имеет очень мало общего с фактическими данными и объяснениями, предлагаемыми археологами.

2. *Неадекватность ортогенетических моделей, например возрастающей централизации.* Изучая более чем 3000-летнюю историю региональных социополитических систем в Оахаке (Мексика), наша исследовательская группа скептически относилась к предположению о том, что социокультурная эволюция должна двигаться в детерминированном направлении. Что мы можем сказать в данном случае о политической централизации? На ранних этапах формирования государства в долине Оахака некоторые политические функции были перенесены с нижних уровней и сконцентрированы в одном месте – столице Монте Альбан. Однако в раннеклассическом периоде Монте Альбана (250–400/450 гг. н.э.) расширение этой государственной системы сопровождалось децентрализацией многих ее функций. Ре-

гиональная система претерпела еще один эпизод роста в поздней постклассической фазе, сопровождавшийся дальнейшей политической децентрализацией и исчезновением самой концепции единой региональной столицы. Глубокие изменения здесь и по всей Мезоамерике иногда сопровождались возрастающей централизацией, но часто этого не происходило (Kowalewski 1990). Сходным образом и на Юго-Востоке США самые крупные, доминировавшие в регионах центры вождеств с наибольшим вкладом в общественно-церемониальное строительство существовали только на ранних этапах Миссисипского периода. В последующие 600 лет наблюдается тенденция к наличию более мелких, но более многочисленных вождеских центров (Smith 1978).

Аналогично развитие технологии в Оахаке не было однонаправленным. Возникновение государства после 500 г. до н.э. не было основано на каких-либо технологических инновациях. Этот процесс включал в себя помимо использования сельскохозяйственных технологий, известных уже многие столетия, также, что более важно, новые способы организации труда. Фактически, набор сельскохозяйственных технологий за все три тысячелетия довольно бурной мезоамериканской культурной эволюции изменился, по сути, очень мало (Blanton et al. 1993; см. также Flannery 1983).

3. Неадекватность концепций коллективной или анонимной власти. Традиционная теория стадий социокультурной эволюции в американской антропологии лучше всего подходит для описания тех этнографических областей, где власть была публична, персонифицирована, едина, относительно не дифференцирована и тесно связана с богатством, статусом и престижем. Например, ранняя работа Салинза (Sahlins 1958) о социальной стратификации в Полинезии была использована Пиблзом и Кус (Peebles, Kus 1977) для операционализации идеи вождества и рангового общества по отношению к археологическому материалу по вождеским обществам миссисипского Юго-Востока. Их модель действительно хорошо соотносится с археологическими данными средней и поздней фазы Миссисипского периода (однако, возможно, не с эпохой возникновения – (Pauketat 1994)), и концепции вождества и рангового общества хорошо послужили археологам Юго-Востока.

Вместе с тем эта модель практически не применялась в отношении Юго-Запада США, но не потому что она была неизвестна – она просто не подходила к этнографическим или археологическим описаниям Юго-Запада. В то время как археологи вполне удовлетворены, говоря о мис-

сисипских «вождествах», Чако пока остается нейтральным «феноменом». Погребальный обряд с обилием объектов, обозначающих ранг, четко выделяемые резиденции вождей, вождеская иконография и испанские описания XVI в. вождей, отделенных от остального общества, столь явные на Юго-Востоке повсеместно отсутствуют на Юго-Западе. Тем не менее юго-западные общества были сложными (я использую этот термин технически) в том смысле, что они не обладали характеристиками эгалитарных племен. Юго-западные общества имели дифференцированные, многочисленные иерархически организованные культы, неродственные социальные союзы и политические организации, многоуровневые региональные иерархии поселений, проводили порой значительные объемы общественных работ, требующих значительных трудозатрат, возводили общественные здания и осуществляли масштабные координированные военные акции (Ortiz 1979; 1983). В последние два десятилетия археологи, чтобы понять эти общества, экспериментировали с несколькими новыми концепциями, включая концепции союзов (Upham 1982), конфедераций (Spielmann 1994), секвенциальных иерархий (Johnson 1989), сегментарных обществ (Rice 1998), гетерархий (Crumley 1998), корпоративных/сетевых стратегий (Feinman 1997a, b), муниципий или коммун (Fish and Fish 1998) и т.д. По-видимому, ни один вопрос этнографии Юго-Запада не вызвал столь затяжных споров, как проблема политики хопи (Whitely 1988, Levy 1992, Rushforth 1992); дело доходило до обсуждения стратификации в эгалитарных обществах. Эти дискуссии показывают необходимость более тщательно теоретического и концептуального осмысления приведенного до сих пор материала.

4. *Сравнительные закономерности и их связь с наиболее часто встречающимися археологическими материалами.* Мы считаем, что цель антропологии – объяснение изменений, происходящих в культурных системах в пространстве и во времени. Предполагается, что человеческий опыт един, в том смысле, что культурные системы являются частями одного целого, известны ли они исторически или археологически, хотя не все типы культурных систем засвидетельствованы этнографически или исторически. Вместе с тем специальная задача археологии заключается в том, чтобы объяснять долговременные изменения и вариативность широко распространенных в археологии материальных объектов и взаимоотношений. Концепции и теории, не имеющие следствий для интерпретации значительной части первичных археологических данных, с нашей точки зрения, являются современным эквивалентом средневековой метафизики.

Корпоративно-сетевое измерение

5. *Политико-экономические стратегии.* Под стратегиями мы подразумеваем деятельность социальных деятелей, т. е. – людей, исполняющих важные социальные роли, определяемые статусами. Под исполнителями социальных ролей мы имеем в виду не современных американских «индивидуумов», и не индивидуумов в психологическом или психиатрическом смысле, но субъектов, действующих в том или ином качестве/наборе качеств для достижения целей, определенных статусом рассматриваемых субъектов. То, каким образом деятели используют людей и ресурсы для достижения той или иной цели, является в высшей степени творческим, и вместе с тем обычно ограниченным в степенях своей свободы процессом. Политико-экономические стратегии относятся как к действиям социальных агентов, так и к уже воспроизведенным путям или структурам, созданным данным или предыдущими социальными действиями. Мы предпринимаем концептуальную попытку говорить одновременно о поведении как потенциально творческом действии и о структуре как воспроизведенном результате социального действия. В определенных культурных условиях власть может строиться одними путями, но не другими. Точка зрения, которую недавно высказал Ричард Блэнтон, состоит в том, что пути достижения целей в определенных условиях кросскультурно сводятся к двум основным стратегиям: корпоративной и сетевой (Blanton 1994; Blanton et al. 1992; Blanton et al. 1996), которые имеют широкий спектр соответствующих археологических артефактов.

6. *Корпоративные стратегии.* Деятели сосредотачивают людей и ресурсы внутри самих социумов, подчеркивая коллективную принадлежность, концентрируя трудовые усилия людей, принадлежащих к разным поселениям, и направляя их на производство общих запасов пищевых продуктов. Корпоративные стратегии строят политико-экономическую власть коллективно, и власть может быть рассредоточенной или идеологически анонимной. Подчеркивается теоретическое эгалитарность. Упор делается на производство обычных основных продуктов труда и в особенности на производство базовых пищевых продуктов. Все это отражается в типологии процессов обмена.

Власти имеют средства для контроля передвижения населения в определенных границах. Архитектура поселений демонстрирует формальное упрощение и стандартизацию. Ритуалы, как правило, подчеркивают момент общего участия и направлены на объединение индивидуумов и групп в единое целое. Космология имеет универсализирующую

щий характер, ей, как правило, свойственны идеи об общих принципах и силах, включая внимание к женской символике и культам плодородия, связанным с упором на земледелие в экономике. Средства символической коммуникации отличает тенденция к канонизации, повторению широко распространенных стандартов; это широко применяется в искусстве, публичных представлениях и стандартном письме и языке.

7. *Сетевые стратегии.* Власть концентрируется путем обмена ценностей через границы разных социальных групп. Групповая идентичность и членство направлены на выделение и различительность, создают закрытые группы, формирующиеся на принципах генеалогий и этнической риторики. Соперничающие деятели формируют многочисленные структурные связи и альянсы; коалиции чаще всего временны и индивидуальны. Группы соревнуются за привлечение рабочей силы. Такие механизмы, как патриархальность и ранжированные статусы, отражают деятельность по контролю труда и созданию мотиваций к нему. Эта стратегия отражается в артефактах, связанных с погребальным обрядом, жилищами, одеждой и искусством. Обмен, пересекающий границы социальных объединений, чрезвычайно оживлен и труден для контроля центральной властью. Богатство приобретается путем внешнего обмена, при этом упор делается не на «домашние» товары, а на небольшое количество особо ценных товаров и информации. Вложения в технологии производства пригодных для дальнего обмена товаров и услуг более значимы для общества, чем при корпоративной стратегии. Идеологические системы в основном частные, локализирующие, с множественными культурами.

8. *Стратегии и результаты в противопоставлении социальной типологии.* Корпоративный и сетевой – это не общественные типы, а виды стратегий, которые имеют структурные результаты своего функционирования. В различных типах социумов (от бродячих групп до государств) и на всех уровнях интеграции (от домохозяйств до современной мировой системы) можно обнаружить оба этих вида стратегий. [В силу того, что для субъектов исключительно трудно действовать эффективно, совмещая цели с несоответствующими средствами, а также учитывая, что культурно детерминированные способы обмена позволяют ценностям накапливаться только определенным путем, корпоративная и сетевая стратегии диалектично противоположны.] Лишь одна из них может доминировать в данных социальных условиях, особенно на одном уровне социокультурной интеграции. Тем не менее в сложных обществах деятели могут использовать корпоративную стратегию

для создания сплоченных подгрупп, которые в свою очередь соперничают друг с другом как сетевые. Именно таков пример замкнутых корпоративных общин колониальной Мезоамерики (Wolf 1957), которые использовали эту стратегию для защиты от внешнего государственного воздействия. Схожим образом крупные деловые корпорации XX в. ориентируются на корпоративные методы в организации своей работы (премии, внутренняя идеология, ритуалы, безопасность и анонимность), будучи при этом включены в общую широкую финансовую капиталистическую систему, которая относится к замкнутым социальным группам с пренебрежением. В мировом масштабе трудно долго поддерживать корпоративно организованную власть.

Действующие агенты в тех пределах, в которых они имеют различающиеся роли в разных социальных структурах, организованных по сетевому или корпоративному принципу, вынуждены вести себя определенным образом в сетевом или корпоративном контексте. Например, на Балканах главы больших семей внутри своих групп стараются установить корпоративную дисциплину, параллельно используя произведенное таким образом богатство для сетевого обмена и повышения своего личного статуса.

Исторически внутри больших мир-систем (например, Мезоамерика, Китай) доминирующие способы производства и обмена в ядре обычно корпоративные, а на границах или периферии преобладает сетевая организация. В то же время центр может разрушиться и реорганизоваться в сеть мелких государств, а элита периферии – попытаться организовать свои объединения на корпоративных принципах (Blanton et al. 1992).

Изложенные наблюдения должны быть приняты во внимание при рассмотрении рис. 1, где графически представлены результаты наиболее хорошо отраженных археологически сетевых и корпоративных стратегий. Этот материал основан на изучении четырех основных макрорегиональных центров (не периферий) с наиболее высоким уровнем интеграции, оставившие самые заметные следы в археологических источниках. К этим ограничениям я еще вернусь в пунктах 13–16, после того как опишу археологические данные, стоящие за кривыми на рис. 1.

Четыре северо-американские области (см. рис. 1)

9. *Майя*. Траектория смены превалирующих стратегий у майя ограничена уровнем политики и базируется на анализе архитектуры общественных зданий в столицах, степени индивидуальности в иконографии и погребениях, письменности и искусства (см.: Morley et al. 1983).

Время	Стадия	Майя К-----С	Стадия	Центральная Мексика К-----С	Стадия	Юго-Запад К-----С	Стадия	Юго-Восток К-----С
1500 н.э.		Майяпан Чичен		Ацтек Митла Миштекские государства		Классический Хохокам Меа Верде		ДеСото Ламар Етова
1000		Закат Классический период		Закат Теотиуакан Ранний классич. период	Вожжество	Чак От землянок Корзины	Вожжество	Кахокия тольтеки Коломоки Хоупвелл
500	Государство	Флорал Парк Мирадор		Укрепленные посе- ления на холмах Монте Альбан Консепс На Вента Сан-Хосе Моготэ	Племя	Ранний Хохокам Гончарство		Появление кукурузы
500	Вожжество	Мамом	Государство			Поздний арх. период		
1000 до н.э.	Племя	Куэцло	Вожжество			Кукуруза в пустыне		Ранний Вудленд

Рис. 1

Широкие открытые площади и монументальное строительство в вождествах позднего предклассического периода (300 г. до н.э. – 100 г. н.э.) и в конфедерации Чичен Ицы свидетельствуют о большем участии населения в ритуалах, чем маленькие площади, замкнутые внутренние дворы и дворцы столиц классического периода (250–900/100 гг. н.э.), таких как Тикаль и Паленке (Blanton et al. 1993:158–200). Имена и деяния правителей, высеченные на каменных монументах, типичны именно для классического времени, но не для более раннего или позднего (см. Marcus 1992). Это предполагает существование двух эпизодов корпоративного государственного строительства при возможном доминировании сетевых принципов организации на заре предклассического, в классический и поздний постклассический периоды. Мне кажется вероятным, что отношения производства и обмена на уровне ниже политики и, наоборот, выше любой политики (макрорегиональном) постоянно были организованы по сетевым линиям (Blanton et al. 1993:197–200).

10. *Центральная Мексика.* Этот ареал включает в себя область от бассейна Мехико до Оахаки и описан наиболее полно (см. Blanton et al. 1996 и особенно Sanders et al. 1979). Археологические данные, использованные для корпоративно-сетевого измерения долины Оахака, самые богатые, так как этот регион мне наиболее знаком. Линия на рис. 1 относится только к уровню политики.

Данная область была широко вовлечена в «ольмекскую» сферу около 1000–800 гг. до н.э. (Sharer and Grove 1989). Престижные товары и ранжирующие принципы функционируют повсеместно. После 800 г. до н.э. Мезоамерика, видимо, переживает регионализацию, а около 500 г. до н.э. многие регионы претерпевают важные реорганизации в системе поселений, включая и долину Оахаки, где возникает новый тип политического объединения с центром в Монте Альбане. Мои коллеги Ричард Блэнтон, Гэри Фейнман и Линда Николас в готовящейся к публикации книге (Blanton et al. 1998) утверждают, что раннее государство в Монте Альбане было основано на корпоративной идеологии и политико-экономической стратегии (с другой стороны, иная интерпретация – Marcus and Flannery 1996). Терминальный предклассический период (ок. 100 г. до н.э. – 250 г. н.э.) по всей Мезоамерике характеризуется обильными свидетельствами войн между государствами и сложными вождествами вплоть до возвышения Теотиуакана как доминирующего государства. Массивная публичная архитектура, универсализующая иконография, стандартизация и анонимная власть в Теотиуакане делают его квинтэссенцией корпоративного государства.

В постклассический период (900–1520 гг. н.э.) наблюдается балканизация государственной власти с мелкими царствами и растущей сложной сетью отношений между регионами. Исторические источники (см., например: Duran 1967) наполнены сведениями о том, как ацтекские правители пытались на вершине этой сети построить крупное и более сильное государство, используя корпоративные принципы, в частности такие, как переработка мифов происхождения как включительных и универсализирующих, попытки государства контролировать роскошь и ценность наград, упразднение посмертного культа правителя и возрождение культа женского плодородия и т.д.

11. *Юго-Запад*. В отличие от двух предыдущих случаев, график для Юго-Запада отражает организацию общин, а не региональных политий. Кривая изображает сетевой раннеземледельческий период, за которым следует эпоха возрастающей корпоративности общинной организации, что отражается в переходе от эпохи землянок к пуэбло (например, Whalen 1981), увеличении масштаба и стандартизации общинной архитектуры (Doyle 1987; Adler 1996) и свидетельствах культовой унификации (Adams 1991). Как были организованы общины до сих пор, остается загадкой, но есть множество данных о сложной и иерархически дифференцированной системе поселений и гражданско-церемониальных институтах (Wills and Leonard 1994), хотя политическая организация региона неясна. Региональные общинные объединения Юго-Запада редко сооружали унифицированные публичные постройки, символизирующие объединение в целом; лидерство внутри общин и на региональном уровне оставалось анонимным, возможно потому, что региональные коллективные действия и управление были спорадическими, а также потому, что взаимодействие между лидерами намеренно сохранялось скрытым и анонимным в силу самих принципов, действовавших внутри общины (Feinman 1997a; 1997b).

12. *Юго-Восток*. Кривая Юго-Востока на рис. 1 соответствует только уровню политики, но не общинному или макрорегиональному. Хотя было бы интересно рассмотреть архаический период и ранний Вудленд в терминах политико-экономических стратегий, я этого делать не буду. Экономика среднего Вудленда долгое время описывалась как система обмена ценностями (Caldwell and Hall 1964) с пышными погребениями, воздававшими почести «Бигменам». Сети обмена исчезают в позднем Вудленде; есть свидетельства значительных изменений в этот период в системе поселений и военных столкновений (Nassaney and Cobb 1991). Попытки упорядочения этого хаотичного состояния путем организа-

ции относительно крупных корпоративных политических объединений представлены несколькими центрами позднего Вудленда и раннего Миссисипского периода, такими как Тольтек (Nassaney 1991) и Кахокья (Emerson and Lewis 1991). На ранних этапах в Кахокье существовала практика широкого публичного участия в гражданско-церемониальной деятельности, в экономике делался упор на интенсивное возделывание маиса, а власть была более анонимной и рассредоточенной, чем в пирамидальных, индивидуально ориентированных вождествах позднего Миссисипского времени, как, например, Этовах или тех, с которыми встретились члены экспедиции Де Сото в 1540 г. (Hudson 1997).

Мой коллега Чарльз Хадсон обратился к сравнительно-историческому исследованию тех социумов, которые он называет «слившимися обществами» XVIII столетия, когда группы, ведущие происхождение от прежних вождеств, объединялись, используя, очевидно, корпоративные политические стратегии, чтобы выстоять перед лицом английских, французских и испанских торговцев на новой границе современной мировой системы. Интересно, что хотя формы политических образований включали конфедерации с советами, половинами и другими признаками коллективной власти, оружие, деньги и товары европейцев способствовали интенсивному, индивидуализирующему сетевому соперничеству.

Изображенные как кривые во времени, эти циклы превалирующих политико-экономических стратегий, тем не менее, отличаются от условных характеристик социальных систем. Поэтому прежде чем перейти к выводам, я хотел бы еще раз подчеркнуть наличие нескольких ограничений.

Ограничения

13. *Масштаб и уровень интеграции.* Центральномексиканский, майяский и Юго-Восточный случаи ограничены уровнями племени, вождества и государств; по причинам, описанным выше, Юго-Западный случай анализирует только общинный уровень.

14. *Археологическая наблюдаемость.* Нематериализующиеся, спорадические или нерегулярно воспроизводящиеся виды деятельности не отражаются в археологических материалах. Там, где политико-экономическая активность – строительство власти – социально подавляется, как во многих группах охотников и собирателей, этот аспект социальной жизни трудно различить археологически, поскольку политические проблемы разрешались на коллективных советах или специальных сходах.

15. *Ядро и периферия.* Колонки на рис. 1 относятся к ситуациям в центальных политиях; периферия могла быть организована по-другому. Спиро, центр вождества в пограничной региональной зоне на западе Миссисипского мира, демонстрирует гораздо большее количество престижных материалов в погребениях и не слишком интенсивную культувацию маиса (Rankin-Hill 1997) по сравнению с синхронными вождествами в ядре области. Общины на западе сферы влияния Чако являлись частью большого Юго-Запада, но сами были организованы по-другому, возможно, как реакция на события в Чако (Wilcox 1996). Западная Мезоамерика состояла из множества субрегионов-ядер, отделенных один от другого как долины в горах, а также горских групп, которые служили средой для сетевых связей (Blanton et al. 1992).

16. *Объяснение.* Общие объяснительные модели данных феноменов требуют дальнейшего кросс-культурного изучения закономерностей в динамике политико-экономических циклов. Корпоративная политическая экономика становится уязвимой, когда сталкивается с многочисленными сетевыми соперниками или с внутренними условиями, при которых элита может получить выгоду от внешних связей. Новые технологии, которые позволяют снизить цену производства, также способны ослабить корпоративную власть. В то же время регионы с превалированием сетевой организации временами настолько переполнены насилием, что люди могут принять новые, корпоративные политические нормы, чтобы обеспечить безопасное социально-экономическое положение.

Выводы

17. *Полярные смены стратегий и глобальные трансформации.* Археологи признают, что общие типологии эволюционных стадий недостаточно представляют динамику региональных и макрорегиональных изменений. Не все крупные социальные трансформации в археологическом отражении являются переходами с одной стадии на другую. Многие из них – это полярные сдвиги в доминирующих политико-экономических стратегиях. Более тщательное исследование отдельных регионов сможет выявить циклы, не отраженные на схемах рис. 1.

Итак, в четырех ареалах, обсуждаемых в данной статье, крупные трансформации, сопровождаемые полярными сдвигами от сетевой к корпоративной организации, включают в себя: в области майя – возникновение первых крупных политических центров и государство Чичен Ицы; в Центральной Мексике – возвышение Монте Альбана, Тео-

тиуакана и Ацтекской державы; на Юго-Западе – переход от эпохи землянок к пуэбло и на Юго-Востоке – возвышение миссисипских обществ. Трансформации, сопровождаемые противоположным, корпоративно-сетевым сдвигом: область майя – расцвет классической культуры (250/300–900/100 гг. н.э.) и новая экспансия в поздний постклассический период (900/1000–1530 гг. н.э.); Центральная Мексика – терминальная фаза предклассического периода, характеризующаяся милитаризацией и расширением экономических сетей, и коллапс региональных государств в эпиклассический (700–900 гг. н.э.) и постклассический (900–1520 гг. н.э.) периоды; на Юго-Востоке – формирование сферы Хоупвелл и впоследствии возникновение института наследственных вождей в Миссисипский период и юго-восточного церемониального комплекса (Galloway 1989).

Следует отметить, что на рис. 1 корпоративно-сетевые циклы развиваются независимо от эволюционных стадий. Кроме того, они варьируются между четырьмя культурными областями: то, что обнаруживается разница между областью майя и Оахакой и Центральной Мексикой означает наличие расхождений внутри мезоамериканского макрорегиона. Сдвиги полярности политико-экономических стратегий вряд ли стоят за динамикой всех изменений в археологических источниках, но многие из этих трансформаций связаны с этими циклами в большей мере, чем с переходами с одной эволюционной стадии на другую или технологическими инновациями.

18. *Дуализм процессов.* Я не высказываюсь за полный отказ от иных методологических и теоретических подходов, польза от применения которых в сравнительных исследованиях уже доказана. В частности, я считаю исключительно полезными анализ, применявшийся в нашем исследовании поселенческой системы в Оахаке (Kowalewski et al. 1989), внимание к человеческой экологии, а также историко-материалистический теоретический подход. Однако нашей попыткой было показать, что условия культур с доминирующими сетевыми стратегиями и структурами являются иными, требующими от антропологов особых теоретических подходов по сравнению с культурами, в которых доминировали корпоративные принципы (Blanton et al. 1996).

ЛИТЕРАТУРА

- Adams E.C. 1991. *The Origins and Development of the Pueblo Katsina Cult*. Tucson: University of Arizona Press.
- Adler M.A. 1996 (ed). *The Prehistoric Pueblo World, A.D. 1150-1350*. Tucson: University of Arizona Press.

- Blanton R.E. 1994. *Houses and Households: A Comparative Study*. N. Y.: Plenum.
- Blanton R.E., Feinman G.M., Kowalewski S.A., Nicholas L. 1998. *The Early Monte Alban State*. Cambridge: Cambridge University Press [in press].
- Blanton R.E., Feinman G.M., Kowalewski S.A., Peregrine P.N. 1996. A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // *Current Anthropology*. Vol. 37. № 1: 1–14, 73–86.
- Blanton R.E., Kowalewski S.A., Feinman G.M. 1992. The Mesoamerican World-System // *Review*. XV № 3: 419–26.
- Blanton R.E., Kowalewski S.A., Feinman G.M., Finsten L. 1993. *Ancient Mesoamerica: A Comparison of Change in Three Regions*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press.
- Caldwell J.R., Hall R.L. 1964 (ed.). *Hopewellian Studies* // Scientific Papers. № 12. Springfield: Illinois State Museum.
- Crumley C. 1998. *Three-Winged Bird: Chaotic Strange Attractors and the Evolution of Sociopolitical Organization* // Paper presented at the 63rd annual meeting of the Society for American Archaeology, Seattle.
- Doyel D.E. 1987. *The Hohokam Village: Site Structure and Organization*. Southwestern and Rocky Mountain Division of the American Association for the Advancement of Science. Glenwood Springs, CO: Colorado Mountain College.
- Duran F.D. 1967. *Historia de las Indias de Nueva Espana e Islas de la Tierra Firme: 2 vols* / Ed. by Angel K. Garibay. Mexico D. F.: Editorial Porrúa.
- Emerson Th.E., Lewis R.B. 1991 (ed.). *Cahokia and the Hinterlands: Middle Mississippian Cultures of the Midwest*. Urbana: University of Illinois Press.
- Feinman G.M. 1997a. *Corporate-Network: A New Perspective on Leadership in the American Southwest* // Paper presented at the 14th annual Visiting Scholar conference, Center for Archaeological Investigations, Southern Illinois University, Carbondale.
- Feinman G.M. 1997b. *Corporate-Network: New Perspectives on Models of Political Action and the Puebloan Southwest* // Paper presented at the Conference Social Theory in Archaeology: Setting the Agenda, organized by Michael B.Schiffer, Snowbird, Utah.
- Fish S., Fish P. 1998. *Power Centers, Power Sources: Pathways to Hohokam Complexity* // Paper presented at the 63rd annual meeting of the Society for American Archaeology, Seattle.
- Flannery K.V. 1983. Precolumbian Farming in the Valleys of Oaxaca, Nochixtlan, Tehuacan, and Cuicatlan: A Comparative Study // *The Cloud People: Divergent Evolution of the Zapotec and Mixtec Civilizations* / Ed. by K.V.Flannery and J.Marcus. N. Y.: 323–338.
- Galloway P. 1989 (ed.). *The Southeastern Ceremonial Complex: Artifacts and Analysis*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Hudson Ch. 1997. *Knights of Spain, Warriors of the Sun: Hernando de Soto and the South's Ancient Chiefdoms*. Athens: University of Georgia Press.
- Johnson G.A. 1989. Dynamics of Southwestern Prehistory: Far Outside Looking // *In Dynamics of Southwestern Prehistory* / Ed. by L.S.Cordell and G.J.Gumerman. Washington: 371–389.
- Kowalewski S.A. 1990. The Evolution of Complexity in the Valley of Oaxaca // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 19: 39–58.
- Kowalewski S.A., Feinman G., Finsten L., Blanton R.E., Nicholas L. 1989. *Monte Alban's Hinterland, Part II: Prehispanic Settlement Patterns in Tlacolula, Etla, and Ocotlan, the Valley of Oaxaca*. Mexico: 2 vols. Memoir № 23. Ann Arbor: Museum of Anthropology, University of Michigan.
- Levy J.E. 1992. *Orayvi Revisited: Social Stratification in an «Egalitarian» Society*. Santa Fe: School of American Research Press.

- Marcus J. 1992. *Mesoamerican Writing: Propaganda, Myth, and History in Four Ancient Civilizations*. Princeton: Princeton University Press.
- Marcus J., Flannery K.V. 1996. *Zapotec Civilization: How Urban Society Evolved in Mexico's Oaxaca Valley*. L.: Thames and Hudson.
- Morley S.G., Brainerd G.W., Sharer R.J. 1983. *The Ancient Maya*. 4th ed. Stanford: Stanford University Press.
- Nassaney M.S. 1991. Spatial-Temporal Dimensions of Social Integration during the Coles Creek Period in Central Arkansas // *Stability, Transformation, and Variation: The Late Woodland Southeast* / Ed. by M.S.Nassaney and Ch.R.Cobb. N. Y.: 177–220.
- Nassaney M.S., Cobb Ch.R. 1991 (ed). *Stability, Transformation, and Variation: The Late Woodland Southeast*. N. Y.: Plenum Press.
- Ortiz A. 1979 (ed). *Handbook of North American Indians*. Vol. 9: Southwest. W.C.Sturtevant, general editor. Washington: Smithsonian Institution.
- Ortiz A. 1983. *Handbook of North American Indians*. Vol. 10: Southwest. W.C.Sturtevant, general editor. Washington: Smithsonian Institution.
- Pauketat T.R. 1994. The Ascent of Chiefs. *Cahokia and Mississippian Politics in Native North America*. Tuscaloosa: University of Alabama Press.
- Peebles Ch.S., Kus S.M. 1977. Some Archaeological Correlates of Ranked Societies. *American Antiquity*. Vol. 42: 421–448.
- Rankin-Hill L. 1997 (org). *Recent Southeastern Bioarchaeological Studies* // Symposium at the 96th annual meeting of the American Anthropological Association, Washington.
- Rice G. 1998. War and Water: An Ecological Perspective on Hohokam Irrigation // *Kiva*. Vol. 63 № 3: 263–302.
- Rushforth S. 1992. *A Hopi Social History. Anthropological Perspectives on Sociocultural Persistence and Change*. Austin: University of Texas Press.
- Sahlins M.D. 1958. *Social Stratification in Polynesia*. Seattle: University of Washington Press.
- Sanders W.T., Parsons J.R., Santley R.S. 1979. *The Basin of Mexico. Ecological Processes in the Evolution of a Civilization*. N. Y.: Academic Press.
- Sharer R.J., Grove D.C. 1989 (ed). *Regional Perspectives on the Olmec*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Smith B.D. 1978 (ed). *Mississippian Settlement Patterns*. N. Y.: Academic Press.
- Spielmann K.A. 1994. The Ancient Southwestern Community. *Models and Methods for the Study of Prehistoric Social Organization* / Ed. by W.H.Wills and R.D.Leonard. Albuquerque: 45–54.
- Upham S. 1982. *Politics and Power: An Economic and Political History of the Western Pueblos*. N. Y.: Academic Press.
- Whalen M.E. 1981. Cultural-Ecological Aspects of the Pithouse-to-Pueblo Transition in a Portion of the Southwest. *American Antiquity*. Vol. 46: 75–92.
- Whiteley P.M. 1992. *Deliberate Acts: Changing Hopi Culture through the Oraibi Split*. Tucson: University of Arizona Press.
- Wilcox D.R. 1996. Pueblo III People and Polity in Relational Context. *The Prehistoric Pueblo World, A.D. 1150–1350* / Ed. by M. A.Adler. Tucson: 241–254.
- Wills W.H., Leonard R.D. 1994 (ed). *The Ancient Southwestern Community: Models and Methods for the Study of Prehistoric Social Organization*. Albuquerque.
- Wolf E.R. 1957. Closed Corporate Peasant Communities in Mesoamerica and Central Java // *Southwestern Journal of Anthropology*. Vol. 13: 1–18.

РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО У МАЙЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА: ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Д. Д. Беляев

В изучении политогенеза и истории раннегосударственных образований данные Нового Света всегда были очень важны. Как и Древний Восток, этот регион демонстрирует один из редких случаев «чистого», спонтанного появления сложных форм социально-политической организации. В последние десятилетия масштабные открытия в области истории и археологии Юго-Восточной Месоамерики во многом изменили наше понимание культурного развития данного региона. Это касается как возникновения сложных обществ, так и их последующего развития.

Особенно значительным представляется подлинный переворот в исследованиях цивилизации майя, связанные с дешифровкой иероглифической письменности в 1952 г. Ю.В. Кнорозовым. Долгий процесс вхождения эпиграфики в круг историко-антропологических дисциплин завершился лишь в 80–90-е годы.

Если в исследовании социально-экономических структур иероглифические надписи неприменимы, то для политической истории и политической организации древнемайяского общества они неоценимы. Ни для одного древнего общества мы не имеем столь великолепной хронологии (с точностью до дня или даже времени суток). Подробные записи о ритуалах, воцарениях и войнах дают полную картину функционирования политических механизмов в классический период (200/250–900/1000 гг. н.э.). Очень важны указанные материалы и для понимания имиджа власти у майя и роли идеологии в раннегосударственных обществах.

Центральная область майя (низменности майя) – обширный регион, включающий в себя юг Мексики (штаты Чиapas, Табаско, Кампече и Юкатан), северные департаменты Гватемалы, Белиз и часть Гондураса. По природным условиям это известняковая низменность (90–200 м над уровнем моря), большая часть территории покрыта влажной тро-

пической растительностью. Главные реки текут на западе (Усумасинта), юге (Пасьон) и востоке (Ондо, Белиз и Мотагуа), в то время как центр составляют заболоченные местности и озера. Центральная область делится на шесть основных регионов: 1) Петен, или Центральный регион (с важнейшими городами Тик'аль, Калак'муль, Вашактун, Наранхо, Мотуль де Сан Хосе, Рио Асуль); 2) бассейн реки Пасьон (Алтар де Сакрифисьос, Дос Пилас, Агуатека, Сейбаль, Арройо де Пьедра, Тамариндито); 3) бассейн Усумасинты, или Западный регион (Паленке, Тонина, Помона, Пьедрас Неграс, Йашчилан, Бонампак, Лаканха); 4) Белиз (Караколь, Альтун Ха, Пусильха, Кольха); 5) бассейн Мотагуа, или Юго-восточный регион (Копан и Киригуа); 6) Юкатан (множество городов на севере одноименного полуострова).

Население принадлежит к майянской языковой семье (майя-киче). Согласно историко-лингвистическим реконструкциям, в I тыс. н.э. здесь господствовали протоюкатекские (север) и проточоланские (юг) диалекты с широкой буферной полосой между ними.

Традиционно в истории цивилизации майя выделяется три периода:

- формативный, или преклассический период (1500 гг. до н.э. – 200/250 гг. н.э.), делящийся на раннюю (1500–1000 гг. до н.э.), среднюю (1000–300 гг. до н.э.), позднюю (300–0 гг. до н.э.) и протоклассическую (0–200/250 гг. н.э.) фазы;
- классический период (200/250–900/1000 гг. н.э.) с ранней (200/250–600 гг. н.э.), поздней (600–850 гг. н.э.) и терминальной (850–1000 гг. н.э.) фазами;
- постклассический период (900/1000–1530 гг. н.э.) с ранней (900/1000–1200 гг. н.э.) и поздней (1200–1530 гг. н.э.) фазами.

В настоящее время среди специалистов распространены две модели политической организации майя в I тыс. н.э. Первая постулирует существование в низменностях нескольких достаточно крупных региональных государств, с административной иерархией из центров 1-го, 2-го и 3-го порядков. Эта гипотеза строится в основном на археологических данных (размеры городов) и «условных чтениях» иероглифических надписей. Наиболее полно она отражена в одной из последних работ Джойс Маркус (Marcus 1993). Призывая создать «модель, основанную на самих древних майя» исследовательница, по нашему мнению, совершает две крупные ошибки. Во-первых, она идентифицирует расцвет социально-политической организации с большим централизованным государством, а во-вторых, использует как образец ситуацию времен конкисты, которая отстоит от классического периода почти на 1000 лет. Подобное исследование должно базироваться на данных эпиграфических текстов. Несмотря на то, что в прошлом Маркус внесла значительный вклад в достижения американской школы «условного

чтения», она не является специалистом по иероглифической письменности. Старые методы 60–70-х годов – произвольное использование отдельных иероглифов без прочтения и вырывание их из контекста, отсутствие реальных чтений надписей – все это на современном уровне развития майянистики не может считаться серьезным анализом. Например, строя свои региональные государства на основании наличия «эмблемных иероглифов» (см. ниже) в текстах различных городов, Маркус поместила Тонина в государство Паленке. Однако надписи из Тонина упоминают индивидуума из Паленке, а не сам этот центр. Как мы постараемся показать ниже, ситуация была прямо противоположной. Точно также нельзя составлять иерархии городов, не учитывая разницу в их истории. Несомненно, Тик'аль гораздо больше Наранхо (Петен), но это, видимо, потому, что он почти в два раза старше.

Питер Мэтьюз (подробнее см.: Mathews 1991) и другие эпиграфисты – Дэвид Стюарт, Стивен Хаустон, Саймон Мартин, Николай Грюбе – придерживаются модели «городов-государств» или «политий», восходящей к исследованиям С. Морли в 1930–1940-е годы. Чтение иероглифических надписей и их исследование вкупе с археологическими данными дает возможность изучать политическую организацию древних майя комплексно: исходя из «идеального образа», заложенного в титулатуре, реконструируя политическую историю и верифицируя полученные выводы с помощью археологии.

Центральная область классического времени представляется разделенной между несколькими десятками политических объединений. Их правители использовали так называемые «эмблемные иероглифы» – специальные титулы, которые означали «священный царь <...> (местности или города)» или « священный <эпитет> царь». Судя по всему, изначально все они мыслились равными. Потеря независимости сопровождалась потерей именно «эмблемного иероглифа», как это произошло, например, с Лаканха (бассейн Усумасинты). После поражения от Йашчилана в 727 г. город превратился в зависимое владение Бонампак'а (ок. 20 км к востоку). С этого времени титул «священный царь Шукалана» перешел к правителям последнего, а правители Лаканха довольствовались лишь эпитетом «он (из) Шукалана». Примечательно, что список Мэтьюза практически полностью совпал со списком городов-государств майя, составленным В.И. Гуляевым в основном по археологическим материалам (размеры центров, царские погребения, монументальная архитектура и скульптура и т.д.).

Как в постклассической Гватемале, знать классического периода называлась *ахауоб* (множ. от *ахау* «владыка, сакральный правитель»), что было отмечено Ю.В. Кнорозовым и Г.Г. Ершовой (Кнорозов, Ершова 1986) и Д. Стюартом (Stuart 1993: 320). Серьезная граница про-

легала между знатью и «священным царем» (*k'uhul ahaw*). Прерогативой использования «эмблемных иероглифов» обладали только члены царского линиджа, включая и дочерей правителя, но передавался он исключительно по мужской линии. Наследники носили титул *ч'ок ахау* – «молодой владыка». Верховный правитель рассматривался как воплощение своих обожествленных предков и сам был сакрализован.

Многочисленные исследования показали существование у майя и более крупных объединений, создаваемых на короткое время путем завоеваний или междинастических союзов (Houston 1993; Grube 1996; Schele and Freidel 1991: 146–159, 165–215). Саймон Мартин и Николай Грюбе (Grube 1996: 10–13) выдвинули гипотезу, которая могла бы совместить позиции Мэтьюза и Маркус. По их мнению, в VI–VIII вв. н.э. практически все крупные города майя были объединены в две гигантские политические иерархии во главе с Тик'алем и Калак'мулем. В этих случаях подчиненные правители не теряли своей автономии и сохраняли «эмблемный иероглиф». Их связь с гегемоном выражалась только титулом *йахау* («его владыка», т.е. вассал) и «санкционированием» их воцарений. Типичный пример такого рода «гегемоний» – история Тонина в начале VIII в.н.э. В 711 г. царь Паленке К'ан Хок' был пленен и, может быть, принесен в жертву. Его постройки в столице были освящены каким-то вельможей, не принадлежавшим к правящей династии, а наследник трона Акуль Анаб (III) не воцарялся вплоть до 722 г. В 715 г. правитель Бонампак'а в своей надписи именуется «вассал К'инич Бакналь Чаака, священного царя Тонина». Итак, после победы над соседним соперничающим городом он подчиняется на 11 лет, а территория до р. Усумасинты (ок. 100 км к востоку) становится временной сферой влияния. Однако уже к концу 720-х годов нет никаких упоминаний о гегемонии Тонина в Западном регионе.

Вопрос о действительных перспективах подобных образований эволюционировать в сторону региональных государств остается открытым, но нам кажется, что не стоит преувеличивать их прочность. Сам титул *йахау* персонален, т.е. описывает отношения между двумя индивидами, а не политическими структурами. Так, например, на Стеле 2 из Арройо де Пьедра (бассейн Пасьон) его правитель назван вассалом умершего 5 лет назад царя Дос Пилас. Также и вышеупомянутые «санкционирования» восхождений на престол не могут считаться признаками какого-то контроля, так как, видимо, отражают лишь определенные градации в магической силе и престиже двух владык.

К сожалению, внутренняя структура политий майя далека от ясности. Наиболее интересные письменные данные происходят из бассейна Усумасинты, в то время как тщательные археологические исследования были проведены на другом краю Центральной низменности – в

долине реки Белиз (Ball and Taschek 1991; Ford 1991). Новая модель поселений была построена на материале междуречья рек Мопан и Макаль в западном Белизе (Ball and Taschek 1991).

Группа маундов – самый нижний элемент иерархии – состоит из 5–20 домовладений и, видимо, соответствует общине. Как правило, она включает в себя резиденции общинных лидеров (**группы с площадками**). Это отдельно стоящие приподнятые платформы с четырьмя или более зданиями. Ассоциированные артефакты (керамика, морские раковины и др.) указывают на более высокий статус их обитателей по сравнению с остальными общинниками.

Группа с площадью – следующий уровень – отличаются большими размерами и обработанностью. Они могут встречаться как в сельской местности, так и в составе городов. Доступ в них ограничен, погребальная практика фактически идентична с общинной, хотя демонстрирует большую роскошь.

Регально-жилой центр – изолированный дворцовый или акропольный комплекс, расположенный в сельской местности. Авторы характеризуют их как архитектурно и пространственно замкнутые, сочетающие «социоцеремониальную, погребальную и посвятительную активность» (Ball and Taschek 1991: 151). Наряду с элитой здесь проживало и обслуживающее ее зависимое население, но значимый «пригород» отсутствовал. В противовес центр общности в долине Мопана – Макаля Бузнависта-дель-Кайо представляется настоящим многофункциональным городским центром (**регально-ритуальный центр**). Около 7% его общей площади было отведено ремесленной деятельности, включая элитарное парадное и бытовое городское производство. В двух последних типах поселений отмечаются специальные здания с возможными административно-организационными функциями.

Схожую картину демонстрируют и соседние области – Эль-Пилар, Бэкинг Пот, Пакбитун, Лас-Руинас-де-Ареналь (Ball and Taschek 1991: 150–157). Скорее всего, это были территориальные, а не политические единицы, и некоторые из них входили в состав царства Наранхо (город расположен к западу от долины), как свидетельствуют надписи на полихромных вазах, найденных в одном из погребений в Бузнависте. Текст на парадном блюде из Холмуля (к северу от Наранхо) также сообщает, что во 2-й половине VIII в. он управлялся сыном правителя Наранхо. Наранхо, Холмуль и Бузнависта составляют единую керамическую группу. Каждый из них демонстрирует собственную «дворцовую» школу, но в пределах общей традиции. Похоже, что на востоке Петена подчиненные владетели не имели права воздвигать свои монументы, а их связи с верховным правителем отражаются только в полихромной керамике.

Социально-экономическая структура царства Наранхо была достаточно сложной и своеобразной. Сходство находок в группах с площадками и группах с площадями показывает, что общинная верхушка и второстепенная элита были очень близки по своему положению. Например, такой «престижный» материал, как обсидиан в области Эль-Пилара встречается в 56% всех домовладений, а в долине реки этот показатель еще выше – 78%. Элита продолжала контролировать торговлю и обработку обсидиана – специализированный комплекс по обработке камня Эль-Латон располагался в 4,5 км к югу от Эль-Пилар и был связан с элитной резиденцией. В противовес, модель производства кремневых орудий очень децентрализована. Неоконченные ядра и молоты наиболее часты в полосе холмов, где очень редки постройки дворцового типа. Видимо они производились на домашнем уровне мастерами, не занятыми в ремесле полностью (Ford 1991: 37,42). Аналогичная картина наблюдается и в керамической индустрии – все специализированные мастерские существовали только в крупных центрах и были связаны с изготовлением парадной полихромной посуды для нужд элиты. В быту остального общества использовалась керамика, производимая в общинах (Ball 1993: 258–266). Все эти данные соответствуют построенной Пруденс Райс (1987) модели децентрализованной системы, где центральная власть контролирует лишь «престижный» сектор экономики. В «бытовом» секторе не было профессиональных ремесленников, организованных поквартально или иерархического распределения продукции. Главная роль исполнялась, очевидно, местным обменом и сетями родственных связей (Rice 1987: 76–80).

Таким образом, на востоке Центральной области майя выделяется крупное политическое объединение с центром в Наранхо, состоявшее из 6–7 «областей» общей площадью около 4000 км². В нем выделяется пятичленная иерархия поселений с тремя «центральными поселениями» между столицей и локальными общинами. По-видимому, по крайней мере два элемента этой иерархии – регально-жилые центры и группы с площадями – не связаны с «естественным» возрастанием сложности политической организации. Группы с площадями не имеют достаточно места, чтобы разместить окрестное население во время ритуальных праздников, и вся их церемониальная архитектура предназначена для отправления культа предков только одной большой семьи. Следовательно, они никак не могли претендовать на роль ритуально-политического центра округа и выполняли исключительно административные функции.

Территориальные общности долины Белиза больше всего походят на «натуральные» простые вождества. Мы видим эволюцию Наранхо от такого вождества через объединение соседних областей в середине VI в. (сложное вождество) к раннему государству. Свидетельство слож-

ной социально-политической организации – это первые иероглифические надписи и сооружение нового акропольного комплекса. Вначале новое образование выступило как вассал Калак'муля в его борьбе с Тик'алем, а в 590–630 гг. – как новый претендент на гегемонию в Петене. В это время была создана новая династическая история, высеченная на Алтаре 1. Официальным предком царского линиджа был провозглашен «Черный Пекари?», который спустился с небес в 21469 г. до н.э. Один из его преемников в 259 г. до н.э. основал город Машам (Наранхо). Все эти изменения были проведены во время долгого правления Ах Са... (2-я пол. VI в.). Новая «историческая концепция» была подчеркнута двойной генеалогической традицией – этот правитель именуется одновременно 9-м и 35-м наследником основателя династии. После поражения в войне с Караколем (Южный Белиз) в 626–637 гг. вожди долины Белиза, видимо, вернули свою независимость и в Буэнависте и Лас-Руинас наблюдается временный локальный расцвет. Возрождение Наранхо в конце VII в. сопровождалось расширением его территории и установлением новой политико-административной иерархии.

Другой важный регион Центральной области майя – бассейн реки Усумасинты. В модели Джойс Маркус он состоит из двух региональных государств – Паленке и Йашчилан / Пьедрас Неграc. Такое деление действительно отражает существование двух физико-географических зон (долины Усумасинты и юго-западного субрегиона), но оно никак не связано с политической организацией классического периода. Эпиграфические работы показали, что регион был поделен между несколькими политиями, которые временами объединялись в непрочные иерархии, но чаще оставались независимыми.

Поздняя традиция относила основание местных правящих династий к IV–V вв. н. э., но первые надписи и монументальная архитектура относятся только к VI–VII вв. Основная особенность письменных источников городов Усумасинты – чрезвычайное влияние к нецарской знати. П.Мэтьюз, Д.Стюарт и С.Хьюстон выделили три основные категории этой социальной группы: *сахаль*, *ах к'улна* и *анаб* (Stuart 1993: 329–332).

Наиболее интересен титул *сахаль*. Его обладатели действуют практически как верховные цари – они восходят на трон, проводят ритуалы, воюют и т.д. Мы знаем о восьми «восседаниях» или «вхождениях» в *сахалиль* (*сахальство*): 1) Эль Кайо (689, 729, 764 и 772 гг.) и неизвестный город в государстве Пьедрас Неграc; 2) Лаштунич (786 г.) в государстве Йашчилана; 3) Лаканха (743 г.) в ареале Бонампак'а. Все это показывает, что *сахалооб* (мн. число от *сахаль*) были подчиненными владетелями. Но какова была их связь с верховным правителем?

Было проанализировано 32 иероглифических текста из областей Ньедрас Неграс, Йашчилана и Бонампак'а. Основной целью было определить функции лиц, носивших титулы *сахаль*, *ах к'улна* и *анаб*, и характер их отношений со «священным царем» и между собой. Наиболее часто упоминаются *сахалооб* (74%). Согласно источникам, они существовали не только в трех данных объединениях, но и во многих соседних. Затем идут *анабооб* (15%) и *ах к'улнаооб* (11%). Так как все они употребляются в посессивных конструкциях «его <титул>, священного царя», то ясно, что они ниже, чем верховный правитель. Как и титул царя, они могли наследоваться только по мужской линии.

Функции *сахалья* – это точная копия царских, но в уменьшенном масштабе, в то время как *анаб* и *ах к'улна* в основном сопровождают своего повелителя. Очень часто они являются скульпторами, высекавшими изображение и надпись. Это подтверждает, что *сахалооб* были подчиненными областными правителями; некоторые из них имели право воздвигать собственные монументы и другие привилегии. Разница с вассалами – *yahawoob* очень значительна: не существовало понятия «вассалитет» и они продолжали оставаться священными царями своих городов.

Ранг провинциальных владетелей мог наследоваться – мы знаем о подобных династиях в Эль Кайо (ок. 650 – 729 н.э. и 764 – ок. 800 н.э.) и Лаканха (ок. 730 – ок. 760 н.э.). Какова была в данном случае степень контроля верховного правителя? О. Чинчилья и С. Хьюстон считают, что происходила их одновременная смена, которая могла быть приурочена к очередному воцарению. Кроме того, эти посты не были пожизненными – например, в Эль Кайо Чаак Тун умер в 732 г., через 4 года после новой инвеституры (Chinchilla, Houston 1992: 66–68). В сообщениях о своих восхождениях на трон областные правители всегда упоминают «сюзеренов» через формулы «его *сахаль*» или «его покровительство». В упомянутом выше случае с Лаканха мы видим пример непосредственного формирования крупного объединения: после военного поражения центр попадает под власть одного из соседних городов, и его цари становятся второстепенными владетелями.

Сахалооб классического периода очень напоминают правителей постклассического Юкатана (*батабооб*). Однако если для поздней системы правомерно сказать, что *батаб* был ключевой фигурой, то это полностью неприемлемо для городов долины Усумасинты VII–VIII вв. Здесь титул и пост областного правителя не существовал отдельно, он всегда связан со «священным царем». Думается, что этот институт был в значительной мере искусственен для политической организации древних майя. Он появился лишь в позднеклассическое время, частично вытеснив многочисленных «вассалов» более раннего периода, и суще-

ственно изменил структуру власти, которая ранее состояла из объединений независимых политий различной прочности. Появление специального термина для второго уровня политической системы свидетельствовало о переменах в идеальной модели власти и ее имидже. Отражением этих процессов могут служить данные пространной надписи на Притолоках 60, 49, 37 и 35 из Йашчилана (Tate 1992: 170; СМНІ 3: 103, 105, 107). Возможно, это была летопись дипломатических визитов в Йашчилан из других городов. Первые 7 йашчиланских владык (320 - ок. 470) имели дело непосредственно с правителями, 8-й, 9-й и 10-й – с их послами *йахпооб* (= *йахауооб*). Никто в этом вписке не назван *сахаль*, они впервые упомянуты в долине Усумасинты только после кратковременного перерыва в записях 2-й половины VI – начала VII в. В данном примере очевидна замена фактически независимых вассалов на контролируемых областных правителей.

Сущность титула *анаб* до сих пор неясна. Мы знаем лишь, что он мог принадлежать знатным мастерам и входить в титулатуру региональных владетелей. Что же касается *ах к'улна*, то мы согласны с его пониманием как «придворный» (Houston 1993: 130–131). В Пьедрас Неграс один из его носителей (Панель 3) был слугой или наставником двух юных принцев, придворный из Йашчилана или Паленке был взят в плен ок. 625 г. (Стела 26). В Тонина двое придворных выступали свидетелями ритуала, проведенного царем, сами не принимая в нем участия. Вся сфера действия *ах к'улнаооб*, как правило, ограничена дворцом и ассоциированными обязанностями. Использование членов дворцовой иерархии в специальных случаях – это черта, свойственная всем раннегосударственным образованиям.

В VII–VIII вв. н.э. политические объединения бассейна Усумасинты состояли из нескольких областей, управляемых иерархически организованным административным аппаратом. Их центры совпадают с **регально-ритуальными центрами** царства Наранхо, однако иероглифические тексты не упоминают нижние элементы административной системы, контролировавшие общины. Параллельно существовала дворцовая иерархия, представленная титулами *ах к'улна* и, может быть, *анаб*. Например, Пьедрас Неграс контролировал от 4 до 6 таких областей, из которых пока идентифицирован только Эль Кайо. Кроме того, была еще одна политическая структура. Спутник наследника, изображенный на вышеупомянутой Панели 3, Чаак Мо' через 30 лет упомянут как полководец и носит титул «царь Тултуна». Видимо, он был царем одного из подчиненных городов, так как принадлежал к боковой линии династии. Таким образом, политическая организация Пьедрас Неграс представляла собой соединение трех элементов – «протобюрократического» аппарата назначаемых правителей, родовых структур и дворцовой иерархии.

Подводя итоги, мы определили бы социально-политическую систему майя классического периода как раннее государство. Раннее государство мы понимаем как один из возможных вариантов эволюции постпервобытных обществ, необязательно ведущий к государству зрелому. Более вероятно, что это параллельные пути, различающиеся в соотношении территориального и родового принципов в структуре социума. Подобная интерпретация основана на идеях Х.Классена и П. ван де Вельде (1987) и Д.М.Бондаренко (1997). Общество майя характеризуется: 1) сложным центральным политико-административным аппаратом; 2) сложной социальной стратификацией; 3) контролем элиты над торговлей и обработкой престижных товаров; 4) преобладанием в остальных секторах социально-экономической подсистемы линиджей и других родственных групп. Но мы не имеем возможности для более детальной характеристики: с одной стороны, высокий уровень развития архитектуры, скульптуры и письменности сближает майя с типичными или даже переходными ранними государствами, а с другой – социально-экономическая организация более близка к зачаточному типу. До тех пор, пока не будет определено, какие факторы – политические или социально-экономические – более важны в классификационной схеме, эту проблему решить невозможно.

Проанализированные выше политики майя представляют обычный путь эволюции простое вождество – сложное вождество – раннее государство. Главные индикаторы этого процесса мы видим в монументальной архитектуре и иероглифической письменности – их появление, по нашему мнению, совпадает с переходом на уровень сложного вождества, а их институализация – с оформлением раннегосударственной организации. Согласно иероглифическим и археологическим данным, этот процесс напоминал аналогичный в Оахаке – консолидация и централизация власти началась на верхних уровнях системы и затем были распространены на нижние элементы (Kowalewski et al. 1995: 133).

Существует значительная разница между майя и африканским Бенином, который представляет другую линию эволюции общин и вождеств – мегаобщину (Бондаренко 1995). У майя верховная власть не имитирует традиционные общинные формы, а наоборот, начинает реструктуризировать общество по своему подобию. Второстепенные центры копируют столицу со всеми ее специфическими чертами; второстепенные правители организованы как «священные цари». Как правило, подобное «проецирование» идеальной модели власти характерно для более развитых социумов (см., например: Калашников 1997) и наличие подобного культурного механизма у майя очень примечательно. Также Д.М.Бондаренко (1995: 95–96) отмечает, что в мегаобщине может

быть только один полноценный город, а остальные протогородские центры после поражения в борьбе возвращаются в исходное состояние. В поселенческой модели классического периода два типа памятников – столицы и регально-ритуальные центры (областные центры) – принадлежат к данной категории.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко Д.М.** 1995. *Бенин накануне первых контактов с европейцами: Человек. Общество. Власть*. М.: Ин-т Африки.
- Бондаренко Д. М.** 1997. *Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной Африке*. М.: Ин-т Африки.
- Гуляев В.И.** 1979. *Города-государства майя: Структура и функции города в раннеклассовом обществе*. М.: Наука.
- Калашиников Н. Г.** 1997. Архитектура города Видное как проекция идеальной модели власти // *Мир власти: Традиция. Символ. Миф: Материалы Российской конференции молодых ученых*. М.: РГГУ.
- Кнорозов Ю.В., Ершова Г.Г.** 1986. Надписи майя на керамических сосудах // *Древние системы письма: Этническая семиотика*. М.: Наука. С. 114–151.
- SMNI – *Corpus of Maya Hieroglyphic Inscriptions*. Cambridge, 1979 – 1984. Vol. 2–3.
- Ball J.W.** 1993. Pottery, potters, palaces, and politics : Some socioeconomic and political implications of Late Classic Maya ceramic industry // *Lowland Maya civilization in the eighth century A.D.* Washington: 243–272.
- Ball J., Taschek J.** 1991. Late Classic Lowland Maya political organization and central-place analysis // *Ancient Mesoamerica* Vol.2. № 2: 149–165.
- Claessen H.J.M., Velde P. van de** 1987. Introduction. *Early state dynamics*. Leiden and N. Y.: 1–23.
- Chinchilla O., Houston S.D.** 1992. Historia politica de la zona de Piedras Negras: Las inscripciones de El Cayo. *VI Simposio de yInvestigaciones arqueologicas en Guatemala*. Guatemala: 63–70.
- Ford A.** 1991. Economic variations of Ancient Maya residential settlements in the upper Belize River area. *Ancient Mesoamerica*. Vol. 2. № 1: 35–46.
- Grube N.** 1996. Palenque in Maya world. *Eighth Palenque Round Table, 1993*. San Fransisco: 1–13.
- Houston S.D.** 1993. *Hieroglyphs and history at Dos Pilas: Dynastic politics of the Classic Maya*. Austin.
- Kowalewski S.A., Nicholas L., Finsten L., Feinman G.M., Blanton R.E.** 1995. Regional structural changes from chiefdom to state in the Oaxaca valley, Mexico. *Alternative pathways to early state*. Vladivostok: 93–99.
- Marcus J.** 1993. Ancient Maya political organization. *Lowland Maya civilization in the eighth century A.D.* Washington, D.C.: 111–183.
- Mathews P.** 1991. Classic Maya Emblem Glyphs // *Classic Maya political history: Hieroglyphic and archaeological evidence*. Cambridge: 19–29.
- Rice P.M.** 1987. Economic change in the Lowland Maya Late Classic period // *Specialization, exchange and complex societies*. Cambridge: 76–85.
- Schele L., Freidel D.** 1991. *A forest of kings: Untold story of the Ancient Maya*. N. Y.
- Stuart D.** 1993. Historical inscriptions and the Classic Maya collapse // *Lowland Maya civilization in the eighth century A.D.* Washington: 321–354.
- Tate C.** 1992. *Yaxchilan: A design of ancient Maya ceremonial city*. Austin.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ГОСУДАРСТВУ

- 11 *«Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории (постановка проблемы)*
- 12 *Особенности адаптаций охотников-собирателей в полупустынных зонах: эгалитаризм как эволюционная альтернатива*
- 13 *«Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе*
- 14 *Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество*
- 15 *Еще раз о горизонтальных и вертикальных связях в структуре среднемасштабных обществ*
- 16 *Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена)*
- 17 *Государство и администрация в «Артхашастре» Каутильи*
- 18 *Общество Райбуна*



«ГОМОЛОГИЧЕСКИЕ РЯДЫ» СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ ГОСУДАРСТВУ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ (постановка проблемы)¹

Д. М. Бондаренко

В последнее время все чаще высказывается мнение, что политогенетические исследования оказались в тупике. Не могу не согласиться с этим. Как мне представляется, найти выход из этого методологического тупика позволяет отказ от признания государства универсальной формой политической организации постпервобытного общества. «Обратный эффект» такого шага также окажется теоретически значимым: первобытность предстанет характеризуемой не отсутствием государства, а локальностью политической и социальной организации, картины мира людей, словом, культуры в целом в самом широком значении данного понятия. Выход за рамки первобытности связан с преодолением локальности во всех подсистемах социокультурного организма – общества; в сфере социально-политической организации – с появлением надобщинных структур и институтов.

Признание же идеи неуниверсальности государства в мировой истории возможно только при открытом или неявном принятии другой идеи, более общей – о неоднолинейности социальной эволюции. Отталкиваясь от нее, можно по-новому взглянуть на имманентную методологическую контрверзу антропологической (и во многом – культурологической, исторической) науки: соотношения общего и особенно, универсального и уникального, стадийного и цивилизационного в социумах и культурах, в их базовых, метафизических основаниях и

¹ Автор признателен докторам исторических наук И. В. Следзевскому (Институт Африки РАН) и А. В. Коротаеву (Российский государственный гуманитарный университет) за чрезвычайно полезное обсуждение многих положений данной работы. В то же время все ее недочеты целиком лежат на совести автора.

претерпеваемых трансформациях. Одним из аспектов этой глобальной проблемы, по сути, и является вопрос о единстве или множественности путей, ведущих за пределы первобытности, инвариантности или вариативности форм социальной и политической организации постпервобытных обществ.

Эволюционистам всегда было свойственно сравнивать социальную эволюцию и биологическую, каковой последняя виделась Ч. Дарвину. Но, не отрицая, а наоборот, в развитие эволюционистских идей в обществоведении, можно также попытаться провести аналогию и с иным великим открытием в области биологии – с гомологическими рядами Н.И. Вавилова: есть основания предположить, что одинаковый уровень сложности социально-политической (и культурной) системы, позволяющий решать равные по трудности задачи, встающие перед социумами, может достигаться не только в разнообразных формах, но и на существенно различных эволюционных путях.

Неоэволюционистская идея «общей и специфической эволюции», внедренная М. Салинзом и призванная решить ту самую «проклятую» проблему соотношения общего и особенного в истории, обществе и культуре (Sahlins 1960), не дает ничего принципиально нового по сравнению с классическим эволюционизмом и марксизмом. За идеей «общей эволюции» по-прежнему, как и в эпоху классического эволюционизма XIX – начала XX вв., стоит телеологическое однолинейное видение социокультурной истории человечества, в рамках которого расхождения между обществами и группами обществ выглядят не более чем локальными вариантами, различающимися по форме, но тождественными по содержанию. Опять же только представление об эволюции как неоднородном процессе может обозначить выход из этого тупика.

Как известно, до последнего времени считалось само собой разумеющимся, что именно возникновение государства (в марксистской теории – и классов) знаменует завершение первобытной эпохи и альтернативы государству не существует. Все безгосударственные общества объявлялись догосударственными, стоящими на одной-единственной эволюционной лестнице ниже государственных. Ныне эти постулаты уже не выглядят столь неопровержимыми. В частности, П.Л. Белков в одной из своих статей призывает признать наличие государства лишь в буржуазных Европе и европеизированных регионах Нового и Новейшего времени – начиная с XV–XVI вв. (1995: 178–182). А.В. Коротаев убедительно показал в недавно опубликованных монографиях, что безгосударственные общества могут не уступать государственным по уровню сложности и эффективности социально-политической организации (Korotayev 1995; Korotayev 1996; Korotayev 1997). Проблема су-

ществования *безгосударственных*, но и *непервобытных* (т.е. принципиально «*без-*», а не «*догосударственных*») обществ – альтернатив государству как якобы неизбежно складывающейся в постпервобытную эпоху форме социально-политической организации, безусловно, не только заслуживает внимания, но и «созрела» для четкого осознания и формулирования в целях ее последующего решения.

Пример с альтернативами государству показывает, что одинаковый стадийный уровень – уровень сложности системы, позволяющий обществам решать схожие задачи и проблемы, – достижим на существенно различающихся путях эволюции, возникающих одновременно с человеческим обществом и множасьихся по мере его социокультурного продвижения (Павленко 1996: 229–251). Таким образом, человеческие сообщества в стадийном плане могут быть сопоставимы не только по вертикали, но и по горизонтали, находясь на одной или разных эволюционных лестницах, сравнимых друг с другом по тому самому принципу, который в биологии и называется законом гомологических рядов.

В то же время все многообразие путей эволюции в первом приближении можно свести к двум принципиально различным группам гомологических рядов, ибо любое общество строится по принципу иерархическому (вертикальному) или же неиерархическому (горизонтальному). Это фундаментальное различие между социумами, в том числе стадийно одноуровневыми, проходит на всем протяжении истории человечества от неэгалитарных и эгалитарных раннепервобытных сообществ (Артемова 1991) до современных тоталитарных монархий и республик. Принцип организации общества определяет его общий облик – культуру в широком смысле слова, – влияет абсолютно на все его подсистемы: социальную структуру, экономические связи, политическую организацию и характер взаимоотношений человека и власти, на особенности его менталитета и картины мира. Он оказывает также существенное воздействие на форму и содержание художественных артефактов.

Ранние постпервобытные социумы дают в высшей степени показательный и чрезвычайно многообразный материал для подтверждения этой мысли и ее дальнейшей аргументации и развития. Относясь в целом к одной стадии политогенеза (которая в данном случае понимается как эпоха становления сложной [надлокальной – непервобытной] социально-политической организации в любой ее форме, а не только как эпоха возникновения государства), такие общества представляют различные ее фазы, в каждой из которых наличествуют и иерархически, и неиерархически организованные равноуровневые варианты¹. Можно выделить,

¹ Наибольшая заслуга в постановке проблемы горизонтальной и вертикальной организации обществ на стадии политогенеза и изучении ее отдельных конкретно-истори-

по меньшей мере, три или даже четыре такие пары: вождество – племя, сложное вождество – союз племен, мегаобщина – полис² и, вероятно, раннее государство – союз полисов. При этом, если того требует ситуация (экологическая или историческая), в целях лучшей адаптации к ней, возможен переход не только на новую стадию или фазу, но и с одной эволюционной лестницы на другую, в том числе и на ступень, аналогичную (подобную) той, с которой осуществляется переход. Например, от вождества к племени, что показал А.В.Коротаев (Korotayev 1995; Korotayev 1996; Коротаев 1996; Коротаев 1997), или от буржуазной монархии к республике. Эволюция в дарвиновском (для антропологии можно сказать «спенсеровском») смысле слова, – как движение от низшего к высшему – в данном случае не происходит, но имеет место внутренняя трансформация всех подсистем социума, их реорганизация при сохранении прежнего уровня сложности системы в целом.

Иерархические и неиерархические общества, по крайней мере на стадии политогенеза, различаются соотношением родственного и территориального начал в их организации, что в свою очередь (как можно предположить) связано в числе прочего с типом общины – универсального субстратного социального института³, – господствующим в них. Для иерархических обществ характерна община большесемейного типа, в которой социальные связи ярко выражены вертикальны, будучи облечены в форму родственных отношений (старший – младший). Обществам же неиерархическим свойственна территориальная община, где социальные связи горизонтальны и воспринимаются как соседские, равноправные. Поскольку надлокальные социально-политические структуры и институты вырастают из субстратных, общинных (см.: Бондаренко 1995а: 183–194, 295 прим.3), именно тип последних во многом и определяет характер складывающегося постпервобытного социума, базовый принцип его организации.

Кроме того, иерархические и неиерархические общества (во всяком случае ранние первобытные) отличаются друг от друга способом их формирования, т.е. интегрирования локальных социумов в единый

ческих аспектов на сегодняшний день, несомненно, принадлежит Ю.Е. Березкину (см. его недавние работы: Березкин 1995а; Березкин 1995б) и А.В. Коротаеву (см., например: Коротаев 1995а; Коротаев 1995б; Коротаев 1996). Однако попыток общей типологии и серьезного теоретического решения обозначенной проблемы до сих пор не предпринималось.

² О понятии «мегаобщина» и его содержании см.: Bondarenko 1994; Бондаренко 1995а: 276–284; Бондаренко 1995б; Бондаренко 1996. О полисе как негосударственной форме социально-политической организации и ее пространственно-временной неограниченности античной Европой см.: Коротаев 1995б.

³ Об изначальной универсальности общины для первобытного общества см.: Кабо 1986.

надлокальный социальный организм. Иерархические общества формируются главным образом насильственно (иерархия устанавливается в результате подчинения более слабых компонентов возникающего сложного общества более сильным), а социумы неиерархические – преимущественно мирно. В последнем случае объединение компонентов сложного общества осуществляется на добровольной и более или менее равноправной основе путем синойкизма. Примером может служить социально-политическая история греческих полисов или Швейцарской конфедерации (Коротаяев 1995б). Только на этом эволюционном направлении оказывается возможным становление гражданского общества.

Выбор эволюционной лестницы, по которой на следующем этапе своего исторического пути пойдет данное общество, в решающей мере – следствие всесторонней адаптации социума к внешним условиям его существования, к среде, причем не только естественной, но и социоисторической. Среда также определяющим образом воздействует на выявление стадийного потенциала общества, пределов его стадийного продвижения. Нет никакой предзаданности, неизбежности перехода, например, от раннего государства к зрелому⁴. Среда задает и оптимальный тип социально-политической организации общества – форму, в которую облекается внутренняя динамика природно-этносоциокультурного организма, пребывающего в непрерывном взаимодействии с тем, что находится вне его.

Одним из ключевых понятий, способных помочь в выявлении сущностных оснований обществ и их систем – цивилизаций, – думается, может стать «тип цивилизационного развития». В глобальном плане таких типов, соответствующих возможным принципиально различным способам взаимодействия со средой, очевидно, два (см.: Бондаренко 1992: 30; Бондаренко 1995в: 19–21; Бондаренко 1997: 18–24). Один – трансформационный, при котором воздействие на среду, воспринимаемую как нечто отделенное от человека, осуществляется как бы извне, посредством ее сознательного изменения, преобразования, ломки. Другой – адаптационный, предполагающий стремление вжиться в среду, воздействовать на нее как бы изнутри, оставаясь ее частью. В то же время в «генотипе» любого общества неизменно наличествуют и трансформационные, и адаптационные черты. Более того, в отдельные моменты истории в обществах в целом адаптационного типа развития могут ярко проявиться черты трансформационные и наоборот.

⁴ Более того, создателям и сторонникам концепции раннего государства такой переход справедливо представляется не правилом, а исключением из него (Claessen, van de Velde 1987: 20 *et al.*).

Таким образом, правильнее говорить о преимущественно трансформационном и преимущественно адаптационном типах цивилизационного развития, его путях. В каждом обществе они пересекаются с путями его стадийного продвижения, воздействуя на формы реализации последнего. В частности, можно предположить, что неиерархические типы социально-политической организации чаще встречаются в обществах трансформационного типа цивилизационного развития, хотя жесткой корреляции здесь не наблюдается.

Адаптационный тип развития⁵ реализуется в природно-климатических условиях, либо особенно благоприятных для жизнедеятельности человека (т.е. когда нет социально-экологического кризиса, отсутствуют стимулы для быстрой трансформации социума⁶: простой адаптации в этом случае оказывается достаточно для безбедного существования), либо же, наоборот, в особо тяжелых условиях – когда возможностей общества едва хватает для адаптации, на которую уходит к тому же много исторического времени.

Трансформационный тип в полной мере реализуется в условиях природно-климатического оптимума. Такие условия существовали лишь в Европе, за исключением крайнего севера этой части света. Здесь трансформационный тип развития на всем протяжении исторического времени реализовывался без решающего воздействия извне (естественно, при большей или меньшей активности адаптивной тенденции в ту или иную эпоху). Условия в Европе были достаточно суровы, чтобы создавать стимулы к трансформации, и достаточно мягки, чтобы предоставлять для этого возможности⁷.

Что касается других частей света, то даже в первичных центрах становления производящего хозяйства, таких как Передняя Азия или Юго-Восточная Азия и Южный Китай, условия оказались все же не столь идеально благоприятными для бесповоротного утверждения составлявших их обществ на трансформационном пути развития. Возможно, это касается и центров самостоятельного возникновения производящего хозяйства в Центральной и Южной Америке. Не оказался необрати-

⁵ Это установили еще географы античности, затем вновь – мыслители эпохи Возрождения, а наиболее четко выразили в XIX в. Г.Т. Бокль и Г.В.Ф. Гегель (Бокль 1906: 17–18; Гегель 1935: 76).

⁶ Э.Хантингтон назвал это явление «принципом нежелания работать при высоких температурах» (Huntington 1947: 269).

⁷ В современной философии более широко эта проблема формулируется следующим образом: «Подлинно человеческую производительную, творчески созидательную деятельность порождают не непосредственно потребности субъекта, а противоречие между ними и условиями их удовлетворения» (Дидковский 1986).

мым и поначалу трансформационный путь развития великих древневосточных обществ (Оппенгейм 1990: 26–27), со временем перешедших на адаптационный путь.

Встает также вопрос о том, как соотносятся эволюция и прогресс. Если рассматривать прогресс в том смысле, который вкладывался в это понятие изначально, с века Просвещения, – как увеличение степени нравственности Человека, – то прогресса, наверное, и вовсе не существует. Но стоит ли отказываться от этого понятия вообще (а такие призывы иногда раздаются)? Опять же, если встать на однозначно антропоцентрическую, этическую позицию, то да. Однако если попытаться придать ему позитивный, строго научный, социологический характер, то можно и даже нужно его сохранить: ведь абстрагируясь от вопроса о том, когда жить было лучше – во времена деревянного плуга или в эпоху тракторов и комбайнов, нельзя не признать изменения. Причем в сторону повышения различных количественных, а не только действительно релятивных качественных показателей: объективного нарастания от фазы к фазе, от стадии к стадии внутренней системной сложности находящихся на них обществ, объема производства, расширения коммуникативной сети и т. д.

При этом не следует всецело отождествлять прогресс с эволюцией по Дарвину–Спенсеру, т. е. с продвижением от низшего к высшему. О прогрессе в его объективном, позитивном понимании, думается, можно говорить в двух аспектах: стадильном и цивилизационном. Критерии последнего релятивны: каждая цивилизация в этом смысле имеет свое направление и свои критерии прогресса и «прогрессивности», заключающиеся во все более полном раскрытии ее сущностных характеристик, черт, свойств, т. е. не во внешних, «этнографических» изменениях, к которым цивилизационное развитие напрямую не ведет, а в совершенствовании ее, по выражению А. Л. Кребера, «стиля» (Kroeber 1957). При осуществлении цивилизационного анализа выявление динамики от низшего к высшему возможно лишь для отдельной цивилизации, но не в глобальном масштабе.

Отождествление прогресса с эволюцией в изначальном ее понимании видится неверным в силу еще одной причины. Прогресс как понятие семантически и аксиологически, по сути, синонимичен улучшению; в отношении обществ – повышению степени их адаптированности к естественной и социоисторической среде. Но не всегда переход на более высокую ступень эволюционной лестницы способствует этому, т. е. представляет собой факт прогрессивный. Достаточно вспомнить, к чему привел переход от феодализма к капитализму с сопровождавшими его попытками ответить на глобальный вызов модернизации в России, – в

конечном счете к событиям 1917 г. В то же время иногда движение вниз по стадияльной лестнице, наоборот, оказывается на самом деле явлением подлинно прогрессивным, подобно так называемому «послемикенскому регрессу» в Греции, подготовившему рождение полиса (см.: Андреев 1985). То есть прогрессивное развитие не обязательно означает переход на более высокую стадию, оно не всегда есть эволюция в ее изначальном понимании.

Однако современные основания теории эволюции, заложенные в биологии А.Н.Северцовым (1939), очевидно, требуют включения в понятие социальной эволюции и случая нисходящего движения. Другими словами, эволюцию следует представлять не только не однолинейной, но и, опять вопреки изначальным взглядам, не однонаправленной – «снизу вверх». Более того, не только спуск по эволюционной лестнице, но и топтание на одной и той же ступени может рассматриваться как явление эволюционное, если именно таким образом данное общество в тех условиях, в которые оно поставлено природой и историей, оптимальным образом поддерживает свое существование.

В данной небольшой работе мною даже не были обозначены многие аспекты проблемы. Но я и не ставил перед собой такую задачу. Свою цель я видел в том, чтобы наметить возможность вывода политогенетических исследований из тупика через недвусмысленный отказ от постулата о государстве как о якобы единственной и высшей постпервобытной форме социально-политической организации. Свою задачу я видел также в том, чтобы определить пока еще максимально широкую теоретическую канву, способную обрамлять те идеи, к развитию и тщательной научной разработке которых, в том числе на материалах конкретных социумов, я призвал, отнюдь, повторяю еще раз, не претендуя на лавры человека, которому они первому пришли в голову: как говорил Эдуард Мейер, «идеи имеют крылья».

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Ю.В. 1985. К проблеме послемикенского регресса // *Вестник древней истории*. № 3: 3–29.
- Артемова О.Ю. 1991. Эгалитарные и неэгалитарные первобытные общества // *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Отв. ред. А.В.Коротаев и В.В.Чубаров. М.: Институт Истории СССР АН СССР. Т. I.: 44–91.
- Белков П.Л. 1995. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термин? // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В.А.Попов. М.: Наука: 165–187.
- Березкин Ю.Е. 1995а. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В.А.Попов. М.: Наука: 62–78.

- Березкин Ю.Е. 1995б. Модели среднemasштабного общества: Америка и древнейший Ближний Восток // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н.Н.Крадин, В.А.Лынша. Владивосток: Дальнаука: 94–104.
- Бокль Г.Т. 1906. *История цивилизации в Англии*. СПб.: Сабашников. Т. 2.
- Бондаренко Д.М. 1992. Естественная среда и цивилизации // *Природа. Людина. Етнос*. Луцьк: ЛІІ. Ч. I. 29–30.
- Бондаренко Д.М. 1995а. *Бенин накануне первых контактов с европейцами: Человек. Общество. Власть*. М.: Институт Африки РАН.
- Бондаренко Д.М. 1995б. Мегаобщина как вариант структуры и типа социума: доколониальный Бенин // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н.Н.Крадин, В.А.Лынша. Владивосток: Дальнаука: 139–150.
- Бондаренко Д.М. 1995в. Цивілізації: роль природного та історичного середовища в процесах виникнення й еволюції // *Ойкумена*. Київ. № 1–2: 16–22.
- Бондаренко Д.М. 1996. Мегаобщина как вариант структуры и типа социума: предпосылки сложения и функционирования // *Восток*. № 3: 30–38.
- Бондаренко Д.М. 1997. *Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной Тропической Африке*. М.: Институт Африки РАН.
- Вавилов Н.И. 1921. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости // *Сельское и лесное хозяйство*. № 1, 3.
- Вавилов Н.И. 1927. Географические закономерности в распределении генов культурных растений. *Природа*, № 10.
- Вавилов Н.И. 1967. *Избранные произведения*. Л. Т. 1–2.
- Гегель Г.В.Ф. 1935. *Философия истории* // *Собрание сочинений*. М.; Л.: АН СССР. Т. 8.
- Дидковский А.М. 1986. Место интересов в детерминации человеческой деятельности // *Вестник МГУ, Сер. 7: Философия*. № 4.
- Кабо В.Р. 1986. *Первобытная доземледельческая община*. М.: Наука, 1986.
- Коротаев А.В. 1995а. «Апология трайбализма»: племя как форма социально-политической организации сложных первобытных обществ (по материалам Северо-Восточного Йемена) // *Социологический журнал*. № 4: 68–86.
- Коротаев А.В. 1995б. Горы и демократия: к постановке проблемы // *Восток*. № 3: 18–26.
- Коротаев А.В. 1996. От вожества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние две тысячи лет // *Этнографическое обозрение*. № 2: 81–91.
- Коротаев А.В. 1997. *Сабейские этюды. Некоторые общиe тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации*. М.: Восточная литература.
- Оппенгейм А.Л. 1990. *Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации*. М.: Наука.
- Павленко Ю.В. 1996. *Історія світової цивілізації. Соціокультурний розвиток людства*. Київ: Либідь.
- Северцов А.Н. 1939. *Морфологические закономерности эволюции*. М.; Л.: АН СССР.
- Bondarenko D.M. 1994. Precolonial Benin: Man, Authority and the Structure of Society // *State, City & Society* / Ed. by J.A. Sabloff, M. Lal. New Delhi: WAC-3: 1–10.
- Claessen H.J.M., Velde P. van de. 1987 (eds.). *Early State Dynamics*. Leiden etc.: Brill.
- Huntington E. 1947. *Mainsprings of Civilization*. N.Y.: Routledge.
- Korotayev A.V. 1995. *Ancient Yemen. Some General Trends of Evolution of the Sabaic Language and the Sabaean Culture*. N.Y.: Oxford University Press.
- Korotayev A.V. 1996. *Pre-Islamic Yemen. Sociopolitical Organization of the Sabaean Cultural Area in the 2nd and 3rd Centuries A.D.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Kroeber A.L. 1957. *Style and Civilizations*. Ithaca: Cornell University Press.
- Sahlins M.D. 1960. Evolution: Specific and General // *Evolution and Culture* / Ed. by M.D.Sahlins, E.R.Service. Ann Arbor: University of Michigan Press: 12–44.

12

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИЙ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ В ПОЛУПУСТЫННЫХ ЗОНАХ: ЭГАЛИТАРИЗМ КАК ЭВОЛЮЦИОННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА¹

А. А. Казанков

В данной статье мы выдвинем гипотезу, объясняющую наличие физико-морфологического сходства между бушменами Южной Африки и континентальными монголоидами действием аналогичных моделей социокультурной адаптации. Мы полагаем, что эти модели адаптации, имевшие следствием конвергентное развитие педоморфизма у рассматриваемых популяций, реализовались в условиях полупустынь конца плейстоцена – начала голоцена (соответственно в Южной Африке и Центральной Азии).

Дж. Вудберном и О. Ю. Артемовой было показано, что акефальные эгалитарные бэнды встречаются в основном среди неспециализированных охотников-собирателей (Woodburn 1972; 1979; 1980; 1982; 1988a; 1988b; Артемова 1987; 1989; 1991; 1993; Чудинова 1981). Те же авторы отметили, что некоторые из неспециализированных охотников-собирателей (к которым относятся прежде всего аборигены сравнительно благоприятных [в экологическом отношении] для жизни областей Австралии) демонстрируют сущностно отличный от эгалитарного тип социально-политической организации со значительно более структурированным политическим лидерством, сконцентрированным в руках относительно иерархически организованных старших мужчин, с явно выраженным статусным неравенством как между мужчинами и женщинами, так и среди самих мужчин.

В задачи данной статьи входит описание исторических и экологических условий, в которых происходило формирование первоначальных матриц эгалитарной социальной организации, выявление экологических детерминант, вносящих свой вклад в формирование таких

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования РФ (программа «Университеты России»).

матриц, а также механизмов причинно-следственных взаимосвязей между экологическими факторами и низким уровнем межобщинной конфликтности в одной из разновидностей экстремальных природных сред, а именно – в полупустынях.

Мы также полагаем, что морфологический тип популяций охотников-собираателей конца верхнего палеолита вносил существенный вклад в формовавшиеся в этот период матрицы социальной организации. Бушмены Калахари и Южной Африки отличались, судя по этнографическим данным, весьма низким уровнем межобщинной агрессии (см. далее в тексте) по сравнению со многими группами охотников-собираателей, стоявших на сходном уровне социально-экономического развития. Таким образом, если бы удалось показать, что эгалитарность общества бушменов связана с имеющимся у них низким уровнем межобщинной агрессии, а также то, что в формирование обоих этих социальных параметров вносили существенный вклад морфофизиологические факторы, присущие популяциям охотников-собираателей полупустынь, то это могло бы свидетельствовать о возможности формирования эгалитарных типов социальной организации уже в верхнем палеолите/мезолите.

Как уже говорилось, альтернативой эгалитарному типу социального развития у кочевнических охотников-собираателей является австралийский тип социальной организации с значительными различиями в социальных статусах взрослых мужчин, резким противопоставлением статусов мужчин и женщин, развитой системой полигинных браков и значительным уровнем гомицидных межобщинных столкновений. Такой тип социальных отношений господствовал в экологически благоприятных для жизни областях аборигенной Австралии (например, в Арнемленде и юго-восточной Австралии) и имел существенный сдвиг в сторону эгалитарности, по крайней мере в области так называемой «Западной Пустыни».

Нужно также отметить, что эгалитарный тип социальной организации кочевнических охотников-собираателей характерен не только для бушменов, но и для целого ряда популяций, живших в сравнительно неблагоприятных в экологическом отношении областях (эскимосы Центральной Арктики, пигмеи Конго, веддоиды и негрилли Южной и Юго-Восточной Азии). В данной статье мы постараемся показать, что культурная и физическая адаптация охотников-собираателей к жизни в одной из разновидностей маргинальных сред – полупустынях – создает в том числе и морфофизиологические предпосылки определенных форм социального поведения. Наряду с этим само формирование педоморфной морфологии у мужчин охотников-собира-

телей полупустынь может трактоваться как социокультурная адаптация, имеющая морфофизиологические следствия и создающая потенциальные возможности для развития альтернативных (по отношению, например, к негалитарным охотничье-собираТЕЛЬским обществам) вариантов эволюционного движения.

Педоморфизм – это вид морфологической адаптации, характеризующийся элиминацией (труккацией) дефинитивных стадий онтогенеза. Согласно классификации А.С.Северцова (1990: 202), этот вид адаптации можно охарактеризовать как ароморфную гипоморфию или адаптацию путем деспециализации. Согласно С.Дж.Гулду (Gould 1977: 215–219, 358–365, 406), точку зрения которого мы полностью поддерживаем, усиление педоморфизма было характерной особенностью эволюции всех прогрессивных групп гоминид.

В нашем случае, нас будет интересовать недоразвитие у мужчин рассматриваемых популяций вторичных половых признаков при сохранении, разумеется, репродуктивных функций.

Приведем список педоморфных черт *Homo sapiens sapiens*, впервые предложенный Больком (Gould 1977: 356–367; Volk 1926: 6).

1. Ортогнатность лица.
2. Редукция или отсутствие волосяного покрова тела.
3. Ослабленная пигментация кожи, радужных оболочек (глаз) и волос.
4. Форма наружного уха.
5. Эпикантус (монгольская складка века).
6. Относительно высокий вес мозга.
7. Длительное незаращение черепных швов.
8. *Labia majora* у женщин.
9. Структура кистей рук и ступней ног.
10. Форма тазовых костей.
11. Вентральное расположение вагинального канала у женщин.
12. Характерные вариации в расположении зубов и черепных швов.

Можно заметить, что признаки 1–6, 8 и 9 являются одновременно признаками, морфологически сближающими бушменов и континентальных монголоидов. Что касается признака 3, то разумно сопоставлять депигментацию бушменов с негроидными популяциями, поскольку кладогенетически бушмены и негроиды принадлежат к одной группе (Harpending, Jenkins 1973: 171–172; Jenkins et al. 1970). Признак 4 у бушменов представлен почти сплошной редукцией мочки уха как у женщин, так и у мужчин; признак 8 – гипертрофией *labia majora*. Признак 9 представлен у обеих популяций миниатюрной формой кистей рук и стоп ног и может быть дополнен упоминанием малой длины рук и ног относительно размеров корпуса.

Логично предположить, что сходство двух морфотипов, кладогенетически безусловно отстоящих друг от друга далеко, сформировалось в результате их конвергентной (независимой) педоморфизации в предположительно сходных природных (и социальных) условиях. Проверим это предположение.

Оба рассматриваемых морфопопуляционных типа сформировались относительно поздно, вероятно, в пределах конца последнего стадиала (25–17 килолет назад [далее – к.н.]). Более ранних, надежно датированных палеоантропологических находок представителей этих групп, по-видимому, не существует (Кучера 1996: 109–110; Brothwell 1963: 101–104). Сразу же отметим, что везде, за исключением отдельно оговариваемых случаев, где мы будем говорить о монголоидах, мы будем иметь в виду их классический, континентальный тип. В сравнении с палеомонголоидным типом (черты которого сохранились у индейцев Америк, в Юго-Восточной Азии и в некоторых районах Восточной Азии) континентальный тип отличается усилением специфически монголоидных черт (Coon 1962: 428–429).

Рассмотрим палеоклиматы районов, в которых указанные типы предположительно уже сформировались. В контексте климатических условий рассмотрим также некоторые аспекты адаптаций современного охотничье-собирательского населения полупустынных районов.

В Южной Африке в период 25–16 к.н. наблюдалось общее значительное ухудшение климата (по сравнению с предшествующим периодом), выражавшееся в усилении аридности, снижении среднегодовых температур (относительно современных на 5–6 градусов). Во внутренних районах усиливалась скорость ветра и континентальность климата. Такие климатические изменения приводили к уменьшению разнообразия и продуктивности пищевой базы охотничье-собирательского населения. Плотность заселения на территории, соответствующей современной ЮАР в это время значительно сократилась (Deacon, Lancaster, Scott 1984; Lancaster 1984; Scott 1989; Mitchell 1988: 163–164).

Данные по этнографии современных бушменов Калахари (например, !кунг северо-восточной Намибии в начале – середине 50-х годов XX в.) таковы.

Единица популяционного воспроизводства традиционного общества !кунг (конкретно: изучавшийся дем Най Най) как бы «тонко размазана» по огромной площади. (Размеры дема Най Най – 1000 чел.; площадь, на которой они обитают, 10000 кв. миль). В этом районе Калахари (впрочем, как мы увидим далее – и в любой другой полупустыне) осадки выпадают крайне неравномерно по времени и по площадям. Вот что пишет об этом Дж.Маршалл, один из членов экспедиции семьи Маршаллов, открывших бушменов Най Най для науки:

«Даже в нормальные годы распределение осадков в Калахари крайне несбалансировано: обширные районы могут быть буквально затоплены, в то время как другие – получают лишь крохи дождя в условиях, напоминающих настоящую засуху... В годы засухи возможность выбора поселения в нескольких общинах становится для охотника исключительно важной: из безнадежного места он может переселиться туда, где положение не столь критическое. Если бы члены каждой общины были ограничены только своими территориями и могли использовать ресурсы соседей, только уничтожив их, – в Най Най жило бы намного меньше кунг, а возможно не жил бы никто.» (J.Marshall, 1973: 108; см. также: L.Marshall 1976).

Таким образом, в условиях полупустыни общины (бэнды) бушменов не могут позволить себе роскошь иметь заметную долю враждебных отношений с соседями – в таком случае население аридной зоны просто вымерло бы по частям. Представим себе следующую ситуацию: в данном году на территории конкретного бэнда дождь не выпал, отношения с соседями враждебные, идти некуда. Следовательно, группу ожидает смерть от голода и жажды. В следующем году такая же ситуация может повториться на территории другой общины и т.д.

Те же самые аспекты адаптации, что были отмечены Дж.Маршаллом для бушменов Най Най, справедливы и для аборигенов Западной Пустыни Австралии и индейцев Большого Бассейна США, т.е. для всех этнографически известных номадических охотников-собирателей полупустынь. Все они характеризуются низким уровнем внутри- и межобщинной агрессии (в сравнении с охотниками-собирателями благоприятных природных зон) (см.: Шнирельман 1994: 95–102; Otterbein 1968; 1970; Ember 1978). У бушменов Най Най, например, среднегодовой уровень гомицида был по крайней мере в 7 раз ниже, чем у аборигенов юго-восточной Австралии или северо-восточного и северо-центрального Арнемленда (Lee 1979: 383; Blainey 1975: 106–108, 174).

Для вышеупомянутых районов Австралии способность мужчины защитить будущую семью от нападений (конфликтность в этих районах была в том числе и внутриэтнической) ценилась при заключении брака наравне с его (мужчины) охотничьими способностями. У бушменов в аналогичной ситуации этот фактор при заключении брака просто не принимался в расчет, поскольку конфликтность в их традиционном обществе (по крайней мере в середине XX в.) была низкой. Еще более низкой она была у шошонов, южных пайютов, госиютов и других бродячих групп Невады (Harris 1963: 44; Janetski 1981: 124).

Таким образом, разумно предположить, что при вынужденной экологически низкой конфликтности в полупустынях в древности фактор отбора морфологического комплекса «воина–защитника когнатной

группы» у охотников-собирателей был ослаблен. В результате педоморфные тенденции, имманентно присущие эволюции рода гоминид, в данном природно-социальном контексте могли проявляться с наибольшей полнотой.

В отличие от бушменов индейцы Большого Бассейна США проживали в полупустыне умеренного, а не тропического пояса. В их жизни присутствовал фактор весенних голодовок, приводивший почти ежегодно к вымиранию некоторой части популяции. Иными словами, можно предположить, что отбор (в том числе и на педоморфность) в полупустынях умеренного пояса проходил более интенсивно, чем в полупустынях тропического пояса.

Орографически и климатически Большой Бассейн представляет собой аналог полупустынной Монголии в Америке (Бабаев 1986: 10–17, 82, 93; Алексеев 1990: 7, 24). Охотники-собиратели Заалтайской Гоби и прочих полупустынных районов Монголии должны были на рубеже плейстоцена и голоцена вести образ жизни, аналогичный исторически известным шошонам.

Ввиду большей континентальности климата Центральной Азии по сравнению с Большим Бассейном и отсутствия у соответствующих охотников-собирателей Монголии лука процессы отбора и педоморфизации в этом регионе в эпоху последнего гляциального максимума должны были идти весьма интенсивно. В результате протоморфный «индеаноидный» монголоидный тип превратился, как мы полагаем, в «классический монголоидный» континентальный тип за относительно короткий (по геологическим меркам) промежуток времени.

Согласно археологическим данным, прототипы палеоиндейских культур (Кловис, Фолсом) зародились именно в Центральной Азии. Ю.А. Мочанов считает, что это произошло где-то около 35 тыс. лет до настоящего времени (Мочанов 1977; 1992: 5–8). Дюктайская культура, как известно, зафиксирована в Якутии начиная с 18 к.н. (Мочанов 1992: 17–18). Логично предположить, что именно в это время процесс формирования классических монголоидов был в разгаре и происходил в тех же районах, где за 17 тыс. лет до этого времени сформировался протомонголоидный морфологический тип.

Прямые данные по позднеплейстоценовому палеоклимату полупустынных ныне районов Монголии довольно скудны (Sarnthein 1978: 45; Nelson 1926a; 1926b; 1927). Вместе с тем, не приходится сомневаться в том, что в период конца сартанского стадиала пустыни и полупустыни в Центральной Азии занимали обширные площади. В пользу этого предположения говорят следующие обстоятельства. Климатические изменения, вызванные последним (вюрмско-валдайско-сартан-

ско-висконсинским) оледенением, носили глобальный характер. В настоящее время ведущими палеоклиматологами признана справедливость теории Милутина Миланковича, объясняющая наступление оледений периодическими изменениями угла наклона земной оси и ряда связанных с этим параметров (Sarnthein 1978: 43–46; Kuzbach and Street-Perrot 1985).

Таким образом, в период последнего гляциального максимума огромная масса атмосферной влаги должна была быть изъята из циркуляции и заперта в ледниковых щитах. В результате, в районах с тенденцией к аридности, последняя должна была усиливаться (этому есть и прямые палеоклиматологические свидетельства, хотя и не для Монголии [Bowler et al. 1976: 359]). Монголия же, судя по ее общему географическому расположению, орографии и эндемической флоре, является именно районом с тенденцией к аридности и наличием древних пустынь.

Возникает вопрос: почему индейцы Большого Бассейна не превратились в континентальных монголоидов? Этот вопрос, по-видимому, требует отдельного исследования. Первоначальные предположительные объяснения, нуждающиеся в дальнейшей проверке, сводятся к следующему:

1. Большой Бассейн (Б.Б.) – район значительно меньший по площади, чем Центральная Азия, и не столь надежно отделен от смежных мегарегионов (Тибет, Гималаи и пустыни Средней Азии отделяют Центральную Азию от более западных районов). Поэтому педоморфизирующийся генный пул, формирующийся в пустыне, постоянно затирался притоком генов извне (последний раз – в результате нумикской экспансии, см.: Cressman 1977: 98–99; Janetski 1981: 151–155).

2. Аридные условия установились в Б.Б. начиная с конца голоцена, т.е. период адаптации был сравнительно коротким, и естественный отбор на этом этапе явно затухал.

Почему мы считаем морфологию бушменов сформировавшейся в условиях полупустынь, несмотря на то, что ряд занимаемых ими экотон были благоприятными? Ввиду того, что эти экотоны мозаичны, и приток адаптированных к пустыне генов надежно перекрывал неадаптированные к пустыне популяции. В целом же Южная Африка – это субконтинент с тенденцией к аридности (Cole 1966).

Еще один возникающий вопрос: почему педоморфные популяции не формировались в пустынях Центральной Австралии? Ответ, по всей вероятности, заключается в том, что исходный генный пул был слишком архаичным (поздние потомки Хомо эректуса сохранялись на Яве до 35 к.н., а в Австралии значительный комплекс архаики присутствует у лю-

дей типа Коу Свамп и Коссак) (Flood 1987; McIntosh, Larnach 1972; Рогинский 1977: 154). Они, безусловно, смешивались с прогрессивными неантропами типа Мунго Лейк, в результате чего появился современный морфологический тип аборигенов (Barbetti and Allen 1972: 46–48).

Педоморфные типы населяют не только полупустынные экологические зоны (см.: Baker 1974: 303–306). Формирование педоморфности негриллей и лапаноидов предположительно можно объяснить бифуркационной сменой комплекса векторов социокультурной эволюции, сформировавшейся в результате военных поражений (см.: Service 1975).

Как доказать наличие конвергентного педоморфизма у бушменов и монголоидов? Можно заметить, что объединяющие их признаки входят в комплекс вторичной половой дифференциации. Весь комплекс вторичных половых признаков контролируется у человека соответствующей системой гормональных факторов, среди которых ведущим является мужской половой гормон – тестостерон (Ohno 1979: 13, 174–175; Берзин 1964: 31–32; Юдаев 1976: 267). Концентрация тестостерона в плазме крови индивидов повышается в чувствительные периоды, одним из которых является пубертас. Известно, что тестостерон оказывает стимулирующее воздействие на рост мышечной и костной ткани, в то время как некоторые из женских половых гормонов (эстрогенов) – на развитие жировой ткани. И у мужчин и у женщин в плазме крови в определенных пропорциях имеются некоторые концентрации как тестостерона, так и эстрогенов. Кроме того, экспериментально показано, что уровень тестостерона в плазме крови у мужчин (по крайней мере, северных европеоидов) положительно корреляционно связан со спонтанной и спровоцированной агрессией (Olweus et al. 1988: 253, 263–266). Уровень тестостерона в плазме крови, безусловно, положительно связан с агрессией у животных (млекопитающих) (Svare 1983: 179).

Таким образом, для доказательства наличия постулируемой в данной статье конвергентной педоморфной адаптации у бушменов и континентальных монголоидов достаточно показать, экспериментально, наличие сниженного по сравнению с контрольными группами статуса тестостерона у мужчин данных морфопопуляционных типов. Это вполне достижимая задача для специального экспериментального исследования. По бушменам есть данные о повышенной концентрации в моче (а следовательно, и в плазме крови) мужчин женского полового гормона – эстрогена (Davies 1949).

В заключение хотелось бы отметить, что рассматриваемый тип морфологической адаптации, ведущим в котором является снижение совокупного тестостеронового «пула» в популяциях, возможно имел кардинальное значение не только на поздних стадиях расогенеза (в

полуаридных зонах), но и на этапе эволюционного перехода от палеоантропа к неантропу. Вполне разумно предположить, что вычленившиеся из среды своих неандерталоидных предков ранние люди современного вида имели пониженный тестостероновый статус по сравнению с палеоантропами. На это указывает их более грацильное строение и предполагаемый (Рогинский 1977: 193–194, 210–215) пониженный (по сравнению с палеоантропами) уровень внутриобщинной агрессии.

Таков, при предварительном рассмотрении (на примере двух конкретных случаев) механизм формирования пedomорфных морфологических особенностей у двух популяций номадических охотников-собирателей в эпоху 25–16 к.н. В обеих группах населения в этот период предположительно господствовал эгалитарный тип социальной организации. Мы имеем в этом отношении прямые археологические свидетельства для ряда протобушменских групп (Mitchell 1988; Deacon, Lancaster, Scott 1984; Lancaster 1984; Scott 1988) и очень фрагментарные археологические данные по Центральной Азии (Nelson 1926a; 1926b; 1927). В данном случае мы должны принимать во внимание наличие фактически жесткой функциональной зависимости между маргинальной природной средой рассмотренного типа (полупустынями), с одной стороны, и номадизмом и эгалитарной организацией – с другой (по крайней мере у этнографически известных охотников-собирателей). Аборигены Центральной Австралии составляют исключение из этого правила, но и у них в наиболее суровых условиях наблюдается сдвиг от исходной неэгалитарной модели в сторону эгалитарности (Yengoyan 1970).

Таким образом, мы можем усомниться в том, что эгалитарная форма социальной организации не могла быть присуща каким-либо группам из самых ранних популяций человека современного вида (см. главу Васона и Балдиа в настоящей монографии). Мы можем предположить, что само наличие среди современных популяций человека групп с более пedomорфными, чем в среднем по *Homo sapiens sapiens*'у, комплексами морфологических признаков, служит доказательством того, что в древности для предковых популяций этих групп были характерны эгалитарные черты социальной организации. Вместе с тем важно подчеркнуть и то, что эгалитарная форма организации социальных отношений, видимо, представляла, начиная с самых ранних этапов истории *Homo sapiens sapiens*'а, только альтернативу неэгалитарным формам социальной организации. Мы видим, таким образом, что основы альтернативных путей дальнейшего социального развития могли закладываться еще в палеолите.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П. 1990 (отв. ред.). *Палеолит и неолит Монгольского Алтая*. Новосибирск: Наука.
- Артемова О. Ю. 1987. *Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным)*. М.: Наука.
- Артемова О. Ю. 1989. К проблеме первобытного эгалитаризма // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. М.: Наука. Ч.3: 3–5.
- Артемова О. Ю. 1991. Эгалитарные и неэгалитарные первобытные общества // *Архаическое общество: узловыe проблемы социологии развития* / Отв. ред. А.В.Коротаев, В.В.Чубаров. М.: Институт истории СССР АН СССР. Т. I. 44–91.
- Артемова О. Ю. 1993. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л.Е.Куббеля* / Отв. ред. В.А. Попов. М.: 40–70.
- Бабаев А. Г., Дроздов Н. Н., Зонн И. С., Фрейкин З. Г. 1986. *Пустыни*. М.: Мысль.
- Берзин Т. 1964. *Биохимия гормонов*: Пер. с нем. М.: Мир.
- Кучера С. 1996. *Древнейшая и древняя история Китая*. М.: Восточная литература.
- Мочанов Ю. А. 1977. *Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии*. Новосибирск: Наука.
- Мочанов Ю. А. 1992. Начальный этап в изучении палеолита Северо-Восточной Азии // *Археологические исследования в Якутии* / Отв. ред. Ю.А.Мочанов. Новосибирск: Наука: 3–20.
- Рогинский Я. Я. 1977. *Проблемы антропогенеза*. М.: Высшая школа.
- Северцов А. С. 1990. *Направленность эволюции*. М.: Изд-во МГУ.
- Чудинова О. Ю. 1981. Мужчины и женщины в обществе аборигенов Австралии // *Пути развития Австралии и Океании. История, экономика, этнография* / Отв. ред. К.В.Маляховский. М.: Наука: 220–237.
- Шнирельман В. И. 1994. У истоков войны и мира // *Война и мир в ранней истории человечества*. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. Ч. 1: 5–176.
- Юдаев Н. А. 1976 (отв. ред.). *Биохимия гормонов и гормональной регуляции*. М.: Наука.
- Baker J. R. 1974. *Race*. N. Y. – L.: Oxford Univ. Press.
- Barbetti M., Allen H. 1972. Prehistoric Man at Lake Mungo Australia by 32.000 B.P // *Nature* 240: 46–48.
- Blainey G. 1975. *Triumph of the Nomads: A History of Ancient Australia*. Melbourne – Sydney: Macmillan co. of Australia.
- Bolk L., 1926. Das Problem der Menschenwendung // *Vortrag auf der XXV Versammlung der Anatomischen Gesellschaft in Freiburg*, Iena.
- Bowler J. M., Hope G. S., Jennings J. N., Singh G., Walker D. 1976. Late Quaternary Climates of Australia and New Guinea. *Quaternary Research*. Vol. 3: 359–394.
- Brothwell D. R. 1963. Evidence of the Early Populational Change in Central and Southern Africa: Doubts and Problems. *Man*. Vol. 132: 101–104.
- Cole M. 1966. *South Africa*. L.: Methuen – N. Y.: Dutton.
- Coon C. S. 1962. *The Origin of Races*. N. Y.: Knopf.
- Cressman 1977. *Prehistory of the Desert West: Homes of the Vanished Peoples*. Salt Lake City: Univ. of Utah Press.
- Davies J. N. P. 1949. Sex Hormone Upset in Africans // *British Medical Journal*. Vol. 2: 676–679.

- Deacon J., Lancaster N., Scott D. 1984. Evidence for Late Quaternary Climatic Change in Southern Africa // *Late Cainozoic Palaeoclimates of the Southern Hemisphere* / Ed. by J.C.Vogel. Rotterdam – Boston: Balkema.
- Ember C. R. 1978. Myths about Hunter-gatherers // *Ethnology*. Vol. 17 № 4: 439–448.
- Flood J. 1987. *Archaeology of the Dreamtime: The Story of Prehistoric Australia and Her People*. Sydney – L.: Collins.
- Gould S. J. 1977. *Ontogeny and Phylogeny*. Cambridge (Mass.) – L.: Belknap Press of Harvard University Press.
- Harpending H., Jenkins T. 1973. Genetic Distance among Southern African Populations // *Methods and Theories of Anthropological Genetics* / Ed. by M.H.Crawford and P.L. Workman. Albuquerque: Univ. of New Mexico Press.
- Harris J. S. 1963. The White Knives Shoshoni of Nevada // *Acculturation in Seven American Indian Tribes* / Ed. by Ralph Linton. Gloucester (Mass.): Smith (repr. of 1940 ed.).
- Janetski 1981. Ethnohistory and Ethnography of the Elko and Ely Districts // *Prehistory, Ethnohistory and History of Eastern Nevada* / Ed. by C.J.Condie and D.D.Fowler. Washington: Washington Cultural Resources Series: 149–210.
- Jenkins T., Zoutendyk A., Steinberg A. G. 1970. Gamma-globulin Groups (Gm and Inv) of Various Southern African Populations // *Amer. Journ. Phys. Anthropol.* Vol. 32: 187–218.
- Kuzbach J. E., Street-Perrot F. A. 1985. Milankovitch Forcing of Fluctuations in the Level of Tropical Lakes. *Nature*. Vol. 312: 130–134.
- Lancaster N. 1984. Aridity in Southern Africa: Age, Origins and Expression in Landform and Sediments // *Late Cainozoic Palaeoclimates of the Southern Hemisphere* / Ed. by J.C.Vogel. Rotterdam – Boston: Balkema: 433–444.
- Lee R. B. 1979. *The !Kung San: Men, Women and Work in a Foraging Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Marshall J. 1973. Hunting among the Kalahari Bushmen // *Peoples and Cultures in Africa* / Ed. by E.P. Skinner. N. Y.: Doubleday – Natural History Press: 106–121.
- Marshall L. 1976. *The !Kung of Nyae Nyae*. Cambridge (Mass.) – L.: Cambridge Univ. Press.
- MacIntosh N. W. G., Larnrch S. L. 1972. The Persistence of Homo Erectus Traits in Australian Crania // *Archaeology and Anthropology in Oceania*. Vol. 7. № 1: 1–7.
- Mitchell P. J. 1988. Human Adaptations in South Africa during the Last Glacial Maximum // *British Archaeological Report*. Vol. 405: 163–196.
- Nelson N. C. 1926a. The Dune Dwellers of the Gobi // *Natural History*. Vol. 26. № 3.
- Nelson N. C. 1926b. Notes on the Archaeology of the Gobi // *American Anthropologist*. Vol. 26. № 1.
- Nelson N. C. 1927. Archaeological Research in North China // *American Anthropologist*. Vol. 29. № 2.
- Ohno S. 1979. *Major Sex-determining Genes* // Monographs on Endocrinology. Vol. 11. Berlin-Heidelberg – N. Y.: Springer.
- Olweus D., Mattsson A., Schalling D., Low H. 1988. Circulating Testosterone Levels and Aggression in Adolescent Males: A Causal Analysis // *Psychosomatic Medicine*. Vol. 50: 261–272.
- Otterbein K. F. 1968. Internal War: a Cross-Cultural Study // *American Anthropologist*. Vol. 70. № 2: 277–289.
- Otterbein K. F. 1970. *The Evolution of War: a Cross-Cultural Study*. New Haven: HRAF Press.
- Sarnthein M. 1978. Sand Deserts During Glacial Maximum and Climatic Optimum // *Nature*. Vol. 272: 43–46.
- Scott L. 1989. Climatic conditions in Southern Africa Since the Last Glacial Maximum, Referred from Pollen Analysis // *Palaeogeogr. Palaeoclimatol. Palaeoecology*. Vol. 70: 345–353.

- Service E. R. 1975 War and Our Contemporary Ancestors // *War: the Anthropology of Armed Conflict and Aggression* / Ed. by M.Fried, M.Harris and R.Murphy. Garden City, NJ: Natural History Press: 160-167.
- Svare B. B. (ed.). 1983. *Hormones and Aggressive Behavior*. N. Y. - L.: Plenum Press.
- Woodburn J.C. 1972. Ecology, Nomadic Movement and the Composition of the Local Group among Hunters and Gatherers: An East African Example and its Implications // *Man, Settlement and Urbanism* / Ed. by P.J.Ucko, R.Tringham & G. W. Dimbleby. L.: Duckworth: 193-206.
- Woodburn J.C. 1979. Minimal Politics: The Political Organization of the Hadza of North Tanzania // *Politics in Leadership: A Comparative Perspective* / Ed. by W. A. Shack & P. S. Cohen. Oxford: Clarendon Press.
- Woodburn J. C. 1980. Hunters and Gatherers Today and Reconstruction of the Past // *Soviet and Western Anthropology* / Ed. by E.Gellner. L.: Duckworth: 95-117.
- Woodburn J. C. 1982. Egalitarian Societies. *Man* 17: 431-451.
- Woodburn J. C. 1988a. African Hunter-Gatherer Social Organization. Is it Best Understood as a Product of Encapsulation // *Hunters and Gatherers. I. History, Evolution and Social Change* / Ed. by T. Ingold, D. Riches & J.Woodburn. Oxford: Berg Publishers.
- Woodburn J. C. 1988b. Some Connections between Property, Power and Ideology // *Hunters and Gatherers. II. Property, Power and Ideology* / Ed. by T. Ingold, D. Riches and J. Woodburn. Oxford: Berg Publishers: 10-31.
- Yengoyan A. A. 1970. Demographic Factors in Pitjantjara Social Organization // *Australian Aboriginal Anthropology* / Ed. by R.M.Berndt and C.H.Berndt. Nedlands: University of Western Australia: 70-91.

13

РЕЛИГИЯ, КОММУНИКАЦИЯ И ГЕНЕЗИС СЛОЖНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЕВРОПЕ

П. Уасон, М. Балдиа

В современном мире религия занимает важное место в жизни большинства людей. Она играла огромную роль на протяжении человеческой истории, и не только в жизни отдельных индивидуумов, как считают современные субъективисты, но и в истории культуры и общества. Это всем хорошо известно. Однако как исследователи мы до сих пор не в полной мере осознаем значимость этих фундаментальных очевидных фактов.

Во всех основных антропологических и исторических концепциях религия рассматривается лишь как оправдание существующей социальной реальности. Коммуникация же является более базовым и распространенным фактором человеческого существования. Мы действительно признаем важность этого фактора, тщательно его изучаем и, в отличие от религии, часто используем в наших теориях, хотя по большей части только как катализатор или тормоз воздействия на те или иные переменные.

В данной статье мы предполагаем, что оба этих аспекта культуры для генезиса социальной стратификации были гораздо более важны, чем обычно считается.

Во-первых, мы выявляем, каким образом религия может быть причиной сложения и институционализации лидерства, а затем объясняем, как религия и коммуникация могут быть использованы в «дуально-процессуальной» модели социокультурной эволюции, предложенной недавно Фейнманом, Блэнтоном, Ковалевски и Перегрином (Feinman 1995, Blanton et. al. 1996).

Религия и институализация лидерства

Именно в неолите мы видим развитие или, по крайней мере, экспансию сложного общества с институализированным социальным неравенством¹ по всей Европе. Этот период также характеризуется интенсивным монументальным строительством, которое включает в себя различные виды погребальных холмов, ограды, хенджи и каменные круги. В большинстве своем они носят ритуальный характер, хотя известно и несколько неолитических защитных сооружений.

Эти постройки, во всяком случае крупнейшие из них, могут рассматриваться археологами как свидетельство существования лидерства и неравенства. Но во многих случаях они являлись религиозными монументами, и не менее вероятно, что население возводило их для удовлетворения собственных ритуальных нужд или потому, что лидеры желали увеличить или продемонстрировать свою власть. Концепции, которые сосредотачиваются на власти или экономике и окружающей среде как основных факторах социальных изменений, достаточно распространены в науке XX века (Gazin-Schwartz 1997:764), в частности в США. Мы сталкиваемся с постоянным игнорированием религиозных чувств как возможного объяснения социальных феноменов и с преувеличением роли денег и власти.

Такой подход имеет глубокие корни. Исследователи американской культуры, такие как Стивен Картер и Кристофер Лэш, обращают внимание на наше постоянное недопонимание важности религии и на то, что в нынешнем насыщенном информацией мире нас неизменно призывают верить, что если религия и оказывает какое-либо воздействие на общественную жизнь, то только в силу нашего невежества и неразвитости (Carter 1993, Lasch 1995)². Если бы эта оценка была верной,

¹ Основываясь на обширных этнографических исследованиях, О. Артемова (Artemova 1998) полагает, что в истории человечества не существовало изначальной эгалитарной формы общества. Свидетельства неравенства встречаются еще в палеолите и среди самых примитивных современных групп; там, где мы видим эгалитарную социальную организацию, она развилась из предшествовавших неэгалитарных форм, а не наоборот. Это в точности описывает ситуацию в Европе, где неолит является не эпохой появления неравенства, а скорее, распространения и институализации того, что раньше выражалось в форме неформальных личных связей. Один из авторов данной статьи уже предполагал, что маловероятно, чтобы все люди жили в одинаковых условиях, и что структурная иерархия была связана с различиями в индивидуальном поведении (Wason 1994: 1).

² См. также Marsden 1994, 1997; Johnston 1994: 5; Wason 1997; Wood et al. 1993. Подробное, хотя исключительно критическое изложение взглядов Картера, см.: Wason 1994b.

религия, вероятно, не могла бы рассматриваться в качестве позитивного фактора общественного развития. Но она неверна. Латтуаек проследживает ее происхождение в философской мысли эпохи Просвещения, отмечая, что

«даже если Просвещение смело клерикальный обскурантизм и дискредитировало все догмы, оно насадило свое собственное ограниченное видение пределов и сущности гуманитарного знания» (Luttwak 1994:9);

Антропология располагает достаточным потенциалом, чтобы противостоять этим тенденциям, так как всегда признавала, что религия, экономика, политическая жизнь – все элементы культуры глубоко взаимосвязаны, и успешно демонстрировала практически универсальное значение религии в повседневной жизни людей, культуре и социальной организации. Однако до сих пор антропологам больше свойственно пытаться объяснить религию посредством других факторов, чем включить ее саму в число факторов объясняющих. Но неужели когда-либо кто-то хотел доказать, что цель экономики – помочь людям жить вне их религии? Хотя очевидно, что религия может сама влиять на социальные феномены, антропологи объясняют ее как нечто иное. Так, на первый взгляд, то почтение, с которым относятся к ахимсе в Индии, должно свидетельствовать в пользу влияния религии на экономику, но в интерпретации Марвина Харриса сакральный статус рогатого скота является лишь элементом религиозно оправдываемой экономики (Harris 1979; см. также Rapport 1968).

В таком случае не удивительно, что религии редко отводится существенная роль в теориях возникновения сложного общества. Строго говоря, мы до сих пор не нашли ни одного примера, где в объяснении генезиса сложного общества религия представлялась бы основной причиной (хотя подобные теории могут существовать, и мы были бы очень рады узнать о них). Хэйден и Гарджетт (Hayden, Gargett 1990), а также Ёрл (Earle 1997), анализируя различные подходы к возникновению сложного общества, перечисляют целый ряд возможных причин, но религии среди них нет.

Одно из фундаментальных различий между антропологическими теориями касается понимания роли лидерства. Первая парадигма (функционалистская или адапционистская) подчеркивает, что в то время как возникающие элиты аккумулируют богатство, статус и власть, что более важно, они также приносят пользу общине. Теории варьируют в зависимости от характера этой пользы (строительство и поддержание ирригационной системы, редистрибуция ресурсов или контроль за информацией, необходимой для координации деятельности социума). Вторая парадигма – политическая – рассматривает эксплуатацию, а не общественную пользу как способ достижения власти элитой.

Мы предлагаем использовать религию не как альтернативное, а скорее как дополнительное объяснение. Имеет смысл сначала вкратце изложить модель Хэйдена и Гарджетта, чтобы показать, что мы подразумеваем под религиозным объяснением и как оно дополняет уже существующие модели. Среди множества исторически известных «эгалитарных» обществ накопление материальных благ не поощряется ни в одном:

«не допускается и никакое индивидуальное поведение, которое может рассматриваться как нарушение общей этики, жизненно важной для общего выживания. Любые попытки установить ... иерархические отношения ... подвергаются жестокой критике и подавляются в зародыше» (Hayden and Gargett 1990: 4–5).

Каким же образом при столь сильном давлении культурных факторов, замедлявших развитие лидерства и неравенства, могла зародиться и институализироваться социальная стратификация? Авторы данной статьи полагают, что подобная эгалитаристская социальная организация и этика соотносятся с «обобщенной» средой существования охотников и собирателей. Когда среда изменяется, в частности через «развитие широко распространенных ресурсов, не подверженных полному истощению» (Hayden and Gargett 1990: 5), давление, вынуждающее сохранять эгалитарность, ослабевает, поскольку уже не является жизненно важным.

Такой взгляд кажется достаточно разумным. Тем не менее это лишь частичный ответ на вопрос, почему возникают лидерство и неравенство. Адаптационные изменения могут быть сущностным условием формирования неравенства, но не непосредственной причиной. Необходимо некая мотивация для столь радикальной перемены в том, как люди видят отношения между собой. Хэйден и Гарджетт полагают, что тенденция к неравенству свойственна самой человеческой природе. Близкой позиции придерживается и Тимоти Ёрл: «Не все люди хотят доминировать над себе подобными, но те, которые жаждут преимущества над другими, существуют во всех человеческих популяциях» (Earle 1997: 2).

Это тоже представляется логичным, но остается упущенным один элемент, а именно контекст, необходимый для проявления лидерских интенций. В то время как в каждой популяции могут существовать амбициозные личности, маловероятно, что все остальные позволят этим амбициям свободно развиваться и добровольно согласятся на более низкий статус. Это возвращает нас к тому аспекту проблемы, который пытались разрешить все традиционные теории: как лидеры добиваются власти перед лицом оппозиции, как они убеждают других следовать

за ними. Мы предполагаем, что в некоторых случаях лидеры появились в результате коллективных усилий, направленных на достижение религиозных в своей основе целей. Монументальный комплекс в Эйвбери (Уилтшир, Англия) является хорошим примером роли религии в развитии и институализации лидерства и иерархии.

Религия и социальная иерархия в Эйвбери

Эйвбери – это крупный комплекс неолитических монументов, создававшийся около 1500 лет. Первый из них – курган Уэст Кеннет – был построен около 3700 г. до н.э. Эйвбери-хендж – круглый ров с насыпью по внешней стороне и каменным кругом внутри – возник между 2600 и 2300 гг. до н.э. Имея приблизительно 332 м в диаметре, центральный каменный круг является крупнейшим в мире (Ucko et. al. 1991: 1; Pitts 1994), а большой земляной курган Силбери Хилл – самым крупным искусственным курганом в Европе. Он создавался в три этапа, в то же время, что и хендж. Эти массивные сооружения – хорошие свидетельства существования в обществе лидерства и социального неравенства. По приблизительным оценкам, сам хендж требовал 1,5 млн., а Силбери Хилл – 18 млн. рабочих часов. Это «монументальные» конструкции, какой бы смысл ни вкладывали в данное понятие, потому они подразумевают наличие лидерства и, следовательно, социального неравенства (Renfrew 1973; Atkinson 1960, 1961: 299).

Вместо того, чтобы предлагать обзор логических основ для этой важной и давно установившейся линии аргументирования³, рассмотрим вкратце, как эти цифры соотносятся с процессом строительства храмов гавайцами. Для гавайского общества была характерна значительная социальная иерархия с важной религиозной компонентой статуса лидера. Кроме того, гавайское общество известно наличием значительных монументальных сооружений. В своей работе, посвященной изменениям в системах религиозного и политического контроля, Кольб рассчитал трудовые затраты, необходимые для строительства храмов Восточного и Западного Мауи. Для строительства самого крупного из гавайских храмов – Пи'иланихале потребовалось около 130 тыс. человеко-дней (Kolb 1994: 525). Аналогичные подсчеты Ренфрю для строев Эйвбери составили не менее 150 тыс. дней (при 10-часовом рабочем дне), т.е. больше, чем для строительства самого крупного храма на Гавайях, где общество их было сложным и иерархическим. Цифры Кольба для всех храмов на Восточном и Западном Мауи для 600-летнего

³ О возможности реконструкции социальной структуры по монументальной архитектуре см.: Abrams 1989, а также Wason 1994.

периода их развития составили несколько менее 275 тыс. человекоднев. Сооружения Силбери Хилл, похоже, потребовали 1800 тыс. человекоднев для своего строительства или в 6 раз больше общих трудовых затрат для строительства всех храмов на Восточном и Западном Мауи вместе взятых. Совершенно невероятно, что жители неолитического Уилтшира могли бы затратить столько трудов при строительстве одного объекта без наличия эффективного лидерства.

Другой важный факт состоит в том, что это – религиозные сооружения, которые свидетельствуют о внимании, придававшемся коллективной деятельности и в частности религиозным ритуалам. Существует тенденция рассматривать их религиозный характер и назначение как случайность по отношению к «первичным» факторам лидерства и мобилизации ресурсов. Но не следует думать, что поскольку организация строительства была делом лидеров, монументальные сооружения непременно создавались как средство выражения их статуса. В действительности, в это время мы не имеем прямых свидетельств существования личного неравенства, рангов или лидерства, кроме этих монументов. Принимая во внимание их религиозную природу и назначение а также то, что они – единственные свидетельства сложной социальной организации, было бы логичным сделать вывод, что они возводились для достижения целей религиозного характера. Это подтверждается и тем фактом, что на протяжении более 1500 лет все свидетельства коллективной деятельности в районе Эйвбери относятся к религиозной сфере. В период курганов, как и позже, внимание к ритуальной деятельности указывает на тесную связь между лидерством, иерархией и религией.

В вопросе о появлении социальной иерархии в неолите единства нет; возможно, она развилась в период курганов. Барретт доказывает, что даже самые крупные монументы периода хенджей и холмов только способствовали развитию лидерства, но не зависели от него напрямую (Barrett 1994). Он напоминает, что монументы, которые мы видим в Эйвбери, строились на протяжении достаточно долгого времени и могли не составлять единого проекта, задуманного с самого начала (Barrett 1994: 13). Именно поэтому он считает, что реально существует гораздо меньше свидетельств существования в Эйвбери рангов и лидерства, чем мы могли бы думать. Барретт заключает, что каждый монумент – результат общинных усилий, но их возведение способствовало складыванию и развитию сложной социальной организации. Отзываясь с пренебрежением о тех, кто видит в замысле строительства работу великого вождя, он отмечает, что использование сооружений – другой вопрос:

«элита не начала строительство Эйвбери..., а в действительности была порождена реализацией этих проектов» (Barrett 1994: 29).

С этой точкой зрения связаны две проблемы. Во-первых, зачем людям надо было бы строить сооружения, которые предполагают иерархию и способствуют ее развитию, если строители еще не восприняли идеологию иерархической дифференциации, и во-вторых, как уже говорилось, трудно представить, что проекты подобного размаха могли осуществляться при отсутствии какого-либо лидерства и, следовательно, социального неравенства.

Тем не менее модифицированная версия Барретта является достаточно интересной: будучи выстроенными, монументы должны были бы усилить положение лидеров и упрочить иерархическую систему. Вполне возможно, что именно необходимость расширения ритуального пространства для религиозных нужд активизировала талант руководителей. Лидеры были приняты социумом в контексте строительства важных для всей группы религиозных сооружений. Если мы правы в наших выводах, что монументы возводились с религиозными целями, то можно говорить, что лидерство и иерархия развились как побочный продукт чего-то, созданного по религиозным причинам. Таким образом, религия и ее влияние на людей явились важными факторами становления сложной социальной организации. Религия вдохновляла людей на строительство монументов, что в свою очередь способствовало расширению и институционализации лидерства. Долгое время все данные, которыми мы располагаем по лидерству и социальной иерархии, оставались тесно связанными с религией. Это был подлинный и, возможно, ключевой фактор развития социальной иерархии и лидерства в Эйвбери.

Возвращаясь к изложенному ранее, можно предположить, что если в каждой группе существует некто, одаренный талантом лидера, то для того, чтобы лидерство развилось, необходимо нечто, способствующее проявлению и использованию его таланта перед лицом оппозиции. Как отмечают Хэйден и Гарджетт, «эгалитарное» видение мира должно быть преодолено, и предпосылкой этого является ослабление давления, способствующего эгалитаристскому поведению. К тому же необходимы условия для институционализации того, что в другом случае привело бы *ad hoc* к дифференциации и руководству. Религиозные проекты, создаваемые для общего блага через активизацию лидеров, которые помогают людям осуществить их желания, могли бы создать эти условия. Подобные проекты служили бы средством преодоления антилидерских тенденций в обществе. Следовательно, необходимы такие изменения в религии, при которых возникла бы потребность в сложных ритуаль-

ных сооружений, на которые затрачивается много труда. Их строительство позволяет проявиться опыту лидеров, и будучи построенными, они одним только своим существованием и проводящимися в них церемониями усиливают позиции зарождающейся элиты. Принятие обществом неравенства и лидерства возникло в результате осуществления изначально религиозных целей – строительства ритуальных монументов.

Интересно, что в последующую эпоху, в бронзовом веке, картина становится другой. В неолите большая часть энергии и активности как социума в целом, так и лидеров, была посвящена церемониальной деятельности, и практически нет свидетельств накопления богатств, повышения личного статуса или ведения войн. Однако в раннем бронзовом веке происходят разительные сдвиги в сторону более сетевой или централизованной системы, с меньшим вниманием к ритуальной сфере и гораздо большим интересом к личному богатству и персональному статусу (Malone 1989; Thomas 1990b; Castledon 1987; Renfrew 1973). Прекращается строительство религиозных комплексов, за исключением погребальных холмов, которые характеризуются индивидуальными захоронениями, свидетельствующими о концентрации богатства. Это может объясняться развитием социальной стратификации и переходом к сетевой-ориентированной политико-экономической стратегии. Это также может отражать секуляризацию как процесс консолидации и отделения лидерства, длительное время связанного в основном с религией и, вероятно, возникающего как побочный продукт по отношению к ней.

Религия, коммуникация и модели социокультурной эволюции

Мы не считаем, что другие, более широко используемые исследователями переменные не столь важны. Но рассмотрение религии и коммуникации как значимых факторов социокультурного развития исключительно перспективно. В качестве первого шага приведем два случая применения предложенной недавно дуально-процессуальной модели – северный и южный варианты аксеологической культуры Юго-Запада США.

Фейнман, Блэнтон, Ковалевски и Перегрин (Feinman 1995; 1998a; 1998b; Blanton et. al. 1996) различают две основные политико-экономические стратегии, являющиеся альтернативными путями, ведущими к неравенству и институализации лидерства. В корпоративной стратегии развивающееся лидерство сфокусировано на внутриобщинной деятельности, включая ритуалы, а в сетевой стратегии власть основана

Сетевая стратегия	Корпоративная стратегия
Концентрация богатства Показная пышность элиты Погребения правителей Индивидуальная власть Престижное потребление Контроль за престижными предметами Патронажно-клиентные отношения Дворцовые ремесленники Линейная родовая система Персональное прославление	Больше распределение богатства Символы власти Монументальные ритуальные пространства Власть разделена Более умеренное накопление Контроль над знанием Корпоративная система труда Упор на производство пищи Сегментарная организация Общинные культы плодородия

на сети связей с другими группами. Это различие видится как своего рода мера сопоставления, а не как новый ряд общественных типов. Фейнман (Feinman 1998a) предложил очень полезный список корпоративных и сетевых характеристик.

Сетевая организация, по-видимому, способствует большей централизации (Blanton et. al. 1996), но мы не должны рассматривать ее как более иерархическую, а корпоративную – как более эгалитарную (Feinman 1998b)⁴. Акцент на той или иной стратегии может характеризовать общества на всех возможных стадиях эволюции. Мы находим эту модель частично применимой к анализу роли религии и коммуникации в социокультурной эволюции⁵.

⁴ При корпоративной стратегии акцент делается на групповой активности, что может проявляться в различных формах. Так, Уиллс (Wills 1998) полагает, что лидерство в каньоне Чако (Нью Мексико, США) было корпоративного характера и концентрировалось на «интегративной архитектуре», т.е. на строительстве групп жилищ. Это строительство представляло собой большой и энергоемкий проект из-за необходимого для его реализации значительного количества дерева и больших расстояний, на которое оно транспортировалось. По мнению Уиллса, это является самым важным свидетельством лидерства, известным в археологии Чако. Напротив, в Эйвбери все свидетельства лидерства и социальной иерархии связаны с ритуальными сооружениями и церемониями, которые в них осуществлялись. Говоря словами Фейнмана, объединение в Эйвбери пережило эпоху корпоративной стратегии от периода курганов, когда иерархия и лидерство были минимальными и, возможно, еще не устоялись, вплоть до зры хенджей и холмов со следами эффективной и хорошо организованной системы лидерства и социальной иерархии.

⁵ Джордж Кауджилл недавно выступил с предостережением по поводу того, что хотя эта модель представляется исключительно полезной при ее применении можно допустить существенные перегибы («все выглядит как гвоздь, если вы только что открыли молоток») и что хотя она привносит новые характеристики, не затронутые в классических неэволюционистских типологиях, это по-прежнему дихотомическая модель. «Это, – полагает он, – может пролить бальзам на душу леви-строссовских структуралистов, которые изучают нас», но не объясняет разнообразия известных социальных форм (Cowgill 1998). Несмотря на это, она полезна как каждая модель (и необязательно должна противопоставляться неэволюционистской схеме) и представляет собой один из частных путей исследования роли религии и коммуникации в социокультурной эволюции.

Корпоративная и сетевая стратегии в культуре TRB

Культура TRB представляет интерес, поскольку она занимает центральное место в становлении сложной социальной организации в Европе. Есть все причины считать, что сетевая и корпоративная стратегии могли сосуществовать в пределах одной культурной области. Кроме того, похоже, что влияние религии и коммуникации было существенным фактором формирования региональных различий. В северном ареале TRB можно обнаружить элементы корпоративной стратегии, когда большинство данных о неравенстве относятся к религиозной сфере, тогда как в южном ареале очевиден упор на сетевую стратегию, связанную с обширной системой коммуникаций. Одновременно существует значительно меньше свидетельств того, что на юге социальная энергия фокусируется на религии.

Культура колоколовидных кубков комплекса TRB распространена от Западной Украины до Нидерландов и от Чехии до юга Норвегии (Midgley 1992)⁶. Самые ранние погребения TRB – это простые могилы, некоторые из них закрыты скромными насыпями (Ebbesen 1988). 300 лет спустя простые могилы и деревянные погребальные камеры на севере постепенно дополняются небольшими мегалитическими камерами, но первые продолжают существовать во всем ареале TRB. В то же время на севере появляются вымощенные городища. Находки колес и остатков повозок в захоронениях, по-видимому, располагаются вдоль древних дорог вблизи вымощенных городищ (Baldia 1998, Bakker 1976, 1991).

Вымощенные городища, например в Саарупе, обычно рассматриваются как ритуальные постройки (Andersen 1992; см. также Edmonds 1993, Bradley 1993, Midgley et. al. 1993). Мадсен и Андерсен полагают, что городища были местом, где собиралось население окрестных деревень, а связанные с ними мегалитические гробницы служили для ритуальных целей. Неизвестно, когда их сооружение прекратилось; скорее всего, это варьирует от региона к региону. Скааруп считает, что создание 25000 датских погребений завершилось около 3200/3100 гг. до н.э., задолго до конца TRB около 2900/2800 гг. до н.э. (Skaarup 1990:75, 1993:104). Приблизительно в это же время датские вымощенные горо-

⁶ Ранняя датировка длинных насыпей в Сарново (Bakker et al. 1969; Midgley 1985, 1992) до сих пор вызывает дискуссии и отвергается (Baldia 1995, Fischer 1987, Jankowska and Wis'lan'ski 1991). Это относится также к датировкам длинных насыпей в Баркере (Liversage 1992), которые предшествуют керамике раннего неолита II (РН II), найденной в могилах. Датировки частично раскопаного длинного кургана в Крикепинге, Сконе также предшествуют появлению этой керамики (Larsson 1994). Широко варьирующиеся даты из Жупавы в Польше (Midgley 1985) считаются аномальными (Baldia 1995).

дища, по-видимому, превращаются в централизованные поселения. На севере к концу TRB относится укрепленная деревня Сподсбьберг (Skaagur 1985). Хотя торговля и коммуникация внутри ареала TRB и между его ближайшими соседями функционировала с использованием колесного транспорта и по воде, но после 3000 г. до н.э. межрегиональные связи достигают нового уровня. В их систему, возможно, были включены Ближний Восток и Причерноморье (Primas 1996: 110–112).

В Северном ареале TRB, помимо масштабных гробниц и городищ, существовала значительная церемониальная архитектура, хотя ничего сравнимого с Эйвбери или Силбери Хилл в континентальной Европе нет. В Моравии мы встречаем целую серию укрепленных поселений на холмах, что может быть связано с тем, что власть моравских лидеров основывалась на иных принципах. Наиболее значительное из этих поселений – Рмис, в котором были возведены самые ранние каменные стены в Центральной и Северной Европе. Их сооружение свидетельствует о большей необходимости организовать оборону на южных рубежах TRB, чем на севере, где население направляло свои усилия на строительство вымощенных городищ. Кроме того, тогда как скандинавские городища типа Саарупа заселялись достаточно поздно, Рмис с самого начала был густонаселенной крепостью. Ранние укрепления состояли из двух частей: внутреннего ядра (9,4 га), окруженного каменной стеной и валом, и внешней линии (ров и палисад), в целом защищающей территорию площадью 17 га. Городище продолжало расширяться, и позднее его обитатели соорудили новый вал, хотя параллельно под холмом возникло неукрепленное поселение, специализировавшееся на добыче меди (Smid, в печати).

Как и на севере, моравские центры ассоциируются с тумули и длинными курганами, хотя нам неизвестны южные мегалитические гробницы. Облицованный каменными плитами вал в Рмисе свидетельствует о том, что в Южном ареале TRB тоже существовала традиция мегалитических сооружений, но она реализовалась в других формах. Энергия была сфокусирована на производстве меди и торговли с культурой Мондзее в Австрии на юго-западе и с северным ареалом TRB (Baldia, в печати). Коммуникации пролегли между стратегически расположенными поселениями на холмах. Наибольшая плотность населения отмечается около Рмиса, где три самых ранних укрепленных поселения расположены в нескольких километрах одно от другого и охраняют систему долины Оломоуца и «Моравские ворота». Взятые вместе – сложная система фортификаций, плотность поселений, количество и характер погребений, добыча меди – являются очевидными индикаторами сетевой стратегии.

В северной TRB лидеры обратились к корпоративной стратегии, свидетельством чего является обширное монументальное строительство, ритуальные жертвоприношения в болотах, сбалансированное распределение богатств, контроль за ритуальным знанием и связанные с этим пиршества, которые легитимизировали связи лидеров с предками. Прекрасно обработанные каменные боевые топоры и навершия булавы считались символами статуса и, возможно, служили символами власти. Встречающиеся в захоронениях привозная медь и, правда, редкое золото предполагают важность персонального статуса и, возможно, существование смешанной стратегии с элементами сетевой организации.

Культуры юга TRB развивались на местной основе или были принесены извне в ареал обитания земледельческих общин культуры ленточной керамики, соорудивших вымощенные городища, которые обычно интерпретируются как ритуальные центры. Торговля медью с югом указывает на сетевую стратегию. Загадочное городище Макораси, близ Праги – единственный памятник с вероятными ритуальными функциями, но здесь тоже встречаются следы торговли с альпхаймской культурой в Баварии (Pleinerova 1981). Остальные поселения, от Халле-Долауэр Хайде до моравских, были крепостями. Каменная стена и два рва в Рмисе вместе с двумя группами погребений, одна из которых состоит из 58 тумули и длинных насыпей, предполагают иную форму социальной организации, чем на севере. Большое количество медных изделий в Глинско и «отремонтированная» дорога из булыжника, ведущая через вал на холме, местоположение укрепленных городищ – все это говорит о концентрации богатства, а также о контроле за торговлей и системой коммуникаций (Baldia, в печати; Podborsky et al. 1993).

Выводы

Очевидно, что в неолитической Европе существовали и корпоративные, и сетевые стратегии. Незначительный акцент на групповые ритуалы или сеть коммуникаций на ранних этапах развития социального неравенства способствовали выбору направления, в котором дальше развивалась та или иная область. Мы не совсем уверены, что данные, справедливые для Эйвбери, относятся к континенту или к другим случаям генезиса сложной социальной организации, но очень вероятно, что на севере религия играла значительную роль в развитии и укреплении лидерства, в то время как на юге решающим фактором была коммуникация. Эти различия в свою очередь повлияли на дальнейшее развитие неравенства и дифференциацию сложных обществ Европы в неолите.

Поселения Моравии нуждаются в дальнейшем изучении, которое позволит более детально сравнивать этот ареал с Северной Европой. Область с центром в Рмисе дополняет наши знания о процессах эволюции социальной организации (Smid 1998), в частности о моделях возникновения вождеств в условиях быстрого распространения новых технологий (металлообработка, колесный транспорт и монументальная архитектура). Социальное напряжение усиливалось из-за конкуренции между производителями меди и, возможно, из-за межобщинного соперничества, что следует из широкого распространения укрепленных поселений на холмах. Потребность в военной защите была, по-видимому, важным механизмом становления наследственной власти. Рмис стоит у самых истоков тех процессов, которые привели к появлению воинственных вождеств по всей Северной Европе на заре истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Abrams E.M. 1989. Architecture and Energy: An Evolutionary Perspective // *Archaeological Method and Theory*. Vol. 1. / Ed. by M.B.Schiffer. Tucson: 47–87.
- Andersen N.H. 1997. *Sarup* Vol. 1: *The Sarup Enclosures*. Jutland Archaeological Society Publications XXXIII:1. Erhus, Aarhus University Press.
- Andersen S.Th. 1992. Early- and Middle-Neolithic Agriculture in Denmark: Pollen spectra from soils in burial mounds of the Funnel Beaker culture // *Journal of European Archaeology*. Vol. 1: 153–180.
- Artemova O.V. 1998. *Some Forms of Social Inequality in the Evolutionary Perspective* // Paper presented at Concepts of Humans and Behavior Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approaches, an International Conference of the European Sociobiological Society and the Institute of Cultural Anthropology, Russian State University for Humanities, Moscow, May 31 to June 4, 1998.
- Atkinson R.J.C. 1960. *Stonehenge*. L.: Penguin.
- Atkinson R.J.C. 1961. Neolithic Engineering // *Antiquity*. Vol. 35: 292–299.
- Bakker J.A. 1976. On the Possibility of Reconstructing Roads from the TRB Period // *Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek*. Vol. 26: 63–91.
- Bakker J.A. 1991. Prehistoric long-distance roads in North-West Europe // *Die Kupferzeit als historische Epoche*. Symposium Saarbrücken und Otzenhausen 6–13. 11. 1988 (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde, 55) Saarbrücken, 1991: 505–528.
- Bakker J.A., Vogel J.C., Willaoski T. 1969. TRB and other C-14 Dates from Poland (c. 4350–1350BC and 800–900AD) // *Helenium*. Vol. IX № 3: 209–238.
- Baldia M.O. 1995. *From Dolmen to Passage- and Gallery Graves: An Interregional Construction Analysis* // Paper Delivered at the conference: Megalithic Tombs: Their Context and Construction. 25 June 1995. Kalundborg, Denmark. (In Press.)
- Baldia M.O. 1998. *Causewayed Enclosures, the Oldest Roads, the First Wagon Tracks, and the Development of Megalithic Tombs in Southern Scandinavia and Central Europe* // Paper Presented at the 63rd Annual Meeting of the Society for American Archaeology, Seattle, Washington, March 1998.

- Baldia M.O.** In Press. Copper and the Origin of Megalithic Tombs, Wheels, Wagons, and Roads in North/Central Europe // *Metals in Antiquity* / Ed. by S.Young and P.Budd. Oxford: Archaeopress.
- Barrett J.** 1994. *Fragments from Antiquity: An Archaeology of Social Life in Britain, 2900–1200 BC.* Oxford: Blackwell Publishers.
- Blanton R. E., Feinman G.M., Kowalewski S.A., Peregrine P.N.** 1996. A Dual-Processual Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // *Current Anthropology*. Vol. 37, № 1: 1–14.
- Bradley R.** 1993. *Altering the Earth: The Origins of Monuments in Britain and Continental Europe.* Edinburgh: Society of Antiquaries of Scotland.
- Carter S.L.** 1993. *The Culture of Disbelief: How American Law and Politics Trivialize Religious Devotion.* N. Y.: Basic Books.
- Castleden R.** 1987. *The Stonehenge People: An Exploration of Life in Neolithic Britain 4700–2000 BC.* London: Routledge and Kegan Paul, Ltd.
- Cowgill G.** 1998. *Teotihuacan: Maybe a Constrained Monarchy or an Oligarchic Republic?* // Paper presented at the 63rd Annual Meeting of the Society for American Archaeology, Seattle, Washington, March 1998.
- Earle T.** 1997. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory.* Stanford (Cal.): Stanford University Press.
- Ebbesen K.** 1994a. Simple, tidligneoletiske grave // *Aarboger for nordisk Oldkyndighed og Historie*. 1992: 47–102.
- Edmonds M.** 1993. Interpreting Causewayed Enclosures in the Past and the Present // *Interpretive Archaeology* / Ed. by Ch.Tilley. Providence: 99–142.
- Feinman G.M.** 1995. The Emergence of Social Inequality: A Focus on Strategies and Processes // *Foundations of Social Inequality* / Ed. by P.T.Douglas and G.M.Feinman. N. Y.: 255–279.
- Feinman G.M.** 1998a. *Corporate Hierarchies: An Application to the American Southwest* // Paper presented at the 63rd Annual Meeting of the Society for American Archaeology, Seattle, Washington, March 1998.
- Feinman G.M.** 1998b. *Discussion*, for the symposium «Corporate or Network? Alternative Leadership Strategies in the Greater Southwest» organized by Barbara Mills. Commentary presented at the 63rd Annual Meeting of the Society for American Archaeology, Seattle, Washington, March 1998.
- Fischer U.** 1987. Book review: Magdalena S. Midgley, The Origin and Function of the Earthen Long Barrows of Northern Europe // *Helenium* 27/1.
- Gazin-Schwartz A.** 1997. Review of Ch.Tilley's An Ethnography of the Neolithic // *American Antiquity*. Vol. 62 № 4: 763–764.
- Harris M.** 1979. *Cultural Materialism: The Struggle for a Science of Culture.* N. Y.: Random House.
- Hayden B., Gargett R.,** 1990. Big Man, Big Heart?: A Mesoamerican View of the Emergence of Complex Society // *Ancient Mesoamerica*. Vol. 1: 3–20.
- Jankowska D.** 1980. *Kultura pucharow lejkowatych na Pomorzu e'rodkowym: Grupa Jupawska.* Poznan: Wydawnictwo Naukowe Uniwersitetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.
- Jankowska D.** 1994a. Umweltbedingungen der Neolithisierung im südlichen Ostseegebiet I // *Bodendenkmalpflege in Mvcklenburg-Vorpommern*. 1993: 7–18.
- Jankowska D.** 1994b. Frühneolithische Elemente in der mittelpommerischen Jupa-Gruppe der Trichterbecherkultur // *Hoika and Meuers-Balke*. 1994: 137–154.
- Jankowska D., WiulaOski T.** 1991. Trichterbecherkultur im polnischen Tiefland: Die wichtigsten Forschungsprobleme // *Die Trichterbecherkultur: Neue Forschungen und Hypothesen*. Vol. II / Ed. by D.Jankowska. Poznan: 53–65.

- Johnston D. 1994. Introduction: Beyond Power Politics // *Religion, The Missing Dimension of Statecraft* / Ed. by D.Johnston and C.Sampson. N. Y.: 1-7.
- Kolb M.J. 1994. Monumentality and the Rise of Religious Authority in Precontact Hawai'i // *Current Anthropology*. Vol. 35: 521-547.
- Larsson L. 1994. Faoad for the Dead: A Preliminary Report on the Excavation of a Long Barrow in Southern Scania // *Meddelanden fren Lunds universitets historiska museum*. Vol. 9.
- Lasch C. 1995. *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*. N. Y.: W. W.Norton Company.
- Liversage D. 1992. Barkar, Longbarrows and Settlement // *Arkaeologiska Studier*. Vol. IX. Kobenhavn: Akademisk Forlag.
- Luttwak E. 1994. The Missing Dimension // *Religion, The Missing Dimension of Statecraft* / Ed. by D.Johnston and C.Sampson. N. Y.: 8-19.
- Madsen T. 1990. Changing patterns of land use in the TRB Culture of South Scandinavia // *Die Trichterbecherkultur: Neue Forschungen und Hypothesen I* / Ed. by D.Jankowska. Poznan: 27-41.
- Malone C. 1989. *Avebury*. London: Batsford and English Heritage.
- Marsden G. 1994. *The Soul of the American University: From Protestant Establishment to Established Nonbelief*. Oxford: Oxford University Press.
- Marsden G. 1997. *The Outrageous Idea of Christian Scholarship*. Oxford: Oxford University Press.
- Midgley M.S. 1985. *The Origin and Function of the Earthen Long Barrows of Northern Europe: (British Archaeological Reports, XX)* Oxford.
- Midgley M.S. 1992. *TRB Culture: The First Farmers of the North European Plain*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Midgley M.S., Pavlu I., Rulf J., Zapotocka M. 1993. Fortified Settlements or Ceremonial Sites: New Evidence from Bylany, Czechoslovakia // *Antiquity*. Vol. 67: 91-96.
- Pitts M. 1994. *Avebury and Stonehenge: The Greatest Stone Circles in the World*. Avebury: Stones Press.
- Pleinerov I. 1981. Cult features of Early Aeneolithic Age from Brvezno, by Louny. *Archaeological News in the Czech Socialist Republic // X Congres International de Scences Prehistoriques et Protohistoriques*. Mexico, Prague and Brno: 34-36.
- Podborsky V. et al. 1993. *Pravike Dijiny Moravy. Vlastivida Moravsk. Zemi a Lid*. Nov. 3. Muzejni a vlastividna spolenost, Brno.
- Primas M. 1996. *Velika Gruda I. Tumulus burials of the early 3rd Mill. BC in the Adriatic: Velika Gruda, Mala Gruda and their context*. (Universitätsforschungen zur Prehistorischen Arcaeologie). Vol. 32. Bonn: Habelt.
- Rappaport R.A. 1968. *Pigs for the Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People*. New Haven: Yale University Press.
- Renfrew C. 1973. Monuments, Mobilization and Social Organization in Neolithic Wessex // *The Explanation of Culture Change: Models in Prehistory* / Ed. by C.Renfrew. Pittsburgh: 539-558.
- Skaarup J. 1985. *Yngere Stenalder pa oerne syd for Fyn*. Rudkobing: Langelands Museum.
- Skaarup J. 1990. Burials, votive offerings and social structure in Early Neolithic farmer society of Denmark // *Die Trichterbecherkultur: Neue Forschungen und Hypothesen I* / Ed. by D.Jankowska. Poznan: 73-91.
- Skaarup J. 1993. Megalithgrave // *Digging into the Past: 25 Years of Archaeology in Denmark* / Ed. by B.Storgaard. Arhus: 104-109.
- Smid M. 1998. *Rmiz: The Oldest Fort With Stone Faced Rampart, and Its Significance in the Neolithic-Copper Age Moravian Landscape* // Paper presented at the symposium, Prehistoric

Communication: The First Wheels, Roads, Metals, and Monumental Architecture, of the 63rd Annual Meeting of the Society for American Archaeology, Seattle. Washington, USA, March 27, 1998.

Smid M. In Press. *Rmiz near Laskov, an Early Neolithic Fort: A Contribution to the Knowledge of the Old and Middle Eneolithic in Central Moravia* // *Antiquity*.

Thomas J. 1990. *Reading the Neolithic*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ucko P.J., Hunter M., Clark A.J., David A. 1991. *Avebury Reconsidered: From the 1660s to the 1990s*. L.: Unwin Hyman.

Wason P.K. 1994. *The Archaeology of Rank*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wason P.K. 1994b. Review of «The Culture of Disbelief» by Stephen Carter // *Perspectives on Science and the Christian Faith, Journal of the American Scientific Affiliation*. Vol. 46 № 3: 212–213.

Wason P.K. 1997. *Naturalism and Scientific Aspirations in the Anthropology of Religion* // Paper presented at the «Naturalism, Theism and the Scientific Enterprise» conference, University of Texas, Austin in February 1994.

Wills W. 1998. *Archaeological Models for Leadership During the 11th and 12th Centuries A. D., Chaco Canyon, New Mexico* // Paper presented at the 63rd Annual Meeting of the Society for American Archaeology, Seattle, Washington, March 1998.

Wood D.J., Wason P.K. 1993. *Watch My Lips* // *Leading Light: Christian Faith and Contemporary Culture*. Vol. 1 № 2: 5–7.

БЕЗГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОЛИС: РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО¹

М. Берент

При обсуждении монархической формы политического устройства Аристотель ставит следующий вопрос о вооруженной охране:

«должен ли вступающий во власть иметь в своем распоряжении военную силу, опираясь на которую он будет в состоянии заставить повиноваться себе тех, кто этого не желает, а иначе как он может справиться с управлением? Ведь если бы даже он был полновластным владыкой по закону и не совершал ничего по своему произволу и вопреки закону, все-таки у него, несомненно, должна быть в распоряжении известная сила, опираясь на которую он будет в состоянии охранять законы» (Aristotle. *Politics* III.15, 1286b 27–30; Tr. Ernest Barker, *The Politics of Aristotle* Oxford, 1946).

Это высказывание должно показаться странным современному читателю, который может принять его за обоснование необходимости существования такой стражи и того, что она должна быть не только в связи с особой формой правления – монархией, но и при любой другой форме правления. Но вопрос о «страже» как аппарате принуждения вовсе не поднимается в рассуждениях Аристотеля о двух других ее формах – аристократии (или олигархии) и демократии (или политии). Причина этого состоит в том, что, в отличие от традиционного понимания полиса, последний был не государством, а, скорее, тем, что антропологи называют «безгосударственным обществом». Под последним понимается относительно эгалитарное нестратифицированное общество, характеризующееся отсутствием аппарата принуждения, а это означает, что право на использование насилия не монополизировалось правительством или правящим классом, и возможность использовать силу

¹ Эта глава основана на моей диссертации, защищенной в Кембридже. Выражаю особую благодарность профессору Эрнесту Геллнеру, который рецензировал ее и ранние версии данной работы, и моему руководителю доктору Полу Каргледжу за помощь в работе над диссертацией.

более или менее равномерно распределена среди вооруженного или потенциально вооруженного населения. Так как полис был безгосударственным, в нем не было готового государственного аппарата, над которым тот, кто хотел или должен был управлять, мог бы осуществлять контроль. Таким образом, личная стража должна была специально создаваться для него.

Указанная проблема не существовала для аристократии и демократии, поскольку при этих формах управления не было единоличного правителя и считалось, что при обоих типах правления принудительная сила, необходимая для собственной защиты, получается непосредственно от их «естественных» сторонников: аристократия – от «лучших людей», а демократия – от народа. Это наблюдение может быть подтверждено случаями, когда подобные формы правления рушились. Например, в Афинах в 462 г. до н.э. отсутствие 4000 гоплитов, взятых Кимоном, чтобы помочь Спарте подавить восстание илотов в Мессении, облегчило демократические преобразования, начатые Эфиальтом, тогда как отсутствие тысяч фетов, когда флот базировался на Самосе, было жизненно важным для олигархического переворота 411 г. до н.э. (Finley 1981: 29).

В то время как сейчас общепризнано, что раннее государство играло значительную роль «в непосредственной эксплуатации производителей через налоги, принудительный труд и другие повинности» (Khazanov 1978: 87), безгосударственность полиса означает именно то, что он не был инструментом для присвоения прибавочного продукта, и способы эксплуатации, свойственные ранним аграрным государствам, не существовали в древнегреческом мире (по крайней мере, до эпохи эллинистических империй).

Безгосударственность полиса делает социальную антропологию дисциплиной, в рамках которой возможен его анализ. Тем не менее такой анализ не может быть осуществлен без каких-либо ограничений. Основное препятствие в применении социальной антропологии на греческой почве состоит в том, что антропологи имеют тенденцию отождествлять безгосударственное общество с племенем (Gellner 1981: 24–26; 1988a: 152; 1991: 64), в то время как общепризнано, что классический полис не был племенным, и сегодня вызывает большие сомнения, существовала ли вообще племенная форма социальной организации в древней Греции, даже в архаическую эпоху. Будучи и негосударственным и неплеменным, полис ставит под сомнение многие основные положения современной социальной антропологии, например положение о том, что государство является необходимым условием для цивилизации или что безгосударственные общества относятся к первобытным,

тогда как греческое общество было и цивилизованным, и безгосударственным. Следовательно, современная социальная антропология не только игнорировала безгосударственность античного полиса, а наоборот, ее эволюционистская школа усилила миф о классическом «греческом государстве», добавив к нему еще один – об архаическом «греческом племени».

1. Полис и государство²

Определения

В широком смысле традиционные определения государства могут быть разделены на две группы: а) социальной стратификации и б) власти или структуры управления (Cohen 1978a: 2–5; 1978b: 32–34)³.

Определения, исходящие из феномена стратификации, подчеркивают корреляцию между государствами и стабильным существованием общественных классов. В этих определениях государство или идентифицируется с правящим классом, или рассматривается как подконтрольное правящему классу и используемое в качестве инструмента для присвоения прибавочного продукта. Хотя эти дефиниции обычно связывают с марксизмом и в особенности с «Происхождением семьи, частной собственности и государства» Энгельса, стратификация сегодня рассматривается как универсальный коррелят ранних (и древних аграрных) государств (Claessen and Skalnik 1978: 20–21). Так, Геллнер отмечает, что:

«В типичной агро-бюрократической политике, правящий класс образует незначительное меньшинство населения, жестко отделенное от основного большинства непосредственных сельскохозяйственных производителей или крестьян. Говоря в общем, ее идеология, скорее, преувеличивает, чем преуменьшает классовое неравенство и степень разделения внутри правящего слоя, который может дробиться на ряд более специализированных слоев: воины, жрецы, служащие, администраторы, бюргеры. Система в целом благоприятствует горизонтальному расслоению в культуре и может способствовать его появлению и усилению, если оно отсутствует» (Gellner 1983: 9–10)⁴.

² Некоторые изложенные здесь идеи я уже высказывал, но повторю их для большей ясности моей аргументации (см.: Verent 1996: 36–59; 1998: 331–362).

³ Я несколько модифицировал точку зрения Коэна, ограничившись традиционными определениями государства.

⁴ Позиция Геллнера отличается от классического марксизма. Согласно последнему, стратификация или возникновение классов должно предшествовать сложению государства. Таким образом, классический марксизм рассматривает государство как «тремя силу» и следствие классовой борьбы между управителями и управляемыми. Гел-

Сам Геллнер не думает, что его модель аграрного государства применима к классическому греческому миру, отмечая, что там не было горизонтальной культурной дифференциации и господства военно-жреческой страты (Gellner 1983: 14; 1988a: 22). Граждане полиса не были профессиональными солдатами или администраторами. Кроме того, горизонтальное разделение в культуре, которое Геллнер считает характерным для стратифицированных аграрных обществ, также отсутствовало в греческом случае; греки возникли из «темных веков» как «народ» Гомера, в котором никакой класс не имел монополии на грамотность и культуру. Геллнер называет греческое общество «обществом без господства» (*ibidem*).

Конечно, невозможно отрицать существование в полисах эксплуатации (особенно рабов) или привилегированных групп (особенно граждан). Также невозможно отрицать, что в определенном смысле граждане полиса обладали монополией на применение силы. Это обуславливает необходимость предпринять попытку модифицировать модель аграрного государства Геллнера, чтобы сделать ее применимой к древнегреческому материалу. Я возвращусь к этому вопросу позже.

Второй набор дефиниций государства фокусируется на структуре самого управления, когда во внимание принимаются институализированная иерархия и централизация, территориальная независимость и монополия на использование насилия (Cohen 1978b: 34). Здесь лучшим отправным пунктом было бы, вероятно, знаменитое веберовское определение государства как организации, обладающей легитимной монополией на применение силы (Weber 1978: 54). Так, Геллнер пишет:

«Государство – это институт или совокупность институтов, особо связанных с поддержанием порядка (независимо от того, с чем еще они могут быть связаны). Государство существует там, где специализированные органы поддержания порядка, как, например, полиция и суд, отделились от остальных сфер общественной жизни. Они и есть государство» (Gellner 1983: 4).

Это определение далеко от того, чтобы быть верным для полиса. Зачаточный характер государственного аппарата принуждения в полисе был отмечен сэром Мозесом Финли. За некоторыми исключениями (Спарта, Афинский военно-морской союз и тирании) полис не располагал постоянной армией. Только в тираниях существовала «милиция», использовавшаяся для выполнения карательных функций (Finley 1983: 18–20)⁵. Что касается полиции, то представляется общепризнан-

нелер, напротив, отождествляет правящий класс с самим аграрным государством и ограничивает борьбу за власть только правящей стратой (т.е. в марксистских терминах он идентифицирует только «одну силу» – правящий класс). (См. также Мапп 1988: 48–49.)

⁵ Тирании же были на самом деле попытками централизовать средства принуждения, т.е. создать государство.

ным, что в древних полисах «так и не была разработана соответствующая полицейская система» (Badian 1970: 851); близко к ней было только обычно «небольшое число общественно используемых рабов в распоряжении различных магистратов» (Finley 1983: 18).

Отсутствие публичного аппарата принуждения означало, что возможность применять силу была равномерно распределена среди вооруженных или потенциально вооруженных членов общества, т.е. среди полноправных граждан. Таким образом, как отмечал Линтотт, порядок поддерживался посредством самопомощи и самозащиты (с помощью друзей, соседей, семьи) (Lintott 1982: 26; Rihl 1993: 86–87). Не было никакой общественной системы обвинения, и судебные дела выносились на народные суды заинтересованными партиями или добровольцами. Аналогично судебные решения выполнялись не чиновниками, а заинтересованными партиями, и иногда самими судившимися.

В Афинах, например, в качестве государственного аппарата для поддержания закона мог бы рассматриваться институт Одиннадцати, которые надзирали за содержанием под стражей и казнями и, подобно большинству афинских магистратов, были обычными гражданами, избранными голосованием на один год. Обыкновенно Одиннадцать не осуществляли арестов по собственной инициативе. Аресты выполнялись заинтересованными лицами или добровольцами (Lintott 1982). Более того, в классических полисах тюремное заключение не являлось обычной формой судебного наказания (Todd 1990: 234) (что не удивляет, поскольку тюрьмы – это часть бюрократического государственного аппарата). В Афинах больше была распространена практика содержания обвиняемых в общественной тюрьме под надзором Одиннадцати до совершения суда или казни⁶. Одиннадцать несли также ответственность за казнь без суда *kakourgoi*, т.е. грабителей, воров и других преступников, которые были пойманы с поличным и признались. Опять-таки, *kakourgoi* не арестовывались самими Одиннадцатью, а передавались в их руки гражданами (Hansen 1976: 9–25). В Афинах существовал, кроме того, отряд скифских лучников, «вероятно, более декоративный, чем полезный, особенно для поддержания порядка в судах и собраниях» (Badian 1970: 851). Во всяком случае, они не представляли «ничего похожего на полицию в современном смысле» (Hansen 1991: 124)⁷.

⁶ Также должники, приговоренные к уплате штрафа, могли быть взяты под стражу до выплаты долга (см.: MacDowell 1978: 257).

⁷ Спарта имела «тайную полицию» (*krupteia*), которая использовалась только против илотов (Badian 1970: 851; Cartledge 1987: 30–32). Даже в этом случае Спарта представляет редкое исключение, которое нуждается в специальном обсуждении.

Хотя этот институт может до некоторой степени рассматриваться как полицейская сила, его зачаточный характер становится очевидным, если принять во внимание численность населения в Аттике (более 200 000 человек, включая не-граждан [Gomme and Hopper 1970: 862]). Финли подчеркивает, что:

«Ни полицейские действия против индивидуальных злодеев, ни критические меры против крупномасштабной «подрывной деятельности» не говорят нам, как греческие города-государства или Рим могли поддержать правительственные решения – от внешнеполитических до налоговых и правовых, когда они очевидно не располагали средствами, чтобы, по образному выражению Ласки, «принудить оппонентов правительства, сломить их волю, заставить их подчиниться»» (Finley 1983: 24).

Что касается дифференциации или отделения государственных учреждений «от остальных сфер общественной жизни», Финли также отметил, что Афины с их впечатляющими политическими учреждениями и «империей» совсем не имели бюрократии (Finley 1977: 75). Политические учреждения Афин – Народное собрание (*ekklesia*), Совет (*boule*) и суды (*dikasteria*) – были общественными, не отделенными от *демоса*⁸. Различные должности в Афинах (большинство магистратур, включая архонтов, но не стратегов (*strategoî*)) занимались на один год (Finley 1977: 75). Кратковременные назначения на политические должности – иной путь предотвращения отделения государства от общества. Это прямо сказывается на «конституционной» и фактической власти этих должностных лиц. «Это ведет к выжиманию чего-либо такого, что могло бы быть охарактеризовано как собственно исполнительная власть, и низводит должностные лица до уровня индивидуумов, не делимых от народа» (Osborne 1985: 9).

Управление в Афинах можно рассматривать двояко – с точки зрения институтов и должностных лиц, с одной стороны, и с точки зрения людей, определяющих политику, с другой. В то время как политические учреждения комплектовались дилетантами, что указывает на отсутствие разделения труда, с одной стороны, можно говорить о некоторого рода разделении труда, принимая во внимание «профессиональных политиков» в Афинах – *демагогов* и тех, кто выступал в Народном собрании, с другой стороны. И все же, в том смысле, в котором эти люди могли бы называться правительством, это было, несомненно, негосударственное правительство. Афинский лидер не занимал никаких формальных постов и не имел в своем распоряжении государственного

⁸ Это традиционная точка зрения. Однако Хансен полагает, что *dikasteria* (суды) были независимым органом (см., например: Hansen 1989: 102).

аппарата принуждения. Он был просто харизматической личностью, оратором (*демагогом*), который мог убедить людей в Народном собрании принять его политику, но он также рисковал потерять свое влияние (и жизнь!), а его политика могла быть отвергнута в любой момент (Finley 1985: 24).

Рабство

Существование эксплуатации (особенно рабов) и привилегированных групп (особенно граждан), как и то, что в определенном смысле граждане действительно имели монополию на применение силы, привело к попыткам модифицировать модель аграрного государства Геллнера, чтобы сделать ее пригодной для древнегреческого мира. Анализ этих модификаций мог бы еще более прояснить различия между полисом и аграрным, или ранним государством.

Наиболее очевидная модификация модели аграрного государства должна следовать И. Моррису в проведении основной разделительной линии (которая отделяет правителей от управляемых) между гражданами и рабами (Morris 1991: 46–49). Опять-таки рассмотрение граждан как «правлящего класса» противоречит модели аграрного государства Геллнера из-за отсутствия разделения труда: граждане не являются профессиональными солдатами или администраторами. Иная версия была предложена Рансимэном, который полагает, что полис должен отвечать двум основным условиям:

«Во-первых, полис должен быть юридически автономным в смысле обладания монополией на средства принуждения в пределах территории, на которую распространяются его законы. Во-вторых, его форма общественной организации должна основываться на различиях между гражданами, которые обладают монополией на применение силы, распределяют между собой бремя власти и объединены идеологией взаимного уважения, и не-гражданами, продукт труда которых контролируется гражданами, *даже если они делают ту же работу (но когда не воюют* [курсив мой. – М.Б.]» (Runciman 1990: 348).

Рансимэн рассматривает принуждение в образованиях, которые он называет «гражданскими государствами», как средство присвоения прибавочного продукта. Его модель допускает, что граждане выступают как единый организм по отношению к рабам или не-гражданам в целом. Справедлив ли такой взгляд?

Сейчас общепризнанно, что в древнегреческих полисах, за исключением Спарты, отсутствовали любые организованные военные силы или иные профессиональные подразделения для поддержания внутреннего порядка. Как в таком случае контролировались рабы?

Для древней Греции было характерно частное рабство; рабы принадлежали индивидуальным хозяевам, а не обществу в целом. Следовательно, что очень важно, контроль над рабами также был «частным». В одном из поясняющих пассажей «Республики» Сократ приравнивает рабовладельцев к тиранам. Управление рабами – это дело самого хозяина. Но почему тогда «эти хозяева ... не боятся своих рабов»? Ответ заключается в том, что «весь полис (*pasa e polis*) должен помогать (*boethei*) им» (Plato, *Republic* 578d-e, 361a-b)⁹. То, что Сократ имеет в виду взаимопомощь, а не какую-либо организованную или профессиональную помощь, становится еще более очевидным из следующего фрагмента:

«Но представьте себе теперь, что некий бог взял бы одного человека, который обладал пятьюдесятью или более рабами, и переместил бы его с женой и детьми, его товарами и движимым имуществом и его рабами в пустынное место, где не было бы никакого другого свободного человека, чтобы помочь ему; не будет ли он в большом страхе, что он сам, его жена и дети будут убиты рабами? (курсив мой. – М.Б.)» (Plato, *Republic* 578e.).

Здесь подчеркнута не отсутствие государства в пустынном месте и даже не отсутствие граждан, а отсутствие других свободных, которые составляют естественную группу, от которой могла бы прийти помощь. В аналогичном пассаже Ксенофонта в подобном контексте все хозяева рабов в общине действуют вместе как «добровольная стража» (Xen. *Hiero*, 4.3; см. также: Fisher 1993: 71–72).

Отсутствие готовой военной силы для подавления мятежей рабов дополняется тем, что «рабы никогда не представляли сплоченную группу ни в глазах своих владельцев, ни в своих собственных, так что (в большинстве случаев) они не были вовлечены в социальные конфликты» (Figueira 1991: 302; см. также: Naquet 1981; Szegedy-Maszak 1986: 159–167), и то, что мы не знаем ни одного восстания рабов в Древней Греции, за исключением Спарты. Но что касается последних, то илоты были не частными рабами, а местным населением, поработанным Спартой, и были способны восстать именно из-за своего этнического и политического единства, тогда как «частные рабы классической Греции этим условиям не отвечали» (Cartledge 1985: 46). И на самом деле, уже греки обнаружили, что рабами легко управлять, когда они разобщены. Так, Аристотель пишет:

⁹ Здесь я должен заметить, что традиционные переводы пропитаны этатизмом. Так, П. Шори переводит: «поскольку все государство готово защитить каждого гражданина», а Д. Ли – «потому, что индивидуум имеет поддержку от общества в целом». Упущенный момент связан с идеей самопомощи, которая передается словом *boethein*. *Boe* означает «крик о помощи». *Boe* был главным способом призыва соседей на помощь, и предполагалось, что люди ответят на этот крик. Слово *boethein* стало стандартным словом для обозначения взаимопомощи (см.: Lintott 1982: 18–20).

«Если говорить о желательном порядке, то лучше всего, чтобы землепашцы были рабами. Они, однако, не должны принадлежать к одной народности и не должны обладать горячим темпераментом; именно при таких условиях они окажутся полезными для работы и нечего будет опасаться с их стороны каких-либо попыток к возмущению» (Aristotle. *Politics*. Vol. VII. № 10. 1330a: 24–29)¹⁰.

Разобщение было важным средством контроля над рабами. Другим средством были манумиссии и определенная инкорпорация в греческое общество. В своем анализе рабства в Африке Майерс и Копытофф считают, что хотя акцент обычно делается на том, «как рабов исключают из общества,... В действительности проблема для общества состоит в том, как инкорпорировать чужака, продолжая обращаться с ним как с чужим» (Miers and Kopytoff 1977: 15–16). Соответственно, африканские рабовладельческие общества предоставляют рабам социальную мобильность от статуса полностью чужого до инкорпорированного в группу родственников, что Майерс и Копытофф называют «рабско-родственный континуум» (Ibidem: 19–26). В классической Греции манумиссия и определенная мобильность существовали наряду с тем, что может быть названо «рабско-гражданским континуумом». Потенциальным стимулом для крупномасштабных освобождений рабов в полисах была нехватка воинов и гребцов для армии и флота (Fisher 1993: 67–70). То, что обычно процесс инкорпорации рабов в гражданский коллектив полиса останавливался на раннем этапе и полная инкорпорация в гражданство была редкой и могла занимать больше времени, чем одно поколение, не принижает ценность существования обычая инкорпорации (Mortis 1987: 174). Важно иметь в виду, что греческие рабы были инкорпорированы культурно в греческое общество. В жалобах Платона, что в Афинах рабов нельзя распознать по внешности, возможно, преувеличивается распространенность этого феномена. Другими словами, культурного расслоения по горизонтали, которое Геллнер считает характерным для стратифицированных аграрных обществ, в греческом случае не было.

Отсутствие аппарата принуждения делало полис менее приспособленным для военного господства. Ценой такого доминирования было создание общества спартанского типа, где община превратилась в военный лагерь¹¹. Соответственно, хотя во многих случаях греческая ко-

¹⁰ Платон (Plato, *The Laws* 777) говорит, что «частые и повторяющиеся восстания в Мессении и в государствах, где много рабов, говорящих на одном и том же языке, уже достаточно показали порочность этой системы... Чтобы безопасно управлять рабами они не должны происходить из одной страны и говорить на одном языке» (см. также Garland 1988: 177–183).

¹¹ Кажется, подобные общины существовали на острове Крит, в Фессалии, Гераклеоне на Черном море, Сиракузах и т.д. (см.: Fisher 1993: 32–33).

лонизация начиналась с завоевания, новые полисы предпочитали либо уничтожать местных жителей, либо вытеснять их, либо продавать в рабство, но не порабощать и создавать общество спартанского типа (Rihl 1993: 92–105). Отсутствие механизмов принуждения также сохраняло численность рабов на определенном уровне. Таким образом, относительное количество рабов в составе населения также должно противоречить модели аграрного государства Геллнера. В то время как в последнем правители – это незначительная часть населения, в греческих полисах рабы (в данном случае, «управляемые») составляли самое большее 35–40 процентов всего населения (Fisher 1993: 34–36; Cartledge 1993: 135).

Эксплуатация

Представление о том, что (аграрное) государство являлось инструментом для присвоения прибавочного продукта, характерно не только для марксистов. В то же время особенность полиса, заключающаяся в том, что принуждение в нем основывалось в большей степени на самопомощь граждан, т.е. помощи добровольцев (а не носило организованный или профессиональный характер), означает, что полис, скорее, был не государством, а, как говорит Аристотель, представлял собой ассоциацию или партнерство (*kononia*). Конечно, сказанное не означает, что полисная экономика не базировалась на присвоении прибавочного продукта рабов (или «бедных» в широком смысле слова), но подразумевает, что рабство и эксплуатация могли существовать без государства. Это становится еще более ясным, когда мы проверяем, в какой степени способы эксплуатации, связанные с аграрным государством, характерны для полиса. Хазанов отмечает, что

«одна особенность большинства, если не всех, ранних государств заслуживает особого внимания, поскольку она может оказаться их отличительной чертой. Я имею в виду ту значительную роль, которую играло раннее государство в непосредственной эксплуатации производителей через налоги, принудительный труд и другие повинности» (Khazanov 1978: 87)¹².

Хиндес и Херст в своей работе «Докапиталистические способы производства» включают прямое государственное налогообложение, присвоение прибавочного продукта и принудительный труд в число характеристик античного способа производства (Hindess and Hirst 1985: 86–87). Сен Круа находит в греческом полисе те же самые способы экс-

¹² Греческое «государство» Хазанов относит не к раннему государству, а «к следующей, более высокой ступени государственного развития» (Khazanov 1978: 77).

плуатации. Он проводит различие между тем, что он называет прямой и индивидуальной эксплуатацией, с одной стороны (наемные работники, рабы, слуги, должники и т.п.), и косвенным или коллективным, т.е. государственным принуждением, с другой. Последнее, по определению Сен Круа, осуществляется тогда,

«когда налогообложение, воинская повинность, принудительный труд или другие повинности выполняются исключительно (или в непропорциональном соотношении) одним особым классом или классами... в пользу государства, контролируемого высшим классом» (de Ste. Croix 1981: 44).

Давайте проверим, в какой степени эти способы государственной эксплуатации (налоги, принудительная воинская повинность и принудительный труд) характерны для полиса. Что касается налогообложения, то сам Сен Круа соглашается, что «в городах доэллинистического периода оно могло часто быть совсем незначительным» (de Ste. Croix 1981: 206). Действительно, отсутствие прямого налогообложения граждан является общепризнанной особенностью полиса (Austin and Vidal-Naquet 1977: 121)¹³. Налогообложение обычно свойственно тираниям, но последние предпринимали реальные попытки централизовать власть, т.е. создать государство. Более того, бремя прямых налогов было не принудительной обязанностью (бедных афинян), а законным долгом богатых, которые выполняли литургии. Посредством системы литургий богатые несли огромное финансовое бремя, что компенсировалось соответствующими почестями. Тот факт, что, в общем говоря, экономическое бремя в полисе было возложено на богатых, а не на бедных, указывает на то, что греческий полис являлся, скорее, ассоциацией, чем государством. Конечно, можно возразить, что экономическое бремя косвенно лежало на бедных – ведь богатые эксплуатировали бедных. Однако это была «индивидуальная эксплуатация», а не «государственная эксплуатация».

Если мы перейдем ко второму способу государственной эксплуатации по Сен Круа, т.е. к принудительной воинской повинности бедных, то сам Сен Круа соглашается, что

«В греческих городах военная служба (гоплития) являлась “литургией”, возлагаемой на тех, кого я называю “имущими классами” » (de Ste. Croix 1981: 207).

Цитируя Маркса, который отмечал, что «военная служба в огромной степени ускорила разорение римских плебеев» (de Ste. Croix 1981: 208), Сен Круа, тем не менее, считает, что в то время как воинская повинность была тяжелым бременем для бедных, она «не была

¹³ По контрасту, не было сомнений в налогообложении неграждан (Austin and Vidal-Naquet 1977: 122–123).

серьезным бременем для тех состоятельных граждан, которым не надо было работать, чтобы обеспечить свое существование» (de Ste. Croix 1981: 207–208).

Однако, как говорит Пол Миллет, хотя это и было верно в отношении римских плебеев,

«в Афинах, если что-то похожее имело место, то, кажется, как раз наоборот, поскольку более богатые граждане несли на себе военные издержки, в то время как основная масса народа имела определенные преимущества» (Millet 1993: 184; Pritchett 1991: 473–485).

Утверждение Сен Круа о том, что военная служба разоряла бедных, игнорирует решающее значение войны в экономике аграрного общества вообще и в полисе в особенности. Война обещала ее участникам долю в добыче (Pritchett 1971: 82–84; 1991: 363–401; 438–504), и благодаря воинской службе люди могли избежать бедности, т.е. могли получить пищу и деньги (Pritchett 1991: 458–459)¹⁴.

Более того, история становления афинской демократии свидетельствует, что с классовой точки зрения (хотя, возможно, не с точки зрения индивида), призыв на военную службу был привилегией, а не бременем. Именно изобретение гоплитской фаланги ускорило падение аристократии с олигархией, а решающая роль афинского флота в поддержании империи ускорила становление демократии. Исходя из противоположных соображений и чисто классовой точки зрения, вооружение масс (т.е. их «призыв на военную службу») не входило в интересы олигархии. Аристотель отмечал, что олигархии стоят перед дилеммой: «Изменения внутри олигархий могут происходить по внутренним причинам, без какого-либо вмешательства извне, как во время войны, так и в мирное время. Они случаются во время войны, когда олигархи, не доверяя народу, вынуждены приглашать наемников. Если отряд этих наемников доверяет одному человеку, то он часто становится тираном, как стал тираном Тимофан в Коринфе; а если командование разделено между рядом лиц, они сами образуют правящую клику. Боязнь подобных последствий иногда вынуждает олигархию прибегать к силе народа и таким образом наделять его частью конституционных прав» (*Politics*. Vol. 6. 1306a и см. также: Plato, *Republic*. Vol. 551e)¹⁵ (курсив мой – М.Б.).

¹⁴ Другое дело, что одной из первых задач войны в древней Греции являлось уничтожение урожая и других сельскохозяйственных ресурсов (см.: Foxhall 1993: 134–136). Длительные вторжения влияли не на всех одинаково – земледельцы страдали больше остальных (Osborne 1987: 154; Foxhall 1993: 142–143).

¹⁵ В русскоязычном переводе С.А. Жебелева этот фрагмент выглядит несколько иначе: «Крушение олигархий может произойти и в военное, и в мирное время. Во время войны олигархи оказываются вынужденными не доверять народу, пользоваться наемными воинами, и тот, кому они их вручат, зачастую становится тираном, как, например, в Коринфе, Тимофан; а если их будет несколько, то они сами добиваются для себя династической власти; иногда, впрочем, страшась этого, представляют и народной мас-

Благодаря именно децентрализации и сравнительно эгалитарной природе полиса вынужденный «призыв на службу» становился препятствием на пути господства одного класса. Тем фактом, что многочисленные бедняки и богачи имели равное значение, подразумевалось, что вооружение масс, т.е. увеличение коэффициента их военного участия, должно было сопровождаться увеличением коэффициента их политического участия. Таким образом, исходя из внутренних условий, например война, «призыв на военную службу» возлагался, скорее, на привилегированных, чем на непривилегированных.

Далее, при тщательном анализе аргументов Сен Круа в пользу классовой эксплуатации в греческом полисе обнаруживается слабость его доводов в отношении того, что он называет «косвенной и коллективной» эксплуатацией, осуществляемой «государством под контролем высшего класса».

Отсутствие публичных институтов принуждения дополнялось отсутствием тех способов государственной эксплуатации, которые были характерны для ранних государств. Следовательно, по большому счету, греческий полис не был инструментом присвоения прибавочного продукта. Здесь возникает главный вопрос: как греки достигли «благой жизни» (термин Аристотеля – *Прим. отв. ред.*)? Или, другими словами, как им удалось обеспечить цивилизованный уровень жизни? Рабство – один из путей достижения «благой жизни», но недостаточный, потому что, вероятно, не было необходимого количества рабов. Мы должны помнить, что в аграрных государствах цивилизованное меньшинство, присваивавшее прибавочный продукт подавляющего большинства, являлось тончайшей прослойкой на фоне всего населения, в то время как в Афинах рабы составляли максимум 35–40 процентов от всего населения. Отсутствие аппарата принуждения делало увеличение численности рабов сверх определенного количества невозможным и опасным.

Таким образом, рабство должно быть подкреплено и дополнено войной. Это не должно удивлять нас. Как отметил Геллнер, в аграрном мире богатство, в общем, было легче приобрести путем насилия и грабежа, чем посредством труда. Должно ли насилие в конкретном аграрном обществе принимать форму принуждения или грабежа зависит от того, как распределяются средства принуждения. Большинство аграрных обществ являются авторитарными, т.е. стратифицированными обществами с государством, в котором средства принуждения централизованы и монополизированы правящим классом. В таких обществах участие в государственном управлении, так как им без содействия народа не обойтись» (Аристотель. Соч.: М., 1984 Т.4: 540). – *Прим. отв. ред.*

принуждение принимает форму государственного господства и государственного присвоения прибавочного продукта. Но есть и другой тип аграрных обществ – эгалитарные безгосударственные общины. Эти общества характеризуются высоким коэффициентом военного участия¹⁶, т.е. в военное время почти все вооружены. Для таких общин характерно то, что они сопротивляются принуждению. В таких безгосударственных общинах насилие должно было бы принимать форму обороны, грабежа и войны против внешнего мира (Gellner 1991: 62–63).

Решающее значение войны и военной добычи в экономике полиса давно признано. В «Федоне» Платон говорит, что «все войны предпринимались ради приобретения богатства» (66с), а Аристотель указывает пять способов приобретения средств к существованию: скотоводство, земледелие, пиратство, рыболовство и жизнь охотой» и считает войну «естественным способом приобретения средств» (Aristotle. *Politics*). Действительно, «война в древнегреческом мире являлась способом производства» (Rihl 1993: 183–184). Финли по этому поводу пишет следующее:

«Почему греческие полисы непрерывно воевали друг с другом? Нет простого ответа. В данной ситуации может быть достаточно указания на то, что греческие полисы испытывали недостаток в людских, земельных и материальных ресурсах, необходимых для того, чтобы обеспечить своим гражданам «благую жизнь», что являлось общепризнанной целью государства. Хронический дефицит ресурсов они могли преодолеть только за счет либо собственных граждан, либо других государств» (Finley 1981: 83; 1985: 158–159; Manicas 1982: 679–680).

II. Два плана управления – социальная антропология и греческий полис

Социальная антропология и миф о греческом государстве

Эволюционистская традиция, господствовавшая в социальной антропологии в конце XIX – начале XX столетий, утвердила представление о классическом греческом государстве. Согласно ее постулатам, человеческие общества постоянно эволюционировали, следуя одному и тому же образцу, хотя и не обязательно в одно и то же время. Существование примитивных безгосударственных обществ (таких как ирокезы Северной Америки) означало, по мнению эволюционистов, что каждое историческое западное общество должно было пройти через эту племенную стадию прежде, чем оно достигло своей государственной стадии.

¹⁶ Геллнер позаимствовал это выражение у С. Андрески.

Задача историков, а также антропологов состояла в том, чтобы попытаться выявить различные эволюционные стадии в истории каждого общества (Stone 1956: 56–58; Kuper 1988: 1–7). Греческое общество не подлежало исключению, наоборот, оно обычно иллюстрировало первый исторический переход от племенного общества к государству. Так, в своем труде «Древнее общество» Льюис Генри Морган писал:

«Можно принять в качестве предпосылки, что все формы управления сводятся к двум главным планам, причем слово «план» используется в его научном смысле. В своей основе они оба фундаментально различаются. Первый по времени основывается на личностях и на чисто личных отношениях; его можно отнести к обществу. Род является единицей этой организации, причем в архаический период он порождает последовательные стадии интеграции – род, фратрия, племя и конфедерация племен, которая образует народ или нацию (*populus*). Как таковой ... был существенной универсальной единицей организации древнего общества; и он сохранился у греков и римлян после вступления в цивилизацию. Второй основывается на территории и собственности, и его можно отнести к государству (*civitas*)... Политическое общество основывается на территориальном принципе и имеет дело с собственностью, а также с индивидами посредством территориальных отношений... Оно обложило налогами греков и римлян..., после того как они достигли цивилизации, ... чтобы объявить о начале второго плана управления, который сохраняется у цивилизованных народов до настоящего времени» (1877/1964: 13–14)

Здесь важно не только само допущение о том, что греческий полис являлся государством, но и идея дуальности, т.е., мысль о том, что, в принципе, могли существовать только два типа управления: племенное (и безгосударственное, хотя Морган не употребляет этот термин), с одной стороны, и государственное, с другой. В вышеупомянутой цитате появляется еще одна важная дуалистическая идея о том, что государство связано с частной собственностью, а племенное (и безгосударственное) общество – с общиной. Следовательно, если частная собственность и «классовая» борьба обнаружатся в классической Греции, то полис, должно быть, является государством (Starr 1986: 53–55). Третья важная дуалистическая идея Моргана заключается в том, что племя свойственно примитивным обществам, а государство – цивилизациям. Из этого можно заключить, что если греческий полис был цивилизованным, то – являлся государством.

Здесь, конечно, следует подчеркнуть вклад классического марксизма в понятие греческого «государства». Не может вызывать удивления тот факт, что теория Моргана была с энтузиазмом воспринята Марксом и Энгельсом и включена в каноническое марксистское учение

(Gellner 1988: 39–68, 52–54). В этом вопросе классическим марксистским текстом является «*Происхождение семьи, частной собственности и государства*» Энгельса. По Энгельсу, первой стадией эволюции у греков была безгосударственная община:

«Наконец, родовой строй вырос из общества, не знавшего никаких внутренних противоположностей, и был приспособлен только к нему. У него не было никаких других средств принуждения, кроме общественного мнения» (Engels 1884/1972: 228).

Однако такое общество не могло справиться с однажды возникшими частной собственностью и классовыми противоречиями и потому нуждалось в государстве:

«Здесь же возникло общество, которое в силу всех своих экономических условий жизни должно было расколоться на свободных и рабов, на эксплуататоров – богачей и эксплуатируемых бедняков, общество, которое не только не могло вновь примирить эти противоположности, но должно было все больше обострять их. Такое общество могло существовать только в непрекращающейся открытой борьбе между этими классами или же под господством третьей силы, которая, якобы стоя над взаимно борющимися классами, подавляла их открытые столкновения и допускала классовую борьбу самое большее только в экономической области, в так называемой законной форме. Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием – расколом общества на классы. Он был заменен государством» (Ibidem).

Энгельс не оставляет сомнений в отношении «государственного» характера античного полиса:

«Народное войско афинской демократии было аристократической публичной властью, направленной против рабов, и держало их в повиновении, но для того чтобы держать в повиновении также и граждан, оказалась необходимой ... жандармерия. Эта публичная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода...» (Ibidem: 230).

Современную марксистскую интерпретацию так называемой «классовой борьбы» в древней Греции можно найти у Сен Круа, в работе «*Классовая борьба в древнегреческом мире*», где он говорит:

«Мы можем согласиться, что то, что мы называем «государством», было для греков инструментом политейи, объединения граждан, имевших конституционные полномочия на управление... Поэтому контроль над государством был одним из призов, фактически главнейшим призом классовой борьбы в политическом плане. Это не должно удивлять даже тех, кто не может принять положение «*Коммунистического Манифеста*» о том, что «собственно так называемая политическая власть есть просто организованная сила одного класса для подавления другого» (De Ste. Croix 1981: 287).

Действительно, понятие классовой борьбы, как оно представлено в греческих источниках, где «классы» более или менее на равных ведут борьбу за господство, кажется, прекрасно подходит под понятие классовой борьбы в классическом марксизме. Приведем следующий количественный подсчет Аристотеля, когда он выступает в защиту правления среднего «класса», средней группы граждан:

«Из нашего аргумента становится ясным, во-первых, что наилучшей формой полисного общения является такое общение, при котором власть облекается средний класс, и, во-вторых, благое управление достижимо в тех полисах, где средний класс имеется в большом количестве – достаточно большом, если это возможно, чтобы быть сильнее двух других классов, но в любом случае, достаточно большим, чтобы быть сильнее каждого из них по одиночке; поскольку в этом случае его добавления к любому из них будет достаточно, чтобы помешать превращению любого из противоположных крайних элементов в господствующий» (*Politics*. Vol. IV. № 11. 1295b).

Хотя кажется, что данное описание замечательно согласуется с классической марксистской схемой, это выглядит проблематично с точки зрения модели аграрного государства, предложенной Геллнером. По Геллнеру, политика в аграрных стратифицированных государственных обществах ограничивается борьбой внутри правящей элиты. Таким образом, отсутствует проблема управляемого подавляющего большинства невооруженных непосредственных производителей (которые, как предполагается, эквивалентны греческим «беднякам»), стремящегося захватить контроль над государством. Действительно, именно здесь геллнеровская модель, кажется, противоречит классическому марксизму (Hall 1985: 28–32). Следовательно, с точки зрения Геллнера, то, что здесь описывает Аристотель, есть децентрализованное и эгалитарное общество. Способность использовать силу распределяется среди вооруженных и потенциально вооруженных членов общества; следовательно, каждый класс может располагать силой, и, как ожидается в эгалитарном обществе, эта сила зависит от численности группы. Она также может зависеть от типа вооружения, доступного различным группам. Таким образом, богатых, вероятно, могло быть меньше, чем бедных, поскольку они имели лучшее вооружение (например, доспехи гоплита). Тем не менее это общество еще является эгалитарным и децентрализованным, так как недостаток вооружения у бедных мог компенсироваться их численностью. Из подсчетов Аристотеля также видно, что различные элементы в обществе если и не одинаковы по численности, то, по крайней мере, сопоставимы по степени могущества.

Иная ситуация складывается в аграрных стратифицированных государственных обществах. В них правящие классы составляют незначительное меньшинство населения, в то время как подавляющее боль-

шинство – это крестьяне, производители. То есть принудительная сила полностью отделена от большинства. Далее, как уже отмечалось, в аграрных стратифицированных обществах политика ограничивается борьбой внутри правящей элиты. Таким образом, отсутствует проблема управляемого подавляющего большинства непосредственных производителей, стремящихся захватить контроль над государством¹⁷.

Здесь мы можем подойти к интересному выводу: единственная причина, по которой классический марксизм мог обнаружить в греческих источниках подтверждение собственного представления о классовой борьбе, представления, согласно которому потенциально мог господствовать каждый класс, состояла именно в том, что греческий полис не являлся (аграрным) государством, а, скорее, был безгосударственным и относительно эгалитарным обществом.

Важно отметить, что согласно приведенной выше цитате Аристотеля, «средний класс» преобладает благодаря тому, что он достаточно многочисленный, а не потому, что он установил господство над другими частями общества. Для этого у него нет средств: армии, участвующие в «классовой борьбе» или *стазисе*, – это не профессиональные армии граждан, и они существуют лишь до тех пор, пока длится военное столкновение. Возможно, конечно, что победившая партия пожелает господствовать, не захочет распуститься и разоружиться, а наоборот, будет стремиться к установлению тирании. Действительно, тирании представляют собой попытки захватить и централизовать власть, т.е. создать государство, и являются единственным примером, когда воины или стражники использовались для организации управления.

И все же обычно целью *стазиса* была не тирания, а, скорее, изменение конституции или присвоение конституционных прав. Особенно очевидно то, что изменение конституции вело к сокращению или увеличению количества граждан. Гражданство, не говоря уже о политическом, правовом и религиозном статусах, давало существенные экономические преимущества. Так, только граждане могли владеть землей, в афинском случае лишь граждане имели право на долю прибыли от разработки рудников. Только граждане имели доступ к общественным фондам (литургии, военной добыче, и – в афинском случае – сборам, поступавшим от империи). Граждане имели право на помощь из продовольственных запасов. Далее, как сообщает Аристотель, консти-

¹⁷ Как считает Майкл Манн, непосредственные производители и эксплуататоры могли объединяться против политической элиты в государстве, но не для того, чтобы изменить ее, а для того, чтобы ей не подчиняться. Таким образом, когда управляемые вовлекаются в классовый конфликт в аграрных государствах, они не стремятся захватить контроль над государством, а, скорее, пытаются его разрушить (Mann 1988: 51–56).

туция регулировала должностной порядок; она устанавливала виды должностей и их распределение между различными «элементами» корпуса граждан. Иногда отправление должностей было сопряжено с выгодой, как в случае с афинскими присяжными заседателями, *дикастами* (Finley 1976: 81–82; 1981; Garbsey 1988: 80).

Таким образом, хотя каждый «класс» и хотел бы навязать другим свои конституционные предпочтения, это не означало, что такая политика осуществлялась *правительством*, навязывавшим закон и порядок; скорее она осуществлялась под свежим впечатлением от исхода последней вооруженной борьбы, или *стазиса*, плюс нового конституционного урегулирования. В других случаях, таких как тот, в защиту которого выступает Аристотель, когда группа или класс были «достаточно многочисленными», итоги *стазиса* можно было предвидеть заранее, и его угроза могла быть достаточной для того, чтобы осуществить конституционные требования доминирующей группы (Berent 1998).

Социальная антропология и миф о греческом племени

В то время как современная социальная антропология усилила миф о греческом государстве, ее также отчасти можно обвинить в создании другого мифа – о «греческом племени».

Действительно, традиционный взгляд, господствующий вплоть до настоящего времени, заключался в том, что классический полис развился из архаического полиса, являвшегося племенным. Нет сомнения в том, что миф о «греческом племени» был прямо связан с мифом о «греческом государстве»: как отмечалось выше, с XIX столетия эволюционистская точка зрения заключалась в том, что греческое государство должно было возникнуть из племенных форм. Представление о последних, казалось, подтверждается существованием афинских фил, родов и фратрий, которые были похожи на систему линиджей. Однако за последние два десятилетия понятие племени подверглось яростным нападкам, начало которым положили работы двух французских ученых – Д. Русселя и Ф. Буррио (Roussel 1976; Bourriot 1976). По их мнению племенная модель общественного строя архаической Греции представляла собой в основном продукт спекулятивного мышления конца XIX – начала XX столетий. Испытав сильное влияние эволюционистских антропологических теорий своего времени, историки приняли постулат о том, что первобытные греки, должно быть, имели (подобно ирокезам Моргана) «племена», «фратрии» и «кланы» (Donlan 1985: 295–296; Roussel 1976: 99–103). Руссель и Буррио отвергли понятие племенного общества для архаической Греции, в основном ссылаясь на то,

что в литературе гомеровской и архаической эпох нет упоминаний ни о родовой собственности, ни о родовых культах, ни о большой семье, как нет упоминаний и об обязательной помощи в случае кровной мести (т.е. самопомощи), возлагавшейся на большую семью. Скорее, они свидетельствуют о том, что слово «*генос*» употреблялось в его обычном смысле родословного или семейного происхождения (Smith 1985: 53; см. также: Bourriot 1976: 240–300; Roussel 1976: 30–31)¹⁸. Далее, они показали, что нет археологических данных, подтверждающих существование непрерывности в погребальных обрядах при переходе от «темных веков» к классическому времени (Bourriot 1976: 850–899; Smith 1985: 54–55).

Финли, с энтузиазмом принявший открытия Русселя, говорил о том, что понятие племенного полиса «противоречит данным», и что «насколько можно судить, это не просто побочный продукт линейной теории социальной эволюции, но свидетельство фундаментальной путаницы между понятиями семьи, рода и племени» (Finley 1983: 44–45; 1985с: 91; также см.: Murray 1990: 13).

Сопоставление древнейшей социальной структуры греков с современными теориями племенной структуры дает основание для дальнейших сомнений по поводу мнимой племенной природы архаической Греции. Теория сегментного общества, которая ассоциируется с работами Э.Э.Эванса-Причарда и Э.Геллнера, гласит, что когда в периоды конфликтов племенное общество дробится, оно должно дробиться по линиджам. Однако в полисе обычно это были объединения *ad hoc*. Принцип «объединения по случаю» лежал в основе помощи, оказываемой семьей, друзьями и соседями по мере возникновения необходимости и особых ситуаций. Политическое деление греков в случае гражданской войны, *стазиса*, представляло собой «временно организованные группы граждан» (Wheeler 1977: 168), не идентичные так называемым греческим родовым подразделениям. К отсутствию сегментации в греческом полисе можно добавить аргумент о том, что у них не было родовых групп (по крайней мере, таких, какие предусматриваются теорией сегментного общества).

Важно подчеркнуть, что неадекватность постулатов социальной антропологии древнегреческой реальности выходит далеко за рамки недостатков эволюционизма. Современная социальная антропология пока сохраняет (в различных модификациях) основное положение клас-

¹⁸ Эти характеристики вошли в традиционное для XIX столетия понятие племенного общества, в основе которого лежит определение рода (*генос*), первоначально данное Гротом и модифицированное Морганом.

сического эволюционизма о «двух планах управления» и еще отождествляет безгосударственное общество с племенем, или, как пишет Геллнер, современная антропология отвергает гоббсовское представление об изначальном индивидуализме в природе:

«Задолго до того, как современная социальная антропология повторно сделала это открытие, Ибн Хальдун прекрасно знал о том, что естественным состоянием является не индивидуалистическое, а племенное. ... В естественном состоянии поддержание порядка и справедливости находится в руках самого вооруженного населения, а не в руках специализированного органа принуждения с помощью закона, то есть государства. Но безгосударственность не означает индивидуализм. Те, кто участвовал в этом, ощущали поддержку сторонников из своих линиджей. Порядок поддерживался, по крайней мере в некоторой степени, посредством механизмов безгосударственной племенной организации» (Gellner 1981: 24–25).

В другом месте Геллнер говорит, что «человек в аграрном обществе, кажется, стоит перед дилеммой подчинения либо королям, либо родственникам» (Gellner 1991: 64). Таким образом, если кто-то с позиций социальной антропологии предполагает, что полис был безгосударственным, то он должен предположить, что он был племенным. И все же греческий полис не был ни государственным, ни племенным, и, следовательно, греческие граждане не подчинялись ни «королям», ни родственникам. В огромной степени греки в «естественном состоянии» действительно были индивидуалистами.

Далее, современная социальная антропология принимает допущение Моргана и все еще рассматривает безгосударственное (племенное) общество в качестве первобытного, а государственное – как необходимую предпосылку цивилизации. Так, Салинз пишет, что

«Цивилизация – это общество одновременно крупномасштабное и внутренне расчлененное. Огромное население, возможно, этнически неоднородное, разделено по родам занятий и профессиям, и на основе неравного доступа к механизмам власти разделено на классы с неравными привилегиями. Все культурные достижения цивилизации зависят от этой крупномасштабности и сложности организации. Но общество столь огромное, неоднородное и внутренне разделенное не может существовать без специальных средств контроля и интеграции. ... Культурное богатство, которое мы называем цивилизацией, должно быть институционализировано в форме государства» (Sahlins 1968:6–7; см. также: Crone 1986: 49–59; Khazanov 1978: 89–90).

И все же, греческий полис и греческое общество были одновременно и цивилизованными и безгосударственными. Цивилизованность греческого общества была иного рода, нежели цивилизованность авторитарных аграрных обществ. Тогда как в последних блага цивили-

зации принадлежали только незначительному меньшинству, составлявшему правящий класс, в греческом мире благами цивилизации пользовались все. Греки, действительно, вышли из «темных веков» как народ Гомера, и культурное развитие архаической Греции влияло на жизнь почти каждого человека в греческом мире (Snodgrass 1980: 160–161).

Таким образом, очевидно, что понятие «двух планов управления», используемое социальной антропологией, неадекватно древнегреческим реалиям. Нам необходим «третий план», который мог бы объяснить существование цивилизованной жизни в безгосударственных условиях древней Греции. И все же, как в условиях отсутствия государства поддерживалось внутреннее разделение и регулировались различные интересы? Далее, как греческому полису при отсутствии центральной власти, олицетворяющей и навязывающей единство, с одной стороны, и при отсутствии поддержания единства с помощью родовых институтов (и, фактически, при отсутствии территориального единства)¹⁹, с другой стороны, удавалось поддерживать свою сплоченность? Ответы на эти вопросы выходят за пределы данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Austin M., Vidal-Naquet P. 1977. *Economic and Social History of Ancient Greece: An Introduction*. L.
- Badian E. 1970. Police. *The Oxford Classical Dictionary* / Ed. by N.G.L. Hammond and H.H. Scullard. 2nd ed. Oxford: 851.
- Barker E. 1946. *The Politics of Aristotle*. Oxford.
- Berent M. 1996. Hobbes and the Greek Tongues // *History of Political Thought*. Vol. XVII № 1: 36–59.
- Berent M. 1998. Stasis, or the Greek Invention of Politics // *History of Political Thought*. Vol. XIX № 3: 331–362.
- Bourriot F. 1976. *Recherches sur la nature du genos: étude d'histoire sociale Athénienne – périodes archaïque et classique*. Lille and Paris.
- Cartledge P. 1985. Rebels & Sambos in Classical Greece // *Cruz: Essays in Greek History presented to G.E.M. de Ste. Croix on his 75th birthday* / Ed. by P. Cartledge and F.D. Harvey. Exeter and London: 16–46.
- Cartledge P. 1987. *Agasilaos and the crisis of Sparta*. London & Baltimore.
- Cartledge P. 1993. *The Greeks*. Oxford.
- Claessen H.J.M., Skalnik P. 1978. The Early State: Theories and Hypotheses // *The Early State* / Ed. by H.J.M. Claessen and P. Skalnik. The Hague: 3–29.
- Cohen R. 1978a. Introduction // *Origins of the state: the anthropology of political evolution* / Ed. by R. Cohen and E. Service. Philadelphia: 1–20.

¹⁹ То, что полис как единый организм, или политическая система (его следует отличать от полиса в значении город) не определяется в территориальных терминах, отмечали Финли, Хансен и др. Финли говорит: «Полис не имел пространственных границ, хотя он и занимал определенную территорию; он представлял собой народ, который действует согласованно» (Finley 1963: 56; 1982: 3–4; также см.: Hansen 1991: 58–59).

- Cohen R. 1978b. State origins: A reappraisal // *The Early State* / Ed. by H.J.M. Claessen and P. Slalnik. The Hague: 31–75.
- Crone P. 1956. The Tribe and the State // *States in History* / Ed. by J.A. Hall. Oxford: 48–77.
- Donlan W. 1985. The Social Groups of Dark Age Greece // *Classical Philosophy*. Vol. 80: 293–308.
- Engels F. 1884 [1972]. *Origins of the Family, Private Property and the State*. N. Y.
- Figueira Th.J. 1991. A Typology of Social Conflict in Greek Poleis // *City States in Classical Antiquity and Medieval Italy* / Ed. by A.Molho, K.Raafuab, J.Elmen. Stuttgart: 289–307.
- Finley M.I. 1963. *The Ancient Greeks*. L.
- Finley M.I. 1976 [1981]. The Freedom of the Greek Citizen // *Economy and Society in Ancient Greece* / Ed. by B.D. Shaw and R.P. Saller. L.: 77–94.
- Finley M.I. 1977. *The Ancient Greeks*. Harmondsworth.
- Finley M.I. 1981. Politics // *The Legacy of Greece: A New Appraisal* / Ed. by M.I. Finley. Oxford: 22–36.
- Finley M.I. 1982. *Authority and Legitimacy in the Classical City State*. Copenhagen.
- Finley M.I. 1983. *Politics in the Ancient World*. Cambridge.
- Finley M.I. 1985a. *The Ancient Economy*. L.
- Finley M.I. 1985b. *Democracy Ancient and Modern*. 2nd ed., L.
- Finley M.I. 1985c. Max Weber and the Greek city-state // *Ancient History: Evidence and Models*. L.: 88–103.
- Fisher N.R.E. 1993. *Slavery in Classical Greece*. L.
- Foxhall L. 1993. Farming and Fighting in Ancient Greece // *War and Society in the Greek World* / Ed. by J. Rich and G. Shipley. L.: 134–145.
- Garlan Y. 1988. *Slavery in Ancient Greece*. Ithaca.
- Garnsey P. 1988. *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis*. Cambridge.
- Gellner E. 1981. *Muslim Society*. Cambridge.
- Gellner E. 1983. *Nations and Nationalism*. Oxford.
- Gellner E. 1988a. *Plough, Sword and Book: The Structure of Human History*. L.
- Gellner E. 1988b. *State and Society in Soviet Thought*. Oxford.
- Gellner E. 1991. An Anthropological View of War and Violence // *The Institution of War* / Ed. by R. Hinde. Basingstoke: 62–79.
- Gomme A.W., Hopper R.W. 1970. Population // *The Oxford Classical Dictionary* / Ed. by N.G.L. Hammond and H.H. Scullard. 2nd ed. Oxford.
- Hall J. 1985. *Powers and Liberties: the Causes and the Consequences of the Rise of the West*. Oxford.
- Hansen M.H. 1976. *Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes*. Odense.
- Hansen M.H. 1989. Demos, Ekklesia, and Dikasterion: A reply to Martin Ostwald and Josiah Ober // *Classica et Mediaevalia*. Vol. XL: 101–106.
- Hansen M.H. 1991. *The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes*. Oxford.
- Hindess B., Hirst P. 1985. *Pre-Capitalist Modes of Production*. L.
- Khazanov A.M. 1978. Some Theoretical Problems of the Study of the Early State // *The Early State* / Ed. by H.J.M. Claessen and P. Slalnik. The Hague: 77–92.
- Kuper A. 1988. *The Invention of Primitive Society*. L.
- Lintott A. 1982. *Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City: 750–330 BC*. London & Canberra.
- MacDowell D.M. 1978. *The Law in Classical Athens*. L.
- Mann M. 1988. States, Ancient and Modern // *States, War and Capitalism*. Oxford.

- Miers S., Kopytoff I. 1977. African «Slavery» as an Institution of Marginality // *Slavery in Africa: Historical and Anthropological Perspectives* / Ed. by S. Miers & I. Kopytoff. Madison, Wisconsin.
- Millett P. 1993. Warfare, economy and democracy in classical Athens // *War and Society in the Greek World* / Ed. by J. Rich and G. Shipley. L.
- Morgan L.H. 1877 [1964]. *Ancient Society*. Cambridge, Massachusetts.
- Morris I. 1987. *Burial and Ancient Society: The Rise of the Polis*. Cambridge.
- Morris I. 1991. The Early Polis as a City and State // *City and Country in the Ancient World* / Ed. by J. Rich and A. Wallace-Hadrill. L.
- Murray O. 1990. Cities of Reason // *The Greek City: from Homer to Alexander* / Ed. by O. Murray and S. Price. Oxford.
- Osborne R. 1985. *Demos: The Discovery of Classical Attika*. Cambridge.
- Osborne R. 1987. *Classical landscape with Figures: The ancient Greek city and its countryside*. L.
- Pritchett W.K. 1971. *The Greek state at war*. Part I. Berkeley, C. A.
- Pritchett W.K. 1991. *The Greek state at war*. Part V. Berkeley, C. A.
- Rihll T. 1993. War, Slavery, and Settlement in Early Greece // *War and Society in the Greek World* / Ed. by J. Rich and G. Shipley. L.: 77–105.
- Roussel D. 1976. *Tribu et cité: études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique*. Paris.
- Runciman W.G. 1990. Doomed to Extinction: the Polis as an Evolutionary Dead End // *The Greek City from Homer to Alexander* / Ed. by O. Murray and S. Price. Oxford: 347–367.
- Sahlins M.D. 1968. *Tribesmen*. Englewood Cliffs, NJ.
- Smith R.C. 1985. The clans of Athens and the historiography of the archaic period // *Classical Views*. № 4: 77–105.
- Snodgrass A. 1980. *Archaic Greece: the Age of Experiment*. L.
- Starr C. 1986. *Individual and Community: The Rise of the Polis 800–500 B.C.* N. Y.
- de Ste. Croix G.E.M. 1981. *The Class Struggle in the Ancient Greek World*. L.
- Todd S. 1990. Penalty // *Nomos: Essays in Athenian Law, Politics and Society. Glossary-Index* / Ed. by P. Cartledge, P. Millet and S. Todd. Cambridge.
- Vidal Naquet P. 1981. Were Greek slaves a class? // *The Black Hunter*. Tr. A. Szegedy-Maszk. Baltimore and London: 159–167.
- Weber M. 1978. *Economy and Society: an outline of interpretive sociology* / Ed. by G. Roth and C. Wittich. Vol. 1, 2. Berkeley, CA.
- Wheeler M. 1977. Aristotle's analysis of the nature of political struggle // *Articles on Aristotle*. Vol. 2: *Ethics and politics* / Ed. by J. Barnes, M. Schofield, R. Sorabji. L.: 159–169.

15

ЕЩЕ РАЗ О ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ И ВЕРТИКАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ В СТРУКТУРЕ СРЕДНЕМАСШТАБНЫХ ОБЩЕСТВ

Ю.Е. Березкин

Человеческие сообщества представляют собой настолько сложные образования, что их всесторонняя классификация в рамках единой категориальной системы скорее всего невозможна принципиально. Не случайно все главные направления в культурной антропологии за последние 140 лет возникали не столько на основе развития уже выдвинутых теорий, сколько путем кардинальной смены самого подхода к изучаемому предмету. Обрушивая друг на друга потоки критики, сторонники эволюционистского, «исторического», социолого-функционального, психологического, структурного подходов говорили на разных языках и о разных вещах. Хотя конкретные положения отдельных исследователей могли оказаться плодотворными или ошибочными, ни одно из направлений не может быть ни отвергнуто как таковое, ни признано единственно правильным.

Изучение социальных структур чаще всего велось либо с эволюционистских, либо с социологических и функционалистских позиций. Эволюционистское направление не следует, естественно, сводить к наивным периодизациям XIX в. или даже к Лесли Уайту. У этого направления, как мы его понимаем, есть более общие признаки. Эволюционизм предполагает оценочное сопоставление отдельных обществ между собой. Такое сопоставление корректно лишь в случаях, когда сравниваются не сложные, всегда в чем-то уникальные явления и системы, а вполне конкретные показатели, охарактеризованные в эквивалентных терминах и имеющие определенные числовые выражения. Таким требованиям отвечают главным образом те показатели, которые касаются, во-первых, технологии (в широком значении), во-вторых, самого человека (например, продолжительность жизни) и, в-третьих, форм организации человеческих сообществ. Этот последний аспект нас сейчас и интересует.

Коллективы могут быть сопоставлены, исходя из их численности, а также из того, насколько они интегрированы, и насколько централизованно принимаются в них решения. Из этих признаков численность, безусловно, поддается оценке, что позволяет относить общества к одинаковым или разным таксономическим группам независимо от культурной близости этих обществ между собой, характера их идеологических систем, наличия письменности и пр. Подобное кросс-культурное сопоставление позволяет выйти за рамки привычных, но часто неточных терминологических штампов. Например, множество политических образований от древности до Нового времени, которые традиционно именуются царствами, княжествами, городами-государствами и т.п., отвечают скорее стандартам вождеств, во всяком случае среднемасштабных обществ. Известная карта «Рост территории древних государств», традиционно открывающая школьный учебник 6-го класса и на всю жизнь закрепляющая в сознании его юных читателей стереотип восприятия прошлого, в действительности показывает рост территории не государств, а письменных цивилизаций, что не одно и то же. Картографирование реального распространения среднемасштабных обществ (наряду с распространением обществ подлинно государственных и атомарно-общинных) в различные века и эпохи выявило бы интереснейшие тенденции в развитии социально-политической организации. К сожалению, со времен подготовки «Справочника по южноамериканским индейцам» Дж. Стюарда такая задача никем даже не ставилась.

Признаки интегрированности и централизованности связаны между собой, хотя связь эта не всегда прямая. Под интегрированностью коллектива подразумевается интенсивность обмена информацией между его членами. Для обществ, которые недоступны изучению методами современной социологии, этот признак сколько-нибудь точно не определим, так что здесь возможно сопоставление обществ лишь одинакового масштаба и, притом, в достаточно грубом приближении. В сущности, мы в состоянии выделять две области значений, в пределах которых колеблется наш показатель. В первую категорию попадают все общества, в которых согласованность действий их членов определяется подчинением руководящему центру, а также все прочие коллективы, члены которых могут и вынуждены регулярно общаться друг с другом. До появления развитых средств связи возможность общения означала проживание в пределах территории, легко преодолимой в течение одного дня. При более рассеянном проживании уровень интегрированности снижался. Во вторую категорию входят общества децентрализованные, в которых согласованность действий их членов осуществляется неосознанно, путем реакции на сходные обстоятельства.

Долгое время подразумевалось, что интегрированные коллективы численностью более 500–1000 человек могут существовать лишь в случаях, если принятие решений в них централизовано, причем чем выше численность, тем централизация проявляется четче, вплоть до появления государственности и формирования административного аппарата. Возможность совместного проживания большого числа людей в отсутствие какого-либо централизованного руководства была впервые доказана и объяснена на материалах индейцев языковой семьи *же*, проживающих на Востоке Бразилии (Flowers 1983; Margolis, Carter 1979; Maybury-Lewis 1971; 1979; Seeger 1981; Werner 1983). У *же* до двух-трех тысяч человек собирались на период сельскохозяйственных работ вместе в деревнях, чтобы затем снова рассредоточиться по обширной территории, занимаясь охотой и собирательством. Сезонный характер интеграции не выделяет *же* принципиально среди создателей большинства индейских вожеств, поскольку люди там тоже жили рассеянно и собирались вместе только в дни праздников. Отсутствие явно выраженных лидеров, формальных или неформальных – отличие более существенное. Однако при более внимательном рассмотрении напрашивается вывод, что потенциальная возможность лидерства заложена в самой по себе корпоративной (чаще всего фратриально-родовой) структуре, при которой минимальными субъектами социальных контактов выступают не личности, а корпорации разного статуса и таксономического порядка. У *же* сложное фратриально-родовое деление на дуальной основе, отраженное в круговой планировке поселений, определяет нормы поведения каждого человека. Хотя конкретного лидера нет, место для него как бы предуготовано, а соответствующие функции осуществляются группами наиболее влиятельных и искушенных в совершении ритуалов мужчин.

Предполагается, что дуальная родовая организация с глубокой древности существовала в Центральных Андах (Березкин 1997; Millones, Onuki 1993; Netherly 1984). До появления в I тыс. до н.э. наследственных вождей, о чем свидетельствуют находки относящихся именно к этому времени первых богатых захоронений, во главе корпораций могли стоять люди, выбиравшиеся на непродолжительный срок, равно как и определенные группы лиц. Так или иначе, но властный центр как таковой здесь присутствует. Существование подобного центра в большинстве среднемасштабных обществ доколумбовой Америки определило географически широкое и хронологически раннее появление в соответствующих культурах монументальных сооружений, строительство которых не могло быть осуществлено без координации усилий десятков, сотен, а иногда, видимо, и тысяч работников.

Наличие зачатков централизации можно предполагать и для ряда достаточно архаических догосударственных ближневосточных обществ. Характерны в этом смысле материалы культуры гассул (Ghassul) в Палестине IV тыс. до н.э. Среди памятников этой культуры известен храм Эн-Геди, расположенный изолированно на каменистой возвышенности и, вероятно, эпизодически посещавшийся пастухами или земледельцами, рассеянными вокруг на большой территории. В 10,5 км от Эн-Геди в пещере Нахал-Мишмар обнаружен клад из 436 медных орудий и украшений, изготовленных методом потерянного воска. Здесь же найдены изделия из кости, кремня, раковин, шерстяные и льняные ткани, корзины и пр. Отметим, что принятая интерпретация находок в Нахал-Мишмар как храмовой сокровищницы Эн-Геди выглядит правдоподобно (Alon, Levi 1989, fig.3; Gilead 1988: 430–431; Mazar 1990: 66–75; Tadmor, Kedem 1995). В любом случае клад указывает на концентрацию богатств в энеолите Палестины, подобной которой в тогдашней Нижней Месопотамии (эпоха позднего убейда или раннего урука) могло и не быть. Помимо Нахал-Мишмар, следует вспомнить о другой пещере, Нахал-Кана, где в энеолитическом захоронении обнаружены восемь золотых колец весом от 88 до 165 г. каждое (Gopher et al. 1990). Концентрация богатств такого масштаба, как в Нахал-Мишмар, косвенно отражает наличие соответствующего организационного центра, а полкилограмма золота в захоронении указывает на исключительный статус данного лица, хотя и не объясняет, каковы были его конкретные прерогативы.

Мне уже случалось солидаризироваться с мнением И. Гилеада, отказавшегося видеть в неолите-энеолите Ближнего Востока свидетельства существования вождеств (Gilead 1988: 433). Нет таких свидетельств и для культуры гассул, но лишь в том смысле, что находки не дают оснований предполагать здесь наличие властных личностей, руководивших делами крупных объединений по образцу, например, ветхозаветных «судей». Но что в гассуле есть, так это точечные организационные центры, одним из которых, несомненно, являлся храм в Эн-Геди. Если дихотомия «прочное объединение вокруг властного центра» (обычно вождя) / «аморфное объединение вокруг властного центра» (нередко общего святилища) отражает разные уровни политической централизации, то дихотомия обществ, имеющих хотя бы зачаточный властный центр и вовсе лишенных такового, отражает, как нам кажется, разные направления эволюции.

Существование на Ближнем Востоке и на юге Центральной Азии в период до появления государств среднemasштабных интегрированных обществ, в которых не удастся обнаружить никаких свидетельств централизованного управления, предоставляет нам возможности для исследова-

дования подлинной эволюционной альтернативы. Как я уже писал, этнографическим коррелятом подобного общества, доказывающим реальную возможность существования десятитысячного коллектива, построенного не на иерархическом подчинении, а на горизонтальных связях между домохозяйствами, служит общество *апатани* Восточных Гималаев (Березкин 1994; 1995; 1997). В некоторых важнейших чертах сходную форму организации демонстрируют, как это справедливо подчеркивает А.В. Коротаев, и некоторые племена арабо-мусульманского мира (Коротаев 1995). Как у апатани, так и у арабских земледельческих племен, организация основана на независимости домохозяйств от каких-либо корпоративных структур и на частной собственности на землю. Эти общества противоположны индейским, для которых характерны корпоративность, иерархичность и во многих случаях общинная собственность. Впрочем, степень распространенности последнего признака требует специальных исследований. Для периода первых контактов с европейцами соответствующие данные чаще всего отсутствуют или весьма неточны.

Напомню, что, судя по археологическим данным, среднемасштабные акефальные интегрированные сообщества представлены на древнейшем Востоке, во-первых, в неолите Леванта (VII тыс. до н.э.) и Анатолии (VI тыс. до н.э.), а во-вторых, в позднем энеолите – ранней и средней бронзе Южного Туркменистана и Восточного Ирана (IV–III тыс. до н.э.). Численность этих сообществ достигала примерно двух тысяч человек в неолите-энеолите и на порядок больше в эпоху бронзы. Есть целый ряд непростых вопросов, возникающих в связи с изучением данных обществ. Почему обитатели ближневосточных поселений столь упорно, на протяжении тысяч лет, жили предельно скученно на одном месте, несмотря на очевидные неудобства подобной системы расселения? Насколько рискованно предполагать слабость (отсутствие?) родовой организации и существование частной собственности на землю например, для докерамического неолита *В* Леванта, т.е. для самого первого в мире общества со сложившейся производящей экономикой? Были ли в предшествующем (т.е. уходящем в палеолит) периоде существования ближневосточных обществ некоторые особенности (и если да, то какие именно), направившие их развитие в сторону формирования горизонтальных связей, а не вертикальных иерархий, или же такой ход развития определялся частными причинами и локальными факторами уже в неолитическую эпоху? Как произошел переход от систем с горизонтальной организацией к более поздним иерархическим централизованным сообществам? В ирано-туркменском регионе на рубеже III и II тыс. до н.э. он явно принял форму катаклизма. Но насколько древнейшие традиции ощущались в южных месопотамских городах IV тыс. до н.э.?

И в заключение – одно рискованное предположение. Корпоративные структуры в догосударственных обществах в основном связаны с фратриально-родовыми делениями. С теми же делениями связаны классификационные системы родства. Насколько можно судить, у древних народов Ближнего Востока не зафиксированы ни эти системы, ни деления фратриального типа. Нельзя ли предположить, что именно изначальная неразвитость фратриально-родовых институтов способствовала повышению роли личности, в результате чего формирование иерархий внутри общин оказалось затруднено?

ЛИТЕРАТУРА

- Березкин Ю.Е.** 1994. Апатани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества // *Кунсткамера: этнографические тетради*. Vol. 4: 5–19.
- Березкин Ю.Е.** 1995. Модели среднemasштабного общества: Америка и древнейший Ближний Восток // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н.Н.Крадин, В.А.Лынша. Владивосток: 94–104.
- Березкин Ю.Е.** 1997. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // *Вестник древней истории*. № 2: 3–24.
- Коротаев А.В.** 1995. «Апология трайбализма»: племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ // *Социологический журнал*. № 4: 68–86.
- Alon D., Levy T.E.** 1989. The archaeology of cult and the Chalcolithic sanctuary at Gilat // *Journal of Mediterranean Archaeology*. Vol. 2. № 2: 163–221.
- Flowers N.M.** 1983. Seasonal factors in subsistence, nutrition and child growth in a Central Brazilian Indian community // *Adaptive Responses of Native Amazonians* / Ed. by R.B.Hames, W.T.Vickers. N. Y. etc.: 357–390.
- Gilead I.** 1988. The Chalcolithic period in the Levant // *Journal of World Archaeology*. Vol. 2. № 4: 397–443.
- Gopher A. et al.** 1988. Earliest gold artifacts in the Levant // *Current Anthropology*. Vol. 31 № 4: 436–443.
- Margolis M.L., Carter W.E.** 1979 (eds.). *Brazil. Anthropological Perspectives. Essays in Honor of Charles Wagley*. N. Y.: Columbia University Press.
- Maybury-Lewis D.** 1971. *Akwe-Shavante Society*. Oxford: Clarendon Press.
- Maybury-Lewis D.** 1979 (ed.). *Dialectical Societies. The Ge and Bororo of Central Brazil*. Cambridge: Harvard University Press.
- Mazar A.** 1990. *Archaeology of the Land of the Bible 10,000-586 B.C.* New York etc.: Doubleday.
- Millones L., Onuki. Y.** 1993. El Mundo Ceremonial Andino // *Senri Ethnological Studies*. № 37. Osaka: National Museum of Ethnology.
- Netherly P.J.** 1984. The management of Late Andean irrigation systems on the North Coast of Peru // *American Antiquity*. Vol. 49. № 2: 227–254.
- Seeger A.** 1981. *Nature and Society in Central Brazil: the Suyá Indians of Mato Grosso*. Cambridge, London: Harvard University Press.
- Tadmor M., Kedem. D.** 1995. The Nahal Mishmar hoard from the Judean desert: technology, composition, and provenience // *Atiqot*. Vol. 27. № 17: 95–148.
- Werner D.** 1983. Why do the Mekranoti Trek? // *Adaptive Responses of Native Amazonians* / Ed. by R.B.Hames, and W.T.Vickers. N. Y. etc.: 225–238.

16

ПЛЕМЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОЖНЫХ НЕПЕРВОБЫТНЫХ ОБЩЕСТВ

(в основном по материалам
Северо-Восточного Йемена)

А. В. Коротаев

На мой взгляд, имеются некоторые основания утверждать, что данные о социально-политической организации горцев Ближнего и Среднего Востока (включая и Кавказ) предоставляют некоторые дополнительные аргументы против ставшей к настоящему времени почти «классической» однолинейной в своей основе схемы социально-политической эволюции «община (локальная группа) – вождество – (сложное вождество) – раннее государство – зрелое государство (*mature state*)»¹.

1

Северо-Восток Йемена «выбился» из этой схемы уже в конце I тыс. до н.э., когда, по-видимому, в результате первого социально-экологического кризиса относительно регулярное Древнесабейское государство трансформировалась в систему, состоящую из слабого государства в центре и сильных вождеств на периферии (Коротаев 1993; 1995; 1996а; 1996б; 1997; 1998; Korotayev 1993b; 1994c; 1995a: Ch. IV).

Важно подчеркнуть, что нет достаточных оснований характеризовать сложившуюся в результате этого среднесабейскую (II–III вв. н.э.) социально-политическую систему ни как государство, ни как вождество. Эта система, взятая в целом, не обладала основными характеристиками государства, такими как наличие регулярного, формального

¹ См., например, теоретические главы в изданиях: Claessen, Skalnik 1978; 1981; Claessen, van de Velde, Smith 1985; см. также: Claessen 1984; при этом основы данной однолинейной схемы были заложены Э.Сервисом (Service 1971 [1962]).

административного аппарата, искусственного территориального деления или регулярной системы налогообложения (Коротаев 1991; 1993; 1997; 1998; Korotayev 1993b; 1994a; 1996a). Выше данная система была охарактеризована как состоящая из слабого государства в центре и сильных вожеств на периферии. Однако нет сомнений, что это была именно система, т.е. целостная совокупность элементов, обладающая интегративными качествами, такими, которые не могут быть сведены к характеристикам элементов системы². Следует принять во внимание и тот факт, что государство и вождества были не единственными элементами этой культурно-политической системы. Она включала также, например, подсистему храмовых центров³, гражданско-храмовую общину М̄риба⁴ и, видимо, несколько настоящих племен (не вожеств) в районе сабейских Нижних Земель (прежде всего племена Амиритской конфедерации – см. von Wissmann 1964a; Robin 1991d и т.д.)⁵ и др.

С переходом от Древнего периода к Среднему сабейская политическая система значительно трансформировалась и стала в целом существенно отличаться от «государства», оставаясь, тем не менее, в основе своей на том же уровне политической сложности⁶. Сабейцы

² Также не кажется продуктивным рассматривать среднесабейский культурно-политический ареал как простой конгломерат политических единиц или даже как что-то, подобное союзу племен или государств: уровень политической интеграции для данной системы был достаточно высоким, вполне сопоставимым с политической интегрированностью среднего раннего государства. Следовательно, подобную систему имеет смысл отнести к тому же уровню политической интеграции, что и, скажем, раннее государство (а не рассматривать ее как однопорядковую таким образованиям, как союзы племен или государств).

³ Как я пытаюсь показать в другом месте (Korotayev 1996a: разд. II.3., III.3., IV.3 и гл. V), среднесабейские храмы имели важные политические функции, однако уровень их автономии выглядит обычно очень высоким, и они никоим образом не могут быть обычно охарактеризованы как интегральные компоненты административных подсистем среднесабейских вожеств и государства.

⁴ Эту гражданско-храмовую общину было бы неправильно охарактеризовать ни как «вождество», ни как «государство». Есть некоторые основания подозревать существование автономных гражданско-правовых общин и в Нашке и в Нашшане (см., например: Beeston 1976; 1979; Лундин 1969; Loundine 1973). Ша'б Сирваха также, по-видимому, имел определенные черты гражданско-храмовой общины на некоторых этапах своей истории (см. особенно Ja 2856).

⁵ Племена эти, впрочем, не играли в функционировании среднесабейской политической системы достаточно важной роли.

⁶ Пользуясь эволюционной терминологией, предложенной Северцовым (1939; 1967), подобная трансформация должна быть охарактеризована как «идеоадаптация» (приблизительно соответствует понятию *cladogenesis* [Rensch 1959: 97f.; Dobzhansky et al. 1977; Futuyma 1986: 286 & c]), но конечно не как «ароморфоз» (приблизительно соответствует понятию *cladogenesis* в том смысле, в каком понятие это было изначально предложено Реншом [Rensch 1959: 281–308]; см. также: Dobzhansky et al. 1977; Futuyma 1986: 286 & c) и в любом случае не как «дегенерация».

Среднего периода смогли найти в обширном территориальном сообществе иные, «негосударственные», пути эффективного решения проблем, обычно решаемых на уровне именно государства (такие, как надобщинная мобилизация ресурсов для обеспечения функционирования управляющей подсистемы, территориальная организация обширного пространства, обеспечение на этом пространстве гарантий жизни и собственности и т.д.) (Коротаяев 1991; 1997; 1998; Kоротаяев 1996).

Уже «среднесабейский» опыт, как кажется, демонстрирует, что хорошо интегрированная территориальная общность (даже если она является достаточно большой, сложной и развитой в сравнении, скажем, со средним вождеством) совсем не обязательно должна быть политически организована как государство. Этот опыт показывает, что для «раннего государства» [в классеновском смысле (см.: Claessen & Skalnik 1978)] переход к «зрелому государству» (*mature state*) или полная «дегенерация» до уровня примитивных племен и вождеств не были единственно возможными путями эволюции. Одной из возможных альтернатив, как мы видим, могла быть трансформация в «политическую систему среднесабейского типа» (надо отметить, что для обозначения подобных социально-политических систем в современной социоантропологии, судя по всему, отсутствует сколько-нибудь адекватный термин). Реальные процессы политической эволюции оказываются заметно менее однолинейными, чем это до сих пор иногда предполагается.

2

В дальнейшем социально-политическая эволюция ареала стала отклоняться еще дальше от траектории, предписываемой ему однолинейными неэволюционистскими схемами.

В I тыс. н.э. в Северо-Восточном Йемене система, состоящая из слабого государства в центре и сильных вождеств на периферии, по-видимому, трансформировалась в политический организм, состоящий из несколько более сильного государства в центре и собственно племен (но не вождеств) (см., например: Пиотровский 1985; Robin 1982b; Dresch 1989: 191). Племена и государство в этой системе образовывали единое хорошо интегрированное целое (Голубовская 1971: 59–62; 1984: 11; Пиотровский 1985: 70, 97–100; Герасимов 1987: 45–55; Удалова 1988: 18–19; Stookey 1978: 79–95, 171–173; Obermeyer 1982; Dresch 1984b; 1989; Abū Ghānim 1985: 98–138; 1990; vom Bruck 1993 и т.д.). Адекватный термин для обозначения подобной системы, как кажется, отсутствует.

Возможно, здесь имело бы смысл предложить что-то типа «мультиполития» – от латинского *multi* (много) и древнегреческого *politeia* (политическое устройство); при этом я имел в виду, конечно, и широко употребляющийся в современной англоязычной политантропологии термин *polity*, образованный на основе вышеупомянутого греческого слова и использующийся в качестве родового по отношению к таким понятиям, как «государство», «вождество», «суверенная община» и др., т.е. для обозначения автономных политических систем любого типа. Термин этот (в форме *полития*) был бы, на мой взгляд, нелишним и в терминологическом аппарате отечественной политантропологии. Мультиполитию я бы определил как высокоинтегрированную систему, состоящую из разнородных политий (скажем, из государства и вождеств, или государства и племен). Нет никаких оснований рассматривать мультиполитию как локально южноаравийский феномен. Внеюжноаравийские примеры мультиполитий североевропейского типа (государство + племена) можно без труда найти, скажем, на Среднем и Ближнем Востоке Нового времени (см., например: Иванов 1963; Al-Rasheed 1994; Evans-Pritchard 1949; Eickelman 1981: 85–104; Tapper 1983 и т.д.); внеюжноаравийские примеры мультиполитий среднесабейского типа (государство + вождества [+ «независимые» общины]) можно найти на том же Ближнем и Среднем Востоке Нового времени (где заметная часть так называемых «племен» представляла собой вождества в терминологии Сервиса (Service 1971 [1962]: 144; Johnson & Earle 1987: 238–243 и др.)). В качестве внеближневосточного примера мультиполитии среднесабейского типа (государство + вождества) может служить, как кажется, королевство Бенин в некоторые периоды его истории (Bondarenko 1994; Бондаренко 1995), а возможно, и некоторые другие западноафриканские королевства (Service 1971 [1962]: 144)).

Двумя указанными выше типами все многообразие мультиполитий, очевидно, не исчерпывается; например, ни к одному из них не может быть отнесено такое политическое образование, как «государство святых» Центрального Атласа Нового времени, периферия которого состояла из племен, а центр не может быть охарактеризован ни как вождество, ни как государство, ни как племя (Gellner 1969).

Эти трансформации нет никаких оснований рассматривать как «дегенерацию» или «регресс», ибо ни в том, ни в другом случае не происходило потери сложности системы – одна сложная политическая система трансформировалась в структурно другую, но не менее сложную высокоорганизованную систему. Общий уровень самоорганизации системы при этом даже несколько повышался.

3

Представляется возможным дать определенную аргументацию в пользу того, что, например, трансформацию доисламского «сабейско-го» $s^2b^m HS^2D^m$ [𐩧𐩢𐩨𐩣𐩠𐩣𐩢𐩨] в средневековый (и современный) *qabilat Hāshid* [قبيلة حاشد] имеет смысл рассматривать именно как трансформацию вожества в племя (или племенную конфедерацию). Конечно, понятия «племя» (*tribe*) и «вожество» (*chiefdom*) достаточно многозначны. В особенности это относится к понятию «племя», употреблявшемуся (и употребляемому) многими исследователями и для обозначения политических структур, вполне подпадающих под определение «вожества». Это относится, скажем, к понятию *tribe-state* Малиновского (Malinowski 1947: 259–261); см. также, например: Sahlins 1968: 20–21; о смешении понятий *tribe* и *chiefdom* см.: Fried 1975: 60–65, 88–98. При таком понимании среднесабейский *ша'б* второго порядка (см.: Korotayev 1993c; 1994d)⁷ вполне может быть обозначен и как «племя».

Понятие «вожество» (*chiefdom*) в том виде, в каком оно было введено в научный оборот Сервисом в 1962 году в первом издании «Первобытной социальной организации» (Service 1962), совершенно определенно отграничивалось от понятия «племя». Вместе с тем, в дальнейшем и этот термин стал приобретать все большую многозначность, все более и более сближаясь у некоторых исследователей с понятием «племя», в том виде, как оно было определено Сервисом (см., например: Sahlins 1968: 20–21; Renfrew 1974 и т.д.).

Тем не менее «терминологический голод» в современной палеосоциологии столь силен, что употреблять понятия «племя» и «вожество» в качестве синонимов было бы, как мне кажется, непозволительной

⁷ Среднесабейский культурно-политический ареал представлял собой прежде всего систему *ша'бов* (s^2b^m/s^2b^m [𐩧𐩢𐩨𐩣/𐩧𐩢𐩨𐩣]). Как удалось показать французскому сабеисту Робэну, понятие это в разных контекстах могло обозначать достаточно разные (особенно с точки зрения современного исследователя) типы общностей, образовывавших при этом определенную структурную иерархию (Robin 1979; 1982a, I: 71–77; 1982b: 22–25). *Ша'бы* первого (сверху) порядка представлял собой довольно аморфные этнокультурные общности, не имевшие (если только они не совпадали с *ша'бами* второго порядка) никакой политической централизации, но связанные, как правило, общим самоназванием, «общеплеменным» божеством, некоторыми особенностями культуры, такими как, например, общий календарь, эпонимат и т.п. (подробнее об этом см.: Korotayev 1994g). Общности эти занимали территории в несколько тысяч км². *Ша'бы* второго порядка представляли собой несравненно более политически централизованные общности, занимавшие территорию в несколько сот км² (Robin 1979; 1982a, I: 71–93; 1982b: 22–24). Наконец, каждый *ша'б* второго порядка, как правило, включал в себя несколько *ша'бов* еще более низкого, третьего, порядка, охватывавших территории по несколько десятков км². *Ша'бы* этого порядка представляли собой достаточно компактные самоуправляющиеся территориальные образования с явно выраженным центральным поселением – *хагаром* (*hgr* 𐩧𐩢𐩨𐩣).

роскошью. В том же случае, если мы решим использовать эти понятия для обозначения двух разных исторических форм политической организации, определенным приоритетом, на мой взгляд, должны пользоваться критерии различия вождества и племени, предложенные исследователем, впервые введшим понятие «вождество» (*chiefdom*) в широкий научный оборот. Речь идет, естественно, о Сервисе (Service 1971 [1962]). Само слово *chiefdom* употреблялось, конечно, и до Сервиса, в особенности в трудах политантропологов, изучавших социально-политическую организацию индейцев Южной Америки (Oberg 1953; 1955; Steward & Faron 1959), где этот термин использовался для обозначения одного из типов политических систем коренного населения региона. Однако именно Э. Сервис впервые разработал понятие «вождества» как универсальной (а не региональной) формы политической организации, указав в том числе и достаточно четкие отличия вождества как от племени, так и от государства (Service 1971 [1962]: 133–169).

Надо отметить, что Сервис, к сожалению, не дает полностью строгих определений ни племени, ни вождеству. И все же он указывает довольно определенные критерии для различия двух данных форм политической организации, и критерии эти создают определенную основу для проведения номинального измерения.

Итак, как Сервис определяет различия между политической организацией племени и вождества? Политическая организация племени характеризуется следующим путем:

«Лидерство в племенном обществе является личным... и осуществляется только для достижения конкретных целей; отсутствуют какие-либо политические должности, характеризующиеся реальной властью, а «вождь» здесь просто влиятельный человек, что-то вроде советника. Внутриплеменная консолидация для совершения коллективного действия, таким образом, не совершается через аппарат управления... Племя... состоит из экономически самодостаточных резидентных групп, которые из-за отсутствия высшей власти берут на себя право себя защищать. Проступки против индивидов наказываются самой же корпоративной группой... Разногласия в племенном обществе имеют тенденцию генерировать между группами конфликты с применением насилия» (Service 1971 [1962]: 103).

Сразу же отмечу, что сказанное Сервисом может быть вполне отнесено (естественно, не без некоторых, хотя и достаточно незначительных оговорок) к современным северойеменским племенам (но не к среднесабейским *ша'бам* второго порядка – Korotayev 1993c; 1996: ch. II):

«Шейх не может предпринимать чего-либо от лица своих людей просто на основе своего формального положения; всякая акция, затрагивающая их интересы, должна быть конкретно с ними согласована

(Dresch 1984a: 39). Власть, которую шейх может иметь над группами членов племен, не обеспечивается ему его формальным положением. Он должен постоянно участвовать в их делах и участвовать успешно [для того, чтобы сохранить свою власть] (Ibid.: 41; см. также: Chelhod 1970; 1979; 1985: 39–54; Dostal 1974; 1990: 47–58, 175–223; Obermeyer 1982; Dresch 1984b; 1989; Abū Ghānim 1985; 1990: 229–251; vom Bruck 1993 и т.д.).

Необходимо подчеркнуть, что характеристикой племенной организации логичнее все-таки было бы считать не столько сами конфликты между составляющими племя «резидентными группами», которые характеризуют и первобытные сообщества, не имеющие племенной организации (Сервис относит последние к «*the band level of sociocultural integration*» (Service 1971 [1962]: 46–98)), а то, что племенная организация ставит эти конфликты в определенные рамки, заставляет стороны конфликтовать по определенным правилам, предоставляет в распоряжение сторон зачастую крайне развитые механизмы посредничества и т.п., нередко вполне эффективно блокируя потенциально крайне дезинтегрирующие следствия подобных конфликтов, но не отчуждая вместе с тем «суверенитета» резидентных групп (Сервис в общем-то говорит об этом на последующих страницах, но, на мой взгляд, недостаточно четко).

Следует также отметить, что описанная Сервисом ситуация может быть связана не обязательно лишь с полным отсутствием каких-либо надплеменных политических структур (*higher authority*), но и с их слабостью (как это наблюдается для большинства племен Ближнего и Среднего Востока). Слабость же подобных структур в «племенных районах» в свою очередь нередко связана именно с эффективностью племенной организации, позволяющей достаточно высокоразвитому населению обходиться без государственной организации.

При этом к сказанному Сервисом необходимо (для того чтобы избежать нежелательной синонимии) добавить и такой критерий, как «сверхобщинность» племенной организации – чтобы вышеописанную форму политической организации можно было бы рассматривать именно как «племенную», она должна охватывать более одной общины, иначе перед нами будет просто лишь одна из разновидностей общинной организации. Можно вполне согласиться с утверждением Фрида о том, что:

«...Существеннейшим элементом понятия «племя» является выход племенной организации за пределы одной, отдельно взятой общины и, *pari passu*, то, что племенная организация имеет функции, которые объединяют деревни, иначе существовавшие бы сами по себе, в единое взаимодействующее целое» (Fried 1975: 39).

Реальное употребление Сервисом понятия «племя» (*tribe*) не противоречит сказанному (Service 1971 [1962]: 99–132), хотя этот критерий и не был сформулирован им вполне четко. Социально-политическая же организация вождества характеризуется Сервисом следующим образом:

«Важнейшее изменение, совершающееся на уровне вождества, заключается в том, что специализация и редистрибуция уже не привязаны к отдельным акциям, а характеризуют теперь постоянно большую часть деятельности общества. Вождества – это *редистрибутивные общества* с постоянным центральным координирующим центром» (Service 1971 [1962]: 134).

«Когда позиция вождя становится постоянной *должностью* в структуре общества, социальное неравенство становится характеристикой всего общества, за чем следует и неравенство в потреблении... Создание наследственной должности вождя, с высоким статусом занимающего его индивида, естественно, влечет за собой возможность и иных высоких статусов... Высокий статус вождя поднимает статус всех членов его семьи..., а затем до некоторой степени и всего его рода... Вождь необходимо создает своего рода «аристократию»... Другой важной чертой является его способность планировать, организовывать и использовать общественный труд» (Ibidem: 139–140).

«В некотором смысле вождество имеет пирамидальную или коническую структуру» (Ibidem: 142).

Наконец, Сервис и прямо формулирует основные отличия вождества от племени:

«Вождество радикально отличается от племени или первобытной общины не только экономической и политической организацией... – племена эгалитарны, вождества же глубоко неэгалитарны» (Ibidem).

«Наиболее четкая характеристика, отличающая вождества от племен... – это все пронизывающее неравенство между индивидами или группами в вождествах... Эфемерный лидер, характерный для племен, имеет функции и атрибуты, вытекающие из его собственных способностей. «Должность» же [вождя] – это позиция в социально-политической структуре, имеющая постоянно принадлежащие ей функции и признанные атрибуты вне зависимости от того, кто ее занимает» (Ibidem: 145–146).

Характеристике этой, надо сказать, не противоречат существенно и определения вождества, даваемые другими исследователями, например:

«автономная политическая единица, включающая в себя некоторое число деревень или общин, находящихся под постоянным контролем верховного вождя» (Carneiro 1981: 45); «полития, централизованно организующая региональное население, исчисляемое тысячами» (Earle 1991: 1); или «промежуточная форма политической структуры, в кото-

рой уже есть централизованное управление и наследственная иерархия правителей и знати, существует социальное и имущественное неравенство, но еще нет формального и тем более легализированного аппарата принуждения и насилия» (Васильев 1980: 182).

4

Если среднесабейский *ша'б* второго порядка (см. Коротаев 1991; Korotayev 1993b; 1994d; 1996, ch. II) вполне неплохо (хотя и с некоторыми, небольшими оговорками) соответствует описанию «вождества» Сервисом (как, впрочем, и определениям других исследователей), то, как уже упоминалось выше, описание тем же автором «племени» с самыми небольшими оговорками может быть отнесено к йеменским *qabā'il* [قبائل] средневековья, Нового и Новейшего времени. Упомяну все же главную из этих оговорок.

Политическая организация йеменских *qabā'il* [قبائل], действительно, относительно⁸ эгалитарна. Однако северойеменские племенные сообщества, взятые в целом, никак не могут быть признаны эгалитарными. Дело в том, что наряду с членами племен (составляющими большинство населения и основную массу пашенных земледельцев) в племен-

⁸ Относительно хотя бы среднесабейского *ша'ба* второго порядка. На качественную разницу между положением шейхов современных северойеменских племен и *кайла*-ми среднесабейских *ша'бов*₂ уже обращалось внимание Робэнном (Robin 1982a, I: 83–85). Действительно, если шейхи северойеменских племен – это прежде всего «первые среди равных» (Obermeyer 1982: 36; Dresch 1984a; 1984b: 156–157; 1989: 38–116; Abu Ghānim 1985: 115–133, 209–212, 259–266), то среднесабейских *кайлей* от рядовых членов *ша'бов*₂ отделяла гигантская социальная дистанция. Например, отношение *кайлей* [𐩦𐩣𐩪] и их *ша'ба* [𐩢𐩣] передается в надписях через категории *'dm* – *'mr'* [𐩦𐩣/𐩦𐩣] – «зависимые – господа». Те же категории используются и для обозначения отношений между клиентами и патронами, подданными и царем, людьми и божествами (в R 3910 форма единственного числа неопределенного состояния для *'dm* [𐩦𐩣] – *'bdm* [𐩦𐩣𐩢]) – использована даже для обозначения рабов, продававшихся на рынке Мэриба – подробнее об этом см.: Korotayev 1995b). В большинстве среднесабейских посвященных надписей, поставленных рядовыми членами среднесабейских *ша'бов*₂, общинники просят божества даровать им благосклонность (*hzy w-rdw* [𐩧𐩣𐩪𐩥𐩢𐩪𐩥𐩢𐩪]) их господ, *кайлей* (а иногда даже защитить их от возможного гнева – *glyt* [𐩧𐩣𐩪𐩥𐩢𐩪]) – господ). Конечно же, подобный стиль отношений между лидерами и рядовыми членами политической системы кажется совершенно немыслимым для современных (и средневековых) северойеменских племен. Примечательно, что термин *sayyid* [سید], «господин», еще в раннеисламский период употреблявшийся для обозначения глав племен (Пиотровский 1985: 77; Dresch 1989: 169, 191–192), позднее полностью вытесняется на Севере Йемена заметно более нейтральным *shaykh* [شيخ], «старец», в то время как обозначение *sayyid* [سید] закрепляется за представителями «религиозной аристократии», находившейся в племенной зоне северойеменской мультиполитии в большинстве своем вне племенной организации, но под защитой племен.

ные сообщества входят многочисленные «квазикасты»⁹ невооруженного¹⁰ «слабого» населения, не входящего в племенную организацию и находящегося «под защитой» племен (*du'afā*, «слабые» [ضعفاء]): мясники и цирюльники (*mazāyīnah* [مزينة]), племенные «геральды» (*dawāshīn* [دواشين]), торговцы (*bayyā'in* [بياعين]), огородники (*ghashshāmīn* [غشامين]), ремесленники, прежде всего ткачи (*sāni'in* [صانعين]), домашние слуги (*akhdām* [أخدام]), находившиеся в самом низу социальной иерархии, и т. Р «слабым» в племенной зоне традиционно относилось и еврейское население этих мест (Голубовская 1981; 1984: 11; Пиотровский 1985: 64, 87; Удалова 1988: 19–20; Abū Ghānim 1985: 234–249; Chelhod 1970; 1975: 76–82; 1979: 48, 54–57; 1985: 15–37; Dresch 1984b: 159; 1989: 117–123; Obermeyer 1982: 36; Serjeant 1977; Stevenson 1985: 42–47, 63 ff и т.д.)¹¹.

Общая картина социальной стратификации племенных сообществ Северного Йемена дополнительно осложняется и присутствием в них саййидов (*sādah* [سادة] – «религиозных аристократов», ведущих свое происхождение от пророка Мухаммада) и *kāḍīyīy* (*quḍāt* [قضاة], «судей», знатоков священных книг, не ведущих своего происхождения от пророка), также в большинстве своем рассматривавшихся в качестве находившихся под защитой племен и игравших достаточно важную роль в функционировании этих сообществ¹² (Голубовская 1984: 11;

⁹ На определенное сходство традиционных систем социальной стратификации Южной Аравии и Индии уже обращалось внимание (см., например: Chelhod 1979: 59). Вместе с тем отмечаются и некоторые достаточно существенные различия между двумя данными системами социокультурной стратификации (Родионов 1994: 42; Chelhod 1979: 59; 1985: 33; Dresch 1989: 153).

¹⁰ Не считая традиционного йеменского кинжала – «джамбийи/джанбийи (*janbiyyah* [جنبية])», который носит даже большинство «слабых» (*du'afā* [ضعفاء]). Причем последние должны носить его подчеркнуто с левой стороны в отличие от членов племен (*qabīliyyīn* [قبيليين]), носящих кинжал на поясе прямо посередине (Chelhod 1979: 55; Dresch 1989: 38, 120; Stevenson 1985: 44). Единственное исключение составляет достаточно специфическая «слабая» квазикаста, *dawāshīn* [دواشين] (племенные «геральды»), представители которой носят свои джамбийи так же, как и члены племен (Dresch 1989: 120).

¹¹ Становление данной системы квазикаст, по-видимому, относится к XII–XIV вв. (Пиотровский 1985: 87; Удалова 1988: 19). Описание во многом сходной системы «квазикаст» в Хадрамауте см., например: Наумкин 1980: 23; Серебров 1990; бин `Акил 1992: 7–8; Родионов 1993; 1994: 21–29; Serjeant 1957 (только *sādah* [سادة] и *mashāyikh* [مشايخ]); Vujra 1971: 13–53 и т.д.

¹² Сами саййиды [سادة] и *kāḍīyīy* (*quḍāt* [قضاة]) считали свой статус более высоким, чем у членов племен, однако нет никаких оснований считать их господствующим, доминирующим слоем северойеменских племенных сообществ (см., например: Dresch 1984b: 159; 1989: 136–157). Монополией на применение насилия здесь обладали все-таки племена (вернее даже их члены), а не саййиды. Несмотря на высочайший авторитет и репутацию саййидов, политическими лидерами были шейхи, а не саййиды (последним удавалось стать шейхами крайне редко, да большинство саййидов к этому, как кажется, и не стремилось; по наблюдениям П.Дреша, «*there is no reason why someone who happens to be a sayyid should not also be a shaykh, although this is unusual*» [Dresch 1989: 156]). В этом

Пиотровский 1985: 65, 87, 101; Удалова 1988: 20; Gerholm 1977: 123; Serjeant 1977; Chelhod 1970; 1975: 70–71; 1979: 58 ff.; Obermeyer 1982: 36–37; Dresch 1984b: 159 ff.; 1989: 136–157; Abū Ghānim 1985: 212–227; 1990 и др.).

«Неплеменные квазикасты» северойеменских племенных сообществ включали в себя меньшую часть населения, однако принимать их в расчет, конечно, нужно обязательно, ибо во многом именно благодаря им северойеменский племенной мир и представлял собой то, чем он был, — достаточно сложную высокоорганизованную (и совершенно «непервобытную») систему, вполне сравнимую по своей сложности с сопоставимыми по численности включаемого населения доиндустриальными государственно-организованными системами (например, культурно-политическими системами йеменского Южного нагорья).

5

Понятие «племя» в том виде, как оно употребляется социоантропологами при описании социально-политической организации северных йеменцев (или, скажем, многих сообществ Атласа, Киренаики или Афганистана) в XIX–XX вв., представляется вполне полезным, ибо оно обозначает достаточно определенную форму надобщинной политической организации, которая, как кажется, не может быть адекватно обозначена никакими иными принятыми в современной науке терминами, такими как «вождество» и тем более «государство» или «община». Мы можем наблюдать здесь такую форму политической организации, когда функционирование устойчивых форм межобщинной интеграции осуществляется без монополизации соответствующими внутриплеменными структурами применения насилия, без приобретения ими формальной власти над общинами и общинниками, когда конфликты разрешаются (либо коллективные «общеплеменные» акции предпринимаются) не через обязательные к исполнению решения облаченных властью должностных лиц, а через поиск лишенными формальной, абсолютной (безотносительной к их личным качествам) власти лидерами консенсуса всех заинтересованных членов племени (или племен).

плане взаимоотношения между *сайидами* и членами северойеменских племен несомненно напоминают отношения между брахманами и кшатриями в древней Индии (ср., скажем, Бонгард-Левин, Ильин 1985: 301–304). При этом достаточно очевидно, что присутствие в северойеменской племенной зоне групп *сайидов*, пользовавшихся в племенах высоким авторитетом (хотя, как правило, и не господствовавших над ними), должно было служить существенным фактором интеграции северойеменской мультиполитии, государственный центр которой возглавлялся на протяжении большей части последнего тысячелетия представителями «религиозной аристократии» (*сайидов*), зейдитскими имамами (см., например: Chelhod 1985: 26–29; Stookey 1978: 95, 149–155 и т.д.).

Именно такая политическая структура¹³ может быть с наибольшими основаниями обозначена как племя (в неэтническом смысле этого понятия), в то время как среднесабейские надобщинные объединения (*ша'бы* второго порядка) могут быть с наибольшими основаниями в данной системе терминов обозначены как «вождества». Вместе с тем при таком подходе надо будет констатировать отсутствие собственно племенной организации в сабейском культурном ареале доисламской эпохи¹⁴. Именно поэтому, на мой взгляд, и имеет смысл говорить о трансформации вождеств в племена в районе «сабейского» Нагорья в раннеисламскую эпоху.

6

Вывод о том, что племя может быть совершенно непервобытной, достаточно поздней формой политической организации, трудно назвать сколько-нибудь новым. Действительно, как известно, к близкому выводу давно пришел Фрид (Fried 1967; 1975), который утверждал, что племя является непервобытной формой политической организации, возникающей в результате «структурирующего» воздействия уже имеющих государственных систем на «неструктурированные» массивы независимых общин.

Полностью соглашаясь со взглядом Фрида на племя как на непервобытную позднюю форму социально-политической организации, можно вместе с тем, опираясь на южноаравийские материалы, предположить, что племенная организация может возникать и иным путем, скажем, в результате трансформации вождеств. Вообще Фрид, на мой взгляд, несколько абсолютизировал здесь роль «структурирующего воздействия» государства, полностью проигнорировав изучение внутренних тенденций эволюции негосударственных политических систем, ведущих к сложению племенной организации.

Конечно, нет никаких оснований рассматривать племенную организацию Северного нагорья как результат «структурирующего» воздействия государств на неструктурированное первобытное население.

¹³ А не аморфные слабоорганизованные совокупности первобытных локальных групп или такие социально-политические образования, которые вполне адекватно могут быть означены как «общины» или «вождества». Множество примеров такого неудачного употребления понятия «племя/tribe» приводится, скажем, Фридом (Fried 1975).

¹⁴ По крайней мере, в его нагорной части, ибо, как упоминалось выше, возможно, что уже в Средний период племенная организация имело полукочевое население района ал-Джауфа, например часть амири $(s^2b^r/s^2b^r 'MR^m [\text{ }] \text{ })$ – см., например: Ghul 1959: 432; von Wissmann 1964a: 81–159; Bafaqih 1990: 282–283; Robin 1991d; 1992; Korotayev 1995g.

ние. Существенное воздействие на генезис племенной организации оказали здесь, скорее, арабские племена Центральной Аравии, в тесном контакте с которыми данный ареал находился на протяжении всей поздней доисламской и раннеисламской его истории (Пиотровский 1985: 8, 64, 69–70; Chelhod 1970; 1979; 1985: 45–46; al-Hadithi 1978: 68, 81–96; Höfner 1959; Robin 1982b: 29; 1984: 213, 221; 1991d; Wilson 1989: 16; von Wissmann 1964a: 181–183, 195–196, 403–406; 1964b: 493 и т.д.). Как кажется, их заметным вкладом было хотя бы то, что они принесли на Юг Аравии «генеалогическую культуру» (Beeston 1972a: 257–258; см. также: *Id.* 1972b: 543; Ryckmans 1974: 500; Robin 1982a. Vol. I; Пиотровский 1985: 53, 69; Коротаев 1991; 1998: 137–141 и т.д.).

В результате основная часть земледельческого населения Северного Нагорья оказалась обладательницей глубоких, древних (и вполне «добротных» даже с точки зрения северных арабов) генеалогий, что создавало неплохую идеологическую основу для борьбы этого населения за сохранение своего высокого статуса. «Генеалогическая идеология» (представление племен и их конфедераций в качестве потомков эпонимных предков, находящихся между собой в определенных родственных отношениях) явилась прекрасной основой и для развития племенной политической культуры, помогая налаживанию механизмов гибкого взаимодействия между племенными общностями разных уровней.

7

Хотя существенное воздействие североаравийских племен на формирование «племенного этоса» в данном ареале особых сомнений не вызывает, некоторые из вышеупомянутых авторов, на мой взгляд, несколько недооценивают значение внутренней логики эволюции этого ареала. Генезис североеменской племенной организации, на мой взгляд, явился прежде всего реализацией общей тенденции к «эгалитаризации», наблюдающейся в ареале еще с конца I тыс. до н.э., результатом долгих «поисков» земледельческим населением Северного Нагорья оптимальных для этого региона форм социально-политической организации.

Крайне показательна трансформация, происшедшая с титулом *кайл* [𐩦𐩣/𐩦𐩣] (глава *ша'ба* второго порядка): если в Древний период это был в основном индивидуальный титул, принадлежащий отдельным лицам, то в Средний период в сабейском, северо-восточ-

ном, ареале (но не на Юге!), он начинает в основном рассматриваться как принадлежность целых *кайлских* родов, а не его отдельных представителей (Korotayev 1993c: 50–51; 1995a, ch. I; см. также: Robin 1982a, I: 79 и Avanzini 1985: 86–87). Несмотря на сохранение гигантской социальной дистанции между *кайлскими* родами и рядовой массой *ша'бов* второго порядка, данная эволюция вполне может рассматриваться как шаг в сторону северорейменской племенной модели (ср. Dresch 1984a).

Примечательна здесь и достаточно демократическая организация среднесабейских локальных общин, *ша'бов* третьего порядка, демонстрирующая явные черты сходства с общинной организацией поздних обитателей Северного нагорья (см.: Korotayev 1994g). Генезис северорейменской племенной организации вполне может рассматриваться и как распространение достаточно демократичных принципов среднесабейской общинной организации на надобщинный уровень (соответствующий уровню среднесабейского *ша'ба* второго порядка).

В целом тенденции к «эгалитаризации» начинают прослеживаться в указанном регионе достаточно рано. Скажем, если в Древний период сабейской истории недвижимое имущество рассматривается в качестве собственности главы большой семьи (который поэтому обозначает такое имущество как принадлежащее ему / -hw [ʕy] / [Бауэр 1964: 19–20; 1965: 209–217; Лундин 1962; 1965; 1971: 233–245; Коротаев 1997: 64–104; 1998: 95–110; Korotayev 1993c: 51–53; 1995a: ch. III]), то в Средний период такое имущество уже начинает рассматриваться как собственность всего родового ядра большесемейной общины. Поэтому в надписях этого периода, даже поставленных индивидуальными авторами, мы встречаем только упоминание «их» [-hmy (ʕy)] недвижимости, но практически никогда имущество «его» [-hw (ʕy)] (Коротаев 1990; 1993; 1997; 1998; Korotayev 1993c; 1995a: ch. III). На мой взгляд, это может рассматриваться как результат некоторой «демократизации» внутренней организации сабейских большесемейных общин.

Становление племенной организации на Северном нагорье в раннеисламскую эпоху, по-видимому, сопровождалось некоторой «демократизацией» поземельных отношений, правда, достаточно примечательным путем – через их высочайшую индивидуализацию (см., например: Dresch 1989). Как кажется, поземельные отношения прошли в данном ареале путь от собственности глав большесемейных общин на семейные земли в Древнесабейский период (I тыс. до н.э.) к подчеркнуто коллективной собственности на землю родовых групп в Средний период (I–IV вв. н.э.) и далее (возможно не без некоторого влияния шари'ата)

к подчеркнута индивидуальной собственности на землю всех совершеннолетних членов родовых групп (права женщин на землю, правда, требуют некоторых существенных оговорок, для которых здесь нет места [см.: Mundy 1979; Dresch 1989: 276–291]). Последняя трансформация, кстати, неплохо коррелировала со становлением племенной организации и общей эгалитаризацией политической системы, ибо подобный строй поземельных отношений эффективно блокировал возрождение чего-либо похожего на могущественные кланы доисламских глав горских вождей, *кайлей*, с их гигантскими консолидированными и недробимыми земельными владениями.

Вообще достаточно примечательным представляется то обстоятельство, что становление племенной организации на Северном нагорье сопровождалось ощутимым ослаблением «экономической общины»: среднесабейские надписи, авторы которых постоянно упоминают помощь общины в их хозяйственной деятельности (C 224, 4; 339, 4; 416, 4; 585, 2; Ga 6, 3; R 3971, 4; 3975 + Ga 32, 3–4; 4033, 2a; Robin / al-Hajaḡī 1, 6; / Khamir 1, 4; / Kāniṭ 13+14, 2; Ry 540, 1–2 и т.д.), находятся в разительном контрасте с описаниями системы экономических связей на «племенном» йеменском Севере с характерным для нее крайне низким уровнем внутриобщинной экономической кооперации (Dresch 1989: 301).

8

Генезис североеменской племенной организации вполне может рассматриваться как результат продолжительной борьбы основного земледельческого населения Северного нагорья за повышение своего социального статуса. Борьба эта была в основном, как кажется, достаточно «тихой», и поэтому довольно редко фиксировалась историческими источниками (см., скажем: al-Hamdānī 1980: 328). В любом случае имеются некоторые основания предполагать, что основная масса земледельческого населения Северного нагорья воспользовалась политической неразберихой раннеисламской эпохи для ощутимого повышения своего статуса. Политическая же нестабильность, характерная для Южной Аравии на протяжении большей части II тыс. н.э., во многом помогла ему сохранить этот статус. В то же время, по-видимому, и само племенное население Северо-Востока в какой-то степени «приложило руку» к поддержанию этой политической нестабильности.

Генезис племенной организации на Северо-Востоке Йеменского нагорья вполне может рассматриваться и как ответ социально-политической системы ареала на вызов, «брошенный» ей вторым социально-экологическим кризисом (второй половины I тыс. н.э.). Кризис был

вызван, по всей видимости, именно «престижной экономикой» вожеств ареала, приведшей к перенапряжению крайне хрупкой естественной среды данной части Нагорья (например, к крайней деградации растительного покрова востока Североийеменских гор) (Robin 1984: 220–221; Robin 1991с: 67; Dayton 1979: 127 и т.д.). Сильнее всего этот кризис ударил по внутренним Нижним землям, которые уже к концу VI в. н.э. приходят почти в полный упадок, из которого они в дальнейшем так и не смогли выйти. Однако кризис этот затронул и Северо-Восточное нагорье.

Все-таки, в отличие от Нижних земель, население Нагорья смогло выйти из социально-экологического кризиса без какого-либо понижения уровня своей самоорганизации, хотя и без полного восстановления естественной среды ареала. Социоэкологическая среда ареала оказалась не в состоянии обеспечивать престижное потребление *кайлей* и их окружения. Выход из второго социально-экологического кризиса произошел во многом именно за счет «отторжения» социально-политической системой ареала родовой аристократии и генезиса племенной организации, обеспечивавшей существование в данном ареале достаточно сложного аграрного общества при крайне «экономичном» производстве прибавочного продукта.

Племенная организация земледельческого населения ареала давала ему возможность успешно бороться (с оружием в руках) за поддержание крайне низкого уровня налогообложения со стороны государственного центра североийеменской мультиполитии¹⁵. С другой стороны, сохранялся эффективный контроль земледельческого населения над ресурсами, расходуемыми на содержание неземледельческих слоев племенной зоны (включая ее интеллектуальные и политические элиты). В результате экономическая система ареала обеспечивала достаточно сложные неземледельческие структуры (включавшие множество неземледельческих городков, рынков, центров традиционного образования и учености и т.д.) необходимым минимумом (но именно минимумом) ресурсов, практически блокируя, вместе с тем, «непроизводительное разбазаривание» этих ресурсов на престижное потребление верхов.

В целом племенная организация, возможно, представляла собой едва ли не единственную политическую форму, которая могла позволить в доиндустриальном мире устойчиво воспроизводиться сложным высокоорганизованным сообществам в крайне бедной и неустойчивой хо-

¹⁵ Согласно зейдитской доктрине, налог с урожая зерновых не должен был превышать крайне умеренных 5–10% (в зависимости от типа земель – см., например: Stookey 1978: 88), а североийеменским племенам в большинстве случаев удавалось добиваться поддержания налогообложения именно на таком предельно низком уровне.

зяйственно-экологической среде Северо-Восточного Йеменского нагорья (Dresch 1984: 156; см. также: *id.* 1989: 8–15). Я бы даже сказал, что в доиндустриальных условиях социально-экономическая система ареала должна была быть избавлена от какой-либо сколько-нибудь развитой государственной «надстройки» (заставлявшей бы земледельцев ареала производить избыточные количества прибавочного продукта), чтобы стать устойчивой и не вызывать постоянные социально-экологические кризисы и не деградировать.

9

Какую-то роль в адаптации социальной системы ареала к ухудшившимся хозяйственно-экологическим условиям и в выходе из социально-экологического кризиса сыграли, видимо, и упомянутые выше развитие частной собственности на землю и разложение системы общинной экономической взаимопомощи. Социоантропологами (преимущественно по воспоминаниям информантов старшего поколения) описана существовавшая вплоть до относительно недавнего (приблизительно до 50-х годов этого века) времени достаточно жесткая (но вместе с тем, как кажется, вполне эффективная) традиционная модель поведения населения племенной зоны в периоды трудностей (вызывавшихся, как правило, нередкими в этих местах продолжительными засухами). Заклучалась она в том, что в подобных случаях общинники практически не помогали друг другу через дефицитных продовольственных ресурсов, но главы менее эффективных хозяйств продавали свою землю более экономически эффективным хозяевам и шли служить в армию зейдитских имамов (это, между прочим, показывает, что налоги, выплачивавшиеся членами племен зейдитским имамам, в значительной степени представляли своего рода «взносы» в своеобразный страховой фонд мультиполитии). В результате более эффективные хозяева улучшали свою обеспеченность земельными ресурсами, повышая тем самым шансы выхода из трудного периода, а менее эффективные – сохраняли свою жизнь (см., например: Dresch 1989: 300–301).

По-видимому, в целом заметную роль в совершенствовании системы адаптации земледельческого населения к сложным природным условиям Северного нагорья и прежде всего к частым засухам сыграло и развитие в племенной зоне Севера товарно-денежных отношений. Племенная система оказалась в состоянии обеспечить уровень их развития, крайне высокий для доиндустриального аграрного общества. Большую роль здесь сыграло развитие такого важнейшего северойеменско-

го племенного института, как *hijrah* (об институте хиджры см., например: Abū Ghānim 1985: 214f.; vom Bruck 1993: 87–88; Chelhod 1970: 81–82; 1975: 79–80; 1979: 58–59; 1985: 28–29; Dresch 1989; Кропп 1994: 89; Nielsen 1994: 43; Puin 1984; Stevenson 1985: 63–65 и т.д.).

Хиджра [هجرة] представляет собой институт постановки под защиту (нередко документально оформленную) племени (или группы племен) некоего объекта. При этом в качестве объекта хиджры могли выступать люди, проживающие на территории данного племени (например, семейство *саййидов* [سادة] – религиозных аристократов, ведущих свое происхождение от пророка Мухаммада), места проведения встреч между племенами, рынки, городки (населенные, кстати, как правило, «слабыми», а также *саййидами* [سادة] и *кадийями* [قضاة] в большей степени, чем членами племен) и т.п. Во многом благодаря именно этому институту северойеменская племенная организация смогла обеспечить в своей зоне достаточно высокий уровень развития товарно-денежных отношений – через учреждение хиджр, обеспечивающих и организующих защиту соответствующими племенами сотен рынков, покрывших собою всю племенную зону Северного нагорья. Племена, объявляющие, скажем, данный рынок своей хиджрой, берут на себя обязательство (при этом зачастую документально оформленное) обеспечивать его полную безопасность, например, через гарантию того, что за преступление, совершенное на этом рынке, компенсация пострадавшему будет выплачиваться, скажем, в одиннадцатикратном размере. На территории рынка (или иного места), объявленного хиджрой, вообще, как правило, запрещено прибегать к любому насилию, даже законному с точки зрения обычного права племен (Chelhod 1979: 58; 1970: 82; Dresch 1987: 432; 1989; Stevenson 1985: 63–65 и т.д.). При этом неспособность племени обеспечить выполнение взятых на себя обязательств такого рода, естественно, наносит сильнейший удар по его репутации.

Важную роль здесь сыграло и создание достаточно эффективной системы защиты племенами невооруженного «слабого» населения, включавшего в себя, как мы помним, и торговцев (*bayyā'in* [بياعين]). Надо подчеркнуть, что «покровительство», оказываемое племенами «слабому» населению, не является лишь пустым словом. Неспособность племени защитить находящегося под его покровительством «слабого» (например, обеспечить ему получение компенсации за совершенное против него преступление) наносит сильнейший удар по репутации племени, при том что размер такой компенсации зачастую в четыре раза (а иногда, хотя и крайне редко, в одиннадцать раз) превышает компенсацию за подобное преступление, совершенное против

члена племени (Dresch 1989: 118, 407; см. также: Dresch 1984: 159; Obermeyer 1982: 36; Chelhod 1979: 55; 1970: 75; Stevenson 1985: 44). Важную роль в развитии торговли в племенной зоне сыграло, конечно, и создание племенами системы обеспечения безопасности прохода через территории племен иноплеменников (Dresch 1987; 1989; Dostal 1990 и т.д.).

В результате во многих племенных районах появился еще один дополнительный неформальный «страховой фонд» в виде хлебных запасов «низкокастовых» торговцев (*bauyā'in* [بياعين]), скупавших зерно у членов племен (к которым относились практически все пашенные земледельцы Севера) в урожайные годы, и продававших им это зерно в неурожайные годы (естественно, не без выгоды для себя – Stevenson 1985).

Важно при этом подчеркнуть, что крайне низкий (в сравнении с членами племен) статус «торговцев» эффективно препятствовал их превращению в доминирующую элиту общин, блокировал непроизводительное расходование аккумулируемых ими ресурсов на собственное престижное потребление и т.д.

10

В любом случае подобное гибкое индивидуализированное реагирование земледельческого населения на природные бедствия оказывалось возможным во многом благодаря сложившейся в племенной зоне четко выраженной индивидуальной собственности на обрабатываемые земли, их достаточно свободной отчуждаемости. Развитие частной собственности на землю и упадок экономического коммунизма, таким образом, видимо, способствовали адаптации земледельческого населения к ухудшившимся природным условиям и содействовали выходу из второго социально-экологического кризиса.

Полномасштабная же система общинной взаимопомощи в таких условиях могла бы привести к вымиранию целых общин. По-видимому, ранее это и происходило, о чем, похоже, свидетельствуют сохраняющиеся кое-где вплоть до настоящего времени (и подтверждаемые письменными источниками)¹⁶ предания о существовании несколько веков назад впечатляющего института *i' tifād* [اعتفاد], когда в период засух или иных стихийных бедствий целые общины, оказавшиеся не в состоянии себя прокормить, но боящиеся нанести ущерб своей репутации обра-

¹⁶ al-Hamdānī n.d.: 135; 1938; 1368h: 20, 202; al-Ḥimyārī 1916: 51, 73; 1978: 49, 160; см. также: Белова 1987: 156; 1992: 253–266; 1996; al-Selwi 1987: 155 и т.д.

щением за помощью к другим общинам, предпочитали садиться в круг и молча (буквально, стиснув зубы) умирать от голода, но не потерять свою честь (Serjeant 1987). Данные предания выглядят правдоподобными, ибо описывают вполне логичную реакцию высокостатусного «племенного» земледельческого населения с развитыми представлениями о чести и достоинстве, не нашедшего еще адекватного выхода из хозяйственно-экологического кризиса. Важно при этом подчеркнуть, что ко второй половине этого тысячелетия население Северного нагорья нашло иные, менее болезненные пути «достойного» реагирования на периодические засухи; характерно, что зафиксированные современными исследователями предания об институте *и'тифада* относятся к достаточно отдаленному, хотя, судя по всему, не доисламскому (Serjeant 1987) прошлому.

Есть основания предполагать, что благодаря трансформации общинных структур, развитию племенной организации и становлению северойеменской мультиполитии этот кризис в первой половине II тыс. н.э. был на Северо-Востоке Йеменского нагорья в основном преодолен.

11

Результатом взаимодействия в исламскую эпоху племенной и государственной организаций на Северном нагорье явились не подрыв или ликвидация племенных структур, а становление северойеменской мультиполитии. В рамках этой мультиполитии, хотя взаимоотношения между ее государственным центром, созданным зейдитскими имамами, и племенной периферией были отнюдь не безконфликтными, было достигнуто определенное равновесие, «разграничены полномочия» (вполне неформальным образом) между двумя ее основными составляющими, разработаны во многом вполне взаимовыгодные «правила игры».

Итак, в Северо-Восточном Йемене I–II тыс. н.э. мы можем наблюдать неплохо документированный процесс трансформации вожеств в племена, радикальную эгалитаризацию социально-политической организации земледельческого населения. Крайне примечательно, что этот процесс сопровождался процессами бурного развития товарно-денежных отношений и частной собственности на землю, а также развалом «экономической общинности», вообще крайней индивидуализацией экономических (и не только экономических) отношений. В результате этих процессов в Северо-Восточном Йемене сложились крайне развитые племенные сообщества. Племенная организация оказа-

лась в состоянии обеспечить (во многом за счет именно племенных институтов) достаточно устойчивое воспроизводство относительно высокоразвитых земледельческих сообществ в крайне неблагоприятных географических условиях. Во многом благодаря именно племенным институтам регион Северо-Востока оказался покрыт плотной сетью из сотен рынков (обеспечивавших крайне высокий для доиндустриального общества уровень товарно-денежных отношений), а также многочисленных неземледельческих городков и центров традиционной учености. Письменность, в том числе и самими племенами довольно широко использовалась: для фиксации племенного права, соглашений между племенами, племенных гарантий безопасности городов, рынков и т.д.

Нет абсолютно никаких оснований рассматривать процесс трансформации вождеств в племена на Северо-Востоке йеменского нагорья в качестве «дегенерации» или «регресса». Напротив, общий уровень развития ареала, даже несколько повысился и ощутимо выросла экологическая устойчивость социоестественной системы ареала.

Для обществ среднего уровня сложности племенную организацию, скорее, имеет смысл рассматривать как некоторую (хотя и достаточно ограниченную по своему эволюционному потенциалу) альтернативу государству (и вождеству), а не как догосударственную (и тем более «довождескую») форму политической организации. Племя является больше «парагосударственной», чем «догосударственной» социально-политической формой. И в любом случае нет никаких оснований рассматривать в качестве «первобытной» (хотя бы даже и «пережиточно первобытной») родоплеменную организацию, свойственную части населения Ближнего и Среднего Востока и сложившуюся (как и государства этого региона) в результате долгого «постпервобытного» исторического развития как особый (и достаточно эффективный) вариант социально-политической адаптации достаточно высокоразвитых сообществ к изменениям естественной и социоисторической среды.

СПИСОК ЭПИГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

C = CIH – Corpus 1889–1908, 1911, 1929

Ga – Garbini 1970; 1973

Ja – Jamme 1976

R = RES – Répertoire 1929; 1935; 1950

Robin – 1982 a. Vol.2

Ry – G. Ryckmans 1956; 1957

ЛИТЕРАТУРА

- бин 'Ақыл 'А. Дж. 1992. Этносоциальная структура и институты социальной защиты в Хадрамауте (XIX – первая половина XX вв.). Автореф. дис. ... канд ист. наук. СПб., 1992.
- Бауэр Г. М. 1964. *Сабейские надписи как источник для исследования поземельных отношений в Сабее «эпохи мукаррибов»*. М.: Институт народов Азии АН СССР. Автореф.
- Бауэр Г. М. 1965. Термин *gwlt* в южноаравийской эпиграфике // *Краткие сообщения Института народов Азии*. Т. 66: 205–219.
- Белова А. Г. 1987. Химйаритский язык по арабским источникам // *Проблемы арабской культуры*. М.: Наука: 154–62.
- Белова А. Г. 1992. Арабская историческая диалектология и опыт реконструкции химьяритского языка. Дисс. ... д-ра фил. наук (ИВ АН СССР). М.
- Белова А. Г. 1996. *Химйаритский язык. Ареальные исследования к истории арабского языка*. М.: Восточная литература.
- Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. 1985. *Индия в древности*. М.: Наука.
- Бондаренко Д. М. 1995. Вождества в доколониальном Бенине // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В.А.Попов. М.: Восточная литература: 140–152.
- Васильев Л. С. 1980. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // *Народы Азии и Африки*. № 1: 172–186.
- Герасимов О. Г. 1987. *Йеменские документы*. М.: Наука.
- Голубовская Е. К. 1971. *Революция 1962 г. в Йемене*. М.: Наука.
- Голубовская Е. К. 1984. Становление централизованного государства на Севере Йемена // *Новейшая история Йемена (1917-1982 гг.)* / Отв. ред. Л. В. Валькова и др. М.: Наука: 4–36.
- Иванов Н. А. 1963. Свободные и податные племена Северной Африки в XIV в. // *Арабские страны. История*. М.: 152–192.
- Коротаев А. В. 1991. Политическая организация сабейского культурного ареала во II–III вв.н.э.: к соотношению племени и государства // *Племя и государство в Африке* / Отв. ред. Ю. М. Ильин и др. М.: Институт Африки АН СССР: 101–119.
- Коротаев А.В. 1993. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейского культурно-политического ареала (Южная Аравия: X в. до н.э. – IV в.н.э.) // *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л.Е.Куббеля* / Отв. ред. В.А.Попов. М.: Восточная литература: 295–320.
- Коротаев А. В. 1995. Апология трайбализма: Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ // *Социологический журнал*. № 4: 68–86.
- Коротаев А.В. 1996а. Два социально-экологических кризиса и генезис племенной организации на Северо-Востоке Йемена // *Восток*. № 6: 18–28.
- Коротаев А.В. 1996б. От вождества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем Северо-Восточного Йемена за последние две тысячи лет // *Этнографическое обозрение*. № 2: 81–91.
- Коротаев А.В. 1997. *Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации*. М.: Восточная литература.
- Коротаев А. В. 1998. *Вождества и племена страны Хайшид и Бакйл: Общие тенденции и факторы эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена (X в. до н.э. – XX в. н.э.)*. М.: ИВ РАН.

- Лундин А. Г. 1962. Социально-экономические данные сабейских посвященных надписей периода мукаррибов Саба // *Вестник древней истории*. № 3: 96–120.
- Лундин А. Г. 1965. Некоторые вопросы земельных отношений в древней Южной Аравии // *Краткие сообщения Института народов Азии*. Т. 86: 148–154.
- Лундин А. Г. 1969. Городской строй Южной Аравии во II–IV вв. н.э. // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. Т. 5: 55–57.
- Лундин А. Г. 1971. *Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат)*. М.: Наука.
- Наумкин В. В. 1980. *Национальный фронт в борьбе за независимость Южного Йемена и национальную демократию*. М.: Наука.
- Пиотровский М. Б. 1985. *Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества*. М.: Наука.
- Родионов М. А. 1993. Можно ли отменить социальные страты? Уроки Хадрамаута // *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л. Е. Куббеля* / Отв. ред. В. А. Попов. М.: Восточная литература: 321–327.
- Родионов М. А. 1994. *Этнография Западного Хадрамаута: общее и локальное в этнической культуре*. М.: Восточная литература.
- Северцов А. Н. 1939. *Морфологические закономерности эволюции*. М.-Л.: АН СССР.
- Северцов А. Н. 1967. *Главные направления эволюционного процесса*. 3-е изд. М.: Наука.
- Серебров С. Н. 1990. Традиционная социальная стратификация в Хадрамауте (Южный Йемен) // *Ислам и социальные структуры стран Ближнего и Среднего Востока* / Отв. ред. В. Я. Белокриницкий и др. М.: Наука: 144–160.
- Удалова Г. М. 1988. *Йемен в период первого османского завоевания (1538–1635)*. М.: Наука.
- Abū Ghānim [أبوغانيم] F. 'A. A. 1985/1405. *Al-bunyah al-qabaliyyah fi 'l-Yaman bayna 'l-istimrār wa-'l-taghayyur* [البنية القبلية في اليمن بين الاستمرار والتغير]. Dimashq (al-Kātib al-'Arabiyy).
- Abū Ghānim [أبوغانيم] F. 'A. A. 1990/1410. *Al-qabilah wa-'l-dawlah fi 'l-Yaman* [القبيلة والدولة في اليمن]. al-Qāhirah: Dār al-Manār.
- Al-Rasheed M. 1994. The Rashīdī Dynasty: Political Centralization among the Shammar of North Arabia // *New Arabian Studies*. Vol. 2: 140–152.
- Avanzini A. 1985. Problemi storici della regione di al-Ḥadā' nel periodo preislamico e nuove iscrizioni // *Studi yemeniti*. Vol. 1 (Quaderni di Semitistica, 3): 53–115, tav. 1–34.
- Bāfaḡih M. 'A. 1990. *L'unification du Yémen antique. La lutte entre Saba', Ḥimyar et le Ḥadramawt de Ier au IIIème siècle de l'ère chrétienne*. Paris: Geuthner (Bibliothèque de Raydān, 1).
- Beeston A. F. L. 1972a. Kingship in Ancient South Arabia // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 15: 256–268.
- Beeston A. F. L. 1972b. Notes on Old South Arabian Lexicography VII // *Le Muséon*. Vol. 85: 533–544.
- Beeston A. F. L. 1976. *Warfare in Ancient South Arabia: Second to Third Centuries AD*. L.: Luzac and Co (Qahtān: Studies in Old South Arabian Epigraphy, fasc. 3).
- Beeston A. F. L. 1979. Some Features of Social Structure in Saba // *Studies in the History of Arabia*. Vol. I. *Sources for the History of Arabia*. Part I / Ed. by A. R. Al-Ansary. Riyadh (University of Riyadh): 115–123.
- Bondarenko D. M. 1994. Precolonial Benin: Man, Authority and the Structure of the Society // *State, City & Society* / Ed. by J.A. Sabloff, M. Lal. New Delhi: World Archaeological Congress: 1–10.
- Bonnenfant P. 1982 (ed.). *La péninsule Arabique d'aujourd'hui*. T.II. *Études par pays*. Paris: Éditions CRS.

- vom Bruck G. 1993. Réconciliation ambiguë: une perspective anthropologique sur le concept de la violence légitime dans l'imamat du Yémen // *La violence et l'état: Formes et évolution d'un monopole* / Ed. by E. LeRoy & Tr. von Trotha. Paris: Editions L'Harmattan: 85–103.
- Bujra A. S. 1971. *The Politics of Stratification (A Study of Political Change in South Arabian Town)*. Oxford: Oxford University Press.
- Carneiro R. L. 1981. The Chieftdom: Precursor of the State // *The Transition to Statehood in the New World* / Ed. by G.D.Jones and R.R.Kautz. Cambridge &c: Cambridge University Press: 37–79.
- Chelhod J. 1970. L'Organisation sociale au Yémen // *L'Ethnographie*. Vol. 64: 61–86.
- Chelhod J. 1975. La société yéménite et le droit // *L'Homme*. Vol. 15 № 2: 67–86.
- Chelhod J. 1979. Social Organization in Yemen // *Dirāsāt Yamaniyyah* [دراسات يمنية] № 3: 47–62.
- Chelhod J. 1985. Les structures sociales et familiales. Chelhod J., et un groupe d'auteurs // *L'Arabie du Sud: histoire et civilisation*. Vol. 3. *Culture et institutions du Yémen*. Paris (Islam d'hier et d'aujourd'hui, 25): 15–123.
- Claessen H. J. M. 1984. The Internal Dynamics of the Early State // *Current Anthropology*. Vol. 25. № 4.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. (eds.) 1978. *The Early State*. The Hague-Paris-N. Y.: Mouton.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. (eds.) 1981. *The Study of the State*. The Hague-Paris-N. Y.: Mouton.
- Claessen H. J. M., Velde P. van de, Smith M.E. 1985 (Eds.). *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley, MA: Bergin & Garvey.
- Corpus inscriptionum semiticarum. Pars Quarta inscriptiones himyariticas et sabaicas continens.* T. I–III. Parisiis: Imprimerie nationale, 1889–1932.
- Dayton J. E. 1979. A Discussion of the Hydrology of Mārib. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. Vol. 9: 124–129.
- Dobzhansky T., Ayala F. J., Stebbins G. L., Valentine J. W. 1977. *Evolution*. San Francisco: W. H. Freeman.
- Dostal W. 1974. Sozio-ökonomische Aspekte der Stammesdemokratie in Nordost-Jemen // *Sociologus*. Vol. 24: 1–15.
- Dostal W. 1990. *Eduard Glaser – Forschungen im Yemen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Dresch P. 1984a. The Position of Shaykhs among the Northern Tribes of Yemen // *Man*. Vol. 19: 31–49.
- Dresch P. 1984b. Tribal Relations and Political History in Upper Yemen // *Pridham*. 1984: 154–174.
- Dresch P. 1987 Placing the Blame: A Means of Enforcing Obligations in Upper Yemen // *Anthropos*. Vol. 82: 427–443.
- Dresch P. 1989. *Tribes, Government, and History in Yemen*. Oxford: Clarendon Press.
- Earle T. K. 1987. Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 16: 279–308.
- Earle T. K. 1991. The Evolution of Chiefdoms // *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology* / Ed. by T. Earle. Cambridge: Cambridge University Press: 1–15.
- Eickelman D. F. 1981. *The Middle East. An Anthropological Approach*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Evans-Pritchard E. E. 1949. *The Sanusi of Cyrenaica*. Oxford: Clarendon Press.
- Fried M. H. 1967. On the Concepts of "Tribe" and "Tribal Society" // *Essays on the Problem of Tribe* / Ed. by J. Helm. Seattle-London: University of Washington Press: 3–20.
- Fried M. H. 1975. *The Notion of Tribe*. Menlo Park, CA &c: Benjamin Cummings.
- Futuyma D. J. 1986. *Evolutionary Biology*. 2nd ed. Sunderland, MA: Sinauer.

- Garbini G. 1970. Antichità yemenite // *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli*. Vol. 30: 400–404, 537–548, tav. I–XXXIX.
- Garbini G. 1973. Frammenti epigrafici sabei II // *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli*. Vol. 33: 587–593.
- Ghul M. A. 1959. New Qatabani Inscriptions // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 22: 1–22, 419–438.
- Gellner E. 1969. *Saints of the Atlas*. L.: Weidenfeld and Nicolson.
- al-Ḥadīthī [الحديثي] N. A. 1978. *Ahl al-Yaman fī ṣadr al-Islām* [أهل اليمن في صدر الإسلام]. Bayrūt: al-Jāmi'ah al-'Arabiyyah.
- al-Ḥamdānī [الهمداني] al-Ḥasan, n.d. [*Kitāb*] *al-Iklīl* [الإكليل]. VIII. Taḥqīq Nabih Amīn Fāris. Ṣan'ā': Dār al-Kalimah – Bayrūt: Dār al-'Awdah.
- al-Ḥamdānī [الهمداني] al-Ḥasan. 1368h/AD 1948. [*Kitāb*] *al-Iklīl* [الإكليل]. X. Taḥqīq Muḥibb al-Dīn al-Khaṭīb. Al-Qāhirah: Dār al-Ma'rifah.
- al-Ḥamdānī [الهمداني] al-Ḥasan. 1980. *Kitāb al-iklīl* [كتاب الإكليل]. II. Taḥqīq Muḥammad al-Akwa'. Baghdād: Jāmi'at Baghdād.
- al-Ḥimyarī [الحميري] Nashwān ibn Sa'īd. 1916. *Muntakhabāt fī akhbār al-Yaman min kitāb Shams al-'ulūm* [شمس العلوم]. Ed. 'Azīmuddīn Aḥmad. Leiden – London: Brill (Gibb Memorial Series, XXIV).
- al-Ḥimyarī [الحميري] Nashwān ibn Sa'īd. 1978. *Mulūk Ḥimyar wa-aqyāl al-Yaman* [ملوك حمير وأقيال اليمن]. Qaṣīdat Nashwān ibn Sa'īd al-Ḥimyarī, wa-sharḥu-hā. Ṣan'ā': Dār al-Kalimah – Bayrūt: Dār al-'Awdah.
- Höfner M. 1959. Die Beduinen in den vorislamischen Inschriften // *L'antica società beduina* / Ed. by F. Gabrieli. Rome: University of Rome (Studi Semitici, 2): 53–68.
- Jamme A. 1976. *Carnegie Museum 1974/1975 Yemen Expedition*. Pittsburgh: Pittsburgh University Press.
- Johnson A. W., Earle T. 1987. *The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Korotayev A. V. 1993a. Middle Sabaean Cultural-Political Area: Material Sources of Qaylite Political Power // *Abr-Nahrain*. Vol. 31: 93–105.
- Korotayev A. V. 1993b. Middle Sabaean Cultural-Political Area: Qayls, their Bayt and Sha'b // *Aula Orientalis*. Vol. 11: 155–160.
- Korotayev A. V. 1993c. Sabaean Cultural-Political Area: Some General Trends of Evolution // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. Vol. 23: 49–60.
- Korotayev A. V. 1994a. Legal System of the Middle Sabaean Cultural-Political Area // *Acta Orientalia*. Vol. 55: 42–54.
- Korotayev A. V. 1994b. Middle Sabaean Cultural-Political Area: Problem of Local Taxation and Temple Tithe // *Le Muséon*. Vol. 107: 15–22.
- Korotayev A. V. 1994c. Sabaean Cultural-Political Area in the 2nd and 3rd Centuries AD: Problem of Taxation at the Kingdom Level and Temple Tithe // *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli*. Vol. 54: 1–14.
- Korotayev A. V. 1995a. *Ancient Yemen: Some General Trends of Evolution of the Sabaic Language and Sabaean Culture*. Oxford: Oxford University Press.
- Korotayev A. V. 1995b. Middle Sabaean Cultural-Political Area: Qayls and their Tribesmen, Clients and Maqtawīs // *Acta Orientalia*. Vol. 56: 39–54.
- Korotayev A. V. 1995c. Mountains and Democracy: an Introduction // *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin & V. A. Lynsha. Vladivostok: Dal'nauka: 60–74.
- Korotayev A. V. 1995d. Middle Sabaean Royal Succession // *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli*. Vol. 56: 39–54.
- Korotayev A. V. 1996a. *Pre-Islamic Yemen: Socio-Political Organization of the Sabaean Cultural Area in the 2nd and 3rd Centuries A.D.* Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag.

- Korotayev A.V.** 1996b. Material Sources of Middle Sabaeen Royal Power // *East and West*. Vol. 46: 11–21.
- Kropp M.** 1994. The Realm of Evil: the Struggle of Ottomans and Zaidis in the 16th-17th Centuries as Reflected in Historiography // *Yemen – Present and Past* / Ed. by B. Knutsson et al. Lund: Lund University Press (Lund Middle Eastern and North African Studies, 1): 87–95.
- Loundine A. G.** 1973. Deux inscriptions sabéennes de Mārib // *Le Muséon*. Vol. 86: 179–192.
- Malinowski B.** 1947. *Freedom and Civilization*. L.: Routledge.
- Mundy M.** 1979. Women's Inheritance of Land in Highland Yemen // *Arabian Studies*. Vol. 5: 161–187.
- Nielsen H. C.** 1994. Social Organization in the Sūq and the Old City of Ṣan'ā' al-Qadīmah // *Yemen – Present and Past* / Ed. by B. Knutsson et al. Lund: Lund University Press (Lund Middle Eastern and North African Studies, 1): 35–45.
- Oberg K.** 1953. *Indian Tribes of Northern Mato Grosso, Brazil*. Washington, DC: Smithsonian Institution.
- Oberg K.** 1955. Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America // *American Anthropologist*. Vol. 57: 472–487.
- Obermeyer G. J.** 1982. Le formation de l'imamat et de l'état au Yémen: Islam et culture politique // *Bonnenfant*. 1982: 31–48.
- Pridham B. R.** 1984 (ed.). *Contemporary Yemen: Politics and Historical Background*. L. – Sydney: Croom Helm.
- Puin G.-R.** 1984. The Yemeni Hijrah Concept of Tribal Protection // *Land Tenure and Social Transformation in the Middle East* / Ed. by T. Khalidi. Beirut: American University of Beirut: 483–494.
- Renfrew C.** 1974. Beyond a Subsistence Economy: the Evolution of Social Organization in Prehistoric Europe // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. Vol. 20: 69–95.
- Rensch B.** 1959. *Evolution above the Species Level*. L.: Methuen.
- Répertoire d'Épigraphie sémitique** publié par la Commission du *Corpus Inscriptionum Semiticarum*. 1929, 1935, 1950, 1968. TT. V, VI, VII, VIII. Paris: Imprimerie nationale.
- Robin C. A.H.** 1399/A.D. 1979. La cité et l'organisation sociale à Ma'in: L'exemple de Yṯl (aujourd'hui Barāqīṣ) // *The Second International Symposium on Studies in the History of Arabia. Pre-Islamic Arabia*. Riyadh (Dept. of History and Dept. of Archaeology. Faculty of Arts, University of Riyadh): 158–164.
- Robin C.** 1982a. *Les Hautes-Terres du Nord-Yémen avant l'Islam*. I–II. Istanbul: Nederlands historisch-archaeologisch Instituut te Istanbul (Uitgaven van het Nederlands historisch-archaeologisch Instituut te Istanbul, L).
- Robin C.** 1982b. Esquisse d'une histoire de l'organisation tribale en Arabie du Sud antique // *Bonnenfant*. 1982: 17–30.
- Robin C.** 1984. La civilisation de l'Arabie méridionale avant l'Islam. **Chelhod J., et un groupe d'auteurs**, *L'Arabie du Sud, histoire et civilisation*. Vol.1. *Le peuple yéménite et ses racines*. Paris: Éditions CRS (Islam d'hier et d'aujourd'hui, 21): 195–223.
- Robin C.** (ed.) 1991a. *L'Arabie antique de Karībīl à Mahomet. Nouvelles données sur l'histoire des Arabes grâce aux inscriptions* / Ed. by C. Robin. Aix-en-Provence (IREMAM) (Revue du Monde Musulman et de la Méditerranée, 61).
- Robin C.** 1991b. Cites, royaumes et empires de l'Arabie avant l'Islam. *Robin*. 1991a: 45–53.
- Robin C.** 1991c. Quelques épisodes marquants de l'histoire sudarabique // *Robin*. 1991a: 55–70.
- Robin C.** 1991d. La pénétration des Arabes nomades au Yémen // *Robin*. 1991a: 71–88.
- Robin C.** 1992. *Inventaire des inscriptions sudarabiques*. T. 1. *Inabba', Haram, al-Kāfir, Kamna et al-Ḥarāshif*. Paris: Boccard – Rome: Herder.

- Ryckmans G. 1956. Inscriptions sud-arabes, Quatorzième série // *Le Muséon*. Vol. 69: 369–389.
- Ryckmans G. 1957. Inscriptions sud-arabes, Quinzième série // *Le Muséon*. Vol. 70: 97–126, pl. I–V.
- Ryckmans J. 1974. Himyaritica (4) // *Le Muséon*. Vol. 87: 493–521.
- Sahlins M. D. 1967. *Tribesmen*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- al-Selwi I. 1987. *Jemenitische Wörter in den Werken von al-Hamdānī und Našwān und ihre Parallelen in den semitischen Sprachen*. Berlin: Verlag Von Dietrich Reimer (Marburger Studien zur Afrika- und Asienkunde: Ser. B, Asien; Bd.10).
- Serjeant R.B. 1957. *The Saiyids of Ḥaḍramawt*. L.: School of Oriental Studies.
- Serjeant R. B. 1977. South Arabia // *Commoners, Climbers and Notables* / Ed. by C. van Nieuwenhuijza. Leiden: E. J. Brill: 226–247.
- Serjeant R. B. 1987. Famine Death without Loss of Honour in Ancient Arabia and Yemeni Arhab // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 50: 37–38.
- Service E. R. 1971 [1962]. *Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective*. 2nd ed. N. Y.: Random House [1st ed. – 1962].
- Stevenson T. B. 1985. *Social Change in a Yemeni Highlands City*. Salt Lake City, UT: University of Utah Press.
- Steward J. H., Faron L. C. 1959. *Native Peoples of South America*. N. Y.: Bobbs-Merrill.
- Stookey R.W. 1978. *Yemen. The politics of the Yemen Arab Republic*. Boulder, CO: Westview Press.
- Tapper R. (ed.) 1983. *The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan*. L.: Routledge.
- Wilson R. T. O. 1989. *Gazetteer of Historical North-West Yemen in the Islamic Period to 1650*. Hildesheim &c: Georg Olms.
- von Wissmann H. 1964a. *Zur Geschichte und Landeskunde von Alt-Südarabien*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- von Wissmann H. 1964b. Himyar: Ancient History // *Le Muséon*. Vol. 77: 429–497.

ГОСУДАРСТВО И АДМИНИСТРАЦИЯ В «АРТХАШАСТРЕ» КАУТИЛЬИ

Д.Н. Лелюхин

В индологии представление о существовании в древности централизованного, обладавшего разветвленным бюрократическим аппаратом государства сформировалось в начале XX в. в связи с исследованиями «*Артхашастры*» Каутильи (далее – КА). Этот уникальный трактат закономерно остается одним из важнейших источников по истории государственности в древней Индии. Исследования КА, точка зрения о характере государства, отраженного в ней, оказали значительное влияние на интерпретацию тех немногих сведений о государствах древней и раннесредневековой Индии, которыми мы располагаем, а также формирование концепций исторического развития страны.

Концепция централизованного, бюрократического государства, по нашему глубокому убеждению, была внесена в исследования КА извне. Она играла важную роль в теоретических построениях целого ряда школ исторической мысли. Чаще всего исследователи, используя прежде всего соответствующее толкование сведений КА, пытались доказать, что уже в древней Индии существовала развитая традиция государственности европейского типа, «искали» в КА подтверждения существования уже в то время бюрократии, парламента, министерств и т.д. Стремясь выявить структуру государственного аппарата, отраженного в КА, исследователи нередко пытались упорядочить массу «чиновников» упоминаемых в трактате, свести их в систему (существует целый комплекс литературы, посвященной проблеме государства в КА: Breloer 1936; Jayaswal 1955; Altekar 1973 и др.). Обычно эти бесплодные попытки вели к вольному толкованию свидетельств источника, модернизации его сведений и терминологии.

Такие тенденции в определенной степени поддерживались в сложившемся в государствоведческих исследованиях стереотипом. Обращаясь к КА, индологи нередко искали там хорошо им известные реалии современного государства, элементы цельной, отделенной от общества административной структуры, некую идеальную модель – унитарное государ-

ство, развитый центральный аппарат (министров, ведомства), формы общегосударственного налогообложения и т.п. Причем обычно вопрос о принципиальной возможности существования таких в условиях древнеиндийского общества и не ставился. Следует специально подчеркнуть (учитывая возражения Р.Ш.Шармы на точку зрения Я.Хеестермана об уровне развития древнеиндийского государства [Heesterman 1985; Sharma 1991]), что отсутствие подобного рода институтов не дает повода считать древнеиндийское государство неразвитым, и модель государства, характерная для Нового времени, не может быть критерием для определения уровня развития древнего государства.

Традиционные для историографии представления о характере государства, отраженном в КА, были поставлены под сомнение только в последнее десятилетие в работах Я.Хеестермана, Р.Тхапар, А.А.Вигасина и автора настоящей главы (Heesterman 1985; Thapar 1987; Вигасин, Самозванцев 1984; Стучевский 1987; Лелюхин 1992). Здесь я предложу вашему вниманию краткое обобщение нескольких работ, посвященных интерпретации свидетельств КА о государстве.

Говоря о КА, нельзя не учитывать особенности данного источника. Это трактат о политике, теоретическое изложение государственной мудрости, наставление любому царю. Это не руководство по политике, но и не утопия. Рекомендации трактата не предполагают конкретного государства, не содержат анализа или обобщения фактов политической истории. «Государство КА» мы понимаем как теоретический, абстрактный образ, созданный в рамках индийской науки, «шастры», в результате освоения предшествующего опыта. Оно не имело ни одного реального прототипа, не существовало в действительности, но соединило в себе многие черты реально существовавших государств. Тщательная интерпретация источника, в известной степени сознательно изолируемого от других сообщений, ведет к воспроизведению абстрактного «государства КА». Используя этот метод (предложенный А.А.Вигасиным, см.: Вигасин, Самозванцев 1984: 25), мы попытаемся разобраться в теории Артхашастры.

Проблема достоверности представлений КА о государстве в данном докладе не рассматривается (для ее постановки требуется решение таких вопросов, как цель составления трактата, принципы отбора материала и пр.), но подразумевается ее положительное решение, учитывая общий контекст сведений иных источников о государстве (прежде всего, эпиграфики). Основное отличие нашей точки зрения в том, что близкими к реальности представляются не отдельные детали, частности, а само абстрактное государство КА, принципы и логика его построения.

Подробный анализ свидетельств КА¹ убеждает, что в тексте отсутствует механизм управления действиями чиновников и местных властей, назначение которых во многих случаях, скорее всего, находилось вне компетенции царя. В трактате обозначены лишь два канала взаимосвязи властных органов различного уровня – представитель более низкого уровня был обязан передавать часть своих доходов (податей, которые он собирал), а представитель более высокого уровня имел право «наказывать» вышедшего за пределы своей компетенции, нарушившего (согласно концепции КА) порядок. Отметим, что в ряде случаев функции представителей различных уровней власти выглядят принципиально сходными. Так, в КА 4.13.7–12 говорится, что если купцы, остановившиеся на ночь в деревне будут ограблены, то они могут получить возмещение с «господина деревни», если это произойдет на пастбище – с надзирателя за пастбищами, если вне пастбища – с того, кто ведает поимкой воров, а если такового нет – платит объединение 5–10 деревень. Возможность компенсировать ограбление купеческого каравана показывает, что здесь упоминаются весьма состоятельные люди. Причем, обязанность эта вытекает из функции «охраны» территории и населения, которая в индийских традиционных представлениях теснейшим образом связана с взиманием податей как платы за охрану. Примечательно, что здесь отмечены два уровня власти, имевшие, по-видимому, сходные функции. Объединение 5–10 деревень явно более крупная структура, поэтому не будет преувеличением, если предположить, что оно также осуществляло сбор податей в свою пользу.

Существенно важно, что аналогичные рекомендации связываются в КА и с лицами, положение которых было значительно более высоким – с «надзирателем за судами» (КА 2.28.26), «хранителем границ» (2.21.25) и также с царем (1.13.5–12, 3.16.23–25). Указанный тип взаимоотношений реализуется в рекомендациях 2-й книги на примере *адхьякши*. Их основная функция – обеспечение доходами казны. Важнейшими путями для получения последних, как следует из текста, были сбор податей, штрафов и использование «царского имущества» (земли, рудники и пр.). *Адхьякши* передавали в казну часть своих «доходов» в качестве компенсации за право осуществления ряда царских прерогатив. Но считать их главами департаментов, соединять в единую структуру администрации – занятие ошибочное. Сведения о деятельности *адхьякши* – типовые рекомендации, касавшиеся прав и обязанностей многих лиц, действовавших в разных сферах. В КА не обозначены пределы компе-

¹ Все ссылки на текст трактата даны по: Kangle 1969.

тенции *адхьякиш* (что естественно для типовых рекомендаций), лишь в отдельных случаях мы можем догадываться, в рамках какой территории действовал тот или иной надзиратель (например, ювелир, надзиратель за ткацким делом).

Нельзя считать *адхьякиш* и особым слоем, представителями определенной ступени администрации. Слишком широк круг лиц, именуемых этим термином в трактате – от могущественного надзирателя за судами до *адхьякиши*, получавшего поденную оплату (КА 2.9.8), слишком различным выглядит их положение в обществе.

Скорее, термином *адхьякиша* могли именоваться различные по положению лица, обладавшие властью, главным образом в связи с исполнением ими соответствующих функций (подобное искусственное разделение, когда одно лицо в зависимости от контекста именуется различными терминами, вполне приемлемо для теоретического трактата).

Если должностные обязанности сводились в основном к сбору податей, отчасти в пользу лица, занимавшего эту «должность», мы вправе считать служащим любого представителя владетельной знати (например, упоминающихся в КА «начальников» городов, областей), а также зависимых государей – данников. Возможно, поэтому в КА 7.11–12 идет речь о договорах «об использовании» земель, рудников и т.д., а в КА 9.5.11 «предоставление денег», освобождение от податей и «предоставление должностей» считаются мерами для успокоения «внутренних врагов царя».

В отдельных случаях можно утверждать, что «служащие», упоминаемые во 2-й книге КА, занимали очень высокое положение. «Хранитель границ», осуществлявший охрану дорог и торговли, взимавший за это подати (или плату) и возмещавший убытки, если они возникли по его вине (КА 2.21.24–26), похож, скорее, на зависимого государя, обладавшего крепостями (КА 2.1.17.11; 2.1.5), он получал такое же, как царевичи, содержание (КА 5.3.7.) и участвовал в межгосударственных интригах (КА.12.5.25; см., также: КА 1.16.7; 2.16.21). Надзиратель за судами «пускал большие и малые корабли» (КА 2.28.13), возмещая потери, если они возникали по его вине (КА 2.28.26), действовал в гавани как правитель. Ему предлагалось, «уподобляясь отцу», оказывать помощь кораблям, застигнутым бурей, и в случае порчи товаров освобождать купцов от пошлин, взимать пошлины (при наличии специального *адхьякиши*) с заходящих в гавань кораблей, следить за порядком и отражать нападения пиратов и врагов.

Функции иных *адхьякиш*, очевидно, могли исполнять лица, обладавшие менее высоким статусом: использование царских земель, разработка рудников – все это требовало людских и материальных затрат, которые не возмещались царем и казной. Поэтому данные функции могли

исполнять только лица, обладавшие властью, материальными ресурсами, высоким социальным статусом (местная знать, руководство кланов, главы крупных корпораций, богатые землевладельцы). Отдельные *адхьякиши*, как следует из текста, по роду деятельности были связаны только с городом. И в этом случае мы вправе предполагать, что авторы КА именуют *адхьякишами* представителей существовавших городских структур и прежде всего глав профессиональных и торговых корпораций.

Мы уже отмечали, что *рупадаршака* в КА выглядит, скорее, как профессионал, меняла (см.: Лелюхин 1989), *сауварника* (если учитывать контекст главы КА 2.14, параллели КА 2.14.2–4 и 4.1.4–7) также больше похож на главу корпорации ювелиров. Таковыми, возможно, были «надзиратель за мерами веса», за печатями и некоторые другие. Это распределение, конечно же, условно, учитывая то, что в КА мы имеем дело с типовыми рекомендациями. Кажется безусловным лишь то, что авторы трактата не представляли себе специальной налоговой администрации. Функции *адхьякиши* могли также исполнять и лица, обладавшие различным положением в обществе, в том числе и знатный сановник – *махаматра*, и даже царевич. Такой подход к службе обозначен в КА 1.18.2–4 – царевичу поручалось «дело», для исполнения которого назначался «человек» (*пуруша*), сам же он лишь получал «доход», передавая часть его отцу.

Тип отношений, обеспечивающий взаимосвязь властных структур в рамках царства, во многом был характерен и для наиболее крупной по КА политической структуры – *мандалы*. В трактате под этим термином понимается некое неравноправное объединение государств, включавшее территории доминирующего и зависимых от последнего государей.

Одной из основных посылок, исходя из которых обычно анализировались сведения КА о государстве и администрации, было представление, что цель трактата – изложение рекомендаций по управлению государством. Между тем в тексте цель трактата формулируется иначе: «наука *«Артхашастра»* – средство для приобретения и защиты (населенной людьми) земли (КА 15.1.2, ср.: КА 1.1.1). Защита понимается в трактате очень широко – как меры по сохранению традиционной структуры властей, порядков, обычаев, норм жизни. Она предусматривает действия не только против внешних, но и против «внутренних» врагов – преступников, воров, изменников, в том числе и *адхьякиши*, если они собирают больше, чем положено («поглощая» *джанападу*, приводя население к возмущению), утаивают часть средств, которые были обязаны передавать в казну (присваивая таким образом имущество царя).

Приобретение же земли рассматривается в КА не как поглощение одним царством другого, а как постепенное подчинение других территорий, создание и расширение своей мандалы государем (КА 7.13.42, 7.16.33, 13.4.54–61).

*Манда*ла в трактате не только образец крупной государственной структуры, но и своеобразный алгоритм построения традиционного миропорядка, социально-политической структуры общества. Иерархический принцип ее построения приложим в КА и к структуре царства (*раджья*) и, по-видимому, к структуре общества в целом. Не случайно в тексте царю рекомендуется: не посягать на имущество как зависимых правителей, так и сановников (КА5.1.55–56; 7.16.26–33; 7.18.20–22; 13.4.54–61), ибо в таком случае против него поднимется вся *мандала*; заключать договоры со слабыми государями, если они проявляют покорность (7.2.14; 7.3.10); не претендовать на исконные земли союзников и др. Противоположные действия понимаются, как нарушение традиционной структуры властей, политической упорядоченности мира. Они ведут к дисбалансу всей системы, к возмущению всех правителей, проявляющих беспокойство о своей безопасности.

Именно представления об иерархии правителей различного уровня как о политическом аспекте мироустройства являются основной системой координат в рекомендациях трактата. Поэтому поразительно сходными выглядят в тексте взаимоотношения царя с иноземными правителями и с сановниками – *махаматрами* в своем царстве, рекомендации по «внешней» и «внутренней» политике, интриги, моделируемые в КА для устранения враждебно настроенных правителей, *махаматров*, *адхьяки* и др. Большинство их в КА осуществляли принципиально сходные функции, соответственно, сходными должны были быть и их взаимоотношения. Поэтому царство в КА лишь ступень традиционного мироустройства (хотя и важнейшая), царь – лишь представитель иерархии господ, каждый из которых наделен в трактате соответствующими правами и обязанностями.

Поскольку структура общества в КА рассматривается персонифицировано, как иерархия «господ», «правителей» различного уровня, закономерным выглядит включение территорий подвластных каждому такому правителю в рамки другого, более крупного объединения в качестве его составной части. «Государствами» в трактате выглядят и *мандала*, и царство, и объединение, и владения зависимых соседей и в определенной степени владения «начальников городов и сельской местности». При этом *мандала* выглядит как конгломерат царств, но и последние представляются как объединения территорий зависимых соседей и союзников, различных «начальствующих лиц».

Единый подход к характеристике этих «господ» ведет к естественной контаминации понятий, терминологии. Царство нередко рассматривается в трактате как «домохозяйство», где царь выступает в качестве кормильца, а все подчиненные его именуется слугами. Отношения между царем и иными представителями властных структур осмысливаются в словах, передающих личные отношения (друг, сподвижник, отец-дети и пр.) (Вигасин, Самозванцев 1984: 148–149). Одновременно, слуга царя, как следует из текста, мог иметь «партию сторонников» и «союзников» (КА 5.4.7; 5.5.14–15), *адхьякша* – «партию сторонников из советников, союзников, слуг и родственников» (2.9.25) и пр. И царь, и любой человек, обладавший властью над рабом, слугой и домом, именуется в тексте господин (*свамин*), а «соседями» обозначаются как земледельцы, объединенные в рамки деревенской общины, так и зависимые цари.

Отождествление КА с комплексом практических рекомендаций по управлению государством заставляло исследователей понимать под каждым «административным термином» конкретную должность и лицо, ее исполняющее. Между тем в КА большинство терминов закрепляют, скорее, только функцию и не свидетельствуют о статусе, месте в структуре общества ее исполнителя. Поэтому в зависимости от контекста, одно и то же лицо вполне может именоваться различными терминами. Так, например, один и тот же царь может называться в разных контекстах как сосед, союзник, враг, господин и пр.

Ряд терминов в трактате, однако, выглядит базисным, основным. Это, прежде всего, термины *мукхья* (начальствующее лицо), *махаматра* (сановник) и *раджан* (царь). Первыми именуются «начальники» от главы семьи до правителя города или области, с которыми рекомендуется вести переговоры через посла. Царем именуются владыки мандалы, отдельных царств и зависимые государи, владения которых включены в последние. В отдельных случаях грань между «начальниками», «сановниками» и «царями» становится неразличимой. Так, например, из КА 5.1.15, 5.6.16 следует, что *мукхья* или *махаматра* вполне могли заменить царя на троне; в ряде случаев они характеризуются в тексте как зависимые государи. В то же время враждебно настроенные зависимые государи в КА 5.1.53–55 толкуются, подобно *махаматрам*, как изменники, а не как враги. Термины *мукхья*, *махаматра*, характеризуя статус лица, ничего не говорят о деятельности последнего, его роли в рекомендациях КА.

Хотя в трактате подробно говорится о достоинствах и обязанностях даже мелких служащих, соглядатаев, о двух указанных выше ничего подобного не сообщается. Они, очевидно, не назначались и получали соответствующий статус по рождению или иными путями. Все это выделяет указанные термины из массы других. Изучая сведения 2-й книги тракта-

та об *адхьякшах* и иных «служащих», мы отмечали отсутствие обозначения пределов их компетенции, конкретных указаний о их статусе. Очевидный функциональный характер термина *адхьякша* позволил нам поставить вопрос иначе: кто мог исполнять их обязанности? Анализ свидетельств трактата дает возможность выдвинуть предположение, что функции эти выполняли, скорее всего, представители существовавших общественных структур – знать, главы кланов, руководство ремесленных корпораций, зависимые правители и пр., т.е., в конечном счете, те, кто именуется в трактате *мухья*, *махаматра* и *раджан*. Это кажется справедливым, учитывая то, что в трактате именно «начальствующие лица» связываются с подобными структурами (*пурарашитрамухья* в КА 1.16.7; 2.16.21; *дешакуладжатимухья* в КА 13.5.9; *шренимухья* в КА 13.3.1–7), а «18 главных должностных лиц», список которых приводится в КА 1.12.6, исходя из 1.13.1. толкуются как *махаматры*.

Поскольку, как уже отмечалось выше, политическая структура общества в КА осмысливается, как иерархия «господ», правителей различного уровня, а царство – как объединение территорий подвластных царю, его клану (*мула*), зависимым царям («соседям», «союзникам»), различным «начальникам» и «сановникам», то основной целью «внутренней» политики, очевидно, должно было быть обеспечение единства царства, покорности его правителей. В связи с этим в трактате вводится важное понятие *пакша* («партия, группа сторонников»), позволяющее разделить массу «правителей» и «начальников» на две большие группы сторонников и противников царя. Соответственно этому разделению строится и политика царя, направленная чаще всего персонально на поощрение и увеличение числа сторонников, а также на ослабление и устранение лиц, склонных к измене, врагов и т.п. Каждый представитель иерархии «господ» мог обладать своей «группой сторонников»; КА рекомендует учитывать силу последней, считаться с ее обладателями. Так в КА 2.9.24 отмечается – если *адхьякша* обладает партией сторонников, у него нельзя отобрать имущество. Следует через соглядатая получить сведения о его «партии сторонников из советников, слуг, союзников и родственников», о его доходах и контактах с противником. И лишь затем его можно устранить якобы «за измену», обнаружив у него послание врага (КА 2.9.25–27.). Интрига, очевидно, имеет цель показать законность действия, чтобы не вызвать возмущения сторонников этого *адхьякши*.

«Обладание партией сторонников» – характерный признак для многих представителей иерархии правителей в КА. Совет КА 5.1.3 «привлекать партию лиц, склонных к измене», явно имеет в виду противников «сановника», а не царя. В КА 5.1.9–11 рекомендуется устранять

«сановника» с помощью группы сторонников его убитого брата. В этой же главе предлагается использовать тайные методы к «своей партии» и партии противника», явно состоящим из «сановников», «начальников» и подчиненных царей. Регенту – *аматье* предлагается привлекать на свою сторону «начальника», если он обладает «партией сторонников», чтобы затем тайно устранить его (КА 5.6.8.). Принадлежащими к группе лиц, склонных к измене, именуются в КА 13.3.36. «начальники городов, областей, войска», в 13.3.2 – «начальники шрени». «Губящий союзника» царь в КА 7.13.18–19 толкуется, как «губящий свою партию», в КА 7.14.14. царю предлагается приобретать «партию сторонников из союзников и родственников», в КА 7.2.23 прибегать к помощи срединного или нейтрального царей, или «царей, принадлежащих к партии их сторонников». Постоянная деятельность царя по увеличению партии сторонников и устранению партии противника – суть политики в КА; однотипность социально-политической структуры общества обуславливает поэтому одинаковый подход, сходство методов внешней и внутренней политики, отношений царя с «сановниками» и иными государями.

Социально-политическая структура общества, как она представлялась авторам КА, видимо, обуславливала отсутствие необходимости в сколько-нибудь развитой хозяйственной администрации – в трактате она просто незаметна. Управление собственными владениями царя («мула») осуществлялось, по мысли авторов трактата, аналогично иным территориям царства. Общины, общинные объединения, местные власти платили традиционные подати «областным начальникам» и др., часть этих сумм последние передавали в казну. В случае неуплаты или превышения ими полномочий царь наказывал их или устранял как «изменников» или «преступников». Определенных забот требовали лишь казна, кладовые, войско и некоторые службы двора, но и в этих сферах, скорее, ключевые посты занимали представители знати, считать которых только чиновниками нельзя.

Авторы КА не представляли себе «государства, издающего законы», но и «государство, собирающее налоги», понималось ими своеобразно. В трактате не предусмотрена специальная налоговая администрация, а в фискальных целях использовались, вероятнее всего, руководство общинных организаций разного уровня, главы корпораций, владетельная и служилая знать и пр. Предлагалось широко передавать права на сбор податей, использование царского имущества *адхьякшам*. При таких условиях объективно задачи «администрации» сужались, сводились лишь к контролю за передачей соответствующих податей представителями властных структур, которые использовались в фискальных целях, исполняли (естественно, согласно концепции КА), функции *адхьякш* и иных чиновников.

Относительная стабильность царства в КА обуславливалась прежде всего политикой царя, постоянно занятого формированием «партии» сторонников, своей *мандалы*, следившего за верностью и честностью правителей более низкого уровня, особенно при перераспределении доходов, а также устранявшего изменников, врагов и преступников в самом широком смысле слова, заменяя их на более лояльных и честных родственников, стремясь (в большинстве случаев) сохранить преемственность власти и избежать возмущений на любом уровне. И в числе основных проводников политики царя, помощников, занятых только службой своему господину, осуществляющих соответственные меры, проверку на честность и лояльность сторонников царя на любом уровне, были многочисленные в КА «тайные люди» и *соглядатаи*.

ЛИТЕРАТУРА

- Вигасин А.А., Самозванцев А.М. 1984. *Артхашастра. Проблемы социальной структуры и права*. М.: Наука.
- Лелюхин Д.Н. 1989. *Структура древнеиндийского общества в первой половине I тыс. н.э.*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Лелюхин Д.Н. 1992. Государство, администрация и политика в «Артхашастре» Каутильи // *Вестник древней истории*. № 2: 2–24.
- Лелюхин Д.Н. 1998. Структура державы Маурьев по сведениям эдиктов Ашоки // *Вестник древней истории*. № 2: 115–129.
- Стучевский И.А. 1987 (отв. ред.) *Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке*. М.: Наука.
- Altekar A.S. 1973. *State and Government in Ancient India*. Delhi.
- Breloer В. 1936. *Kautaliya Studien*. Bd. 3. Bonn–Leipzig.
- Heesterman J.C. 1985. *The Inner conflict of tradition*. Chicago.
- Jayaswal K.P. 1955. *Hindu Polity*. Bangalore.
- Kangle R.P. 1969. *The Kautiliya Arthashastra. A Critical Edition with a glossary*. Vol. 1. Bombay.
- Sharma R.Sh. 1991. *Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India*. Delhi.
- Thapar R. 1987. *The Mauryas revisited*. Calcutta–Delhi.

ОБЩЕСТВО РАЙБУНА¹

С. А. Французов

Впервые в научной литературе об этом городище, расположенном в устье вади Дау'ан на территории Хадрамаута, автономной историко-культурной области Южной Аравии упоминается в записках барона Адольфа фон Вреде, который посетил Западный Хадрамаут летом 1843 г., но сам на Райбуне не был. Лишь через полвека, 13 июля 1893 г., эти развалины обследовал первый европейский путешественник Лео Хирш, а следом за ним, в декабре того же года, там побывали супруги Бент. Начиная с 30-х годов Райбун регулярно посещали западные исследователи, среди которых следует упомянуть прежде всего Д. ван дер Мейлена и Г. фон Висмана (1931), Фрейю Старк (1935), руководителя британской археологической экспедиции, проводившей раскопки на городище Хурайда, Гертруду Кэтон-Томпсон (1937–1938), А. Ф. Л. Бистона (1959), Г. Ланкастера Хардинга (1959–1960), участников экспедиции Г. ван Бика (1961–1962) и Французской археологической миссии (1978–1979)².

Однако к планомерным археологическим изысканиям на Райбуне удалось приступить лишь в 1983 г. с началом работ Советско-Йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ). В течение девяти полевых сезонов, последний из которых завершился в 1991 г., члены археологического отряда СОЙКЭ раскопали четыре храма, два жилых здания, несколько погребений. Было обнаружено более 2700 надписей, составленных на хадрамаутском эпиграфическом языке. Хотя подавляющее большинство памятников райбунской эпиграфики представлено мелкими фрагментами, зачастую содержащими лишь часть знака, в распо-

¹ Эта глава представляет собой сокращенный вариант доклада, сделанного 7 мая 1996 г. на заседании секции «*Политогенез и альтернативы государству в мировой истории*», состоявшемся по программе ежегодных Ольдергогиевских чтений («Африка: общества, культуры, языки») в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН. В ней отражены некоторые предварительные результаты исследования политической структуры южноаравийского общества в I тыс. до н.э. – I-й половине I тыс. н.э., выполняемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (по гранту 96–01–00051 «Власть и реформы в странах Востока»).

² Подробнее см.: Грязневич 1996: 7–12.

ряжении исследователей оказалось несколько десятков довольно крупных фрагментов и даже полных текстов, интерпретация которых позволила получить уникальные сведения не только по грамматике и ономастике, но и по особенностям культа, социальной структуры, быта древних обитателей Внутреннего Хадрамаута³.

Предварительный анализ происходящего с городища эпиграфического материала с учетом данных археологии показывает, что перед нами не одно, пусть и крупное поселение, а целый комплекс храмов, земледельческих усадеб и некрополей, раскинувшихся в обширном оазисе на площади более, чем 15 кв. км⁴. Так, в датируемой приблизительно VI в. до н.э. надписи СОЙКЭ 2075 = Rb XIV/89 с 221 (стк. 3, 6–7)⁵ сохранились названия двух поселений, которые находились на территории Райбуна: Йандад (YNDḌ [𐩦𐩣𐩬𐩨]) и Маṭar^{ḥn} (MṬR^{ḥn} [𐩮𐩢𐩨] 𐩺𐩠). По-видимому, их следует локализовать на месте нынешних городищ Райбун I и Райбун II.

Сам топоним Райбун также является весьма древним. Впервые он упомянут в тексте СОЙКЭ 2568 = Rb XIV/90 с 253, составленном в тот же период, что и СОЙКЭ 2075. Уже тогда он, очевидно, обозначал не какое-то конкретное поселение или храм в низовьях долины Дау'ан, а всю совокупность культовых, жилых и погребальных сооружений, чьи остатки исследователи относят к райбунскому археологическому комплексу⁶. Очевидно, это был значительный религиозный центр, чье влияние распространялось на Внутренний Хадрамаут или, по меньшей мере, на западную его часть. Из числа входивших в его состав храмов раскопаны четыре: Хадран, где поклонялись богине 'Астар^{ym}/'Ас³тар^{ym} (Райбун I, здание 1); два святилища богини Зат Химйам, Рахбан (Райбун I, здания 2–4) и Кафас/На'ман (Райбун V); Майфа'ан, храм бога Сйна⁷ (Райбун XIV)⁸.

³ Так принято называть территорию вади Хадрамаут и его притоков. Наряду с Внутренним Хадрамаутом в качестве самостоятельных районов, входящих в состав историко-культурной области Хадрамаут, следует выделить хадрамаутское побережье с древним портом Қани' и округ Шабвы, столицы древнего Хадрамаутского государства, располагавшейся примерно в 100 км к западу от верховий вади Хадрамаут.

⁴ Краткое описание археологических объектов, образующих райбунский комплекс, см.: Седов 1996.

⁵ Участники СОЙКЭ использовали две системы обозначений райбунских надписей: эпиграфическую, которая основана на сплошной нумерации всех найденных текстов, к сожалению, не всегда проведенной последовательно, и археологическую, которая кажется несколько более громоздкой, но зато позволяет определить городище, с которого происходит надпись, и год ее обнаружения (см. Frantsouzoff 1995: 23, прим. 3).

⁶ Такая преемственность в топонимике типична для Йемена.

⁷ Следует иметь в виду, что чтение Сйн является условным. Возможные варианты произношения этого теонима, см.: Французов 1994: 321, прим. 2.

⁸ В ходе работ СОЙКЭ удалось раскопать далеко не все храмовые комплексы древнего Райбуна. Так, на окраине современного селения ал-Машхад (пункт Райбун XIX), вероятно, находился не меньший по размерам, чем Майфа'ан, еще один храм Сйна (Седов 1996: 26).

Нет никаких указаний на то, что Райбун, как, впрочем, и Внутренний Хадрамаут в целом, подчинялся власти хадрамаутских царей. Краткая коммеморативная надпись VII в. до н.э., высеченная Йада''абом [Га]йл[ан]ом, сыном Сумхурийама, *мукаррибом*⁹ Хадрамаута, на двух гранях каменной призмы, помещенной над статуей горного козла, которая хранится в музее г. ал-Мукалла (Бауэр 1995: 140, рис. 23 а-б), не опровергает этот вывод, поскольку, во-первых, ее происхождение с городища Хурайда (из древнего города Мазаб) достоверно не подтверждено, а во-вторых, *мукарриб* мог преподнести статую в храм почитаемого им бога Сйна и в том случае, если он располагался за пределами территории, контролируемой хадрамаутскими правителями.

Следует отметить, что в южноаравийских надписях Внутренний Хадрамаут не обозначался топонимами *HDRMT* [ХД]ВΨ или *HDRMWT* [ХФ]ВΨ¹⁰. Сабейцы и химйариты обычно именовали его Сарйран (*S'RR*ⁿ [Ч])П], т.е. «Долина»¹¹. Географическое название «вади Хадрамаут» входит в употребление лишь в мусульманскую эпоху.

Что же касается имени собственного YD'[?] (Йада''ил [1нФФ]) или Йада''аб [ПнФФ]), сохранившегося во фрагментарном тексте VII в. до н.э. из храма Хадран богини 'Астарум СОЙКЭ 515 = Rb I/83 bld. 1, I lev. с 724 + II lev. с 216 (Бауэр 1995: 140, рис. 22), то оно, вопреки мнению Г. М. Бауэра, отнюдь не обязательно принадлежало правителю. Правда, оба имени, восстановление которых, возможно, встречались почти исключительно среди *мукаррибов* и *маликов* Хадрамаута¹². Однако имеющийся материал слишком скуден, чтобы на основании его можно было бы сделать вывод, что у древних правителей этого госу-

⁹ В древних государствах Южной Аравии существовали две категории высших должностных лиц: *мукаррибы* и *малики* («цари»). Случалось, что обе должности совмещал один и тот же правитель. Различие между функциями *мукаррибов* и *маликов* на сабейском материале блестяще показал А. Г. Лундин (Лундин 1971: 190–203).

¹⁰ В датируемой II–I вв. до н.э. райбунской надписи СОЙКЭ 2245 = Rb I/90 с 81 (стк. 4) упомянут *HDRM*[Т?], но из-за ее фрагментарного характера невозможно установить, какая именно область имела в виду. Скорее всего, речь шла о Хадрамаутском государстве, война которого с Катабаном, вспыхнувшая как раз в этот период, явилась для Райбуна роковой (см. ниже).

¹¹ См., например, Ja 668,10–11 («и из всех городов Сарйрана» -w-br/kl/hgr/S'RRⁿ) и Ig 32, 37–38 («все города Хадрамаута и Сарйрана» - kl/hgr/HDRMWT/w-S'RR-n). В последнем случае Хадрамаут явно противопоставлен Сарйрану как иной район, очевидно, охватывавший территории, входившие прежде в состав Хадрамаутского царства.

¹² В датируемой началом IV в. н.э. надписи Ig 32, 47 упомянут некий Йада''ил или Йада''аб (YD'[L/B]) из племени сайбан, который явно не был ни *мукаррибом*, ни *маликом* Хадрамаута. Впрочем, возможно, что в эту эпоху в связи с упадком и гибелью Хадрамаутского государства строгие традиции, регламентировавшие использование имен, уже не соблюдались.

дарства имена были табуированы, как у сабейских *мукаррибов*¹³. Но даже если допустить, что имена Йада'ил и Йада'аб действительно были запретны в ту эпоху для простых хадрамаутцев, то и в этом случае автора СОЙКЭ 515 нельзя безоговорочно признать правителем, поскольку *YD'*[?] могло быть частью патронимии, как, например, в надписи *Shabwa 15 bis*, составленной Гаубаном, сыном Йада'[Г]ила, который явно не был ни *мукаррибом*, ни *маликом*.

В надписях также не обнаружено каких-либо данных, прямо или косвенно свидетельствующих о присутствии в Райбуне должностных лиц, представлявших центральную власть Хадрамаутского государства, хотя в упоминавшемся выше тексте СОЙКЭ 2568 сообщается об 'Алэхумуве, *каине* Райбуна. Этот термин принято переводить как «чиновник администрации», «администратор» или даже «министр» (Beeston *et al.* 1982: 112; Ricks 1989: 146; Arbach 1993, I: 74).

Но о какой администрации идет речь? Судя по надписям *Naḡam 5*, 4–5; 12, 4–6 и *Katna 9*, 1; 10, 3–4, происходящим из древних городов ал-Джауфа, *кайн* состоял на службе у правителей небольших местных государств, носивших титул *малика* («царя», вернее, «царька»). Однако контекст в *Naḡam 11*, 2–5, показывает, что *кайн* одновременно мог являться царским чиновником, служителем богов и городским магистратом. В принципе эти функции разделялись. Так, в сабейских надписях из Мāриба упоминаются, с одной стороны, «*кайн* (бога) Алмақаха в (храме) Аввām» (*qyn/LMQH/b-'WM* [𐩦𐩣𐩥𐩢𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠] – Ja 554), «два *кайна* (богов) Хаубаса и Алмақаха» (*qynu/HWBS/'w-'LMQH* [𐩦𐩣𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠] – Ja 556), с другой стороны, «*кайн* (двух *маликов* или *мукаррибов*) Йада'ила Баййна и Сумху[алай]а Йануфа» (*qyn/YD' LBYN/w-S'MH['LY/]YNF* [𐩦𐩣𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠] – Ja 552, 1–2) и, наконец, «шесть *кайнов* (города) Сирвāха» (*s't'/qyn/SRWḤ* [𐩦𐩣𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠] – G1 1533, 2). Последний из этих текстов показывает, что *кайн* был не правителем города, как полагали некоторые исследователи (см., например: Biella 1982: 454), а лишь одним из городских магистратов¹⁴.

Особое значение имеет для нас надпись *Ja 555*, автор которой, выполнявший обязанности *кайна* при пяти сабейских правителях, стал также *кайном* Мāриба. Назначил же его на эту должность сам бог Алмақах (*i'bh-hw/qyn/MRYB* [𐩦𐩣𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠𐩣𐩠] – Ja 555, 3), по-видимо-

¹³ О табуировании имен *мукаррибов* в государстве Саба' см.: Лундин 1971: 183–184.

¹⁴ Если принять интерпретацию А.Ф.Л. Бистона, который перевел '*ly/s't' qyn* в G1 1533,2 как «те, которые имеют ту же власть, что *кайны*» (Beeston 1976: 413), то данный вывод все равно остается в силе, т.к. в любом случае из этого контекста следует, что существовало несколько *кайнов* Сирвāха.

«полноправные члены рода (*byl* [XYP]), общины»¹⁸. Центром такой общины зачастую являлось крупное поселение, именовавшееся *hgr* [YI]. Этот термин переводится некоторыми исследователями как «город». Поэтому, опираясь на выражения типа *'b'lhgr* [YI] [YI] [YI] [YI], семантику термина *'b'l* [YI] [YI] нередко несколько суживали и переводили как «горожане, члены городской общины» (см., например: Lundin 1973: 28; Beeston *et al.* 1982: 25). Однако ни одно из открытых на Райбуне земледельческих поселений городом, конечно, не было. В Ig 32, 5–7 описана иная ситуация: упоминаемые в ней *'b'USW'R* [YI] [YI] [YI] [YI], *'b'US²BM* [YI] [YI] [YI] [YI], *'b'UTRM* [YI] [YI] [YI] [YI] являлись полноправными членами городских общин Внутреннего Хадрамаута (Сува'рана, Шибāма, Тарйма). Если до открытия СОЙКЭ 2075 можно было допустить, что автор сабейского текста Ig 32 обратился для описания социальной структуры хадрамаутского общества к словарному запасу своего языка, то сейчас очевидно, что термин *'b'l* [YI] [YI] употреблялся самими хадрамаутцами на протяжении, как минимум, тысячелетия.

Термин *hwr* [YI] [YI], означающий «поселенцы, переселенцы, иммигранты», представлен во всех эпиграфических языках Южной Аравии (Beeston *et al.* 1982: 73; Arbach 1993, I: 50; Ricks 1989: 62), в том числе в хадрамаутском (Khōr Rōgī 1, 2; 3, 2). Возникает, однако, вопрос: нужно ли понимать выражение *hwr/QDT^{hn}* [YI] [YI] [YI] [YI] («иммигранты Куза^{тахна}») как «переселенцы, обосновавшиеся в Куза^{тахна}» по аналогии с *hwrw/hgrⁿ'MRⁿ* [YI] [YI] [YI] [YI] (СИН 102, 4) или как «переселенцы из Кузат^{тахна}», опираясь на контексты надписей из Хōр Рōри, авторы которых, сообщая о своем участии в основании города Сумхурāма (Сумурāма) в земле Са'калāн¹⁹, указывают на свою принадлежность к «переселенцам из Шабвы» (Khōr Rōgī 1, 2: *bn/hwr/hgr^{hn}/S²BWT* [YI] [YI] [YI] [YI]; Khōr Rōgī 3, 2: *bn/hwr/S²BWT* [YI] [YI] [YI] [YI])²⁰. К счастью, локализация Куза^{тахна} на месте современной деревни ал-Қуза [القزة], расположенной в вади ал-Габр, сомнений не вызывает²¹. От Райбуна ал-Қузу отделяют по прямой 11 км, а если следовать по вади, то 13–14 км (см.: Родионов 1994, карта-схема 2).

¹⁸ Соответствующие контексты приведены в: Avanzini 1977-80, II: 130-131.

¹⁹ Область на территории современного Дофара, которую хадрамаутцы колонизировали в I в. до н.э. – I в. н.э.

²⁰ Речь здесь идет именно о переселенцах, а не просто о жителях (города) Шабвы, на что ясно указывает содержащееся в Khōr Rōgī 3, 5–7 упоминание о том, что «господин» двух ее авторов (*mr'-s'mn*) Абййаса', сын Замар'алайа, «переселил с собой» (*hwr/m-s'*) три группы иммигрантов, обозначенных пока не поддающимся удовлетворительной интерпретации термином *'hty-m* (или *'h ty-m*).

²¹ Арабский топоним القزة является полным эквивалентом хадрамаутского QDT^{hn}, если учесть, что в хадрамаутском [z] передавался через знак *d*, а *-hn* являлся определенным артиклем. На месте ал-Қузы люди селились еще в палеолите. О существовании там

Между тем из содержания СОЙКЭ 2075 явствует, что hwr/QDT^{hn} [𐤅𐤄𐤆𐤇𐤈𐤉]⓪Ⓜ приходили в Йандад за колодезной водой. Учитывая расстояние от Райбүна до ал-Кузы, трудно себе представить, что эти переселенцы обитали в Куза^{тхана}. Очевидно, как и в случае с $hwr/(hgr-hn/)$ S^2BWT [𐤅𐤇𐤈𐤉𐤊𐤋𐤌]⓪Ⓜ, под hwr/QDT^{hn} [𐤅𐤄𐤆𐤇𐤈𐤉]⓪Ⓜ имелась в виду группа иммигрантов, покинувших древнюю ал-Кузу и обосновавшихся в Райбүне.

В выражении $bkl-s'm$ [𐤁𐤀𐤁𐤂] местоименный суффикс $-s'm$ [𐤁𐤂] явно относится к hwr/QDT^{hn} [𐤅𐤄𐤆𐤇𐤈𐤉]⓪Ⓜ. Таким образом, речь здесь идет о bkl [𐤁𐤂] переселенцев из Куза^{тхана}. Значение этого термина, ранее засвидетельствованного во всех южноаравийских эпиграфических языках, кроме хадрамаутского, до сих пор остается не до конца ясным. Словари определяют bkl [𐤁𐤂] то как «жителей завоеванной территории, подданных» (Biella 1982: 42), следуя мнению патриарха сабеистики Н. Родоканакиса (Rhodokanakis 1917: 128), то более нейтрально – как «жителей, зависимых людей» (Ricks 1989: 122; Arbach 1993, I: 20), то как «поселенцев, колонистов, жителей» (Beeston et al. 1982: 28). В последнем случае остается совершенно неясным, чем же bkl [𐤁𐤂] отличались от hwr , так как оба эти несомненно различные термины предлагается переводить почти теми же самыми словами (Beeston et al. 1982: 28, 73)²². Наиболее убедительной и хорошо обоснованной представляется точка зрения Г. М. Бауэра, показавшего, что термином bkl [𐤁𐤂] обозначались поселенцы на государственной или царской земле, занятые преимущественно торговлей и ремеслом, оторванные от своего племени и, вероятно, зависимые от центральной власти, которые отчасти напоминали вавилонских *мушкенум* (Бауэр 1965: 313–320).

Однако для нашего случая это определение подходит плохо, поскольку, как было показано выше, никаких следов подчинения Райбүна Хадрамаутскому царству или какой-либо иной центральной власти в памятниках местной эпиграфики не обнаружено. Можно предположить, что исконным значением термина bkl [𐤁𐤂] было «поселенцы, порвавшие со своей общиной и обосновавшиеся на новом месте». В отличие от hwr [𐤅]⓪Ⓜ, которые, как это видно из *Khgr Rori* 1, 3, подобно основателям древнегреческих колоний, являлись компактной груп-

древнего поселения свидетельствует обнаруженный членами СОЙКЭ в ущелье ал-Кузы камень с фрагментами плохо сохранившихся надписей. К сожалению, М.А. Родионов, сославшись на публикуемый здесь текст, ошибочно указал, будто топоним ал-Куза упоминается в нем в форме al-Qudat (Родионов 1994: 46). Описание современной ал-Кузы см.: Родионов 1994: 117–118; рис. 78, 79.

²² Правда, $hwr/hwrw$ истолковываются как «*settler, immigrant, inhabitant of town*». Однако и bkl [𐤁𐤂] «упоминаются почти исключительно как население городов» (Бауэр 1965: 314).

эры, не знал войн, по крайней мере войн регулярных, которые составляют неотъемлемый атрибут внешней политики ранних государств. Таким образом, на примере Райбүна мы видим альтернативу государственности, такой путь развития, который вел к возникновению высоко развитой культуры, но не был сопряжен с формированием обособленных от общества властных структур.

Однако существовать такой социум мог, лишь находясь в относительной изоляции от окружающих его государств, поскольку, не имея опыта ведения боевых действий, он был обречен на гибель при первом серьезном столкновении с ними. По-видимому, сохранению Райбүна в течение, по крайней мере, семи-восьми веков на восточных рубежах Хадрамаутского царства в немалой степени способствовал его сакральный статус при общности религиозных верований обитателей Внутреннего Хадрамаута и областей, непосредственно подчинявшихся хадрамаутским правителям.

Вступление же Южной Аравии в так называемую «среднесабейскую эпоху», отличавшуюся постоянными ожесточенными войнами, означало неизбежный и скорый конец для райбунского общества с его самобытной социальной структурой. В ходе военного конфликта Хадрамаута с Қатаба́ном на рубеже новой эры²⁶ храмы и поселения Райбүна были разрушены и больше не возродились.

ЛИТЕРАТУРА

- Бауэр Г. М. 1965. Некоторые социальные термины в древнеегипетских текстах // *Семитские языки*. Т. 2. № 1: 313–335.
- Бауэр Г. М. 1995. Эпиграфика Рейбуна (сезоны 1983–1984 гг., общий обзор) // *Труды СОЙКЭ*²⁷. Т. I: 112–152.
- Грязневич П. А. 1996. Предисловие // *Труды СОЙКЭ*. Т. II: 6–18.
- Коротаев А. В., 1993. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейского культурно-политического ареала (Южная Аравия: X в. до н.э. – IV в. н.э.) // *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л.Е.Куббеля* / Отв. ред. В. А. Попов. М.: Восточная литература: 295–320.
- Лундии А. Г. 1971. *Государство мукаррибов Сабá' (сабейский эпонимат)*. М.: Наука.
- Муртазин М. Ф. 1995. О социальной структуре древнего хадрамаутского города Мазаб // *Труды СОЙКЭ*. Т. I: 265–272.
- Родюнов М. А. 1994. *Этнография Западного Хадрамаута. Общее и локальное в этнической культуре*. М.: Наука.

²⁶ Очевидно, эта война (или серия военных конфликтов) упоминается в RES 4932, Nuwaydar A и Raybun b.

²⁷ СОЙКЭ – Советско-Йеменская комплексная экспедиция.

- Седов А. В. 1996. Райбун – комплекс археологических памятников в низовьях вади Да-у'ан // *Труды СОЙКЭ*. Т. II: 19–30, табл. I–XXVI.
- Французов С. А. 1994. Три легенды об обращении в ислам хадрамаутских язычников // *Петербургское востоковедение*. Т. 5: 306–332.
- Arbach M. 1993. *Le madābien: Lexique – Onomastique et Grammaire d'une langue de l'Arabie méridionale préislamique*. Thèse de doctorat – Nouveau régime. T. I: *Lexique madābien*. Aix-en-Provence: Université de Provence Aix Marseille I, Centre d'Aix.
- Avanzini A. 1977, 1980. *Glossaire des inscriptions de l'Arabie du Sud antique 1950–1973*. I–II. Firenze: Università di Firenze (Quaderni di Semitistica, 3).
- Beeston A. F. L. 1976. Notes on Old South Arabian Lexicography X. // *Le Muséon*. Vol. 89: 407–423.
- Beeston A. F. L., Ghul M. A., Müller W. W., Ryckmans J. 1982. *Sabaic Dictionary (English-French-Arabic)*. Louvaine-la-Neuve – Beyrouth: Peeters.
- Biella J. C. 1982. *Dictionary of Old South Arabic, Sabaean Dialect*. Chico, CA: Scholars Press (Harvard Semitic Studies, 25).
- Frantsouzzoff S. A. 1995. The Inscriptions from the Temples of Dhāt Ḥimyam at Raybūn // *PSAS*²⁸. Vol. 25: 15–27, pl. I–II.
- Frantsouzzoff S. A. 1997. Regulation of Conjugal Relations in Ancient Raybūn // *PSAS*. Vol. 27: 113–127.
- Frantsouzzoff S. A. 1999. La mention du «tailleur de pierre» (*grby^{h/n}*) dans les inscriptions sudarabiques. *Raydān* 7 (in press).
- Lundin A. G. 1973. Le régime citadin de l'Arabie du Sud aux II^e – III^e siècles de notre ère // *PSAS*. Vol. 3: 26–28.
- Rhodokanakis N. 1917. *Studien zur Lexicographie und Grammatik des Altsüdarabischen*, II. Wien: (Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften) (SBAWW²⁹. 185. Bd. 3. Abh.).
- Ricks S. D. 1989. *Lexicon of Inscriptional Qatabanian*. Roma: E Pontificio Instituto Biblico (Studia Pohl, 14).
- Robin Ch. 1982. *Les Hautes-Terres du Nord-Yémen avant l'Islam*. I–II. Istanbul: Nederlands historisch-archaeologisch Instituut te Istanbul (Uitgaven van het Nederlands historisch-archaeologisch Instituut te Istanbul, L).

СПИСОК СИГЛОВ НАДПИСЕЙ

СИH – *Corpus inscriptionum semiticarum*. Pars Quarta. *Inscriptiones himyariticas et sabaicas continens*. T. I–III. Parisii: Imprimerie nationale, 1889–1932.

СТ 4, 10 – Caton Thompson, G., *The Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadhramaut)*. Oxford: Oxford University Press, 1944 (Report of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London, 13). Pt VII: *Epigraphy* by G. Ryckmans: 158–160, 162–163, pl. LXIII–LXIV; Муртазин 1995: 266–270.

GI 1533 – Höfner, M., *Sammlung Eduard Glaser VIII: Inschriften aus Širwāh, Haulān (I. Teil)*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973 (SBAWW, 291. Bd. 1. Abh.): 29–35, pl. XI; Höfner, M., *Sammlung Eduard Glaser XII: Inschriften aus Širwāh, Haulān (II. Teil)* mit einem Anhang von W. W. Müller. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976 (SBAWW, 304. Bd. 5. Abh.): 39–40, Taf. V/1.

²⁸ PSAS – *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*, London: Seminar for Arabian Studies.

²⁹ SBAWW – Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Haram 5, 11, 12 – *IDIS*³⁰ 1, A: 69–70, 76–78.

Huwaitar A – Pirenne, J., Deux prospections historiques au Sud-Yémen. *Raydān* 4 (1981): 22–23, pl. XII.

Ir 32 = Schreyer-Geukens – Müller, W. W., Das Ende des antiken Königreichs Ḥaḍramaut. Die sabäische Inschrift Schreyer–Geukens = Iryani 32. *Al-Hudhud. Festschrift Maria Höfner zum 80. Geburtstag*. Hrsg. von R. G. Stiegner. Graz: Karl-Franzens-Universität, 1981: 225–256.

Ja 552, 554–556, 668 – Jamme, A., *Sabaeen Inscriptions from Maḥram Bilqīs (Mārib)*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1962 (Publications of the American Foundation for the Study of Man, III): 16–17, 18–22, 173–174, pl. 3, 19.

Kamna 9, 10 – *IDIS* 1, A: 179–182, pl. 52, 53.

Khōr Rōrī – Pirenne, J., The Incense Port of Moscha (Khōr Rōrī) in Dhofar. *Journal of Oman Studies* 1 (1975): 81–96, pl. I–IV; Beeston, A. F. L., The Settlement at Khōr Rōrī *Journal of Oman Studies* 2 (1976): 39–42.

Raybūn 6 – Breton, J.-Fr., et alii. *Wādī Ḥaḍramawt. Prospections 1978–1979*. Aden: Markaz al-Āthār, [1980]: 104, pl. II.

RES – *Répertoire d'Épigraphie sémitique*. T. V–VII. Paris: Imprimerie nationale, 1929–1950.

as-Sawdā' 43, 44 – *IDIS* 4: 161–162.

Shabwa 15 bis – Pirenne J. *Les témoins écrits de la région de Shabwa*. Paris: Geuthner, 1990 (Fouilles de Shabwa, I; Institut Français d'archéologie du Proche-Orient. Bibliothèque archéologique et historique, CXXXIV): 56, pl. 46 b (фотография перевернута вверх ногами).

³⁰ *IDIS* 1, 4 – *Inventaire des inscriptions sudarabiques*. T. 1: Ch. Robin. *Inabba', Haram, al-Kāfir, Kamna et al-Ḥarāshif*. Fasc. A: *Les documents*. Fasc. B: *Les planches*. Paris: Boccard – Rome: Herder, 1992; *Inventario delle iscrizioni sudarabiche*. T. 4: A. Avanzini *As-Sawdā'*. Parigi: Boccard – Roma: Herder, 1995.



КОЧЕВНИКИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

- 19** *Кочевники, мир-империи и социальная эволюция*
- 20** *Особенности социально-политической организации печенегов*
- 21** *Монгольское кочевое общество периода империи*
- 22** *Бий мангытов, коронованный chief: вождества в истории позднесредневековых номадов Западной Евразии*

КОЧЕВНИКИ, МИР-ИМПЕРИИ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ¹

Н. Н. Крадин

Введение

Кочевники сыграли важную роль в истории человечества. Они способствовали освоению Ойкумены, распространению различного рода инноваций, внесли свой вклад в сокровищницу мировой культуры, в этническую историю народов Старого Света. Однако, обладая огромным военным потенциалом, номады оказали также существенное деструктивное влияние на исторический процесс, в результате их разрушительных нашествий были уничтожены многие культурные ценности, народы и цивилизации.

Наиболее яркий след в истории оставили так называемые «кочевые империи» – самые крупные политические образования номадов, объединявшие на непродолжительное время гигантские территории и приводившие в ужас более высокоразвитых соседей-земледельцев. Чем объяснить их стремительное возникновение, превращение в мировые державы, перед которыми трепетали королевские дворы государств Запада и Востока, и столь же стремительное их исчезновение с политической арены доиндустриальной эпохи?

Что такое «кочевая империя»?

Само слово «империя» обозначает такую форму государственности, которой присущи два главных признака: 1) большие территории и 2) наличие зависимых или колониальных владений. Р.Тапар со ссылкой на труды С.Айзенштадта было предложено определять империю как общество, состоящее из «метрополии» (ядра империи) – высокоразвитого экспансионистского государства и территории, на которую распространяется ее влияние («периферии»). Периферией могли являться совершенно различные по уровню сложности типы социальных орга-

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда Сороса # H2B741.

низмов: от локальной группы до государства включительно. По степени интегрированности этих подсистем автор выделила «раннюю» и «позднюю» империи. В ранней империи, по ее мнению, метрополия и периферия не составляли прочной взаимосвязанной единой системы и различались по многим показателям, таким, например, как экология, экономика, уровень социального и политического развития. К числу классических примеров ранних империй можно отнести Римскую державу, Инкское государство, королевство Каролингов и др. Поздняя империя характеризуется менее дифференцированной инфраструктурой. В ней периферийные подсистемы функционально ограничены и выступают в форме сырьевых придатков по отношению к развитым аграрным, промышленным и торговым механизмам метрополии. В качестве примера можно сослаться на Британскую, Германскую или Российскую империи начала нынешнего столетия (Eisenstadt 1963: 6-22, 61ff; Thapar 1981: 410ff).

Одним из вариантов «ранней» империи следует считать «варварскую империю». Принципиальное отличие последней заключалось в том, что ее «метрополия» являлась «высокоразвитой» только в военном отношении, тогда как в социально-экономическом развитии она отставала от эксплуатируемых или завоеванных территорий и, по существу, сама являлась «периферией» и «провинцией». Все империи, основанные кочевниками, были варварскими. Однако не все варварские империи основывались кочевниками. Поэтому «кочевую» империю следует выделять как вариант варварской. В таком случае кочевую империю можно дефинировать как

кочевое общество, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и получающее необходимые нескотоводческие ресурсы, как правило, посредством внешней эксплуатации (грабежей, войн и контрибуций, вымогания «подарков», неэквивалентной торговли, данничества и т.д.).

Можно выделить следующие признаки «кочевых империй»:

- 1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями;
- 2) дуальный (на крылья) или триадный (на крылья и центр) принцип административного деления империи;
- 3) военно-иерархический характер общественной организации «метрополии», чаще всего по «десятичному» принципу;
- 4) ямская служба как особый способ организации административной инфраструктуры;
- 5) специфическая система наследования власти (империя – достояние всего ханского рода, институт соправительства, курултай);
- 6) особый характер отношений с земледельческим миром (Крадин 1992; 1996).

Необходимо также отличать классические кочевые империи, во-первых, от подобных им смешанных земледельческо-скотоводческих империй с большой ролью в их истории кочевого элемента (Арабский халифат, государство сельджуков, Дунайская Болгария, Османская империя) и, во-вторых, более мелких, чем империи «квазиимперских» кочевнических государствоподобных образований (касситы, гиксосы, европейские гунны, авары, венгры, Приазовская Булгария, каракидани, татарские ханства после распада Золотой Орды).

Выделяются три модели кочевых империй:

1) **типичные** – кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии; получение прибавочного продукта номадами осуществляется посредством *дистанционной* эксплуатации: набеги, вымогание «подарков», по сути, рэкет, и т.д. (хунну, сяньби, тюрки, уйгуры, первое Скифское царство и др.);

2) **даннические** – земледельцы зависят от кочевников; форма эксплуатации – *данничество* (Хазарский каганат, империя Ляо, Золотая Орда, Юань и др.);

3) **завоевательные** – номады завоевывают земледельческое общество и переселяются на его территорию (Парфия, Кушанское царство, поздняя Скифия и др.).

На смену грабегам и данничеству приходит регулярное *налогообложение* земледельцев и горожан (Крадин 1992: 166–178).

Структурно даннические кочевые империи были промежуточной моделью между типичными и завоевательными. От *типичных* империй их отличало: 1) более регулярный характер эксплуатации (вместо эпизодических грабежей, вымогаемых «подарков» и т.д.); 2) как следствие этого – урбанизация и частичная седентеризация в степи; 3) усиление антагонизма среди кочевников и, возможно, трансформация «метрополии» степной империи из составного чифдома в раннее государство; 4) формирование бюрократического аппарата для управления завоеванными земледельческими обществами. Завоевательные империи от даннических отличались: 1) более тесным симбиозом экономических, социальных и культурных связей между номадами и подчиненными земледельцами в завоевательных империях номадов; 2) кочевая аристократия осуществляла политику разоружения, седентеризации и ослабления вооруженных скотоводов, тогда как в даннических империях простые скотоводы были опорой власти; 3) характерно не взимание дани, а регулярное налогообложение земледельцев. Последняя модель представляет собой не столько кочевую, сколько уже оседло-земледельческую империю, но с преобладанием в политической сфере и военной организации кочевников-скотоводов.

От племени к степной империи

Наверное, самый интригующий вопрос истории Великой степи: какова причина, толкавшая кочевников на массовые переселения и на разрушительные походы против земледельческих цивилизаций? По этому поводу было высказано множество самых разнообразных суждений. Их можно свести к следующим мнениям: 1) разнообразные глобальные климатические изменения (усыхание, по А. Тойнби [Toynbee 1934] и Г. Грумм-Гржимайло [1926]; увлажнение по Л.Н. Гумилеву [1993: 237–340 и др.]); 2) воинственная и жадная природа кочевников; 3) перенаселенность степи; 4) рост производительных сил и классовая борьба, ослабленность земледельческих обществ вследствие феодальной раздробленности (марксистские концепции); 5) необходимость дополнять экстенсивную скотоводческую экономику посредством набегов на более стабильные земледельческие общества; 6) нежелание со стороны оседлых соседей торговать с номадами (излишки скотоводства некуда было продавать); 7) личные качества предводителей степных обществ; 8) этноинтегрирующие импульсы («пассионарность», по Л.Н. Гумилеву [1989]).

В большинстве из перечисленных факторов есть свои рациональные моменты. Однако значение некоторых из них оказалось преувеличенным. Так, современные палеогеографические данные не подтверждают жесткой корреляции глобальных периодов усыхания/увлажнения степи с временами упадка/расцвета кочевых империй (Динесман и др. 1989: 204–254; Иванов, Васильев 1995: табл. 24, 25). Оказался ошибочным тезис о «классовой борьбе» у кочевников (Толыбеков 1971; Марков 1976; Khazanov 1984; Крадин 1992 и др.). Не совсем ясна роль демографического фактора, поскольку поголовье скота росло быстрее, чем увеличивалось народонаселение, приводя при этом к стравливанию травостоя и к кризису экосистемы. Кочевой образ жизни, конечно, может способствовать развитию некоторых военных качеств. Но земледельцев было во много раз больше, они обладали экологически комплексным хозяйством, надежными крепостями, более мощной ремесленно-металлургической базой.

Мне кажется, что необходимо учитывать следующие важные факторы:

• Этноисторические исследования современных пастушеских народов Передней Азии и Африки показывают, что экстенсивная кочевая экономика, низкая плотность населения, отсутствие оседлости не предполагают необходимости развития сколько-нибудь легитимизированной иерархии. Следовательно, можно согласиться с мнениями тех ис-

следователей, которые полагают, что потребность в государственности не была внутренне необходимой для кочевников (Lattimore 1940; Bacon 1958; Марков 1976; Irons 1979; Khazanov 1984; Fletcher 1986; Barfield 1992; Крадин 1992; Масанов 1995 и др.).

• Степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. С точки зрения мир-системного подхода, кочевники всегда занимали место «полупериферии», которая объединяла в единое пространство различные региональные экономики (локальные цивилизации, «мир-империи»). В каждой локальной региональной зоне политическая структурированность кочевой «полупериферии» была прямо пропорциональна размерам «ядра». Кочевники Северной Африки и Передней Азии для того, чтобы торговать с оазисами или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации или вождества; номады Восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств, Византии и Руси, создавали «квазиимперские» государствоподобные структуры, а в Центральной Азии, например, таким средством адаптации стала «кочевая империя» (Grousset 1939; Lattimore 1940; Barfield 1981; 1992; Khazanov 1984; Фурсов 1988; 1995; Крадин 1992; 1996; Голден 1993 и др.).

• Имперская и «квазиимперская» организация у номадов Евразии развивалась только в эпоху «осевого времени» (Ясперс 1991) с середины I тыс. до н.э., когда создаются могущественные земледельческие империи (Цинь в Китае, Маурьев в Индии, эллинистические государства в Малой Азии, Римская империя на Западе), и в тех регионах, где, во-первых, существовали достаточно большие пространства, благоприятные для занятия кочевым скотоводством (Причерноморье, Поволжские степи, Халха-Монголия и т.д.), и, во-вторых, где номады были вынуждены иметь длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами (скифы и древневосточные и античные государства, кочевники Центральной Азии и Китай, гунны и Римская Империя, арабы, хазары, турки и Византия и пр.).

• Прослеживается синхронность процессов роста и упадка земледельческих «мир-империй» степной «полупериферии». Империя Хань и держава Хунну появились в течение одного десятилетия. Тюркский каганат возник как раз в то время, когда Китай был объединен под властью династий Суй, а затем Тан. Аналогичным образом Степь и Китай вступали в периоды анархии в пределах небольшого промежутка времени один за другим. Когда в Китае начинались смуты и экономический кризис, система дистанционной эксплуатации кочевников переставала работать, и имперская конфедерация разваливалась на отдельные племена до тех пор, пока не восстанавливались мир и порядок на юге (Barfield 1992).

• Кроме этих генеральных закономерностей, важную роль играли другие факторы (экология, климат, политическая ситуация, личные качества политических лидеров и даже везение), которые определяли ход исторического развития в каждом конкретном случае.

Можно выделить четыре варианта образования степных держав. Первый вариант представляет собой классический путь внутренней интеграции племенного кочевнического этноса в централизованную империю. Как правило, данный процесс был обусловлен появлением в среде кочевников талантливого политического и военного деятеля, которому удавалось объединить все племена и ханства, «живущие за войлочными стенами», в единое государство (Модэ у хунну, Таньшихуай у сяньби, Абаоци у киданей, Чингисхан у монголов). После объединения кочевников для поддержания единства империи правитель должен был организовать поступление прибавочного продукта извне. Если ему это не удавалось, империя разваливалась. Так как наиболее часто данный вариант образования степной империи ассоциируется с именем Чингисхана, его можно называть *монгольским*.

Второй вариант был связан с образованием на периферии уже сложившейся кочевой империи политического объединения с сильными центростремительными тенденциями. В борьбе за независимость это объединение свергало своего эксплуататора и занимало его место в экономической и политической инфраструктуре региона. Данный путь можно проследить на примере взаимоотношений тюрков и жужаней, уйгуров и тюрков, чжурчжэней (с долей условности, поскольку они не совсем кочевники) и киданей. Условимся называть данный вариант *тюркским*.

Третий вариант был связан с миграцией кочевников и последующим подчинением ими земледельцев. В литературе сложилось мнение, что это был типичный путь возникновения кочевых империй. Однако на самом деле завоевание крупных земледельческих цивилизаций часто осуществлялось уже сформировавшимися кочевыми империями (кидани, чжурчжэни, монголы). Классическим примером такого варианта становления кочевых (точнее, теперь «полукочевых» или даже земледельческо-скотоводческих) империй явилось образование государства Тоба Вэй. В то же время чаще эта модель встречалась в более мелких масштабах в форме «квазиимперских» государствоподобных образований кочевников (аварская, болгарская и венгерская державы в Европе, эпоха смуты IV–VI вв. в Северном Китае [«эпоха 16 государств пяти варварских племен»], каракидани в Восточном Туркестане). Этот вариант условимся называть *гуннским*.

Наконец, существовал последний, четвертый, относительно мирный вариант. Он был связан с образованием кочевых империй из сегментов уже существовавших более крупных «мировых» империй номадов – тюркской и монгольской. В первом случае империя разделилась на восточно-тюркский и западно-тюркский каганаты (на основе западного каганата позже возникли Хазарский каганат и другие «квазиимперские» образования номадов). Во втором случае империя Чингисхана была разделена между его наследниками на улус Джучидов (Золотая Орда), улус Чагатаидов, улус Хулагуидов (государство ильханов), империю Юань (собственно Халха-Монголия и Китай). Впоследствии Золотая Орда распалась на несколько независимых друг от друга ханств. Этот вариант можно называть, например, *хазарским*.

Структура кочевой империи

Кочевые империи были организованы в форме «имперских конфедераций» (Barfield 1981; 1992). Эти конфедерации имели автократический и государствоподобный вид снаружи (они были созданы для получения прибавочного продукта извне степи), но оставались коллективистскими и племенными внутри. Стабильность степных империй напрямую зависела от умения высшей власти организовывать получение шелка, продуктов земледелия, ремесленных изделий и изысканных драгоценностей из оседлых обществ. Так как эта продукция не могла производиться в условиях скотоводческого хозяйства, получение ее силой или вымогательством было первоочередной обязанностью правителя кочевого общества. Будучи единственным посредником между земледельческими цивилизациями и степью, правитель номадного общества имел возможность контролировать перераспределение получаемой из оседло-городских обществ добычи и тем самым усиливал свою собственную власть. Это позволяло поддерживать существование империи, которая не могла развиваться на основе экстенсивной скотоводческой экономики.

Вожди племен, входивших в степную империю, были инкорпорированы в военную иерархию «сотен» и «тысяч», однако их внутренняя политика оставалась в известной степени независимой от политики центра. Эта особенность хорошо проанализирована Т.Барфилдом на примере империи Хунну (Barfield 1981, 1992: 32–84; см. также: Крадин 1996). Некоторая автономность скотоводческих племен может быть объяснена следующими обстоятельствами: 1) хозяйственная самостоятельность делала их потенциально независимыми от центра; 2) главные источники власти (грабительские войны, перераспределение дани

и других внешних субсидий, внешняя торговля) являлись достаточно нестабильными и находились вне степного мира; 3) всеобщее вооружение ограничивало ресурсы политического давления на племена; 4) перед недовольными политикой хана племенными группировками открывались возможности откочевки, дезертирства под покровительство земледельческой цивилизации или восстания с целью свержения неугодного правителя.

По этой причине политические связи между племенами и органами управления степной империи не были чисто автократическими. Надплеменная власть сохранялась в силу того, что, с одной стороны, членство в «имперской конфедерации» обеспечивало племенам политическую независимость от соседей и ряд других важных выгод, а, с другой стороны, правитель кочевой державы и его окружение гарантировали племенам определенную внутреннюю автономию в рамках империи.

Механизмом, соединявшим «правительство» степной империи и племена, служили институты престижной экономики. Манипулируя подарками и раздавая их соратникам и вождям племен, правитель кочевой империи увеличивал свое политическое влияние и престиж «щедрого хана». Одновременно он связывал получивших дар «обязательством» отдаривания. Племенные вожди, получая «подарки», могли, с одной стороны, удовлетворять личные аппетиты, а с другой стороны, повышать свой внутриведомственный статус путем раздачи даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников. Кроме того, получая от правителя дар, племенной вождь как бы приобретал от него часть сверхъестественной харизмы, что дополнительно способствовало увеличению его собственного престижа.

Раздачи подарков хорошо отражены в письменных источниках. В частности, они многократно упомянуты в *«Джами ат-Таварих»* Рашид ад-Дина и в сочинениях европейских путешественников, посетивших метрополию Монгольской империи.

«Этот царевич Тэмуджин снимает одетую [на себя] одежду и отдает ее, слезая с лошади, на которой он сидит. Он тот человек, который мог бы заботиться об области, печься о войске и хорошо содержать улус» (Рашид ад-Дин 1952б, кн.2: 90).

Однако массовыми раздачами занимался не только Чингисхан (Рашид ад-Дин 1952б: 233), но и его ближайшие потомки, правившие империей до ее распада на независимые улусы: Угэдей (Рашид ад-Дин 1960: 19, 41), Гуюк (там же: 119, 121; Плано Карпини 1957: 77), Мункэ (Рубрук 1957: 146; Рашид ад-Дин 1960: 142), а также Хулагуиды (Рашид ад-Дин 1946: 67, 100, 190, 215–217).

Можно предположить, что интеграция племен в имперскую конфедерацию осуществлялась не только посредством символического обмена, дарами между вождями различных рангов и ханом. Эту же цель преследовали включение в генеалогическое родство различных скотоводческих групп, разнообразные коллективные мероприятия и церемонии (сезонные съезды вождей и праздники, облавные охоты, возведение монументальных погребальных сооружений и т.д.).

Определенную роль в институционализации власти правителей кочевых обществ играли выполняемые ими функции священных посредников между социумом и Небом (Тэнгри), которые обеспечивали бы покровительство и благоприятствование со стороны потусторонних сил. Согласно религиозным представлениям номадов, правитель степного общества (шаньюй, каган, хан) олицетворял собой центр социума и в силу своих божественных способностей проводил обряды, которые должны были обеспечивать обществу процветание и стабильность. Эти функции имели для последнего громадное значение. Поэтому в случае природного стресса или болезни и гибели скота неудачливый хан мог ослабить или утратить свою харизму. Неудачливого хана или вождя могли заменить, а то и просто убить. Но идеология никогда не являлась доминирующей переменной в балансе различных факторов власти у кочевников. Жизнь степного общества всегда была наполнена реальными тревогами и опасностями, которые требовали от лидера активного участия в их преодолении. В целом власть правителей степных империй Евразии основывалась, главным образом, на внешних источниках.

Кочевые империи и земледельческий мир

Для реализации своих замыслов кочевники использовали несколько пограничных стратегий, которые могли на протяжении истории одного общества сменять одна другую:

- 1) стратегия набегов и грабежей (сяньби, монголы XV–XVI вв. по отношению к Китаю, Крымское ханство по отношению к России и др.);
- 2) подчинение земледельческого общества и взимание с него дани (Скифия и сколоты, Хазария и славяне, Золотая Орда и Русь), а также контроль над трансконтинентальной торговлей шелком;
- 3) завоевание оседло-городского государства, размещение на его территории гарнизонов, седентеризация и обложение крестьян налогами в пользу новой элиты (тоба, кидани и чжурчжэни в Китае, монголы в Китае и Иране);
- 4) политика чередования набегов и вымогания дани в отношении более крупного общества (хунну, тюрки, уйгуры и пр.).

Как правило, на протяжении длительного периода кочевники могли использовать несколько разных стратегий. Так, во взаимоотношениях между Хуннской державой и династией Хань можно выделить четыре этапа: на первом этапе (200–133 гг. до н. э.) хуннский шаньюй после опустошительного набега, как правило, направлял послов в Китай с предложением заключения мирного договора. После получения даров набеги на какое-то время прекращались. Через определенный промежуток времени, когда награбленная простыми номадами добыча заканчивалась или приходила в негодность, скотоводы снова начинали требовать от вождей и шаньюя удовлетворения своих интересов. Поскольку китайцы упорно не шли на открытие рынков на границе, шаньюй был вынужден «выпускать пар» и отдавать приказ к возобновлению набегов. Вторым этапом (129–58 гг. до н. э.) – это главным образом время активных войн ханьцев с кочевниками. На третьем этапе (56–9 гг. н. э.) часть хунну под предводительством шаньюя Хуханье приняла официальный вассалитет от Хань. За это император обеспечивал свое небесное покровительство шаньюю и дарил ему как вассалу ответные подарки. Понятно, что «дань» вассала имела только идеологическое значение. Однако ответные «благотворительные» дары были даже намного больше, чем ранее. Кроме того, по мере необходимости шаньюй получал от Китая сельскохозяйственные продукты для поддержки своих подданных. Четвертый, последний этап (9–48 гг.) отношений между Хань и имперской конфедерацией хунну по содержанию схож с первым этапом. Отличие заключается в большей агрессивности номадов, что, возможно, было опосредовано кризисом Китая, ослаблением охраны границ, невозможностью посылать как прежде богатые подарки в Халху (Крадин 1996: 49–68).

Особый интерес вызывает стратегия вымогательства на расстоянии. Существует соблазн называть ее данью. Однако *дистанционная эксплуатация* и *данничество* – это разные явления. Данничество предполагает политическую зависимость данников от взимателей дани (Першиц 1976: 290–293). Китай никогда не был завоеван хуннами и политически от них не зависел. Китайцев было в несколько десятков раз больше, чем номадов. Они обладали более мощной экономической базой. В то же время «дистанционную эксплуатацию» нельзя отождествлять с «контрибуцией», поскольку последняя имеет разовый характер, в отличие от циклически повторяющейся пограничной политики кочевников.

Источники позволяют подробно рассматривать «дистанционную эксплуатацию» кочевников начиная с хуннского времени. Однако это не означает, что она не использовалась ранее и была забыта впоследствии. Например, Страбон (IX, 8, 3) описывает чрезвычайно похожую ситуацию применительно к кочевникам «скифо-сакского» мира (правда, видимо, не поняв до конца суть дела):

«Эти племена [которые подвергались набегам] согласились платить апарнам дань; дань состояла в дозволении им в определенное время совершать набеги на страну и уносить добычу. Но когда они дерзко нарушали договор, начиналась война, затем опять примирение, а потом снова военные действия. Таков образ жизни и прочих кочевников; они постоянно нападают на своих соседей и затем примиряются с ними».

Придя в Европу, гунны практически воспроизвели старый хуннский механизм внешнеполитического преуспевания. Сначала совершался набег, после чего поступало предложение о заключении мирного договора, который предполагал богатые «подарки»номадам. Только Византия платила Атилe до 700 фунтов золота в год. Но это было, вероятно, для Константинополя выгоднее, чем содержать большие гарнизоны на границе (Прокоп. Кес. Война с персами. Кн. I. XII. 6. XV. 21–24. Кн. 2. X. 23. Война с вандалами. Кн. I. IV. 29. Тайн. ист. VIII. 5–6. XI. 5–10; Maenchen-Helfen 1973: 190–199, 270–274). Гунны Прикаспия практиковали ту же дистанционную модель в отношении соседей. Набеги, вымогание субсидий, раздача добычи воинам – вот ее основные составляющие (Гмыря 1995: 129–130).

Более поздние кочевые империи практиковали такой же набор стратегий эксплуатации оседлых аграрных обществ. В калейдоскопе набегов и войн, перечислений бесконечных посольств можно отыскать привычные механизмы международной политики номадов. Тюрки практиковали такую же дистанционную модель эксплуатации, что и хунну. Набеги они чередовали с мирными посольствами (см., например: Бичурин 1950: 268–269; Liu Mau-tsai 1958: 160, 214–215, 252 и др.). Уйгурский вариант поведения выглядит, например, несколько иначе. Но и он вписывается в генеральную модель. Доходы уйгуров складывались из следующих частей:

1. Согласно «Договорам» с Китаем они получали ежегодные богатые «подарки»; помимо этого, богатые дары выпрашивались по каждому удобному поводу (поминки, коронация и т.д.).

2. Китайцы также были вынуждены нести обременительные расходы по приему многочисленных уйгурских посольств. Однако китайцев больше раздражали не затраты продуктов и денег, а то, что номады ведут себя не как гости, а как завоеватели. Уйгуры устраивали пьяные драки и погромы в городах, хулиганили по дороге домой и воровали китайских женщин (Бичурин 1950: 327). Подобно уйгурам вели себя монголы в минское время (Покотилов 1893: 64–65, 88, 99, 100, 138).

3. Уйгуры также активно предлагали свои услуги китайским императорам для подавления сепаратистов внутри Китайского государства. Их помощь была очень специфической. Участвуя в военных компани-

ях на территории Китая в 750–770 гг., они нередко забывали о своих союзнических обязательствах и просто грабили мирное население, угоняли его в плен.

4. В течение почти всего времени существования Уйгурского каганата номады обменивали свой скот на китайские сельскохозяйственные и ремесленные товары. Уйгуры хитрили и поставляли старых и слабых лошадей, но цену запрашивали за них очень высокую (Бичурин 1950: 323). От такой торговли китайцы терпели убытки, а прибыль получали одни номады. Фактически эта торговля, как и подарки, являлась платой номадам за мир на границе.

Таким образом, уйгуры почти не совершали набегов на Китай. Им достаточно было лишь продемонстрировать силу своего оружия. Только в 778 г. китайский император возмутился, так как лошади были особенно никудышными. От купил всего 6 тысяч из 10. Уйгуры сразу совершили разрушительный набег на приграничные провинции Китая, а потом стали ожидать императорского посольства. Посольство приехало очень скоро, и снова заработала привычная машина выкачивания ресурсов из аграрного китайского общества. Так продолжалось до полного уничтожения столицы уйгуров Карабалгасуна кыргызами. После этого остатки уйгурских племен осели около Великой стены и без перерыва грабили приграничные китайские территории. Когда терпение китайцев истощилось, были посланы войска для их уничтожения.

Думается, при внимательном чтении источников в той или иной степени аналогичные механизмы политического поведения можно обнаружить и в более позднее время в отношениях между древнерусскими княжествами и половцами; Московской Русью, Золотой Ордой и татарскими ханствами более позднего времени и др. Так, вся история внешнеполитических отношений между Москвой и Крымским ханством, по сути, есть история постоянного рэкетирования своих соседей, вымогания у Москвы и Литвы богатых *поминков* (т.е. «подарков») и иных льгот. Татары постоянно играли на «повышение курса», мотивируя это тем, что противоположная сторона дает больше. Свои неуемные аппетиты ханы оправдывали тем, что если они не будут выпрашивать поминки и раздавать их своим мурзам, те будут им «сильно докучать».

«Крымский юрт стал, таким образом, гнездом хищников, которых нельзя было сдерживать никакими дипломатическими средствами. На упрек хану в нападении у него всегда был готовый ответ, что оно сделано без его разрешения, что ему людей своих не унять, что Москва сама виновата – не дает достаточно поминков князьям, мурзам и уланам» (Любавский 1996: 286–294).

Таким образом, вопреки широко распространенному среди исследователей мнению, кочевники Евразии вовсе не стремились к непосредственному завоеванию земледельческих территорий. Им это было совсем не нужно. Чтобы управлять аграрным обществом, кочевникам пришлось бы «слезть с коней». А так они вполне удовлетворялись доходами от неэквивалентной торговли с земледельцами и многочисленными «подарками» от правителей земледельческих государств. Вся внешнеэксплуататорская политика номадов была направлена на то, чтобы эксплуатировать соседей земледельцев исключительно на расстоянии. И только в периоды кризисов и распада оседлых обществ экономический вакуум затягивал скотоводов вовнутрь аграрного общества.

Такая динамичная «биполярная» структура политических связей между земледельческими цивилизациями и окружавшими их кочевниками (варвары и Рим, скифы и государства Причерноморья, номады Центральной Азии и Китай и т.д.) циклически повторялась в истории доиндустриального мира много раз (подробнее см.: Barfield 1992). В целом представляется весьма продуктивным рассматривать данные отношения в рамках миросистемного подхода Э.Валлерстайна как «центр» и «полупериферию». Проиллюстрируем это на примере отношений между народами Китая, Центральной Азии и Дальнего Востока. Хуннская держава (209 г. до н.э. – 48 г. н.э.) и династия Хань были здесь первыми биполярными элементами региональной системы. После хунну место степного лидера заняли сяньби (примерно 155–180 гг.), которые совершали грабительские набеги на Северный Китай несколько столетий. Но сяньбийцы не додумались до изощренного вымогательства и просто опустошали приграничные округа Китая. Поэтому конфедерация сяньби ненадолго пережила своего основателя Таньшихуая. Примерно в то же время в Хань произошло крупное восстание, которое явилось началом конца династии.

В следующие полтора столетия после гибели Ханьской империи народы Маньчжурии создали на границе с Китаем свои государства. Наиболее удачливым из них (мужунам, тоба) удалось подчинить земледельческие территории в Северном Китае. И только после этого кочевники в монгольских степях смогли воссоздать централизованное объединение – Жужаньский каганат (нач. V в. – 555 г.). Однако жужаням не удалось достичь полного контроля над степью, поскольку бывшие скотоводы тобасцы держали огромные гарнизоны на северной границе и в отличие от оседлых китайцев совершали успешные карательные рейды в жужаньские тылы.

После разгрома жужаней тюрками и с образованием на юге династий Суй, а затем Тан восстановилась биполярная структура во Внутренней Азии. Начался новый цикл истории региона. Тюрки (552–630 и 683–734 гг.), а потом и уйгуры (745–840 гг.) продолжили хуннскую политику

вымогательства на расстоянии. Они вынуждали Китай посылать богатые подарки, открывать на границах рынки и т.д. Важное место в экономике кочевников играл контроль над трансконтинентальной торговлей шелком. Первый каганат тюрков стал первой настоящей евразийской империей. Он связал торговыми путями Китай, Византию и исламский мир. Однако в отличие от Хуннской державы Тюркский и Уйгурский каганаты были менее централизованными политиями.

После того, как Уйгурский каганат был уничтожен кыргызами и чуть позже погибла империя Тан, народы Маньчжурии вновь получили шанс стать политическими лидерами в регионе. Это удалось киданям, которые образовали империю Ляо (907–1125 гг.), подчинив несколько небольших государств, образовавшихся на обломках Танской империи. Завоевав земледельцев, они создали двойную систему управления как китайцами, так и скотоводами. Полностью повторили киданьский пример чжурчжэни, которые, свергнув Ляо в начале XII в. и завоевав Северный Китай, образовали империю Цзинь (1115–1234 гг.). Находясь в зените могущества, «маньчжурские» династии вели активную политику разъединения кочевников, руководствуясь старым добрым правилом международной политики: «разделяй и властвуй».

Создание империи Чингисхана и монгольские завоевания в XIII веке совпали с новым периодом влажности в степях Внутренней Азии и Восточной Европы (Иванов, Васильев 1995: 205, табл. 25), а также с демографическим и экономическим подъемом во всех частях Старого Света. Монголы замкнули цепь международной торговли по сухопутным и морским путям в единый комплекс. Впервые все крупные региональные ядра (Европа, исламский мир, Индия, Китай, Золотая Орда) оказались объединенными в первую мир-систему (Abu-Lughod 1989). В степи, подобно фантастическим миражам, возникли гигантские города – центры политической власти, транзитной торговли, многонациональной культуры и идеологии (Каракорум, Сарай-Бату, Сарай-Берке). С этого времени границы Ойкумены значительно раздвинулись, политические и экономические изменения в одних частях света стали играть гораздо большую роль в истории других регионов мира.

Первая «мир-система» оказалась недолговечной. Чума, изгнание монголов из Китая, упадок Золотой Орды явились наиболее важными звеньями в цепи событий, приведших к ее гибели. Демографы фиксируют в период с 1350 по 1450 г. синхронный кризис во всех ее основных субцентрах (Biraben 1979). В начале XV века первая мир-система распалась. Даже отчаянные попытки Тамерлана восстановить сухопутную трансконтинентальную торговлю закончились, в конечном счете, неудачей. Мины вернулись к традиционной политике автаркизма и про-

тивостояния с кочевниками, что вызвало регенерацию старой политики дистанционной эксплуатации монголами Китая (Покотилов 1899). Лишь новое вторжение из Маньчжурии, после которого на территории Китая образовалась очередная иноземная завоевательная династия Цинь (1644–1911 гг.), разрушило биполярную картину мира.

Суперсложное вождество

Могли ли кочевники создавать собственную государственность? Как в антропологических теориях политической эволюции следует классифицировать кочевые империи? Могут ли они считаться государствами или это были предгосударственные политии? Эти вопросы до сих пор обсуждаются исследователями разных стран и особенно марксистскими антропологами (подробнее о данной дискуссии см.: Федоров-Давыдов 1973; Хазанов 1975; Марков 1976; 1998; Першиц 1976; Коган 1981; Халиль Исмаил 1983; Khazanov 1984; Попов 1986; Gellner 1988; Bonte 1990; Крадин 1992; Масанов 1995; Васютин 1998 и др.).

В настоящее время существуют две наиболее популярные группы теорий, объясняющих процесс происхождения и сущность раннего государства. *Конфликтные*, или *контрольные* теории показывают происхождение государственности и ее внутреннюю природу с позиции отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и межэтнического доминирования. *Интегративные*, или *управленческие (функциональные)* теории ориентированы главным образом на то, чтобы объяснять феномен государства как более высокую стадию экономической и общественной интеграции (Fried 1967; Service 1975; Claessen and Skalnik 1978; 1981; Cohen and Service 1978; Haas 1982; Gailey and Patterson 1988; Павленко 1989 и др.).

Однако ни с той, ни с другой точки зрения нельзя считать, что государственность была для кочевников внутренне необходимой. Все основные экономические процессы в скотоводческом обществе осуществлялись в рамках отдельных домохозяйств. По этой причине необходимости в специализированном «бюрократическом» аппарате, занимающемся управленческо-редистрибутивной деятельностью, не было. В то же время все социальные противоречия между номадами разрешались в рамках традиционных институтов поддержания внутренней политической стабильности. Сильное давление на кочевников могло привести к откочевке или применению ответного насилия, поскольку каждый свободный номад являлся одновременно и воином (Lattimore 1940; Bacon 1958; Марков 1976; Irons 1979; Khazanov 1984; Fletcher 1986; Barfield 1992; Крадин 1992; Масанов 1995 и др.).

Необходимость в объединении и создании централизованной иерархии у кочевников возникает только в случае войн за источники существования, для организации грабежей соседей-земледельцев или экспансии на их территорию, при установлении контроля над торговыми путями. В данной ситуации формирование сложной политической организации кочевников в форме «кочевых империй» есть одновременно и продукт интеграции, и следствие конфликта (между номадами и земледельцами). Кочевники-скотоводы выступали в данной ситуации как «класс-этнос» и специфическая «ксенократическая» (от греч. «ксено» – наружу и «кратос» – власть) политическая система. Образно можно сказать, что они представляли собой нечто вроде «надстройки» над оседло-земледельческим «базисом» (Крадин 1992; 1995а и др.). С этой точки зрения создание «кочевых империй» – частный случай популярной в свое время «завоевательной» теории политогенеза (Л.Гумплович, Ф.Оппенгеймер), согласно которой война и завоевание являются предпосылками для последующего закрепления неравенства и стратификации.

Тем не менее ни с точки зрения *конфликтного*, ни с точки зрения *интегративного* подходов большинство кочевых империй не может быть однозначно интерпретировано ни как вождество, ни как государство. Подобие степных империй государству ярко проявляется только в отношениях с внешним миром (военно-иерархическая структура кочевничьего общества для изъятия престижных продуктов и товаров у соседей, а также для сдерживания внешнего давления; международный суверенитет, специфический церемониал во внешнеполитических отношениях).

В то же самое время во внутренних отношениях «государствоподобные» империи кочевников (за исключением некоторых вполне объяснимых случаев) основаны на ненасильственных (консенсуальных и дарообменных) связях, они существовали за счет внешних источников без установления налогообложения скотоводов. Наконец, в кочевых империях отсутствовал главный признак государственности. Согласно многим современным теориям политогенеза, главным отличием догосударственных структур от государственности является то, что правитель вождества обладает лишь консенсуальной властью, т.е. по сути, авторитетом, тогда как в государстве правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия (Service 1975: 16, 296–307; Claessen and Skalnik 1978: 21–22, 630, 639–640 и др.). Характер власти правителей степных империй более консенсуальный, лишенный монополии на легитимный аппарат принуждения. Шаньюй, хан или каган является, главным образом редистрибутором, его мощь держится на личных способностях и умении получать извне общества престижные товары и перераспределять их между подданными.

Для обществ, более многочисленных и структурно развитых, чем сложные вождества, но в то же самое время не являющихся государствами (даже «зачаточными» ранними государствами), был предложен термин «*суперсложное вождество*» (Крадин 1992: 152). Этот термин был принят коллегами-кочевниковедами (Трепавлов 1995: 150; Скрынникова 1997: 49), хотя первоначально четких логических критериев, отделяющих суперсложное вождество от сложного вождества и от раннего государства, предложено не было.

Принципиальное структурное различие между сложным и суперсложным вождествами было зафиксировано Р.Карнейро в специальной статье ([Carneiro 1992]; см. также его главу в данной монографии). Карнейро, правда, предпочитает называть их соответственно «компаундным» и «консолидированным» вождествами. По его мнению, отличие простых вождеств от компаундных – чисто количественного характера. Компаундные вождества состоят из нескольких простых, над субвождями дистриктов (т.е. простых вождеств) находится верховный вождь, правитель всей политики. Однако Р.Карнейро заметил, что компаундные вождества при объединении в более крупные политики редко оказываются способными преодолеть сепаратизм субвождей, и такие структуры быстро распадаются. Механизм борьбы со структурным расколом был прослежен им на примере одного из крупных индейских вождеств, существовавших в XVII в. на территории нынешнего американского штата Вирджиния. Верховный вождь этой политики (*паухэтан*), чтобы справиться с центробежными устремлениями вождей ее сегментов, стал замещать их своими сторонниками, обычно близкими родственниками. Это придало важный структурный импульс последующей политической интеграции.

Схожие структурные принципы выявлены Т.Барфилдом в истории хунну (Barfield 1981: 49; 1992: 38–39). Хуннская держава состояла из мультиэтничного конгломерата вождеств и племен, включенных в состав «имперской конфедерации». Племенные вожди и старейшины были инкорпорированы в общеимперскую десятичную иерархию. Но их власть в известной степени была автономной от политики центра, основывалась на поддержке со стороны соплеменников. В отношениях с племенами, входившими в имперскую конфедерацию, хуннский шаньюй опирался на поддержку своих ближайших родственников и соратников, носивших титулы «десятитысячников». Они возглавляли особые надплеменные подразделения, объединявшие подчиненные или союзнические племена в «тьмы» численностью примерно по 5–10 тыс. воинов. Эти лица должны были являться опорой центральной власти на местах.

Точно так же образовывались другие кочевые империи Евразии. Система улусов, которую часто называют кельтским термином *танистри* (Fletcher 1986), существовала во всех мультиполитиях кочевников евразийских степей: у усуней (Бичурин 1950б: 191), у европейских гуннов (Хазанов 1975: 190, 197), в Тюркском (Бичурин 1950а: 270) и Уйгурском (Barfield 1992: 155) каганатах, в Монгольской империи (Владимирцов 1934: 98–110).

Кроме этого, во многих кочевых империях существовали специальные функционеры более низкого ранга, занимавшиеся поддержкой центральной власти в племенах. В империи Хунну такие лица назывались *гудухоу* (Pritsak 1954: 196–199; Крадин 1996: 77, 114–117). В Тюркском каганате имелись функционеры, посылаемые для контроля над племенными вождями (Бичурин 1950а: 283). Тюрки также посылали своих наместников *тутуков* для контроля над зависимыми народами (Бичурин 1950б: 77; Таскин 1984: 136, 156). Чингис-хан после реформ 1206 г. представил к своим родственникам для контроля специальных нойонов (Козин 1990: § 243).

Кочевая империя как суперсложное вождество – это уже реальная модель, прообраз раннего государства. Если численность населения в сложных вождествах – порядка десятков тысяч человек (см., например: Johnson, Earle 1987: 314), и они, как правило, этнически гомогенны, то численность полиэтничного населения суперсложного вождества составляет многие сотни тысяч человек и даже больше (кочевые империи Внутренней Азии состояли из 1-1,5 млн. пасторальных номадов), их территория (кочевникам нужно много земли для пастбищ!) была в несколько порядков раз больше площади, необходимой для простых и сложных вождеств.

С точки зрения соседних земледельческих цивилизаций (развитых доиндустриальных государств) такие кочевые общества воспринимались как самостоятельные субъекты международных политических отношений, нередко рассматриваемые как равные по статусу политии (китайцы называли их *го*). Данные вождества имели сложную систему титулатуры вождей и функционеров, вели дипломатическую переписку с соседними странами, заключали династические браки с членами элиты земледельческих государств, соседних кочевых империй и «квазиимперских» политий номадов.

Для них характерны зачатки урбанистического строительства (уже хунну стали воздвигать городища, а «ставки» империй уйгуров и монголов представляли собой настоящие города), возведение пышных усыпальниц и заупокойных храмов представителям степной элиты (Пазырыкские курганы на Алтае, скифские курганы в Причерноморье, хун-

нские захоронения в Ноин-Уле, курганы сакского времени в Казахстане, изваяния, поставленные тюркским и уйгурским каганам в Монголии и пр.). В части суперсложных вождеств кочевников элита пыталась ввести зачатки делопроизводства (хунну), в других – существовала записанная в рунах эпическая история собственного народа (тюрки), а некоторые из *типичных* кочевых империй (в первую очередь, Монгольскую державу первых десятилетий XIII в.) есть прямой соблазн назвать государством. Об этом, в частности, свидетельствуют упоминание в «*Тайной истории монголов*» системы законов (Яса), судебных органов власти, письменного делопроизводства и законотворчества (так называемая «*Синяя тетрадь*» – *Коко Дефтер-Бичик*), попытки введения налогообложения при Угэдэе (Крадин 1995б). Впрочем, правильность прежних переводов «*Тайной истории*» в последнее время ставится под сомнение (Скрынникова 1997). Но это уже тема для отдельного исследования.

Упадок и гибель кочевых империй

Исследователями неоднократно выделялось много причин, которые приводили к кризису и распаду империй номадов. Среди них: 1) природные явления (усыхание степи, кратковременные климатические стрессы и эпидемии); 2) внешнеполитические факторы (нашествия врагов, затяжные войны, прекращение внешних поступлений, кризисы соседних земледельческих цивилизаций); 3) внутренние причины (демографический взрыв, потеря внутреннего единства и сепаратизм, гигантские размеры и слабость административной инфраструктуры, классовая борьба, усобицы ханов и гражданская война, бездарные политические правители) (см., например: Плетнева 1982: 127–144).

Современные данные не подтверждают значения некоторых из этих факторов. Как уже отмечалось выше, палеогеографические данные последнего десятилетия свидетельствуют об отсутствии прямой связи глобальных циклов усыхания/увлажнения степи с периодами гибели/подъема степных империй. Оказался ошибочным тезис о «классовой борьбе» у кочевников, поскольку таковой у номадов не наблюдалось (Толыбеков 1971; Марков 1976; 1998; Khazanov 1984/1994; Крадин 1992 и др.). Однако большинство вышперечисленных причин оказало реальное воздействие на судьбы тех или иных степных держав. Правда, сравнительно-исторический анализ показывает, что нередко влияние на гибель кочевых империй оказывало не одно, а сразу несколько обстоятельств. Беда, как правило, не приходит одна. Внутренние усобицы могли сопровождаться как локальными экологическими катастрофами (хунну, уйгуры), так и нашествиями врагов (жужани, уйгуры).

В то же время имелись причины, которые потенциально способствовали структурной неустойчивости кочевых империй: 1) внешние источники поступления прибавочного продукта, которые объединяли экономически независимые племена в единую имперскую конфедерацию; 2) мобильность и вооруженность кочевников, вынуждавшие верховную власть империй балансировать в поисках консенсуса между различными политическими группами; 3) специфическая «удельно-лестничная» система наследования власти, согласно которой каждый из представителей правящего линиджа, рожденный одной из главных жен хана, имел право в соответствии с очередью по возрасту на повышение административного статуса, в том числе и на занятие престола; 4) полигамия в среде высшей элиты кочевников (у Чингис-хана, например, было около 500 жен и наложниц и множество сыновей от них; у Джучи 114 сыновей, у Хубилая около 50 сыновей и т.д.; один из чингизидов за то, что имел более 100 сыновей, получил шутовское прозвище «сотник»). Даже если теоретически допустить, что «среднестатистический» хан имел, допустим, пять сыновей от главных жен, то при таких же темпах рождаемости у него должно было быть не менее 25 внуков и 125 правнуков. В такой прогрессии уже через 60–70 лет конкуренция за наследство, как правило, должна была привести к кровавым усобицам и в итоге – к гражданской войне с резней большей части конкурентов или распаду улуса.

Проиллюстрируем данный тезис на примере истории кочевой империи Хунну. Как оказалось, перепроизводство элиты в хуннском обществе тесно связано с периодами введения новых пышных титулов, дававшихся тем «королевским» родственникам, которые были лишены возможности занимать те или иные традиционные должности в военно-административной иерархии степной державы. Выделяются несколько периодов наиболее активного введения новых титулов (Крадин 1996: 125–132).

Первый приходится примерно на 100–50 гг. до н.э. В этот промежуток времени возник переизбыток представителей хуннской элиты. Так как все члены знатных кланов не могли быть обеспечены соответствующим их происхождению местом в общественной иерархии, между ними неизбежно возникала острая конкуренция за обладание тем или иным высоким статусом и соответствующими ему материальными благами. Это привело, в конечном счете, к временному распаду Хуннской державы на несколько враждующих между собой объединений и к гражданской войне 58–36 гг. до н.э.

Второй период массового введения новых титулов и должностей начинается с последней трети I в. до н.э. Новый рост представителей высшей элиты кочевников вызвал ужесточение конкуренции за ограниченные ресурсы и привел к распаду Хуннской степной империи в

48 г. до н.э. на Северную и Южную конфедерации. Третье и последнее масштабное появление новых титулов относится уже к постимперскому времени. Оно связано с новым переделом власти в хуннских объединениях.

Подобную закономерность можно проследить и в других кочевых империях. Судьба степной державы часто зависела от того, насколько ее правитель был способен решить все перечисленные выше проблемы, направить энергию своих многочисленных родственников и соратников вовне собственного социума. Если это не удавалось, империя номадов редко переживала три-четыре поколения и оставалась обреченной на забвение, как писал Ибн-Хальдун, «подобно огню в светильнике, когда кончается масло и гаснет светильник».

ЛИТЕРАТУРА

- Бичурин Н.Я. 1950 [1851]. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. М.- Л.: Изд-во АН СССР. Т. I-II.
- Васютин С.А. 1998. *Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии*: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Барнаул.
- Владимиров Б.Я. 1934. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Л.: Изд-во АН СССР.
- Гмыря Л.Б. 1995. *Страна гуннов у Каспийских ворот*. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во.
- Голден П.Б. 1993. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти* / Отв. ред. Н.А.Иванов. М.: 211–233.
- Грум-Гржимайло Г.Е. 1926. *Западная Монголия и Урянхайский край*. Т. 2. *Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии*. Л.
- Гумилев Л.Н. 1989. *Этногенез и биосфера земли*. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Гумилев Л.Н. 1993. *Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации*. М.: Экопрос.
- Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Князев А.В. 1989. *История степных экосистем Монгольской Народной Республики*. М.: Наука.
- Иванов И.В., Васильев И.Б. 1995. *Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене*. М.: Интеллект.
- Коган Л.С. 1981. *Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе (на примере дореволюционного Казахстана)*: Автореф. дисс. ...канд. экон. наук. М.
- Крадин Н.Н. 1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н.Н. 1995а. *Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии. Цивилизации*. Вып. 3. М.: 164–179.
- Крадин Н.Н. 1995б. Трансформация политической системы от вождества к государству: монгольский пример, 1180(?)–1206 // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н.Н.Крадин и В.А.Лыньша. Владивосток: 188–198.
- Крадин Н.Н. 1996. *Империя Хунну*. Владивосток: Дальнаука.
- Кычанов Е.И. 1997. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. М.: Вост. лит-ра.
- Любавский М.К. 1996. *Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века*. М.: Изд-во МГУ.

- Марков Г.Е. 1976. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. М.: Изд-во МГУ.
- Марков Г.Е. 1998. Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории. *Восток*. № 6: 110–123.
- Масанов Н.Э. 1995. *Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества)*. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт.
- Павленко Ю.В. 1989. *Раннеклассовые общества (генезис и пути развития)*. Киев: Наукова думка.
- Першиц А.И. 1976. Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // *Становление классов и государства* / Отв. ред. А.И.Першиц. М.: 280–313.
- Плано Карпини Дж. 1957. История Монгалов // *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука* / Отв. ред. Н.П.Шастина М.: 23–83.
- Плетнева С.А. 1982. *Кочевники средневековья*. М.: Наука.
- Покотилов Д.И. 1893. *История Восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по китайским источникам)*. СПб.
- Попов А.В. 1986. Теория «кочевого феодализма» академика Б.Я.Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников // *Mongolica. Памяти академика Б.Я.Владимирцова 1884–1931*. М.: 183–193.
- Прокопий Кесарийский. 1993. *Война с персами. Война с вандалами. Тайная история*. М.: Наука.
- Рашид ад-Дин. 1946. *Сборник летописей*. М.- Л.: Изд-во АН СССР. Т. III.
- Рашид ад-Дин. 1952аб. *Сборник летописей*. М.- Л.: Изд-во АН СССР. Т. I, кн. 1–2.
- Рашид ад-Дин. 1960. *Сборник летописей*. Т. II. М.- Л.: Изд-во АН СССР.
- Рубрук Г. 1957. Путешествие в восточные страны // *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука* / Отв.ред. Н.П.Шастина. М.: 85–194.
- Козин С.А. 1990 (перев.). *Сокровенное сказание монголов*. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во.
- Скрынникова Т.Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. М.: Вост. лит-ра.
- Страбон 1994. *География*. М.: Ладомир.
- Таскин В.С. 1984 (перев.). *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху* / Введ., перевод и коммент. В.С.Таскина. М.: Наука.
- Толыбеков С.Е. 1971. *Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ*. Алма-Ата: Наука.
- Трепавлов В.В. 1995. Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н.Н.Крадин и В.А.-Лынша. Владивосток: 199–208.
- Фурсов А.И. 1988. Нашествия кочевников и проблема отставания Востока // *Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций на Востоке*. М.: 182–185. Т. 1.
- Фурсов А.И. 1995. Восток, Запад, капитализм // *Капитализм на Востоке во второй половине XX века* / Отв. ред. В.Г.Растянников. М.: 16–133.
- Хазанов А.М. 1975. *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. М.: Наука.
- Халиль Исмаил. 1983. *Исследование хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 50–80 гг.*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Ясперс К. 1991. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат.
- Abu-Lughod J. 1989. *Before European hegemony: The World-System A.D. 1250–1350*. N. Y.
- Vacon E. 1958. *Obok. A Study of Social Structure of Eurasia*. N. Y.
- Barfield T. 1981. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // *Journal of Asian Studies*. Vol. 41. №1: 45–61.

- Barfield T.** 1992. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell (First published in 1989).
- Biraben J.-N.** 1979. Essai sur l'évolution du nombre des hommes // *Population*. Vol. 34. № 1: 13–24.
- Bonte P.** 1990. French Marxist Perspectives on Nomadic Societies // *Nomads in a Changing World* / Ed. by C.Salzman and J.G.Galaty. Naples: 49–101.
- Carneiro R.** 1992. The Calusa and the Powhatan, Native Chiefdoms of North America // *Reviews in Anthropology*. Vol. 21: 27–38.
- Cohen R., Service E.** 1978 (eds.). *The Origin of the State* // Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.** 1978 (eds.). *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.** 1981 (eds.). *The Study of the State*. The Hague etc.: Brill.
- Eisenstadt S.** 1963. *The Political Systems of Empires*. N.Y.
- Fletcher J.** 1986. The Mongols: ecological and social perspectives // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 46. № 1: 11–50.
- Fried M.** 1967. *The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology*. N.Y.: Columbia University press.
- Gailey C., Patterson T.** 1988 (eds.). *Power Relations and State Formation*. Washington, D.C.
- Gellner E.** 1988. *State and Society in Soviet Thought*. Oxford: Oxford University Press.
- Grousset R.** *L'empire des steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan*. Paris.
- Haas J.** 1982. *The Evolution of the Prehistoric State*. N.Y.: Columbia University Press.
- Irons W.** 1979. Political Stratification Among Pastoral Nomads // *Pastoral Production and Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Johnson A.W., Earle T.** 1987. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Groups to Agrarian State*. Stanford (Cal.): Stanford University Press.
- Khazanov A.M.** 1981. The early state among the Eurasian nomads // *The Study of the State* / Ed. by H.J.M.Claessen and P.Skalnik. The Hague etc.: 156–173.
- Khazanov A.M.** 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University press.
- Khazanov A.M.** 1994. *Nomads and the Outside World*. 2nd ed. Madison, WI: University of Wisconsin press.
- Krader L.** 1963. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague: Mouton.
- Lattimore O.** 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. N. Y.-L.
- Maenchen-Helfen O.** 1973. *The World of the Huns*. Los Angeles and London.
- Pritsak O.** 1954. Die 24 Ta-ch'en: Studie zur Geschichte des Verwaltungsaufbaus der Hsiung-nu Reiche // *Oriens Extremus*. Vol. 1: 178–202.
- Service E.** 1975. *Origins of the State and Civilization*. N.Y.: Norton.
- Thapar R.** 1981. The State as Empire // *The Study of the State* / Ed. by H.J.M.Claessen and P.Skalnik. The Hague: 409–426.
- Toynbee A.** 1934. *A Study of History*. Vol.III. L.: Oxford University Press.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕЧЕНЕГОВ

А. В. Марей

Печенеги – кочевой тюркоязычный народ, родственник огузам, в VI – VIII вв. кочевал в долине средней Сырдарьи, в области, именуемой Канг (Golden 1990: 270). Предположительно отсюда и появилось их самоназвание – кангар, упомянутое у Константина Багрянородного (1991: 159). В начале VIII века после разделения Тюркского каганата кангар были союзниками восточных тюрков в борьбе против западных (Кляшторный 1964: 164). Во второй половине VIII в. печенеги под натиском торков-огузов сменили место своих кочевий и перебрались в междуречье «Ати-ла и Геиха» (Константин Багрянородный 1991: 155), идентифицированное советскими историками как междуречье Волги – Урала – Эмбы. В первой половине IX в. соединенные силы огузов и Хазарского каганата выбили печенегов и оттуда, и в 915 г. печенеги впервые появляются на границах Киевской Руси. Кочевья первого крыла печенегов граничили с кочевьями торков, землями аланов, Хазарского каганата и византийской фемой Климаты, а второе крыло расположилось около границ Булгарии, Венгрии, Киевской Руси и подплатежных ей местностей, в области, именуемой Ателькузу (Константин Багрянородный 1991: 155). Здесь, в приднепровских степях и в Подунавье, им удалось задержаться до следующего серьезного натиска торков – до середины XI в. Во второй половине XI в. (1048–1091) печенеги под натиском торков ведут ожесточенные войны с Византией, и только в 1091 г. императору Алексею Комнину, объединив свои силы с половцами, удается окончательно разбить печенегов (Анна Комнина 1996: 240–243; Georgius Cedrenus 1647: 783), после чего те теряют свое значение и уступают место другим более сильным кочевым народам – торкам, половцам, монголам.

Самое раннее известное нам описание социально-политической структуры печенежских обществ принадлежит перу Константина Багрянородного (1991). Его трактат содержит много сведений о печенегах, современных Константину, т.е. относящихся ко второй трети X в.

По его свидетельству, печенеги делились на восемь колен (фем), возглавлявшихся архонтами, т.е. князьями. Каждая фема в свою очередь делилась на пять меньших частей, главы которых подчинялись главному архонту. В источниках отсутствует информация, характеризующая эти меньшие части, однако берем на себя смелость предположить, что речь идет о родах. Верховной властью в феме обладали представители какого-либо одного рода (очевидно, самого богатого или древнего – А. М.), наследовавшие власть по линии «кузен – кузен»:

«...чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и не становится архонтом» (Константин Багрянородный 1991: 155).

Фемы делились на пять частей (по-видимому – родов) каждая. Возглавляли фемы верховные вожди, которым подчинялись «меньшие вожди», то есть, главы родов. Верховная власть внутри фемы принадлежала людям из одного рода и передавалась по наследству в пределах этого рода по линии двоюродных братьев и их сыновей (Константин Багрянородный 1991: 155).

У нас нет данных, по которым можно было бы сказать, что главы фем назначались верховными правителями всей печенежской конфедерации, поэтому, скорее всего, они выбирались внутри фемы, а точнее – внутри главенствующего в феме рода.

Отмечено наличие у печенегов народного собрания – «коменты» (Анна Комнина 1996: 208; Georgius Cedrenus 1647: 779), – но его власть была невелика, и наиболее важные решения принимались вождями (Кочин 1936: 7; Georgius Cedrenus 1647: 779)

Чем являлись печенежские фемы – племенем или структурой типа вождества? Исходя из определения вождества как «иерархически организованной системы управления, в которой народ отстранен от власти» (Крадин 1995; см. также гл. 2 данной монографии), и основываясь на таких фактах, как четко выработанный порядок наследования власти, закрепление властных полномочий за одним конкретным родом, наличие единого правителя – «архонта» фемы, падение влияния коменты по сравнению с влиянием вождя, можно определенно сделать вывод, что печенежские фемы представляли собой вождество.

Высшей властью в конфедерации, по-видимому, обладали лидеры фем Хавуксингила, Иавдиертим и Куарцикур. Данных о наличии у печенегов зачатков бюрократического аппарата у нас нет.

Касаясь вопроса о функциях власти, можно относительно четко выделить круг вопросов, решавшихся на уровне вождей конфедерации. К таким можно отнести выработку основных принципов поведения конфедерации по отношению к своим соседям, своеобразной «внешне-политической доктрины», обговаривание дат больших походов

(Georgius Cedrenus 1647: 776) и вопросы, касающиеся религиозной сферы (Кочин 1936: 76). К проблемам, решавшимся на уровне вождя фемы, относились, по всей видимости, решения о мелких одиночных набегах, вопросы о наемничестве печенегов на службу к русам, византийцам или болгарам, а также о внешней торговле данной конкретной фемы.

В функции вождей всех уровней входило и вымогание возможного максимума подарков, преимущественно от Византии (Константин Багрянородный 1991: 41) с целью последующей раздачи их своим приближенным и повышения таким образом своего социального престижа. В трактате Константина Багрянородного перечислен примерный перечень подарков, которых требовали печенеги. Он по своему составу весьма близок к подаркам, вымогавшимся хунну у китайцев (Крадин 1996): в него входили «*влаттии* (драгоценные шелковые ткани, пурпур. – А.М.), *прандши* (ленты, платки и прочий мелкий галантерейный товар), *харериш* (вид шелковой персидской ткани), пояса, перец, алые кожи парфянские и другие предметы, требуемые ими...» (Константин Багрянородный 1991: 41).

Наличие института наемничества печенегов на службу к соседним земледельческим государствам (Константин Багрянородный 1991; ПСРЛ Т.1, 2), а также активное выпрашивание печенегами подарков у византийцев утверждает нас во мнении, что форму социально-политической организации печенегов корректнее называть не кочевой империей, а конфедерацией кочевых племен (или составным вождеством, в зависимости от наличия или отсутствия сильного вождя), находившейся в положении «мягкого буфера» между Византией и Киевской Русью.

Восемь фем делились на два крыла, образуя, таким образом, дуальную организацию, характерную для потестарно-политических организаций восточных тюрков (Golden 1990: 271). Для того чтобы выяснить, какое крыло превалировало, проанализируем названия фем и их географическое расположение.

«...Название первой фемы Иртим, второй – Цур, третьей – Ги́ла, четвертой – Кулпей, пятой – Харавои, шестой – Талмат, седьмой – Хопон, восьмой – Цопон» (Константин Багрянородный 1991: 155).

Названия эти имеют реальную тюркскую основу и переведены на русский язык Н.А.Баскаковым (Баскаков 1960: 87). Для облегчения восприятия мы свели перевод этих названий в следующую таблицу.

На основе переведенных названий можно предположить, что к фемам Хавуксингила и Куэрцицур принадлежали высокие должностные лица, почитаемые печенегами. Восемь печенежских фем были разделены на две равные группы, имевшие фиксированные районы кочевания: «...Четыре рода пачинакитов, а именно: фема Куарцицур, фема Сирукалпей, фема Вороталмат и фема Вулацопон, - расположены по ту сторону реки Днепра, по направлению к краям более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона.... Остальные же четы-

Таблица

Название, приводимое Константином Багрянородным	Полное название фемы	Тюркская основа названия	Перевод Н.А.Баскакова
Иртим	Иавдиертим	Йабды Эртим	«Отличающееся заслугами»
Цур	Куэрцикур	Куэрчи Чур	«Голубой чур» (чур – высокое должностное лицо)
Ги́ла	Хавуксинги́ла	Кабукшин Йула	«Йула цвета древесной коры» (Йула – должностное лицо с очень высоким титулом)
Кулпей	Сирукалпей	Суру Кулбэй	«Серый кулбэй» (кул – часть имени или титула; бэй – господин)
Харавои	–	Кара Бэй	«Черный господин»
Талмат	Вороталмат	Боро Толмач	«Темный переводчик»
Хопон	Гиазихопон	Йазы Копон	Йазы – имя собственное; копон – титул
Цопон	Вулацопон	Була Чопон	Була – имя собственное; чопон – пастух

ре рода располагаются по сю сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям, а именно: фема Гиазихопон соседит с Булгарией, фема Нижней Гилы соседит с Туркией, фема Харавои соседит с Россией, а фема Иавдиертим соседит с подплатежными стране России местностями...» (Константин Багрянородный 1991: 157).

Заметим также, что в каждой из групп находится по одной феме, к которой принадлежит какое-либо высшее должностное лицо – это фема Куэрцикур в «северо-восточной» группе и фема Хавуксинги́ла в «северо-западной» группе. Поскольку в источниках нет прямых указаний на какую бы то ни было внутреннюю субординацию среди вождей всех восьми фем, мы можем предположить, что верховные вожди двух названных фем занимали главенствующее положение среди остальных вождей и могли оказывать влияние на их деятельность.

Следует отметить еще одну фему «северо-западной» группы – Иавдиертим, – название которой, напомним, переводится как «отличающиеся заслугами» (Баскаков 1960: 87). По-видимому, это были наиболее искусные воины, и можно предположить, что ее вождь также пользовался авторитетом среди своих соплеменников и вождей других фем.

Есть и еще один момент, выделяющий три выбранные фемы из остальных и позволяющий предположить их руководящую роль в печенежском обществе – «пачинакиты называются также кангар, но не все, народ трех фем: Иавдиертим, Куарцицур и Хавуксингила, как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар» (Константин Багрянородный 1991: 159). Эти же три фемы выделил в своей работе и П.Голден, предположивший, исходя из них, наличие у печенегов «некоей центральной организации нестабильной племенной конфедерации» (Golden 1990: 271).

Однако нам представляется, что на основе имеющихся у нас данных мы можем говорить о более сложных формах общественно-политической организации печенегов, т.е. о составном вожестве. В доказательство этого тезиса приведем уже упоминавшееся наличие у печенегов четкого порядка престолонаследия, пятерично десятичную организацию войска, характерную для кочевников вообще и для кочевых племен тюрско-монгольской группы в частности и проявляющуюся в данном случае в делении каждой фемы на пять меньших частей, существование административного деления подвластных территорий на единицы, весьма напоминающие позднейшие улусы Золотой Орды (Кочин 1936: 76). Также можно предположить на основе четкого порядка наследования власти и существования самого понятия высших (а значит, и низших) должностных лиц начало процесса отделения правящей элиты от остального племени и превращения ее в замкнутое сословие. Подтверждением последнего тезиса может служить фрагмент из письма архиепископа Бруно императору Генриху II, в котором прямо указывается на существование у печенегов сословного разделения: «...объехали три части их страны, до четвертой же не могли дойти, но и из нее *важнейшие обитатели прислали к нам своих поверенных*» (Кочин 1936: 76; курсив мой – А. М.).

Что представляло собой объединение фем печенегов? Можем ли мы говорить о наличии у них такой сложной формы социально-политической организации, какой является «кочевая империя»?

Н.Н.Крадин определяет кочевую империю как занимающую большое пространство сложную общественную систему, в состав которой входят кочевое ядро, имеющее форму «военно-иерархической пирамидальной структуры при сравнительно неразвитой внутренней эксплуатации», и зависимая территория, в которую могли входить как земельные, так и другие народы, эксплуатирующиеся, как правило, посредством различных форм экзоплокации (Крадин 1992: 168).

С одной стороны, хочется сказать, что печенеги отчасти удовлетворяют этому определению. Их владения не воспринимались современниками иначе как «страна печенегов» (Кочин 1936: 76; Новосельцев 1965: 387–390), причем больших размеров; в течение двух веков печене-

ги тревожили набегами земли Руси, Болгарии, Византии. Сам император Византии рекомендовал своему наследнику всячески задабривать печенегов подарками и нанимать их на службу (Константин Багрянородный, 1991: 43). С другой стороны, территория печенегов не была столь велика, как земли, подвластные, например, монголам при Чингис-хане, а их набеги не отличались такой регулярностью и не давали таких результатов, как набеги хунну на Китай, по причине малости расстояний и хорошо организованной обороны Византии и Руси. Есть и еще одно соображение не в пользу определения печенегов как кочевой империи. В арабском географическом сочинении «Худуд-ал-алам» (сведения заимствованы из статьи П. Голдена [Golden 1990]) для печенежского правителя использован титул «mihtar» («князь» или «господин» (Golden 1990)), а не «khagan» – титул, прекрасно известный арабам и обозначающий правителя каганата, «кочевой империи» (Golden 1990: 273). Поэтому все же корректнее будет определить социально-политическую структуру печенежских обществ как составное или сложное вожжество.

На основании сказанного можно допустить существование у печенегов объединения, например, конфедерации восьми вожеств или сложного вожества, т.е. «нескольких простых вожеств, объединенных на правах полуавтономных или региональных вассальных подразделений, которые подчинены администрации главного вождя чифдом» (Крадин 1992).

Правда, возникает одна проблема – для сложных вожеств весьма характерно наличие фиксированной ставки вождя. Была ли такая ставка у печенегов – вопрос загадочный и непонятный. С одной стороны, археологией не найдено, как было уже сказано, ни зимовищ печенегов, ни ставок их вождей. С другой стороны, у нас есть свидетельство архиепископа Бруно, который пишет о своем пребывании «в главном стане Печенегов» (речь идет о «северо-западном» крыле):

«Было воскресенье, когда нас препроводили в главный стан Печенегов. Нам назначена была особая ставка, и мы должны были там жить до тех пор, пока весь народ, оповещенный через нарочитых гонцов, не соберется на совет» (Кочин 1936: 76).

Более того, Бруно пишет, что народ на совет собрался через неделю и, по-видимому, там были представители всех четырех фем, так как в итоге совета вожди разрешили архиепископу проповедовать христианство во всех четырех печенежских областях. Факт сбора народа свидетельствует о том, что люди знали, куда ехать. Значит, «главный стан» был зафиксирован в определенном месте на определенное время или, возможно, кочевал в каких-то весьма узко ограниченных территориальных пределах (Кочин 1936: 76).

По нашему мнению, есть больше оснований доверять Бруно, чем археологам, поскольку остается возможность того, что ставка печенежских вождей еще не найдена. Впрочем, если это было сезонное место пребывания кочевников, то шансов найти его ничтожно мало.

Возникает, правда, еще одна проблема. Мы можем определить печенежское общество как сложное вождество, но из источников нам известно только одно имя верховного вождя этого вождества (Тирах см.: Georgius Cedrenus 1647: 776). Это, по меньшей мере, странно и позволяет предположить, что либо печенеги не играли столь уж значительной роли в истории той же Византии, либо руководство этим социальным организмом зачастую носило «корпоративный» характер, что отчасти подтверждается материалами письма архиепископа Бруно (Кочин 1936), который употребляет слово «старейшины» исключительно во множественном числе. Из этого следует, по нашему мнению, что мы имеем дело с племенной конфедерацией, весьма близкой по структуре к сложному вождеству, способной «перетекать» в него при появлении способного и талантливому вождя (какими были, например, Тирах и Кеген, Georgius Cedrenus 1647: 776). Более углубленный анализ социально-политической организации и структуры власти в печенежском обществе – задача будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Анна Комнина. 1996. *Алексиада* / Вступ. ст., коммент. Я. Н. Любарского. СПб.: Алетейя.
- Баскаков Н. А. 1960. *Тюркские языки*. М.: Изд-во вост. лит-ры
- Кляшторный С. Г. 1964. *Древнетюркские рунические памятники*. М.: Наука.
- Константин Багрянородный. 1991. *Об управлении империей* / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. Изд. 2-е испр. М.: Наука.
- Кочин Г. Е. (ред) 1936. *Памятники истории Киевского государства IX–XII вв.*: Сб. документов. Л.: Соцэкгиз.
- Крадин Н. Н. 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Изд. фирма «Восточная литература»: 11–61.
- Крадин Н. Н. 1996. *Империя Хунну*. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н. Н. 1992. *Кочевые общества (проблемы формационной характеристики)*. Владивосток: Дальнаука.
- Новосельцев А. П. 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Древнерусское государство и его международное значение* / Отв. ред. В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. М.: Наука: 355–420.
- ПСРЛ. 1997. *Полное собрание русских летописей* М.: Языки русской культуры. Т. 1 (Лаврентьевская летопись).
- ПСРЛ. 1998. *Полное собрание русских летописей* М.: Языки русской культуры. Т. 2 (Ипатьевская летопись).
- Georgius Cedrenus. 1647. *Georgii Cedreni Compendium historiarum a mundo condito et excerpta ex breviario historico Ioannis Scylitzae curopalatael ex versione Guillelmi Xylandry cum eiusdem annotationibus...* Paris: Typographia Regia.
- Golden P. B. 1990. The Peoples of the South Russian Steppes // *The Cambridge History of Early Inner Asia* / Ed. by D.Sinor. Cambridge: Cambridge University Press: 256–285.

МОНГОЛЬСКОЕ КОЧЕВОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРИОДА ИМПЕРИИ

Т. Д. Скрынникова

До сих пор остается нерешенным вопрос о наличии или отсутствии у монголов государства, причем эта проблема является спорной не только для монголоведения, но и для всего кочевниковедения в целом (Крадин 1992). Выявление внутреннего механизма развития монгольского общества, важное само по себе, также может способствовать решению проблем типологии средневековых кочевых обществ. Обращение к монгольскому материалу при решении проблемы государственности в империях кочевников может быть продуктивным, поскольку как никакой другой он сохранился в письменных источниках, зачастую принадлежащих своему времени или составленных вскоре после события, в них зафиксированного.

Мне представляется необходимым ставить проблему в двух плоскостях: во-первых, о наличии или отсутствии государственности собственно монголов, т.е. монгольской государственности, и во-вторых, о государственности Монгольской империи. Второе предполагает наличие черт государства (определенной территории, налоговой системы, административного аппарата для осуществления функций руководства и управления), имеющих экзополитарные формы, так как они должны быть направлены на эксплуатацию населения более развитых обществ, по сравнению с кочевниками, – завоеванных земледельческих государств. Но это является предметом специального исследования. Задача данной публикации – описать характер социальной организации и структуры собственно монгольского общества в период наивысшей политической активности.

Различия в определении характера монгольского общества (государство, может быть, первоначального типа, или союз племен) лежат в разных подходах к интерпретации термина “улус”, отражавшего уровень этносоциальной организации. Необходимо также отметить, что большая часть исследователей-теоретиков при изучении монгольского общества пользуется при анализе его структуры переводами текста

“Сокровенного сказания” на европейские языки, что, несомненно, вносит дополнительные ошибки в интерпретацию терминов. Для изучения реальной картины мною были выделены термины социальной организации монгольского общества внутри монгольского текста и характер взаимоотношений между единицами, ими обозначаемыми, определен как иерархический.

Наибольшее значение имел род (*обок*), принадлежность к которому определялась характером кровнородственных связей, выражаемых через термин *урук*. Группа людей, обозначаемая этим термином, может быть как в составе рода (*обок*), так и выделяться из него, образуя новый род, т.е. в данном контексте *урук* и *обок* выступают синонимами. Как часть рода первый означает *линидж* и именно в этом значении чаще всего употребляется в тексте “Сокровенного сказания”. Необходимо быть кровным родственником – *уруком*, чтобы иметь право участвовать в родовом жертвоприношении в месте захоронения последов (*ихэсийн газар*). Выполнение обрядов родового культа только членами рода – первая функция рода.

Второй функцией рода у монголов рассматриваемого периода безусловно являлось соблюдение экзогамии. Кроме формы обязательно брака, выраженного формулой “*анда – худа*” и характерной для дочингисовой эпохи, появилась и новая форма, нарушающая дуальность, когда жены стали братья и из других родов. Но нарушение дуальности, расширение брачных связей не снимало требования родовой экзогамии – запрещения брака внутри рода. “Сокровенное сказание” демонстрирует как изменение структуры монгольского общества, так и сохранение функции рода, прежде всего маркировки патрилинейного кровного родства термином *урук*.

В “Сокровенном сказании” прослеживается также связь понятий *обок* и *иргэн*. Она выражается в том, что род становится основой иной социальной единицы, которая принимает от рода наименование. Эта новая этническая общность обозначается в источнике терминами *иргэн*, *улус* или *улус иргэн*, которые выступают как синонимы. Употребление двух слов разных языков (тюркского – *улус*, тунгусо-маньчжурского – *иргэн*) в одинаковом значении объясняется многокомпонентностью монгольского этноса, находившегося в рассматриваемый период в стадии активного этногенеза. В монгольском источнике термином *иргэн* обозначаются, например, татары вообще и отдельные группы татар; монголы и кияты, являвшиеся частью монголов; вообще лесные народы и туматы, составлявшие их часть; унгираты и олхонуты (последние выделились из первых). Все это свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с явлением типологическим,

характерным и для других народов. Например, в византийских источниках термином *этнос* обозначалась общая масса гуннов и ее части – авары, сабиры. Геродот называл этносами всех скифов и отдельные народы, проживавшие в Скифии.

Социальный организм, обозначаемый монгольскими терминами *иргэн* и *улус*, не представлял собой государственного образования. Оба термина были идентичны термину *этнос*, обозначающему “народ, люди, племя”. Исследование терминов *иргэн* и *улус*, которые использовались как в этническом ([монгольский] народ = [монголы]), так и в потестарном (племя [монголов]) смыслах, показало, что для монгольского общества рассматриваемого периода характерно совпадение потестарного и этнического сознания, что свидетельствует о нерасчлененности общественного сознания и доклассовом характере монгольского общества. Доказательством совмещения этнического и потестарного сознания является не только многозначность указанных терминов (народ, люди, племя), но и частичное совпадение их со значением содержания термина *обок*.

Можно представить иерархию таксонов: *урук* (линидж) – *обок* (род) – *иргэн улус* (племя). При этом один этноним мог употребляться с каждым из таксонов, обозначавших уровень социальной организации, и таким образом превращаться в политоним, поскольку совокупность родов из этнической языково-культурной общности становилась также консолидированной социально-потестарной организацией – племенем как этносоциальной общностью, наименование которому давал правящий род. *Урук*, выступавший в качестве линиджа на уровне конического клана, мог, в свою очередь, равняться роду и, выделившись из основного рода, становиться самостоятельным родом.

Зависимость между феноменами, обозначаемыми этими терминами, следующая: *урук* отмечает патрилинейное родство, следовательно, может быть обозначен как абсолютно гомогенная структура; *обок* – монгольский род, фиксировал кровное родство по мужской линии, т.е. был как будто гомогенным, но уже включал лиц, вошедших в него, например, путем брака, т.е. гомогенность нарушалась. Оба эти термина отмечали прежде всего этнокультурную общность.

Термины *иргэн* и *улус* фиксировали социально-потестарную общность гетерогенного характера, аристократией которой являлся правящий род, чей этноним стал политонимом, обозначали крупные этносоциальные объединения, причем акцент делался на людях. Границы объединений, обозначаемых как *иргэн улус*, определялись не границами территорий, хотя последние и были достаточно определенными, а фиксировались кругом лиц, возглавлявших отдельные его

части. Личное членство в данной общности фиксировалось в генеалогии. Причем то, что оно могло быть не фактическим, а фиктивным, только подтверждает ее актуальность. Внутри одного конического клана отношения “господства – подчинения” маркировались местом лидеров этносоциальных объединений в генеалогической таблице, причем особое значение внутри клана придавалось его старшему и младшему представителям, которые выделялись терминологически: старший – *бэхи* и младший – *отчигин*.

При нерасчлененности общественной жизни сама социальная структура общества определяла характер организации, поскольку состояла из таксонов, иерархически дифференцированных, когда роли каждой социальной единицы в обществе были детерминированы. Кровно-родственная связь являлась основным критерием потестарно-политической организации не только по вертикали (иерархия таксонов), но и по горизонтали, т.е. определяла взаимоотношения разных этносоциальных объединений одного уровня. Характерные для потестарного общества формы отношений – формы социально-потестарной организации монголов рассматриваемого периода, которые выражались терминами *анда*, “отец – сын”, “старший брат – младший брат”, свидетельствуют о том, что это – потестарные институты, прежде всего, а не политическая организация, поскольку отношения между этносоциальными организмами регулировались терминами кровного родства, которые маркировали социальную организацию. Все это позволяет определить монгольское общество как потестарное и предгосударственное.

Отсутствие формализованных институтов власти вне родоплеменных традиций, фиксированного законодательства, налогообложения и органов по сбору налогов (в тексте “*Сокровенного сказания*” отсутствует как термин *алба*, используемый впоследствии для обозначения налога, так и какой-либо иной термин), а также разделение монголов в первую очередь по родовому, а не территориальному признаку позволяет обозначить монгольское общество периода империи как суперсложное вождество (потестарное – предгосударственное и предполитическое, где особенно важную роль играли вожди со своими дружинами и совет лидеров этносоциального объединения – *хурилтай*) – конфедерацию племен.

Верховный правитель объективно способствовал преодолению сопротивления родственных кланов в процессе социальной эволюции. Можно отметить одновременное существование двух тенденций: 1) уничтожение вождей, сопротивлявшихся централизации под властью нового лидера; 2) использование новым лидером в руководстве конфедерацией сложившейся клановой системы и механизмов, обус-

ловленных общинно-родовой традицией, где даже так называемая военная “десятичная” система дублировала родовую, а не отражала реальное число воинов. Если говорить о типологии, то в этот период в монгольском политогенезе наблюдается сочетание: а) военного пути, когда захват власти осуществлялся военными лидерами с участием военной демократии/военной иерархии и дружины, и б) аристократического пути, при котором власть была сосредоточена у племенных вождей (Куббель 1988:134–136). Классификация Л.Е.Куббеля аналогична веберовской идее о харизматической и традиционной формах “господства – подчинения”.

Оба типа властных отношений – традиционный и харизматический – отразились в разделении монгольских правителей на две группы. Первая группа состояла из представителей наследственной аристократии – *бэхи, эбугэн, эчигэ*; вторая – включала в себя лидеров, пришедших к власти благодаря личным заслугам – *хан, багатур, мэргэн, сэцэн* и др. Но между этими двумя группами нет резкой границы, прежде всего потому, что все их представители являлись лидерами, благодаря обладанию харизмой. Различие состояло в том, что представители первой группы получали ее по наследству как старшие рода, имевшие происхождение от предка, избранного Небом; представители же второй только начинали новую линию наследования власти, хотя зачастую были включены в боковые ветви той же генеалогии и являлись потомками основателя рода, но не старшими. В свою очередь они тоже закрепляли свое право традиционным путем, через генеалогию, и, таким образом, в обосновании права на власть использовались оба типа “господства – подчинения”: традиционный и харизматический.

Особое место в военной иерархии занимал обладатель титула *хан*. Титул, являясь поначалу, в эпоху нестабильности и активной этнопопестарной перестройки, маркером верховной власти в конфедерации, определяемой избранием верховного главы на совете лидеров, с закреплением власти за одним родом (Чингисхана) становится наследственным и приобретает династийный характер – правление потомков Чингисхана сохранялось в монгольском обществе вплоть до XX в. При этом закрепленное за ними право на власть подтверждается генеалогией, которая могла быть и фиктивной, как, например, у Даянхана, возглавлявшего монголов в XV в. в период усиления их роли на исторической арене после длительного “темного” периода. Принадлежность к роду Чингисхана (“золотому роду”) определялась не только передачей верховной власти в конфедерации по примогенитурному признаку с наследованием титула *хан/хаган*, но и маркировкой его представителей вплоть до XX в. титулом *тайчжу*.

Большую роль в управлении монгольским обществом играл совет – *хурилтай*. Уже в XII в. он представлял собой собрание глав конфедерации на надплеменном уровне и созывался, прежде всего, для избрания верховного лидера, роль которого особенно возрастала с расширением завоевательной деятельности. С усилением власти Чингисхана, а впоследствии его потомков *хурилтай* приобрел характер семейного совета с участием ближайшего окружения, состоящего из военных сподвижников – *нукеров* (дружинники). Совет собирался для интронизации очередного претендента или для определения направления очередного похода. *Хурилтаем* же назывались ежегодные собрания представителей правящего рода (и всего конического клана) для проведения необходимых новогодних обрядов. Вождь выделялся из общества как человек, олицетворявший в себе связь этого общества с землей обитания и предками, которые обеспечивали его благополучие и процветание. Именно поэтому большой интерес представляет изучение места лидера в ритуальной жизни социума.

Необходимо отметить, что ритуалы были двух видов: стабилизирующего характера (ритуалы начала) и ритуалы по исправлению недостатков. Если последние всегда проводил шаман (черный), то исполнителями первых – центральных, социально значимых обрядов – даже в рамках одного этноса могли быть разные лица.

Для монголоязычного мира было и остается характерным разделение на западную и восточную части, отмечаемое еще в I тыс. до н.э., причем границей раздела был Хангай. На западе отмечалась курганная культура с захоронением европеоидов, а на востоке – культура плиточных могил и оленных камней, а также керексуров, носителями которой были монголоиды. Изучение даже современного бытования традиционной культуры монгольских народов показало актуальность этого деления в ритуале и его исполнителях. В восточномонгольской традиции, как и вообще в восточноазиатской, хан сочетает в себе властные и ритуальные функции, т.е. светский лидер является исполнителем центральных, социально значимых обрядов, в отличие от переднеазиатской, где отмечается разделение функций (ср. брахманы, кшатрии, вайшьи). Последнее прослеживается также в западномонгольской и западнобурятской традициях, где ритуальная функция отделена от властной и выполняется белым шаманом. Правитель проводил регулярные ритуалы – интронизацию, новогодний, летний, осенний тайлганы – воспроизводящие центр. Во все упомянутые ритуалы входили обряды, связанные с культами Неба, духов-хозяев местности, знамени, огня,

которые так или иначе имели отношение к культуре предков. Перечисленные выше регулярные обряды носят стабилизирующий характер и являются символическим повторением акта творения, санкционирующим новый порядок.

По монгольским представлениям, правитель, обладающий наивысшей сакральностью, играл цивилизаторскую роль и по отношению ко всему миру. Эта универсальность определялась универсальностью Неба, сыном которого он являлся. Указанная роль реализовывалась в ритуале, две важнейшие стороны которого следует отметить. Во-первых, исполнителем всегда является светский лидер – правитель, старейшина и т.п. – традиционного или харизматического типа. Во-вторых, он всегда проводится в местах или воспринимаемых данным социумом как центр мира (гора, петроглиф, дерево), или моделируемых в качестве такового с помощью специальных атрибутов (втыкаемые деревья, знамя, обо, коновязь и т.п.). В любом случае и естественный, и искусственный центр мира, его сакральность были связаны с культом предков, которые всегда находятся в центре космологической модели мира. Это основывается на представлениях о способности харизмы сохраняться на земле, в социуме и после смерти ее обладателя, быть воплощенной в различные предметы – как в антропоморфные изображения из различных материалов (войлок, металл, камень, дерево), так и в иные ритуальные атрибуты (столб, барабан, знамя, копье, камень).

Одним из монгольских терминов, обозначающих харизму правителя, является *sulde*, которое в монгольских обрядовых текстах называют *temur-un qadaqasun* (“железный столп”) или *toru-yin qadaqasun* (“столп тору”), т.е. центром мира. Учитывая важность понятия *тору* и то, что до сих пор никто не обращал на это внимания, считаю необходимым специально остановиться на его рассмотрении. В “Сокровенном сказании” термин употребляется в следующих случаях:

§ 121. “...для меня, который теперь предрек тебе столь высокий сан” (Козин 1941: 107) (*toru-yi ji' aqsan gu'un-ni nimayi* [De Rachewiltz 1972: 51]. Мой пер.: “Для меня, человека, который проявил для тебя *Высший Закон*”).

§ 178. “Сына ли только забыл я? Правды закон я забыл” (Козин 1941: 136) (*ko'ub-ese'en qaqasaqu-ju toro-dece qaqacaba* [De Rachewiltz 1972:90]). Речь, безусловно, идет о том, что Ван-хан отошел от Высшего Закона.

§ 208. Мой пер.: “Я думаю о *Великом Законе*” (*yeke tore setkiju* [De Rachewiltz 1972: 119]. *Gaqacaqsan ulus qamtutqaqsan-u butaraqsan ulus bugutgelduxsen tusas-u inu toro setkiju...minu uruq bidan-u oro sa'uju ene metu tusa kixsen toro setkiju* [Ibid: 119–120]. Мой пер.: “[Задумываясь о] помощи в объединении разъединенного улуса, раздробленного улуса, я думаю о законе...То, что мой урук сидит на нашем троне – [результат того, что] я думаю о Законе, принесшем эту помощь”).

§ 216. “По Монгольской Правде существует у нас обычай возведения в нойонский сан – беки” (Козин 1941: 166) (*mongqol-un toro noyan mong beki bolqui yosun aju’ui* [De Rachewiltz 1972: 125]. Мой пер.: “Монгольский Закон состоит в том, что путь нойона – стать *бэхи*”). В данном параграфе *yosun* и *toru* являются синонимами.

§ 220. “Но раз вы уверяете, что не посмели причинить зла своему хану, то это значит, что вы памятовали о Законе, о Великой Правде, Ехе-Торе” (Козин 1941: 168) (*tende tus qan-iyen tebcin yadaqsan yosu yeke toro-yi setkiju’ui* [De Rachewiltz 1972: 127]). В этом параграфе *yosun* и *toru* также выступают как синонимы.

§ 263, в котором речь идет о “городских законах (*тору*) Ялавача и Масхута” (Козин 1941: 189).

§ 281. “[Угэдэй говорит]: Признаю вину свою в том, что по неразумной мести погубил человека, который ... опережал всех в исполнении Правды – Торе” (Там же: 199) (*doro kiciegu* [De Rachewiltz 1972: 174]).

Вышеприведенный материал демонстрирует различное значение *toru*. С одной стороны, *toru* является синонимом *yosun* (§ 216, 220), когда оба термина обозначают обычное право. Использование двух разных терминов для выражения одного понятия объясняется теми же причинами, как и в случае с *ulus* и *irgen*. В данном случае *toru* является словом тюркского языка, а *yosun* – тунгусо-маньчжурских. И последнее слово сохраняет за собой значение обычного права. Но *toru*, с другой стороны, имеет иное значение. Можно сказать, что *toru* – это то, что можно знать, ощущать, воспринимать, содержать в себе (*setkiku* – § 208, 220), его можно проявлять для других, т.е. проявлять Высшую Волю (Закон) – *jiqaqu* (§ 121) и стараться в исполнении Высшего Закона – *kiciyegu* (§ 281). Но можно в своей деятельности и отойти от Закона – *qaqasaqu* (§ 178). Таким образом, *toru* – это то, чему человек может следовать в своей деятельности, то, что существует вне его воли, не им создается, а дается ему свыше и им только осознается. Даже хан не творит *toru*, а лишь следует ему, что позволяет обозначить этот феномен как “Высший Закон”.

Представляется, что именно такое значение термина помогает понять существующее в тюркской традиции выражение: “Исчезает государство, [но] сохраняется *тору*” (Трепавлов 1993: 41), и позволяет предположить, что в период правления Чингисхана данным термином обозначался Закон, установленный Небом. В этой связи нельзя не вспомнить, что в древнетюркский период термин использовался для передачи понятия “дхарма” на древнетюркский язык (ДТС: 581). Для данного контекста характерно еще недесакрализованное значение Закона как принципа универсальной равнозначности в микро- и макрокосме, ко-

торый обеспечивает соблюдение порядка, закона и правил, норм, следование которым создает гармонию в Космосе, Природе и Обществе, что характерно для традиционного монгольского общества.

Исполнителем воли Неба на земле является верховный правитель (хан), проводник Закона. Эта связь хана с Высшим Законом, возможно, отразилась в ином написании термина в § 281 “Сокровенного сказания” – дого, созвучного написанию сакрального копыя – атрибута Чингисхана (аналог мирового дерева). Значение термина, появляющееся в § 121, 178, 208, 281, связывается с маркерами центра. “Чингисхан, находящийся в центре Ордосского тумэна (вероятно, речь идет о сакральном центре монголов – Эджэн-Хоро, где хранятся реликвии Чингисхана – Т.С.), стал владыкой множества улусов” (Ordos tumen-iyen toblen sagugsan, Olan ulus-un ejen bolugsan Cinggis-qagan” [Rintchen 1959: 67]).

Изучение ритуальных текстов также подтверждает мое предположение об особом месте *toru* в представлениях монголов о функционировании социума. Прежде всего *toru* связывается с атрибутами, маркирующими центр:

“четыребунчужное черное знамя, ставшее железным столпом – опорой *toru*” (*toru-yin tusiy-e temur-un gadagasun bolugsan ... dorben koltu qar-a tug* [Rintchen 1959: 70]); “четыребунчужное великое знамя (сульдэ, ср. предыдущее “тут” – Т.С.), ставшее столпом (медиатором, в качестве мирового древа – Т.С.) *toru*, ставшее опорой телу ... великое сульдэ (харизма – Т.С.) августейшего владыки (Чингисхана – Т.С.), ставшее опорой *toru*, воплотившееся в девятибунчужном белом знамени (*toru-yin gadagasun bolugsan ... bey-e-yin tusig bolugsan ... dorben koltu yeke qar-a sulde toru-yin tusig bolugsan ... yesun koltu cagan tug-iyen bosqaju...bogda ejen-u yeke sulde* [Ibid: 74]; “августейшая ханша ... – опора *toru*” (*toru-yin tusiy-e ... bogdo qatun* [Ibid : 98]).

На мой взгляд, связь *toru* с четырехбунчужным знаменем в качестве его медиатора подтверждается выражением, до сих пор бытующим в разных этнических группах бурят, о чем мне любезно сообщила Г.Р.Галданова: *sajin gurban koltei toru dorben koltei* (букв. “у религии – три ноги, у *toru* – четыре”), в котором через число определяется превосходство *toru* над религией. Если опорами религии являются Будда, учение, община, то во второй части выражения ясно просматривается аналогия с четырехбунчужным знаменем. В молитве черному знамени “*Qara sulde-yin ocig*” выстраивается синонимический ряд: столп *toru* (*toru-yin gadagasun*) – опора *toru* (*toru-yin tusig*) – великая харизма (*yeke suu jali*) (Ibid: 73–74).

Находясь в сакральном центре социума, *toru* имеет тенденцию к увеличению, росту, расширению. Оно определяется как “обильное счастливое *toru*” (*arbin sayin toru* [Ibid: 87, 102, 106]); “растущее *toru*” (*orgejiku toru* [Ibid: 87, 99, 101, 103, 106]).

Toru было связано непосредственно с правителем, который получал (или принимал) его. В ритуальных текстах упоминается Чингисхан: “Небеснорожденный Чингисхан, получивший *toru* народов мира” (*delekei-yin ulus-un toru-yi abugsan tngriig Cinggis-qagan* (Ibid: 63). Получение *toru* правителем (= Чингисханом) вело к владению тем народом, который возглавлялся побежденным правителем: “Чингисхан ... получив *toru* Ван-хана, стал владеть множеством керейтов и ведать [ими]” (*Ong qagan-u toru-yi abugsan, olan kereyid-i ejelen medegsen Cinggis qagan* (Ibid). Это проистекало из того, что *toru* правителя являлось и *toru* социума: “Чингисхан, ... получивший *toru* найманского Даян-хана, получивший *toru* всего великого улуса” (*Naiman Dayan qagan-u toru-yi abugsan Narmai yeke ulus-un toru-yi abugsan...Cinggis-qagan* (Ibid)).

Таким образом, нарративный материал демонстрирует, что по традиционным представлениям средневековых монголов, выполнение правителем регулирующей функции в социуме обеспечивается его особой связью с *toru* – Высшим Законом, который Небо через него проявляет. Эта форма легитимации может быть названа “сакральным правом” (*a*), регулировавшим отношения “социум – космос”.

Упоминаемая выше синонимичность *toru* и *yosun* позволяет предположить, что эти термины использовались для обозначения нефиксированного обычного права (*b*), которое рассматривалось как то, что соответствовало традициям и обычаям и регулировало отношения внутри социума.

Иногда (см. § 227) с терминами группы *b* связывались термины зарождающегося гражданского права (*a*): “указ (*jasag, jarlig*) согласно прежним обычаям (*toru, yosun*)”. Чаще всего использовался термин *jasag*, известный как “Яса”. Ряд значений термина позволяет определить поле его значений: 1) распоряжаться, управлять; вероятно, сюда включается и судебная сфера, так как для этого периода характерна неразделимость законодательной и исполнительной властей; 2) руководство, управление, правление; 3) распоряжение, указ, приказ. Последнее более других идентично употреблению термина *jarlig*, где “нарушение указа” обозначается как одним, так и другим термином, а также сравнение § 193 и 227 (“доводить до сведения указ/приказ”), где последний выражается через оба термина (подробнее см.: De Rachewiltz 1993). Кажется, дело не в том, что в период Чингисхана зародилась новая форма легитимации (“Яса”). По-прежнему открытым остается вопрос, решение которого пока невозможно: было ли записано все то, что реформировал Чингисхан, в свод законов при его жизни или появлению “Великой Ясы” мы обязаны его ближневосточным потомкам.

Но с уверенностью можно сказать, что этот тип права проистекал из собственной воли светского лидера, и для периода Чингисхана он не являлся сводом законов, выработанным профессионалами на основе сложившейся государственной практики. Все цитируемые сохранившиеся отрывки из “Ясы” касаются частных вопросов. Являясь зачастую письменным напоминанием действующего обычного права, они не определяли основные принципы жизнедеятельности монгольского общества. На мой взгляд, это зарождающееся фиксированное право – указы правителя – начальный этап перехода к гражданскому праву от обычного.

К ним примыкает еще один жанр, который обозначается понятием *слово (uge)* правителя. Например, по *слову* Хабул-хана во главе монголов встал Амбагай-хан (Козин 1941: 84), по *слову* которого ханом стал Хутула (Там же: 85).

Фактическое отсутствие государственной структуры внутри монгольского общества привело к тому, что со смертью основателя монгольской кочевой империи она стала распадаться и вскоре перестала существовать, поскольку и при его жизни отдельные ее части не представляли собой ни экономического, ни политического единства, а социальная общность обуславливалась принадлежностью глав этносоциальных объединений к одному роду, точнее, коническому клану. Описание монгольского социума данного периода показывает, что вопреки утверждениям некоторых исследователей об аморфности монгольского рода, несоответствии его классическому роду, он являлся однородной структурой, состоящей из кровных родственников (женщины, вышедшие замуж, никогда не становились членами рода мужа, не могли участвовать в родовых обрядах). Строгий счет родства был необходим, ибо монгольский род (*обок*) выполнял культовую функцию и функцию брачного регулятора, а также через учет младших и старших *линиджей* обеспечивалась стратификация внутри рода. Отношения “*господства – подчинения*” маркировались через отношения лидеров этносоциальных групп терминами кровного родства (*отец – сын, старший брат – младший брат: анда*) в том случае, когда они не регламентировались генеалогией, т.е. принадлежали к разным кровнородственным группам. Выполнение родом социальной и ритуальной функций обеспечивалось его главой – носителем харизмы рода, находившимся в сакральном центре социума.

Ведущая роль рода в социальной жизни монгольского средневекового общества позволяет считать *ядро* кочевых империй *суперсложным вождеством* (подробнее см.: Скрынникова 1997). При выборе термина для обозначения уровня политической организации я сочла невозмож-

ным использование термина *государство*, поскольку в Монголии не прослеживаются основные признаки, отличающие его от других форм социально-политической организации. Анализ терминов социальной структуры и организации и легитимации в средневековом монгольском обществе продемонстрировал сложности их интерпретации и подтвердил типологические для традиционной культуры проявления: с одной стороны, полисемантичесность терминов, с другой стороны – поливариантность обозначения одного и того же феномена.

ЛИТЕРАТУРА

Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.

Козин С.А. 1941. *Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г.* М.-Л.

Крадин Н.Н. 1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.

Куббель Л.Е. 1988. *Очерки этнографико-политической этнографии*. М.: Наука.

Скрынникова Т.Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингисхана*. М.: Восточная литература.

Трепавлов В.В. 1993. *Государственный строй Монгольской империи XIII в.* М.: Наука.

Rachewiltz I. de. 1972. *Index to the Secret History of the Mongols*. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington. Vol.121.

Rachewiltz I. de. 1993. Some Reflections on Chinggis Qan's *jasag* // *East Asian History*. Canberra, № 6, dec.

Rintchen B. 1959. *Materiaux pour l'etude du chamanisme mongol*. Wiesbaden. T.1.

22

БИЙ МАНГЫТОВ, КОРОНОВАННЫЙ CHIEF: ВОЖДЕСТВА В ИСТОРИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ НОМАДОВ ЗАПАДНОЙ ЕВРАЗИИ¹

В. В. Трепавлов

Для типологии ранних государств и вождеств большое значение имеет определение общественного статуса и функций главы социума, носителя властных полномочий. Собственно, объем этих полномочий является одним из главных критериев при отнесении данного общества к одной из категорий вождеств (простое, составное, сверхсложное) или ранних государств (зачаточное, типичное, переходное). Насколько нам известно, в науке еще не выработана подробная классификация прерогатив и пределов власти правителя в зависимости от типа возглавляемого им общества, хотя в работах А.М.Хазанова, А.Джонсона и Т.Ёрла, Х.Классена начата разработка формальных признаков, которые позволяют различать политические структуры, в том числе, и по принципу полномочий лидера (Claessen and Skalnik 1978; Khazanov 1984; Johnson and Earle 1987).

Мир средневековых кочевников, как правило, оказывался в стороне от подобных исследований неозволюционистского плана. Основное внимание было приковано к потестарным и политическим структурам оседлых обществ Старого и Нового Света. При этом, исходя из обычной логики научного поиска, исследователи конструировали социологические схемы, разрабатывали критерии и градацию различных категорий вождеств и государств. Подразумевалось само собой (но оставалось за скобками для «чистоты эксперимента»), что любой социум является чрезвычайно сложной системой, в которой присутствуют в качестве зачатков, элементов или рудиментов параметры различных стадий общественного развития. В русской научной терминологии феномены подобного рода именуются, как правило, «укладами» – понятие,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект N 97-01-00099а).

прижившееся в социально-экономических исследованиях. Диастадиальные формы социально-политического ряда не имеют столь же общепринятого обозначения. Поэтому пока приходится пользоваться синонимичными характеристиками общего порядка (например: в каждом составном вождестве присутствуют **черты, признаки, элементы, параметры** и т.п. простого вождества).

Эти схоластические, на первый взгляд, замечания имеют принципиальное значение для номадистики. Общеизвестно, что кочевая экономика была нестабильной, зависела от природных изменений и политических катаклизмов. Соответственно и скотоводческим социумам была присуща стадиальная изменчивость. Существует много однотипных примеров вырастания кочевых улусов в могущественные степные державы, впоследствии распавшихся и возвратившихся к исходной стадии кочевого улуса. Уже а priori, до конкретного рассмотрения развития каждого из таких образований, можно предположить, что в организации улуса содержался потенциал для превращения его в кочевую империю. Такой потенциал пребывал в «летаргии», в ожидании подходящих условий.

Данное утверждение верно, очевидно, не только для кочевого общества. Но именно для него наличие черт, признаков, элементов, параметров и т.п. (см. выше) различных стадий развития было гораздо более актуальным, чем для оседлых цивилизаций. Когда совокупность земледельческих общин достигает уровня государственности, то черты предыдущих уровней развития начинают постепенно отмирать за ненадобностью. Общество все жестче конституирует себя на новой стадии и совершенствует свое новое состояние. Следы предшествующей социальной истории понемногу хиреют и исчезают как пережитки. У кочевников же все по-иному. Они, проживая, например, в раннем государстве, не допускают отмирания признаков вождества, поскольку первая же пандемия чумы или вражеская агрессия способны уничтожить их нестабильную (по определению) государственную структуру, и им придется возвращаться на один из предыдущих этапов развития. Дело здесь, конечно, не столько в предусмотрительности степняков, сколько в объективной подготовленности всей их общественной организации к подобным перипетиям.

Таким образом, кочевой мир являл сочетание и сосуществование параметров всевозможных типов вождеств и государства. Исторические обстоятельства на протяжении полутора тысячелетий новой эры неоднократно предлагали жителям евразийских степей выбор одного из них. Яркой иллюстрацией совмещения потенциальных путей развития является статус лидера кочевого социума.

В настоящем очерке мы обратимся к фигуре правителя Ногайской Орды. Судя по многим признакам, это образование представляло собой суперсложный чифдом (Трепавлов 1995: 207). Следовательно, его глава занимал промежуточное положение между предводителем составного вожества (совокупности общин) и монархом. Рассмотрим его положение по основным параметрам: титулатура, соотношение с ногайской аристократией и окрестными правителями, обоснование власти, функции, наследование ранга, имущественное положение.

Титулом ногайского лидера служило понятие «бий». Это поздняя восточно-кипчакская форма общетюркского «бек», которая фиксируется в документах не ранее XV–XVI вв. (Бартольд 1968: 36, 399) наряду с промежуточным вариантом «бик» (Ахметзянов 1991: 67). В тюркских политических образованиях XIV–XVI вв. бек (бий) служил синонимом арабо-персидского «эмир» и монгольского «нойон». Таким образом, данный термин обозначал принадлежность к разряду знати, стоящей рангом ниже династийной, правящей аристократии (которая практиковала титулы «хан», «султан», «оглан», «торе»). Неразвитость социальной градации в кочевых обществах приводила к политисемантичности титулатуры. В разных регионах бий мог означать и родового старейшину (у башкир и казахов [Кузеев 1960: 31, 179; Султанов 1982: 99]), и главу племени, номинально представлявшего это племя при хане (Крымское и Касимовское ханства [Вельяминов-Зернов 1864: 410]), и высшее должностное лицо после хана (Золотая Орда, Узбекское ханство [Усманов 1972: 92]), и просто «начальство в широком смысле» (Бартольд 1968: 502).

В Ногайской Орде у власти стоял род бия Эдиге из племени мангытов. В конце XIV в. Эдиге сумел обосноваться в яйцких степях, а поддержка Тимура, разгромившего Золотую Орду, позволила ему стать фактическим правителем империи Джучидов. Потомки Эдиге стали занимать ведущие военные посты в позднеордынских ханствах и зачастую назначали ханов по своему усмотрению. Уже к середине XV в. преимущественное право мангытской знати на интронизацию государей – Чингисидов расценивалась как традиция и вошло в пословицу у кочевников Дешт-и-Кипчака (Ибрагимов 1969: 104; Aboul-Chazi 1871: 189). К 1480-м годам образовалось *объединение ногаев*, т.е. мангытов и ассоциированных с ними племен, которое принято называть Ногайской Ордой. Все племена Орды первоначально возглавлялись, как обычно, биями, но над всеми ними стоял бий мангытов. Кроме того, существовали «служилые» бии при дворе верховного правителя (Буганов 1984: 39, 40; РГАДА ф. 127, оп.1, д.4: 30 [далее – РГАДА 4: 30]). В этой парадоксальной ситуации, когда сюзерен имеет одинаковый титул с множеством нижестоящих подданных, требовалось искать способы выделить мангытского лидера.

Ногайский нобилитет (мирзы) обращался к главе Орды, используя выражения «бий-хазрат», т.е. «княжое величество», в средневековом русском переводе (РГАДА 1626 г. 1: 60–61). Вероятно, тот же оттенок звучал в обращении крымского хана Менгли-Гирея к бию Мусе в 1492 г. «величеству твоему счастливому» (Карпов 1884: 154). Ногайские послания к соседним государям наиболее наглядно демонстрируют отличие верховного бийства (ногаи называли его «бийлик» – см.: арабский оригинал челобитной мирзы Джан-Мухаммеда царю Михаилу Федоровичу от 10 января 1641 г. [РГАДА 1640 г. 11: 3]). Хотя почти все подобные адресанты сохранились не в оригинале, можно ясно представить себе амплитуду статусных притязаний биев. Достаточно скромная формула «болшово в князех Сид Ахматово княжое слово» в 1535 г. (РГАДА 2: 114) обнаруживает лишь первенство Саид-Ахмеда. Его племянник Урус, занявший престол в 1578 г., именуется уже более определенно: «Мангытцкого государя от Уруса князя» (1578, 1581) (РГАДА 8: 230 об; 10; 86 об.). В данном случае титулатура уже очерчивает территориальные и этнические пределы властвования. «Мангытский» здесь является синонимом «ногайского», так как тот же Урус в 1579 г. заявил русскому послу: «Яз в нагаиской земле князь и государь всеи земле нагаиской» (РГАДА 9: 152 об.). Гораздо претенциознее оказался словесный антураж у бия Исмаила в письме Ивану IV в 1560 г.: «Всем татаром государя от Исмаила князя» (РГАДА 5: 4 об., 190).

Однако ни у самих биев, ни у их русских корреспондентов не было иллюзий насчет реального объема власти в «Ногаях». Самые пышные звания бии присваивали себе в те времена, когда их Орда находилась в относительно стабильном состоянии, была сильна и влиятельна. Апогеем могущества можно считать период «княжения» Саид-Ахмеда и Шейх-Мамаю, т.е. 20–40-е годы XVI в. Шейх-Мамай даже осмелился заимствовать обозначение своего престола баб-и-али у османского султана. В русском переводе грамоты 1548 г. значится: «Высочайшего порога государя и повелителя, от воина от благочестнаго Ших Мамаю князя» (РГАДА 3: 18–18 об.).

Официальным полным титулом правителя Ногайской Орды служило понятие «улубий», равнозначное золотоордынским формулам «амир ал-умара» и «беклярибек», которые не употреблялись в среде ногаев. «Великий князь» (улубий) сопровождается, как правило, в источниках имя беклярибека Эдиге, предка мангыто-ногайских биев (см. например: Приселков 1950: 468; ПСРЛ 1897: 205; 1903: 14; 1911: 425; 1995: 140). «Великим князем» в переводах ногайских документов назван также Саид-Ахмед (РГАДА 2: 16), а сам пост бия – «большое княжение» (РГАДА ф. 123, 13: 168 об.), что полностью соответствует сло-

восочетаниям «улуг беклик», «улу бийлик» и «амир ал-умаралык» (последнее восстановлено Х.Иналджиком по посланию султана бия Юсуфу [Inalcik 1948: 359]). Подобным же образом иногда титуловали главу Ногайской Орды и крымцы (РГАДА 1586 г. 5: 5). Но надо сказать, что в глазах Гиреев ногайский правитель никогда не являлся равновеликим им монархом. Княжеский ранг формально отводил ему место у подножия трона, а не рядом с ним. Бахчисарайская канцелярия многократно подчеркивала, что улубий есть не более чем слуга (*карачи*) крымского хана, причем это распространялось на тех улубиев, с которыми у крымского юрта складывались дружественные отношения (см. например: РГАДА 9: 95 об.). А в 1620 г. хан Джанибек-Гирей попытался в обход русского царя назначить одного из мирз на вакантное место верховного бия и при этом его же «учинил себе... большим своим боярином и добрым к себе другом» (РГАДА 1619 г. 2: 239).

Столь же невысоко ценили ранг улубия и в Турции. Стамбульские депеши к Урусу в 1570–1580 гг. титуловали его всего лишь «бег-мирзой», «хакимом ногаев», «беем, мирзой страны Больших Ногаев» (Bennigsen 1967: 83, 85), а Юсуфа за глаза обозначали и вовсе как «одного из ногайских беев» (Bennigsen, Lemercier-Quelquejau 1972: 226).

Русские государи всегда называли ногайского лидера только князем и, в зависимости от конъюнктуры межгосударственных отношений, то своим братом, то другом, то холопом. До середины XVI в. и в Москве и в столице Ногайской Орды Сарайчуке правили «великие князья». Принципиальным рубежом в ликвидации номинального равенства между ними послужило обретение Иваном Грозным царского достоинства (Трепавлов 1994: 57–58). Рядом с «царями» Казанским, Астраханским, Сибирским и позднее Московским заволжские правители воспринимались не иначе, как только «княжата ногайские» (Курбский 1914: 173, 177), т.е. потомки «великого князя» Эдиге.

Теперь рассмотрим статус улубия внутри Орды. Близкие родственные отношения в недрах правящего клана Эдиге придавали связям между его членами видимость патриархальности. Несмотря на самые разные степени кровного родства с бием, мирзы расценивали его как своего «отца и дядю» (см. например: РГАДА 4: 113, 169, 383). То есть формально он занимал место старшего в роде, родового старейшины, патриарха мангытов. В глазах же соседей он стремился предстать как абсолютный суверен: выше цитировались слова Уруса о том, что он государь всей земли Ногайской; в той же тираде он характеризует мирз как «холопей моих» (РГАДА 9: 152 об.). Но в действительности в распоряжении бия не оказывалось практических средств, чтобы заставить родичей-мирз подчиниться своей воле. В 1611 г. в ответ на предложение

русского правительства послать ногайские войска на помощь против поляков, причем мобилизовать «не всех охотников, иное и неволников» (т.е. обязать силой), бий Иштерек откровенно отвечал, что «у них Орда самовольная... кто захочет, тот и едет, а силою никою послать нельзе» (Богоявленский, Рябинин 1915: 18). Единственное, чем мог угрожать Иштерек в ту пору непокорным мирзам, – это его эмиграция, откочевка «казаком с улусом своим» и призыв на помощь Бога и русской рати (Богоявленский, Рябинин 1915: 21). Мирзы же терпели его властные полномочия «за старость (т.е. старшинство в роде – *В.Т.*) и покаместа он... силен улусными людьми» (РГАДА 1617 г. 1: 48). Как только мирза обзаводился собственным сильным и многолюдным улусом, он начинал проводить независимую политику. Это явление существовало как тенденция в XVI в. и в полной мере обнаружилось в начале XVII столетия, в период распада Ногайской Орды.

Не удивительно, что важнейшие политические вопросы решались бием не единолично, а в совете с самыми могущественными аристократами. К числу таких проблем относились, в частности, общеордынские военные действия, отношения с иностранными монархами, международные союзы и коалиции.

Все прочие «юрты», что возникли на развалинах Золотой Орды, управлялись сюзеренами из разветвленного клана Чингисидов. Не принадлежа к этому клану, главы мангытов-ногаев не смели претендовать на ханское звание. В принципе был еще один путь к утверждению монархического статуса – создание сверхдержавы, удачные войны, которые заставили бы соседей признать за ногайскими правителями любой угодный ногаям ранг. Судя по некоторым отголоскам в источниках, такая попытка была предпринята в Ногайской Орде в конце 30-х годов XVI в. Разгромив и убив крымского хана на западе, казахского хана на востоке, ногаи сочли себя вправе сформировать у себя пирамиду власти, аналогичную структурам управления в побежденных ханствах. Бий Саид-Ахмед в грамоте Ивану IV объявил о своем намерении заступить на место хана; тут же были объявлены наследник престола-калга и главный военачальник-беклярибек (Трепавлов 1993б: 47–49). Как нам уже известно, никто в сопредельных державах этих притязаний не признал: глава Орды так и остался «великим князем», а не ханом. Улубии были вынуждены смириться с этим. Впрочем, административный аппарат сохранился, но ногаям пришлось изобрести собственную номинацию должностей; ведь они не образовали легитимного ханства и официально не имели права учреждать администрацию, присущую ханству. И европейские наблюдатели на протяжении XVI в. отмечали отсутствие государства у ногаев (Герберштейн 1988: 179; Штаден 1925: 61), как бы игнорируя управленческие возможности улубия.

Усилия обзавестись ханским венцом сопровождались попытками идеологического обоснования власти. Реликты поисков легитимности сохранились в одном из вариантов дестана «Эдиге», записанном Г.Ананьевым в прошлом веке. Когда сын Эдиге Нурадил (исторический Нур ад-Дин) убил хана Тохтамыша и стал сам править подданными, те принялись судачить: происхождения-де Тохтамыша было от Чингисхана, а Нурадил «не из этого племени». Новый властитель отозвался так: «Я от рождения верил и признавал единого Бога; сам Бог мне всюду покровительствовал; читал я много священных наших книг. А что я не из рода Чингизхана, то это меня ничуть не унижает, ибо я из племени славного турецкого богатыря Хочамат Бабатукла». Народ, выслушав эту речь, успокоился (Ананьев 1900: 12). В соответствии с многочисленными ногайскими родословными, Ходжа Ахмед Баба-Туклес – это не богатырь, а мусульманский проповедник, потомок праведного халифа Абу-Бекра. Таким образом, потомки Эдиге возвели себя (конечно, искусственно) к соратнику Пророка и тем самым обрели законность правления. Военные и политические успехи (покровительство Аллаха – см. слова Нурадила) обеспечили им необходимую харизму. Кажется, это оказалось довольно действенным идеологическим фактором, поскольку за всю историю Ногайской Орды не было ни единого случая, чтобы чужеродная знать посягнула на властные полномочия Едигеевичей.

Указанная религиозно-идеологическая комбинация подняла престиж мангытских династов в глазах собственных подданных, но не добавила веса за рубежом. Вымышленное происхождение от Абу-Бекра все равно не давало оснований для занятия ханского трона. Ведь улубий не представлял собой самостоятельного государя – этот пост должен был дароваться от вышестоящего правителя. И именно так получали свои звания мангыто-ногайские бии в XV и начале XVI в. Когда Саид-Ахмед и его преемник Шейх-Мамай превратились в настоящих гегемонов Восточной Евразии, практика посторонней инвеституры улубия угасла и ногаи сами выбирали себе «великого князя». Но поскольку последний все же не стал ханом, то и церемония его возведения, очевидно, мало напоминала коронацию. В источниках не сохранилось описания подробностей данного ритуала. Есть лишь некоторые сведения о принципе «вокняжения»: «А выбирали на нагаиское княжение мурзы меж себя сами по степени и по болшеству, и садились на княженье в Нагаах» (РГАДА 1641 г. 5: 27). С начала XVII в. была восстановлена санкция иноземного государя на «княжение»: русский царь своей грамотой подтверждал избрание нового бия мирзами, а астраханские воеводы разработали торжественный церемониал введения

его в должность. В 1600 г. новоизбранному Иштереку вместе со старейшими мирзами было предложено приехать в Астрахань для вручения жалованных грамот из Москвы. По прибытии ногаи узнали, что им предстоит совершить действие самого настоящего воцарения – поднятия на ханство. Воеводы придумали, чтобы мирзы подняли Иштерек на войлоке, подобно тому, как провозглашали ханов – Чингисидов в независимых кочевых державах – Золотой Орде, татарских ханствах. Мирзы задумались: «А того де они не ведали, что ево Иштерек мурзу, на княженье поднять на епанче... И из давних де лет николи того не бывало». Однако, посовещавшись целый день, согласились, и улубий впервые в ногайской истории был «поднят на епанче» (РГАДА 1641 г. 5: 32–33). Следующий и последний бий, Канай, в 1622 г. воспринял этот акт уже без всяких возражений (РГАДА 1623 г. 1: 101–102).

Тюркские и славянские правители осознавали силу Ногайской Орды и до начала XVII в. не стремились посягнуть на авторитет ее лидеров. В пределах своих кочевий улубий осуществлял административные функции, присущие любому самостоятельному кочевому правителю. Он после совета со знатью объявлял ежегодные маршруты кочевий, указывал места для поселения подвластным илям (племенным общинам), подтверждал наследственные права мирз на подданных, «улусных людей» (Жалмыков и др. 1988: 34; Кочекаев 1988: 43; Поноженко, Асанов 1993: 119; РГАДА 5: 220 об.). Традиционно за ним оставалась обязанность верховного военачальника, ведь прежде улубий (беклярибек) состоял главой вооруженных сил ханства. Правда, у ногаев в ходе оформления административной системы появился свой аналог военачальника – беклярибека – нурадин, глава правого крыла. На бие, кроме того, лежала обязанность обеспечивать своему народу безбедное существование или хотя бы доступ к обогащению. Евразийские кочевники нередко добивались этого набегами на оседлых соседей. Ногаи же чаще использовали мирные средства – меновую торговлю и взимание традиционных периодических платежей, «мангытских доходов», которые поступали к ним из Казанского и Астраханского ханств и, возможно, из Сибирского юрта.

Попав в зависимость от России, руководители Орды все более полагались на «государево жалованье» – деньги и подарки из Москвы. Умение бия организовать приток подобных доходов служило одним из критериев его компетентности. И не раз бывало, что ногайский лидер просил царя, дьяков и воевод не отправлять дары мирзам в обход его, бия, чтобы «я бы из рук своих то твое царское жалованье братье своей и племянником, и детем роздал», поскольку «они все у мене казны просят, а у меня казны нет, и дати им нечево. И в том мне бывает вели-

кий сором» (РГАДА 1617 г. 3: 11–12). Но и при жесткой финансовой зависимости от России существовал предел, за который даже марионеточный бий XVII в. переступить не мог. Функция раздачи внутриордынских привилегий являлась принципиальной. В 1630 г. до улубия Каная дошел слух, будто некий ногаец Атей получил тарханство (освобождение от налогов) из рук русского государя. Канай тут же известил Михаила Федоровича, что подобное положение несовместимо с его, Каная, рангом – «и толко, государь тот человек (тарханом – В.Т.) станетца, и моему княженью быть нелзе» (РГАДА 1630 г. 3: 19–20, 59).

Как видим, функции улубия не отличались от обычного набора прерогатив кочевого владетеля, как бы тот ни титуловался. Не отличался оригинальностью и порядок преемственности высшего поста у ногаев. В одной из своих работ мы отмечали несоответствие между официально признанным порядком престолонаследия в Монгольской империи (родовое старшинство) и фактически осуществлявшимся (тенденция к династийному правлению) (Трепавлов 1993а: 102–111). Та же коллизия, видимо, имела место и в Ногайской Орде. Формально считалось, что улубий избирался «по степени и по болшеству» (т.е. старшинству). Претенденты на «вокняжение» в качестве основного выдвигали тезис «я старше всех» (см. например: Ананьев 1900: 23; РГАДА 1604 г. 3: 16; 1640 г. 11: 3). А на деле каждый бий стремился закрепить власть за своими сыновьями.

В непосредственном содержании улубия и под его прямым управлением находился его личный удел, который, по воспоминаниям Каная, состоял из четырех улусов: «Сеит, Хозя, Базар, Сараичук» (РГАДА 1623 г. 3: 15). Изредка упоминаются «базарские люди», «базарники» (например, у Исмаила в 1652 г.: они «в улусах моих оприченная казна моя» [РГАДА 2: 12; 6: 84 об.]). Видимо, речь идет о населении орду-базара – кочевой (летней) ставке. «Сеит» – возможно, какой-то кочевой аналог вакуфных земель, находившихся под покровительством улубия. «Хоза» (ходжа) пока не находит объяснения из-за единичного упоминания.

Центральный двор представлял собой совокупность нескольких чиновных магистратов с канцеляриями, занимавшихся в основном финансовыми вопросами (подробно см.: Поноженко 1976: 71–72; 1977: 94–95; 1987: 37). Но к началу XVII в., при распаде Орды, биям пришлось полагаться только на ближайших родственников и нескольких писцов; все остальные инстанции исчезли в ходе смут.

Теперь вернемся к характеристикам правления ногайского лидера, которые были перечислены в начале статьи, и попытаемся определить его принадлежность к какому-либо типу социальной организации. Титулатура правителя при всех восточных цветистостях оставалась на

уровне ниже ханского, т.е. монархического. Номинально улубий являлся первым среди беков – военной и родовой знати Дешт-и Кипчака. Все окрестные владыки, в том числе и российские после венчания на царство Ивана IV, имели более высокий ранг, а управляемые ими владения – соответственно более высокую таксономическую категорию. Ханства были государствами, Мангытский юрт оставался «Ордой» – предгосударственным образованием с рядом признаков государства. Этими факторами определялось и соотношение с соседними сюзеренами. Легитимность статуса бия в среде мангыто-ногайской аристократии базировалась лишь на добровольном согласии мирз подчиниться предводителю. Никаких законных средств заставить их выполнять свою волю у предводителя ногаев не находилось. Улубий был вынужден изыскивать ненасильственные приемы, которые могли бы утвердить его власть. Прежде всего это нединастийное обоснование прав на «княжение» – возведение происхождения клана не к общепризнанному родоначальнику монархов Чингисхану, а к первому халифу.

Следовательно, и в данном отношении глава Ногайской Орды не может быть уподоблен правителям сопредельных государств. Однако его функции в целом совпадали с таковыми у ханов. Бий возглавлял армию, собирал ясак, распределял военную добычу и иностранные подношения между мирзами; формально он считался главой всего народа и представлял его в переговорах с чужеземными посольствами. Комплекс прерогатив свидетельствует о вполне сформировавшемся институте центральной администрации, хотя и, конечно, довольно примитивном, во многом сконцентрированном в персоне улубия. Некоторой опорой его власти служило автономное имущественное положение – наличие собственного удела и подданных. Именно семейная экономическая база давала возможность и соблазн почти каждому бию пытаться изменить традиционный кочевой порядок престолонаследия – с родового на династийный. Однако неразвитость социальных отношений и периодические смуты не позволили утвердиться династии у ногаев.

Развитие институтов управления в Ногайской Орде происходило крайне противоречиво. Достигнув апогея к середине XVI в., административная структурированность Орды вошла в стадию кризиса, начала уменьшаться и упрощаться. В соответствии с «ногайской альтернативой» исторического развития (Трепавлов 1995) изменилось и положение улубия. На вершине политического могущества ногайской державы Саид-Ахмед и Шейх-Мамай уже могут расцениваться как монархи, хотя и никем не признанные. Во 2-й и 3-й четвертях XVI в. Ногайская Орда приобрела ряд черт раннего государства. Однако по мере ее распада объем власти центральных органов все сужался и, к исходу второ-

го десятилетия XVII в., сошел на нет. В условиях политического и экономического коллапса улубии оказывались не способными ни отстаивать статус, приобретенный их предками (не говоря уже о его повышении), ни осуществлять свои традиционные функции. Очевидно, бий мангытов не смог преодолеть границы, отделяющей вождя от царя. Провозглашение каждого очередного улубия уже не воспринималось как просто смена родового старейшины, но не обрело и престижа, присущего коронации. Глава Ногайской Орды так и остался суперчифом, сверхвождем – иногда могущественным, но никогда не почитаемым, без полноценного аппарата власти, без четкой системы ее передачи, с искусственным и малоубедительным ее обоснованием.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев Г. 1900. Караногойские исторические предания // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. 27. Тифлис: 1–58.
- Ахметзянов М.И. 1991. *Татарские шежере*. Казань: Тат. кн. изд.
- Бартольд В.В. 1968. *Сочинения*. М.: Наука. Т. 5.
- Богоявленский С.К., Рябинин И.С. (отв. ред.) 1915. *Акты времени междуцарствования*. М.: Моск. ун-т.
- Буганов В.И. (отв. ред.) 1984. *Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1508 гг.* М.: Ин-т истории СССР.
- Вельямнов-Зернов В.В. 1864. *Исследование о касимовских царях и царевичах*. СПб: Русское археологическое общество. Ч. 2.
- Герберштейн С. 1988. *Записки о Московии*. М.: Моск. ун-т.
- Ибрагимов С.К. (отв. ред.) 1969. *Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв.* Алма-Ата: Наука.
- Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. 1988. *Ногайцы: историко-этнографический очерк*. Черкесск: Ставроп. кн. изд.
- Карпов Г.Ф. (отв. ред.) 1884. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией*. СПб: Русское историческое общество. Т. 1.
- Кочеев Б.-А. Б. 1988. *Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв.* Алма-Ата: Наука.
- Кузеев Р.Г. 1960. *Башкирские шежере*. Уфа: Башк. кн. изд.
- Курбский А.М. 1914. *Сочинения*. СПб: Археографическая комиссия.
- ПСРЛ (Полное собрание русских летописей) 1897. СПб: Археографическая комиссия. Т. 11.
- ПСРЛ 1903. СПб: Археографическая комиссия. Т. 19.
- ПСРЛ 1911. СПб: Археографическая комиссия. Т. 22.
- ПСРЛ 1994. М.: Наука. Т. 39.
- Поноженко Е.А. 1976. Маслагатный суд и судебный процесс у ногайцев в XVII–XIX вв. // *Вестник Московского университета*. Сер. 12: Право. № 3: 70–77.
- Поноженко Е.А. 1977. Общественный строй ногайцев в XV – середине XVII вв. // *Вестник Московского университета*. Сер. 12: Право. № 4: 92–96.
- Поноженко Е.А. 1987. Политический строй ногайцев в XV – середине XVII вв. // *Известия Академии наук Туркменской ССР*. Сер. обществ. наук. № 6: 33–41.
- Поноженко Е.А., Асанов А.М. 1993. Регламентация пастбищного землепользования у средневековых ногайцев // *Половецкая луна* 1–2/5–6: 116–125.

- РГАДА (Российский государственный архив древних актов, Москва)
- Приселков М.Д. 1950. *Троицкая летопись*. М.; Л.: Изд. АН СССР.
- Султанов Т.И. 1982. *Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв.* М.: Наука.
- Трепавлов В.В. 1993а. *Государственный строй Монгольской империи XIII в.* М.: Наука.
- Трепавлов В.В. 1993б. Нурадины Ногайской Орды // *Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды* / Отв. ред. А.М.Аджиев, С.Г.Агаджанов и др. Махачкала: 45–61.
- Трепавлов В.В. 1994. Россия и кочевые степи: Проблема восточных заимствований в российской государственности // *Восток*. № 2: 49–62.
- Трепавлов В.В. 1995. Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Отв. ред. Н.Н.Крадин, В.А.Лынша. Владивосток: 199–208.
- Усманов М.А. 1972. *Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.* Казань: Изд. Казан. ун-та.
- Штаден Г. 1925. *О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника*. Л.: М. и С. Сабашниковы.
- Aboul-Ghazi Behadour Khan 1871. *Histoire des mogols et des tatares*. Sanct Petersburg. Vol. 1.
- Bennigsen A. 1967. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569. *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 8. № 3: 427–446.
- Bennigsen A., Berindei M. 1980. Astrakhan et la politique des steppes nord pontiques (1587–1588) // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 3/4. № 1: 71–91.
- Bennigsen A., Lemercier-Quelquejey Ch. 1972. Le khahanat de Crimée au début du XVI^e siècle de la tradition mongole à la suzeraineté ottomane // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 13. № 3: 322–337.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. 1978. (Eds.). *The Early State*. The Hague-Paris-N. Y.: Mouton.
- Inalcik H. 1948 Osmanli-Rus rekabetinin mensei ve Don-Volga kanali tesebbusu (1569) // *Türk Tarih Kurumu Belleten*. Vol. 12. № 46: 349–402.
- Johnson A. W., Earle T. 1987. *The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford: Stanford University Press.
- Khazanov A.M. 1984. *Nomads and Outside World*. Cambridge: Cambridge University Press.

Научное издание

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПУТИ К ЦИВИЛИЗАЦИИ

Редактор *Е.В. Комарова*

Оформление *Д.Ю. Коночкина, М.Ю. Молчанова, С.С. Носова*

Компьютерная верстка *О.В. Андреевой*

ЛР № 071045 от 09.06.99

Подписано в печать 16.05.2000. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 23,0.

Тираж 2000. Заказ № 924

Издательская корпорация «Логос»
105318, Москва, Измайловское ш., 4

Отпечатано с готовых диапозитивов
Марийским полиграфическо-издательским комбинатом
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953 000

Гигиенический сертификат № 77.99.2.953.П.10163.4.00 от 05.04.2000 г.

*По вопросам приобретения литературы обращаться
по адресу: 105318, Москва, Измайловское шоссе, д. 4
Тел./факс: (095) 369-5668, 369-7727
Электронная почта: universitas@mail.ru
Пейджер: (095) 956-1956 (аб.55-032)*



